

А. Буцманов

*Купра
ногва*

С. нежноое сердце

В и так-то непростой жизни следователя по уголовным делам Романа Павловича Птачека происходят крутые, прямо-таки судьбоносные изменения. Половина их накликана спецификой службы, вторая же — его собственной виной. И если бы всё это были лишь бандиты, преступники и всякие там желающие ему самого худшего негодяи... Ах! Как легко тогда было бы! К сожал... К сча... В общем Фортуна тут заготовила нечто совершенно особенное. Наблюдайте — и радуйтесь, что не являетесь прямыми свидетелями!

Интерлюдия

Пять лет назад тут были лишь серые, влажные от конденсата и вечно покрытые плесенью стены. Низкий каменный мешок, тёмный и глухой. Но так было тогда, когда он только купил это место — подвал в тихом старом районе города. Мужичок, некогда владевший этой бетонной, скрытой на двадцать метров под землёй коробкой сильно спешил и продал её почти вполцены. Он переезжал в другой город и не желал задерживаться. Большой удачей оказалось и то, что соседний бокс оказался совсем заброшенным. По спискам не составило труда найти владельца — совсем ещё молодого парня, которому его завещал дедушка. Старик хранил там всякое старьё, особенно много снастей, удочек, сетей и больших самодельных поплавков из пенопласта. Внуку всё это оказалось ни к чему, к тому же, когда в его дверь постучал незнакомец и предложил подвал выкупить, руки парню уже жгла повестка в армию, также зажёгшая в другом его месте острое желание перед «зелёнкой» погулять.

Второй подавал удалось купить лишь чуть дороже, чем первый. Снова удача.

Дальше было уже нечто посложнее — куча тяжёлой грязной работы, втрое более сложной от того, что её пришлось делать тайно, строго по ночам и с оглядкой на нежелательных очевидцев. Сначала оба подвала просто превратились в пустые боксы. Потом стали единым помещением с одной фальшивой, заложённой кирпичами с внутренней стороны дверью. За два месяца упорного труда пол, потолок и стены тщательно вычистились, покрасились, загерметизировались, обложились изолятором и покрылись деревянными лакированными планками, как в хорошей бане. Особое внимание уделено калитке. Старый ржавый лист был сменён на настоящую бронированную дверь со скрытыми петлями и замком тройного контроля, которую если взломать и можно, то только при помощи взрывчатки — чтобы стену рядом пробить, дверь-то устоит... За первой также появился «предбанник» со второй дверью — узенький тёмный коридор в квадратный метр, куда человек попадает, делая первый шаг. У второй двери, столь же надёжной, как и первая, секрет — она открывается, только если закрылась другая; если же попробовать всё-таки отворить её просто так — блокирует замочные шесты и выходит из строя, переставая реагировать на любые действия. На этот случай запасного варианта не имеется, открыть её можно будет только изнутри.

Вонючее и тёмное, через усердный труд помещение превратилось в светлое и приятное. И очень надёжное.

Вдоль стен встали ящики с инструментами; сверху донизу в чёткой последовательности от самого простого до самого сложного. Снизу камеры, микрофоны, микроэлектроника, лучевые ловушки, машинки по быстрому вскрытию простых замков. Набор всевозможных сторожевых датчиков... Выше ломики и лобзики, механические отмычки, аэрозольные смеси экстремально низкой температуры, с невидимой на простом свете кляксой... Даже несмыаемые, хотя им за всё время применения так и не нашлось.

Эта куча полезностей на полочках у одной стены... А напротив у другой, в специальных, закрытых ещё и на кодовые замки металлических отсеках лежит оружие. Дожидаются, когда к ним прикоснутся, две струнные удавки, два чёрных пистолета МР446 «викинг», два пистолета-пулемёта АЕК918Г; два ножа, две связки по шесть гранат «Ф1», ещё две связки шумосветовых «Заря». Как шутка рядом с этим грозным арсеналом покоиться

шестизарядный, выточенный неизвестным слесарем-самородком под патрон 9x19 револьвер, покрытый чёрной краской «тайга», с деревянной, вырезанной из чурбана ручкой и специальным большим ушком для верёвки, которое пришлось спилить, чтобы не мешало.

В дальнем от этого месте, в таком же секретном, но гораздо более меньшем хранятся поддельные бумаги: паспорт, водительские права, загранка. Ещё пачка банкнот сантиметра в три толщиной, ещё один «викинг» и две обоймы к нему, плюс коробочка патронов 9x19. Это запас на всякий случай; точнее на тот, если его тайна будет раскрыта и иного пути кроме бегства не останется.

Но сегодня ОН пришёл сюда не проверять инструменты и не брать что-то для дела. ОН пришёл сюда кое-что добавить...

Третья стена напоминает уголок спортивно-охотничьего клуба, куда вешают головы зверей. Правда из всех возможных зверей туда попадают трофеи только с одного — с человека. Прямоходящей разумной обезьяны. Самого опасного в природе хищника.

На стене красуется широченное полотно, покрытое красным бархатом. Окаймляет его резная золочёная дощечка. Бархат с идеальной симметрией утыкан маленькими, размером с мизинец штырями. А на штырях...

Золотых колец штук двадцать. Все обручальные, снятые с безымянных пальцев. Чуть больше десяти колец с самоцветами — агаты, рубины, изумруды. Просто алмазы... Мужские и женские золотые и серебряные цепочки с символами и простые, не религиозные, с затейливыми украшениями. Серёжки самой разной цены. Некоторые сняты с очень богатых женщин, но в основном все обычные. Вот эти, например, круглые и без узоров, сняты со студентки-медика, приехавшей на учёбу из другого города.

Отдельно на специальной табуреточке возведён самодельный, как он назвал это, «ёж»: прут с круглым, удобным для установки основанием и кучей продолговатых ответвлений — особый постамент для лёгкой одежды, опять же взятой в качестве трофеев. В основном это шарфы, пара шляп, несколько галстуков и один особенно красивый вышивной носовой платок, на котором, ярко выделяясь на белом, алеет неровное пятнышко.

Доска, постамент, и ещё кое — что возле: манекен. Безлицый, бесполой, он одет как на карнавал — яркая оранжевая рубашка, два пиджака, по несколько наручных часов на каждой руке, восхитительное кольцо с сапфирами и поверх платиновая цепочка со звездой Давида. Если смотреть на неё глазами простого человека, то эта куча выглядит ужасно, но если глазами охотника... У каждого предмета своя история, свой рассказ о том, кому он принадлежал и как был добыт. На многих вещах остались следы их прошлых владельцев — волоски, реснички, нитки с одежды, отпечатки... и кровь, конечно же.

ОН никогда не мыл трофеи. Как они попадают к нему в руки в таком виде и оказываются здесь. Это нестрашно, что следов так много и, если дело дойдёт до опознания, оно пройдёт молниеносно. Если кто-то проберётся в эту комнату и обнаружит ЭТО, то последнее, о чём стоит беспокоиться, насколько быстро всё идентифицируют.

Итак, он пришёл кое-что добавить...

Человек с шумом выдохнул — из носа вырвалось белёсое облачко. В это время года и в это время дня здесь холодно так, что даже если просто дышать, то из ноздрей парит. Спрятанные в перчатки пальцы нырнули в карман, через мгновение на чёрной, укрытой мехом и кожей ладони очутились две золотые запонки. Лучше всего брать в качестве трофеев украшения — они маленькие, но зачастую очень индивидуальные. Если взгляд упадёт на колечко или на серёжку, то в голове сразу всплывает образ человека. Разбуженные

воспоминания начинают приятно щекотать нервы...

Он поглядел на запонки внимательно, покрутил их, приблизил к лицу и сосредоточился, словно ювелир, взирающий через увеличительное стекло. Красивые, хотя и явно недорогие, без «довесков». Простое золото. Даже, может быть, с примесью... Мужчина, носивший их, работал в офисе простым клерком, с золотых блюд не ел и на работу добирался на автобусе. Возможно у него была любовница или подруга, но точно этого выяснить не удалось. Впрочем и без этого знания всё прошло идеально и новый трофей сверкает сейчас в ладони победителя!

Мужчина прошёл к манекену; немного подумав, он закрепил запонки на манжетах снятого когда-то с одного адвоката-пьяницы пиджака. Не совсем красиво, но одно к другому всё же подошло. Вот и прекрасно. Будет, что вспомнить...

Раздалось пиканье. Неприятное, с интервалами. Сигнал потребовал внимания и человек, поглощённый принадлежавшей жертве вещью, оторвался от созерцания с неохотой. Его губы с раздражением скривились, он потянулся за телефоном. Пальцы нащупали в кармане футляр, гаджет лёг на ладонь. Экран светится белым, там вправо-влево прыгает комичный будильник и «произносит» слова в виде облака над головой, как в комиксах.

«Восемь часов! Восемь часов! Скорая Славка выйдет на связь! Восемь часов! Восемь часов! Скоро Славка выйдет на связь!»

Мигом позабыв о любых трофеях человек нажал отбой и проверил время — и в самом деле восемь вечера! Телефон юркнул обратно. Шумно вздохнув и бегло оглядевшись хозяин тайной камеры резко развернулся и подступил к двери. В глазок кроме темноты, конечно же, ничего не видно, но ладно, всё равно вряд ли кто-то там сейчас прячется... Набрав на замке комбинацию (на случай, если кто-то всё-таки сможет пробраться внутрь; его ждёт ловушка в том, что он не сможет выбраться), человек отворил дверь и вышел в «коридор» ещё более узкий, чем люк на подводной лодке. С металлическим шумом закрылась внутренняя дверь. Подождав, пока глядел в глазок наружной, хозяин камеры отворил и её и вышел в безлюдный, низкий, серый и сырой общий коридор с уходящими вправо и влево пронумерованными калитками. Тусклый свет лампочек теряется за углами, приходится идти с фонарём. Иногда попадаются целые отсеки, не освещаемые уже, наверное, годами. Через них идёшь в сто раз внимательнее — что-нибудь так и норовит под ноги попасться: то кирпич, то лужа...

Носа коснулись струйки свежего воздуха. Человек прибавил шаг, ускорился, норовя поскорее из подвала выбраться. Впереди возникла широкая металлическая, когда-то крашенная дверь с огромным сварным шпингалетом, которым никто никогда не пользуется, ведь он закрывает дверь снутри — а зачем же так пакостить другим владельцам погребов?..

Ладонь в перчатке ухватила за служащую ручкой гнутую арматуру. Дверь пронзительно заскрипела, засопротивлялась. Всё же она поддалась и выпустила гостя в мир белой, как молоко, зимы! Снега по колени; от ветра этот обжигающий холодом пух сразу лезет в глаза и за воротник. Стужа в секунду ожгла кожу, ударила в лицо ледящим потоком и заставила жмуриться! Человек закрылся перчаткой и отвернулся. Почти не глядя он наощупь прикрыл дверь и пошёл по оставленным им же самим следам, что менее чем за час уже почти скрылись, заметаемые всё новыми и новыми снежинками.

Пока пробирался через сугробы, пускай и утопанные каждодневными проходами, вспотел аж до мокрых подмышек! В сознании так и всплывают часы, мысленно отсчитывающие каждую минуту, которую теперь он теряет здесь. Спина взмокла, взмокли и

ноги. Метель разыгралась не на шутку и ветер и кружащий снег скрывают любые очертания: прячут дома, прячут дорогу, прячут цвета и краски и перед глазами только сплошное белое, белое, белое.

Действуя с настырностью бульдозера человек всё же к примыкающим к подвалам домам пробрался. Дальше идти легче: по тротуарам снега всего на ладонь выше, чем по щиколотку — курорт в сравнении.

Добравшись до остановки и прыгнув в первый подходящий автобус человек в полной мере почувствовал, как он, пока шёл, всё-таки вспотел. Лоб мокрый, рубашка к телу так и липнет, в нос бьёт запах пота — противно...

Люди скучились, как килька в банке: тычут локтями в бока, жмутся, дышат в затылок. Забыв на мгновение о причине своей спешки человек пробежался взором по лицам, встретился с глазами, обращёнными и на него. Люди смотрят с вялым интересом, опускают лица и отворачиваются... некоторые же продолжают взирать в ответ, не стесняются. Мальчик, сидящий у мамы на коленях, вытянул ручонку и указал на него пальцем, улыбнулся. Человек легонько улыбнулся встречно и тут же мама мальчика руку убрала, зашептала ему на ухо что-то о приличиях и ребёнок больше не улыбался, только изредка поглядывал на стоящего рядом мужчину, но всё больше на улицу за стеклом.

Выпрыгнув на нужной остановке человек заспешил домой. Надо бы ещё зайти в магазин купить продуктов, но наплевать — всё потом. Главное — успеть СЕЙЧАС.

Занесённая чуть ли не по окна первого этажа многоэтажка поспешила распахнуть парадную. Лифт оказался занят и на его этаж, и так уже утомившиеся за вечер, человека понесли его ноги.

Никого по дороге не встретилось, лишь слабо горят бледные лампочки, да цветы на подоконниках клонятся ко сну.

Добежав до квартиры человек быстро щёлкнул замком и открыл. Всегда прилежно убранное и вычищенное, помещение приняло хозяина молчаливой пустотой. Наскоро сняв куртку, забросив шапку на крюк а ботинки на решётчатую полку владелец квадратных метров устремился в комнату с компьютером.

Системный фильтр сверкает красным глазом, из незакрытой форточки врывается и наполняет комнату морозом зимний ветер. Создаётся впечатление, что ты вошёл в большой холодильник.

Добежав сперва до системного блока человек нажал большую кнопку и только потом закрыл окошко. Комната нагрелась сразу. В ней потеплело, стало уютнее. Решив сходить, пока компьютер пробуждается, на кухню, по дороге человек потрогал батарею — и отдёргнул руку, как от раскалённой сковородки! Огненная!

Да, зима в этом году выдалась рекордно холодной. Стоит открыть форточку и там, где была Танзана, сразу становится Якутия. Вот и кочегарят котельные изо всех сил.

Чайник вскипел очень быстро, но хозяин квартиры всё же успел приготовить бутерброды с колбасой. На кухне, кстати, имеется секрет — нож для резки мяса: один единственный раз он был применён в деле и теперь занимает почётное место на подставке; почти всегда он берётся на выбор первым. Какая-то часть ума считает, что это всё-таки отвратительно, но другая говорит, что с таким образом ставшего охотничьим ножа кушать не зазорно: не в нечистотах ведь испачкал, в крови.

Забрав кофе и тарелку с бутербродами человек заторопился обратно. По дороге он прошёл мимо зала и ещё двух дверей. Квартира четырёхкомнатная, но как-то так вышло, что

среди всех он чаще всего бывает в «своей», как он сам её назвал, кабинетной комнате. Довольно часто он даже спит там, предпочитая старенькую софу перед компьютером широкой двуспальной кровати в спальне.

Компьютер давно зажётся и ждёт. На рабочем столе заставка с каким-то ну очень красивым старым замком. И обширный нетронутый лес вокруг. Иногда человек спрашивал себя — а смог бы он жить в таком месте? Безлюдном, тихом... Наверное нет: с его пристрастиями он никогда не остановится; охота так и будет звать и он обязательно сдастся, последует зову, а в малолюдных районах слишком легко оступиться и попасть под подозрения. Нет, в городе намного лучше; Тольятти даёт свободу действовать хоть каждый день и не быть пойманным — чего ещё желать?..

Курсор прыгнул к браузеру, всплыли окна с последнего захода — анонимный мессенджер и фильм с Леоновым «Тридцать три». Человек сосредоточился на мессенджере. Автоматически авторизовался личный кабинет с ником «Поэт», перед глазами всплыл список друзей, в котором одна только «Славка» и висит.

Славка «не в сети».

Надкусив бутерброд и став ме-е-едленно пережёвывать, человек минут пять сидел, просто глядя на её статус. Активности нет уже восемнадцать часов...

Решив не терять времени он ухватил мышку — курсор побежал к новому окну...

Славка появилась в сети.

Курсор замер... и улетел в дальний угол. На губах сидящего расцвела довольная улыбка... Возбуждённо вздохнув он зашёл в чат и написал:

— Привет. Я на месте.

Прошло ещё минут десять сосредоточенного наблюдения, прежде чем с той стороны начали писать. Внезапно обнаружив, что съел уже всё, человек привстал с намерением сбежать на кухню... но замер, так как ответ должен прийти вот уже сейчас... Пометавшись меж желанием поскорее прочитать, что она напишет и тем, чтобы наполнить тарелку, человек всё же выбрал второе и заспешил на кухню. Пока нарезал хлеб и прочее из комнаты донёсся «чпок» пришедшего сообщения.

Ухватив тарелку, а один бутерброд вообще зажав зубами, хозяин квартиры вернулся и обнаружил развёрнутое послание в несколько абзацев:

— Привет, Поэт!

Извини, сегодня пришлось задержаться, так как в школе русский перенесли на последний урок и у нас была контрольная, а училка, дура, ещё и задержала всех после звонка, пока все не дописали!

Сегодня такое случилось! Только представь себе!

Сегодня в столовой, пока все ели, один кретин назвал меня овцой! Представляешь?! Он, наверное, думал, что очень остроумно пошутил. Никто кроме него не смеялся. Я потребовала, чтобы он извинился, но он только ржал, как конь. Тогда я плюнула в его тарелку и сказала, что он прощён. Вот уж тут многие засмеялись, а он наоборот! Дурень даже хотел плюнуть в мою, но я пригрозила, что ткну ему вилкой в глаз. И он мне поверил. Попробовал бы не поверить! Как ты однажды говорил, да? Молодец среди овец или что-то такое. В общем! Я вот в этот момент почувствовала, что во мне есть что-то такое, знаешь... сильное. А вот в нём нет.

Пока читал, человек расправился с одним бутербродом и уже принялся за новый. В сознании его всплыла картина школьной столовой. Как наяву представилась описанная

сцена. Он ухмыльнулся.

— Умница! Так и надо, хвалю.

— Спасибо! Чем занимаешься?..

— Ужинаю. А вообще сегодня тоже задержался, еле домой успел. Вот только минут тридцать назад пришёл.

— Где пропадал?

Человек отстранился от клавиатуры и призадумался. За всё время общения со Славкой он ни разу не рассказывал о своей «деятельности», не выдал никаких секретов и даже ни на что ни разу не намекнул. Рассказать про тайную комнату — это просто *гигантский* шаг вперёд... Смертельный шаг, если за мессенджером, пусть и в самом деле анонимным, всё же кому-то да удастся установить контроль. Или если у Славки окажется слишком длинный язык.

Но каким-то, наверное, шестым чувством человек давно уже почувствовал, что Славка — это девочка совершенно особенная. По-настоящему не такая, как все. Чем-то она напоминает его самого в детстве...

— Я был в некоем особенном месте, о котором пока рассказать тебе не могу. Может я поведаю тебе о нём однажды, но не сейчас.

Написал и скривил губы: вот он и сделан — этот очередной маленький, но такой большой шаг...

— Не можешь? Ну ладно, тебе виднее. Я понимаю. Я тебе тоже многое не рассказываю.

Внезапно остро захотелось написать что-то нейтральное, но ободряющее. Как бы оправдываясь но в то же время и нет человек добавил:

— Умные люди всегда друг друга поймут. Поймут то, что им сказали, и то, о чём умолчали.

Вроде бы достаточно умно получилось... хотя в голове фраза в таком виде и возникла. Такая как бы косвенная похвала.

Славка перестала печатать. Она оставалась в сети, но минут десять сообщение висело непрочитанным. Наконец «отмёрзло», замерцал значок отписи.

— Поэт, а мы никак не могли бы общаться по телефону? Я имею ввиду по этой же самой проге, но без звонков? А то по компьютеру выходит совсем неудобно. Я рискую спалиться.

Человек невольно встревожился: если кто-то прочитает хоть что-то из этой переписки, то, заинтересовавшись, может попытаться проверить и весь чат. Обязательно найдётся способ изъять архив, который тоже наверняка ведётся... Ну, очень может вестись. Сам чат — это однодневка, все сообщения удаляются в течении суток, так заявлено в соглашении к пользованию. Однако бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт. Ну и, разумеется, с компа оставаться незамеченным гораздо легче, чем со смарта. Уж ему-то известно...

— Что, кто-то через плечо подглядывает?..

Ожидая ответ человек напрягся.

Снова тишина, тихое шелестение кулера и сип собственного дыхания. Две минуты тянутся, как десять. Славка молчит.

Вот, наконец-то!

— Нет. Просто, понимаешь, ведь это жутко неудобно с ноута переписываться. С телефона бы гораздо проще. И мне не пришлось бы ждать до дома, чтобы написать тебе. Я

могла бы делать это на уроках. Это было бы здорово!

Аж от сердца отлегло. ОН шумно выдохнул, провёл ладонью по лбу и пододвинул клавиатуру поближе.

— Славка, я тебя понимаю, но и ты пойми — мы с тобой промеж собой такое обсуждаем, что многим бы очень не понравилось. Подобное ежесекундно отслеживают, сеть на сто процентов saniруется на ключ-слова. С компа шифроваться гораздо проще. Просто следуй инструкции, которую я тебе дал, не отступай от неё и нам не придётся ждать, что нас схватят за... — Человек остановился; исправил, дополнил. — Поймают и предьявят. Нет, Славка. Безопасность прежде всего.

— Скучный ты. Всё у тебя по правилам. — Славка стала печатать бегло, с нажатием enter на каждой строке. — Я, когда мы только познакомились, подумала, что ты весёлый! А ты только и думаешь, что о безопасности((

Читая человек припомнил, как с месяц назад через фейковый аккаунт прокомментировал новость про убийство в комсомольском районе. Двое что-то не поделили на дороге: один схватил биту и забил другого до смерти, в то время как у того в машине на это смотрели жена и ребёнок... Человек постарался вспомнить свой коммент. Кажется: «Незнание правил дорожного движения убивает» или какая-то подобная же банальщина... Однако коммент лайкнула некая «Славка» и оставила к нему забористый подкоммент, что-то типа: «Очевидцы восхищены ловкостью пинчера!» И кучу смайлов в придачу.

Два очевидных психа наткнулись друг на друга...

— Для таких как я, Славка, безопасность прежде всего. Если я не буду осторожным, то я буду арестованным. И мёртвым.

Вот, написал как есть. А как ещё выразить?.. Человек откинулся в кресле, устало закинул ладони на затылок и потянулся, аж захрустело.

Поле ответа долго пустовало, но потом враз, словно напечатанная в секунду, возникла строчка:

— А что ты думаешь о сегодняшнем убийстве на Дзержинского? Там, где двоих порезали?

Человек с интересом почесал подбородок, курсор прыгнул к новому окну, на мониторе всплыли новости. Вот строка города. Та-а-ак... криминальные хроники...

«Пьяная поножовщина или грабёж?»

«Сегодня во втором часу дня в Автозаводском районе города Тольятти по улице Дзержинского дом тридцать один были обнаружены мёртвыми двое мужчин возрастом двадцать восемь и тридцать три года. Оба со множественными ножевыми ранами. Тела нашёл сосед, который обратил внимание на незапертую дверь квартиры. Пока известно, что убийство произошло сегодня утром и что в квартире сильный беспорядок. Соседи опрашиваются. Есть свидетели, как из дома выходил неизвестный»

И фотографии. Красочные, масштабные. Д-а-а, такое нечасто увидишь... Люди с запавшими глазами, бледные и будто худые. Смерть часто придаёт телу подчёркнутую худобу, особенно когда оно теряет много крови. Убитые лежат в черных лужах, у одного горло перерезано от уха до уха. Очень грубая работа.

Пожалуй, фотограф постарался на славу, однако можно спорить на что угодно, что через недолгое время фото поменяют. Кто-нибудь обязательно придерётся с цензурой, заставит выложить что-то помягче. Может быть — а такое случается часто — поставят кадры с другого, похожего дела, если фотограф не сделал на всякий случай парочку с

заваленным горизонтом...

Человек подумал, снова почесал подбородок, хмыкнул.

— Ну, это похоже на банальный грабёж. Как если бы у кого-то из этих двоих были деньги, но он пьёт и водит дружков домой; и у него есть сожительница, а у неё есть любовник, и они, сожительница и любовник, решили срезать эти самые деньги у надоевшего дурака. Попутно ещё им пришлось задеть кого-то лишнего.

Человек написал, прочёл, что написал, и с некоторым смущением добавил:

— Надеюсь, я пишу понятно?

Ответ прилетел в секунду:

— Да понятно, я не глупая) А снимки с места видел? Если да, то скажи — захватывающе?

— Да) — Стуча по клавишам человек искренне улыбнулся. — Фотограф вложил душу)) Только их поменяют: уж слишком они... как бы это выразиться... правдоподобные.

Допечатав он вернулся на окно новостей и рассмотрел изображения ещё раз, медленнее и вдумчивее.

— И мне нравятся! Я тут представляла, как действовала бы, если бы мне пришлось убить двоих таких же. Наверное это непросто...

Человек уже собрался отписать что-то в ответ... да призадумался. Закусив большой палец он молча и не моргая прочёл всё, что Славка написала с начала, потом ещё раз последнее. Подушечки зависли над клавиатурой... и только через долгое мгновение нехотя ожили. Каждая клавиша стала вдавливаться с такой осторожностью, словно нажатие может спровоцировать взрыв.

— Ну, это смотря как это делать... — Человек снова остановился, закусил губу. — Важно ещё, о чём идёт речь — о спонтанном убийстве или запланированном...

Повисла тишина. Комната показалась такой глухой, словно она в космосе: летит, огороженная вакуумом. И даже если рядом взорвётся звезда — её не будет слышно.

Ладони вспотели, лоб покрыла испарина. Пальцы с такой силой вцепились в подлокотники, что где-то там, в отдалении, в глубине сознания маленькое Я закричало от паники... Однако огромное, по-настоящему хищное сосредоточение подчинило себе чувства и сидящий замер, ожидая ответа, как замирает крокодил в ожидании газели.

Что-то Славка не спешит... Может она сейчас там, на другом конце провода так же сосредоточена, обдумывает вопрос и формулирует ответ... а может быть, она отошла... а может быть она отвлеклась на какой-нибудь пустяк и вся эта нахлынувшая на него серьёзность зря...

— Ну, по-моему, здесь о подготовленном убийстве и речи идти не может. — Славка напечатала, подождала, будто обдумывая, потом медленно, останавливаясь на каждом слове продолжила: — Наверное тут всё, как ты выразился, спотанно произошло.*Спонтанно.

Человек снова искренне ухмыльнулся, ободрился.

— Ну, это смотря, кто планирует и кто исполняет! Это убийство могло быть спланировано, пусть на то и непохоже. Я даже так скажу: пока перед судом не встанет человек, на котором повиснут железобетонные доказательства вины, говорить, ловко всё было провёрнуто или нет — преждевременно. В любом злодеянии и особенно в убийстве ловкость измеряется не только лишь умением не оставлять следов.

— А чём же ещё?..

Вопрос этот возбудил интерес настолько, что человек застрочил, потеряв всякую

мнительность:

— Делать всё бесшумно, тихо, без улик — это, конечно, красиво. Но иногда это не самый лучший способ уйти от системы. Иногда самое лучшее — это кого-то подставить. Видишь ли, Славка, полицейским, следователям, оперативникам — им к любому преступлению необходим виновный. Нет виновного — нет раскрытия. Есть виновный — есть хороший отчёт. Смекаешь?

— Смекаю)

— Так иногда и делают. Чикаешь кого-нибудь, кого хочешь, но сначала следы к другому оставляешь. Косвенные, лёгкие. А один какой-нибудь тяжёлый, увесистый. Дело расследуется; опер распутывает клубок и у него сначала складывается картина неполная, но зато та, которая нужна тебе. Потом, если ты всё сделал правильно, он сам по ниточке дополняет рисунок и вдруг, найдя твою последнюю большую подсказку, понимает, кто преступник) Тот, на кого укажешь ты, конечно же)

Закончив человек с хрустом выгнул пальцы и стал перечитывать написанное. Губы его засияли улыбкой... потом она немного увяла... потом ещё... в конце от неё не осталось и следа.

Он написал лишнего. Очень много! Непозволительно увлёкся!

— Поэт... А ты сам убивал кого-нибудь? Я имею ввиду людей...

Вопрос замёрз. Человек не захотел отвечать. Пропало всякое желание касаться клавиатуры, но вот другое резко возникло — удалить все следы, исчезнуть, испариться как «Поэт» и больше в чужом поле зрения не возникать никогда! До добра болтливость ещё никого не доводила.

— Поэт, ты чего молчишь?..

Человек замер в нерешительности. Пальцы уже тянутся выйти из мессенджера, разум требует решительно действовать. Уходить! Исчезать! Защищаться тайной! Только тайна есть единственная *настоящая* защита, все остальные — ложные. Никто не может убить, навредить, причинить ущерб тому, о ком не знает, кого не видит, кого нет...

...Только вот среди пересохших губ, вспотевших ладоней и курсора, уже готового кликнуть на крестик в углу экрана, всё же пробивается иной голос. Сердце хочет верить! Сердцу одиноко; ему жаждется дружбы, понимания, одобрения... Но оно так наивно!

Что ж делать-то?..

— Поэт... — Славка остановилась будто в нерешительности. — Если я спросила лишнего, так ты прости. Не напрягайся. Мне любопытно такое, конечно. Я думаю, что нам обоим это любопытно, иначе мы бы не познакомились. Мы общаемся друг с другом не зная ни настоящих имён, ни возрастов. Не зная ничего. Мы знаем только, что с нами обоими всё не так, как с другими. Мы иные, мы с гнильцой.

Я лично не такая, как все. Я это понимаю. Не знаю, нормально ли понимать такое в моём возрасте, но я понимаю. Может быть я повзрослела раньше, как это говорят в фильмах, но для меня это очевидно. Кто-то сказал бы, что я испорченная. Я могу добавить, что в моём случае это слово надо писать с большой буквы. Испорченная. Даже так — ИСПОРЧЕННАЯ.

Я уже приняла себя. Я чувствую, что не исправлюсь. По-другому мне никогда не будет комфортно. Уверена, многим было бы не по себе от того, что мы с тобой обсуждаем. Ты только вспомни! Мы перемыли кости, наверное, половине безумцев, которых поймали за последний век. Мы обсудили множество убийств, когда убийцы не были найдены. Мы рассуждали про заказные убийства, про теракты, про психов, которые отрезают головы

детям и гуляют с ними по улицам.

Знаешь, если бы мои родители... если бы они всё ещё были вместе... увидели хотя бы десятую часть, о чём мы с тобой переписываемся — они бы, наверное, поседели. Мать бы психанула, а отец... даже и думать не хочется что бы он сделал... Или у них у обоих сразу прихватило бы сердце, я уверена.

Мне всегда было интересно твоё мнение. По любому поводу, по любой истории ты высказываешься так... не знаю, как это сказать... авторитетно?.. Да, наверное. Ты высказываешься так опытно и авторитетно, что у меня, если честно, дух захватывает! Я всё время думала, что ты либо болтун, каких мало, либо в самом деле... как бы... в теме.

Мы никогда не задавали друг другу личных вопросов. Но вот я сейчас задала...

Послание прервалось. Человек поймал себя на том, что его замерший над клавишей выхода указательный устал уже так, словно на нём висит гиря... а так же на мысли, что он жаждет продолжения, как задыхающийся жаждет воздуха.

Значок, что с другой стороны пишут, ожил. Человек волнительно сглотнул.

— Если тебе некомфортно, то ты не отвечай. Не отвечай, не надо, я пойму. Это уже лишнее. Это уже личное. Давай тогда просто ещё немного поболтаем. Хочешь? Просто немного ни к чему не обязывающего трёпа...

Новая заминка. Человек отчётливо, как наяву представил, как девушка с той стороны, если она в самом деле та, кем представилась, смотрит на клавиши и мучительно подбирает слова. Как на её лбу собираются складки, а губы шепчут, перечитывая. Пишет, стирает, снова пишет. Будто подбирает отмычку к замку.

— У меня нет другого такого знакомого, с которым я могла бы подобное обсудить. Не знаю, известно ли тебе это чувство — когда не с кем поделиться мыслью, когда нет родственной души. С тем, о чём мы с тобой говорим, я не пошла бы даже к лучшей подруге. Хотя у меня и подруг-то настоящих нет... Только с тобой я могу поболтать о своих настоящих интересах. О запретном. О порочном. Поболтать не опасаясь, что меня потащат в психушку или в полицию.

Поэт — ну чего ты молчишь?..

— Да, я убивал. — Пальцы человека набили это молниеносно, но вдруг замерли над ENTER... и всё-таки нажали. — Убивал. Я знаю, что такое лишать жизни, потому у меня и есть, чем поделиться. Только у меня вопрос.

— Какой?!

Написано это было быстрее, чем читающий успел моргнуть. Двигался и думал он всё ещё замедленно, нерешительно, но где-то в сердце он почувствовал, что его внутреннее Я один из двух путей уже выбрало; и что по-настоящему первый шаг по нему был сделан не сейчас, не вчера, и даже не неделю назад — он был свершён ещё когда он вообще решил с этой сумасшедшей... как и он... девчонкой пообщаться.

— Скажи... Неужели тебе и правда такое интересно?

— В смысле?

Человек облизал губы, сосредоточился на мысли.

— Неужели тебе и правда интересны подобные темы? Убийства, насилие. Кровь. Почему ты интересуешься этим?

Ответа пришлось подождать.

— Я могла бы спросить тебя о том же...

— Нет, ты должна ответить первая. — Человек почувствовал, что именно сейчас имеет

право требовать. — Если хочешь, чтобы я водился с тобой и дальше, то скажи. Это важно.

Снова заминка, на этот раз такая долгая, что владелец камеры секретов успел даже допить кофе, сходить на кухню и вернуться с новой, исходящей паром чашкой, а ответ всё ещё не пришёл.

Неужели перегнул? Нет, он должен знать. Обязан. Это кране важно. Почему?.. Просто чувство такое, что важно. Раньше было неважно, а нынче вот.

— Не знаю, как сформулировать... — Славка стала писать так медленно, словно потеряла на клавиатуре нужные буквы. — Не знаю, как ответить. И я не думаю, что мой ответ тебе понравится.

— Может быть и не понравится. Есть только один способ выяснить.

Тут человек на миг усомнился — не слишком ли давит?.. Нет, смягчать нельзя. Пусть выкладывает.

Снова молчание. Уже сердясь на эти заминки человек стал безжалостно набатывать:

— Тебе приходят образы? Ты тяготеешь вида крови? Что именно?! Ты возбуждаешься, глядя на мёртвых? На насилие? Может быть у тебя какие-то особые сны? Или голоса в голове? Или это просто твой дурацкий фетиш?..

Ответ прилетел молниеносно:

— Голоса в голове?! Что за чушь?!

— Тогда напиши сама! Не заставляй меня гадать!

Человек всего лишь писал и читал, но в голове у него это представлялось настоящей сценой — с возгласами, с мимикой, с бурными эмоциями!

Значок отписи вновь замерцал. Человек приготовился прочесть что-то типа: «Извини, ты меня достал. Не пиши мне больше». Этому он бы вовсе не удивился.

— Хорошо, Поэт, я постараюсь объяснить. Наберись, пожалуйста, терпения.

Заминка.

Человек скрестил руки на груди и похрустел позвонками, разминая шею.

— Понимаешь, моя жизнь — это такая дрянь, что я бы и врагу не пожелала. Я живу, словно в тюрьме для бесноватых. С одной стороны мне тяжело... однако с другой я уже к этому как-то привыкла, так что не знаю, могу ли я жаловаться, что устала...

Новое промедление.

— Поэт... Я всё время пребываю в такой ненависти, что просто не знаю как и ограничиваюсь. Руки так и тянутся сделать кому-нибудь больно! Эти мысли у меня давно. Уже около полугода я каждый день думаю о том, как могла бы кого-то убить. Взять и зарезать! И чтобы кровь повсюду! Я такое кое-где видела... Перерезать горло. Воткнуть нож в сердце!

Ненависть сжигает меня. Иногда, когда я нахожусь одна, когда уверена, что меня никто не видит, я хватаясь за голову и сжимаю её, потому что у меня чувство, что она может взорваться от бьющего изнутри потока злобы!

Новая заминка, уже заметно дольше. Человек следил за экраном не отрываясь.

— Я воображала, как совершу убийство. Как подкараулю кого-нибудь и прикончу. Ножом или молотком. При этом я очень чётко ощущала, что свершив такое, пусть даже меня бы поймали, я бы хоть на время почувствовала облегчение. Выдохнула бы. Не знаю, надолго ли, но мне бы стало легче. В этом я уверена.

Я ненавижу мир, ненавижу людей. Все кажутся мне врагами. Убила бы всех! ВСЕХ!

Наверное все эти разговоры с тобой — это, как бы знаешь, как кофе из цикория: замена

настоящему. Мы вот с тобой поговорили, обсудили в прошлый раз того идиота, которого поезд сбил. Я тебя послушала, посмотрела фотки с места — и мне сразу задышалось легче. Я представила, что это я его под поезд толкнула. Я даже улыбаться начала.

Ещё одна заминка. До-о-о-олгая. Ти-и-и-ихая. Человек ломал пальцы, кусал губу и ждал. Славка должна закончить чем-то важным. Он чувствовал.

— Я уже написала, что понимаю, что я ненормальная. Испорченная. Могу лишь гадать, что ты сам обо мне думаешь, но в каком-то лучшем смысле мне на это глубоко плевать. Я принимаю себя. Мнение остальных мне мимо. Ты спросил, почему мне интересны кровавости? Моя природа требует. Хочется мне. Интересно. А почему я с тобой всё это обсуждаю? Наверное чтобы не пойти и по-настоящему кого-нибудь не убить. Заменяю подлинное... слово есть такое... заменяю подлинное аналогом... или поддельным. Фантазирую. Обманываю себя.

Устала писать. Поэт, ты доволен моим ответом?..

Человек очнулся, как от сна. Его пальцы устремились к лицу, с силой растёрли виски. Напомнила о себе затёкшая спина, засиженные ноги. Не решаясь тратить время на перечтение он набил:

— Более чем. Ты правильно сделала, что рассказала. Данке)

Оторвав пальцы от клавиши он снова скрестил руки на груди и в задумчивости растёр подбородок. Он ощутил, что должен продолжить первым. В голову пришло очевидное.

— А могу я спросить, почему же твоя жизнь такая тяжёлая? Что в ней такого плохого?..

Славка замолчала. Прождав ответа минут пять человек поднялся налить свежего кофе, но в тот же миг прилетела строчка:

— Это из-за моего отца. Я ненавижу отца! Презираю его всей душой! Убил б, доведись возможность!

Человек сел обратно. Глубоко вздохнул и растёр переносицу.

— Из-за отца? А что с ним не так?..

— Абсолютно всё. Совершенно! Мой отец — это мразь последняя! Тварь, каких мало! Сволочь!

Слова полетели, как из пулемёта. Славка застрочила так спешно, что иногда нажимала на ENTER раньше, чем успевала дописывать:

— Это из-за него я так злюсь! Это из-за него я так всё и всех не терплю! Убила б! Убила б его не задумываясь! Своими бы руками уничтожила!.. Вот только как сделать этого не знаю. Не знаю, к сожалению. Но О Ч Е Н Ъ хочется!

И снова человек лишь читал, шевелил губами, перечитывал и от большой сосредоточенности забывал моргать. Однако внутри... Этот разговор представлялся ему, как настоящий, словно он девчонку слышит! Следит за ней! Смотрит на её лицо и видит, как она ярится!

Вот она нахмурилась, вот хлестнула рукой на грозной фразе, а вот с треском ударила кулаком! Ему это очень понравилось и он написал прежде, чем успел обдумать:

— А давай тогда его убьём! Давай твоего отца прикончим!

И, как и в прошлый раз, написав и прочитав тут же схватился за голову — куда он лезет?!

— А давай! — Славка не ждала с ответом ни секунды. — Я лично с огромным удовольствием! Как угодно! Где угодно! В любое время!

...

— Поэт, ты это серьёзно?..

Человек выпустил из зубов нервно закусанный левый указательный. Чувствуя, что дороги назад нет, он написал:

— Да, совершенно. А ты... слышала про маньяка, которого у нас в городе всё поймать никак не могут?

...

...

— Да. Не из новостей, но я слышала...

— Неважно. В новостях многого не показывают. Если бы по телевизору демонстрировали всё, что хотя-бы за день в Тольятти случается, люди бы подумали, что они живут в настоящем библейском аду.

Обдумывая, что дальше, человек нахмурился.

— Короче, я тебе помогу; но ты расскажи главное — кто твой отец? Что он из себя представляет?

— Мой отец — это гад последний! Урод! Он бросил мою мать и завёл себе любовницу! Ненавижу их! Ненавижу их обоих! Эту суку тоже сама бы убила с удовольствием! Её ненавижу, наверное, даже больше!

— Нет. — Человек поморщился. — Мне нужны конкретные подробности, а не твои гневные эмоции. Хотя... — Он опустил взгляд, сжал губы... и кивнул своим мыслям. — Нет, не надо. Не здесь. Не сейчас. Лучше завтра. Ты же учишься во вторую смену, да?

— Ага. К половине восьмого должна быть уже свободна. А что?..

— Завтра вечером я тебя встречу. — Человек писал с железной уверенностью, что с ним согласятся. Глаза его загорелись, как у волка, завидевшего лань. — Я встречу тебя сразу после школы и мы познакомимся по-настоящему. Мы познакомимся и я докажу тебе, что то, чего ты так хочешь, ты можешь получить. Я помогу тебе.

Написав, он возбуждённо вздохнул и откинулся. Взгляд его не отрывался от окошка чата. Вспотевшие ладони проехали по брюкам и легли на подлокотники. Человек замер, как цветок-мухолов, неподвижный и будто бы безобидный...

Когда глаза уже заболели от сосредоточенного взглядывания, а в спине появилось неприятная застойность, в колонке чата возникло:

— Назначай время и место.

На пепелище

От духоты хоть на стену лезь, а лучше беги на речку и кидайся в воду с головой, прямо так, не раздеваясь. Как назло ещё в эту по абсолютно любым меркам экстремальную жару сломался кондиционер, а ремонтник, приглашённый на починку, лишь развёл руками. Устанавливайте, мол, новый, а этому кирдык...

Отвлёкшись от разложенных на столе фотографий мужчина взял салфетку, недовольно вытер со лба капли и отправил мокрую, словно окунутую в лужу бумажку в корзину.

На вид не старше тридцати пяти, хотя ещё совсем недавно отмечал с друзьями четвёртый юбилей. Широкий, высокий лоб и короткая стрижка чёрных, как уголь, волос. Тёмные, чуть светлые брови и серые, с оттенком синевы, умные спокойные глаза. Если они смотрят на тебя, то создаётся впечатление, что про тебя что-то такое знают... Немалый, но всё-таки не уродующий лицо нос, из-за которого его обладателя могли бы звать в детстве «баклажаном», если бы тот уж слишком больно не бил. Нос не маленький, но он абсолютно соответствует челюсти — широкой, выдвинутой, волевой. Подбородок выбрит чуть ли не до зеркального блеска. Ударишь по такому — точно пальцы отобьёшь. И губы. Чётко очерченные, но не яркие, они обладают своей постоянной формой — лёгкий намёк на улыбку. Именно намёк, не более. Их обладатель ничего для этого не делает. Он даже, когда в отражение смотрит, этого не замечает, но окружающие этот намёк видят и думают, что их знакомый всегда чуть-чуть ухмыляется.

Птачек Роман Павлович, следователь по уголовным преступлениям отдела ОВД по ГУМВД Самары недовольно вздохнул. Точно этой жары и сломанного кондиционера мало, так в управление сегодня ещё должен заявится какой-то генерал юстиции. Приедет он чай попить со «стариком» или с проверкой — оно не ясно, да только всё управление ходит застёгнутым на все пуговицы. И так-то обделённые прохладой люди теперь ещё и шарашат резким запахом пота и тёмными пятнами на подмышках!

Отправив в корзину вторую бумажку Роман снова взглянул на снимки. Сделанные на месте преступления, они разложены в строгом порядке от неважных к существенным.

Вот лежит на асфальте красная, с высоким каблуком туфля. Как она здесь оказалась? Вот рядом с телом колыхается шляпка убитой — её по всей видимости уносило ветром и на снимке её держит камушек. Вот распотрошённая сумка — её явно схватили за доньшко и спешно вытряхивали, что выпадет. С собой почему-то не забрали. А вот тело: женщина лет тридцати с небольшим, с ярко накрашенными красными губами, с чётко обозначенной косметикой, с некогда уложенными, но сейчас, на фото, совершенно растрёпанными волосами... и с невидящими, обращёнными в никуда глазами.

Роман много раз видел такие. Уже очень давно они перестали вызывать в нём хоть какие-то чувства, кроме понятного только не многим желания преступника поймать и посадить. А убивают людей каждый день. Живучи на погосте по всем не наплачешься.

С усилием почесав макушку капитан Птачек недовольно фотки от себя распихал, водрузил локти на стол и устало уронил лоб на ладони. Снимки эти — мусор, можно хоть сейчас выбрасывать. Ничего на них толкового нет. Хуже того — ничего путёвого нет и в самом деле. Ни свидетелей, ни камер наблюдения, пусть хотя бы даже отдалённых от места преступления. Нет капель крови. Нет следов обуви. Даже ниточку от одежды никто не обронил. НИЧЕГО. И венец — женщина эта, как оказалось, приезжая. Погулять приехала

Самару посмотреть. Туристка, что значит — без местных связей. Не ищи завистливых подруг, ревнивых мужей, должников и заимодавцев. Не найдёшь.

Иногда Романа злил собственный подход к делу. Чёртов перфекционизм! Ну вот кому он полезен, кроме начальства?! Уж точно не ему самому! Вот Обжигалов Серёга — дуб дубом! Ни одного дела самостоятельно не раскрыл! Всё за него дознаватели и опера работают, а больше всего — его собственные товарищи. Всё подсказывают, чуть ли не за руку водят. Смешно сказать — у Серёги стажёр лучше, чем сам он работает!

Одно только Серёга делать умеет — анекдоты смешно рассказывать.

И что же? А то — Обжигалову *никогда* не поручают сложных дел, *никогда* не кидают на самую трудную, бесперспективную работу. Знают, что не справится. Сто процентов. Без всяких «может быть».

А кто скажет с уверенностью — в самом ли деле Обжигалову лучше какую-нибудь шарашку сторожить, чем в уголковке работать? Или он просто прикидывается? Вот так запросто строит из себя чайника, когда надо. А когда не надо — умнейший человек?..

Роман устало вздохнул, снова взглянул на фотки. Может и ему начать троить? Зарплата не прибавится, но и не убавится ведь...

Нет, не сможет он. Не так воспитан. Себя хочется любить и уважать, а какое уважение, когда играешь дурака?.. Да и люди не поймут. Знают его уже все, изучили. Вот и подбрасывают глухарей. Авось капитан Птачек что-нибудь да и выхитрит...

Ладные мысли отказались приходиться напрочь. Плюнув в душе Роман поднялся и в два шага обогнул стол. Сунув руки в карманы он дошёл до двери, встал, глядя на порог помедлил... протянул ладонь и толкнул — дверь тихонечко открылась и показала точно такую-же дверь напротив. Не зная, почему он это делает, Роман вышел в коридор, вернул ладонь в карман и пошёл, куда глаза глядят.

Лица коснулся ласковый ветерок — это на этаже распахнуто окно. Кто-то всё-таки открыл, не выдержал. Почему запретили Роман не спрашивал — не интересно, а вот за сквозняк стал неизвестному благодарен. Тут главное рядом не оказаться, когда «старик» мимо пойдёт — сразу крайним окажешься!

Ноги сами, как в сказке про волшебные сапоги дошли до лестницы и побрели вниз. Наверх, страшно мокрый и вонючий, пробежал стажёр Минина. Обогнала на повороте, сверкая белозубой улыбкой, новый дознаватель Люба Скрытникова.

Второй этаж. Первый... Махнув дежурному Роман отодвинул на входе тяжёлую металлическую решётку и вышел на улицу.

И сразу в за день уже привыкшие к относительной кабинетной тишине уши ворвались шумы города! Рыки маршруток, обоюдные гудки разъезжающихся водил, очень громкий голос женщины, перекрикивающей кого-то во время телефонного разговора! Смех двух оперов, вышедших подымить.

Осматриваясь, Птачек вдруг заметил того, кому здесь быть категорически не полагается. В капитанских, как и у него, погонах, с ранней лысиной и хмурым, как у палача, взглядом, в неглаженных брюках и с брюшком, выдающем противника ЗОЖ, на углу управления пускает дым Озеров. Капитан Дмитрий Озеров. Старый знакомый.

— Дима?! — Роман подошёл и с удивлением вытаращил глаза. — Ты чего тут забыл?!

— Чего забыл-чего забыл... — Мужчина поднял глаза, протянул ладонь. — Да привет, ага... На работу вот вышел...

У человека, взявшегося за раз сжевать лимон, и то бы милее лицо выглядело. Роман аж

сам нахмурился.

— Ты ж вроде в отпуск ушёл? Ты ж к матери в деревню уехал? Разве нет?..

— Ой, Рома-Рома... — Озеров покачал головой, взгляд у него стал такой, будто смотрит на наивного. — Да я и в отпуск ушёл, и к матери уехал... Начальство вот новое напрягает! Хрен отдохнёшь с такими руководителями!

Опасаясь за лишние уши капитан Птачек бросил взгляд по сторонам, а особенно вверх, где может быть распахнута форточка и там всё очень даже хорошо слышно.

— Это форменное безобразие! — Озеров завёлся, аж покраснел. Видимо вопрос стал горстью пороха, брошенной на его тлеющее недовольство. — Я с нашей новой начальницы вообще обалдеваю! Чёртова Аннушка! И так с ней вечно, как на иглах — дня спокойного не пройдёт! — так она ещё и из отпуска меня отзывает! Как будто больше некого!

— Тише ты... Чего разбушевался?.. — Рома хлопнул Озерова по плечу. — Сейчас все государственные секреты выболтаешь! Пойдём лучше квасу выпьем. Вон на том углу хороший продают, я вчера покупал.

При этом капитан Птачек так завлекательно кивнул на перекрёсток с большой жёлтой бочкой, а солнце ещё так палит и жгёт беспощадными лучами, что у Озерова вмиг пересохло горло.

— Ну пойдём. — Он как-то враз успокоился, даже стал ниже ростом. — Только ты угощаешь! Я денег с собой не взял...

— Да конечно! Какой вопрос!? — Роман сгрёб друга за плечи и пошли они вместе бок о бок, как два закадычных кабачника. — Ну, рассказывай — чего тебя из отпуска-то дёрнули?..

До конца дня ничего умного в голову так и не пришло. Спрятав снимки в ящик Роман закрыл кабинет и отправился домой.

Старенький «форд» распахнул дверь перед хозяином. Когда уселся, у Романа возникло ощущение, что он преступил порог бани — горячий воздух шибанул в лицо, а спина и грудь мгновенно взмокли!

— Ох, бедненький... — Капитан Птачек погладил руль автомобиля, словно тот живой. — В следующий раз я тебя поставлю в тень. Обещаю.

Домой домчался без пробок, приятно быстро. Может это потому, что задержался на работе, стараясь всё же что-то выдумать... а может и потому, что на загруженных перекрёстках врубал мигалку.

Когда Роман переступил порог квартиры, понял, что дома все уже собрались и ждут только его.

— Пап! Ну ты чего запаздываешь? — В коридор выбежала Настя. — Я кушать хочу — уже умираю!

Длинные, и как и у отца чёрные волосы ниспадают по её плечам ниже груди, окаймляют белое, совершенно не загорелое лицо. Глаза серые с примесью синего — опять-таки отцовские. Никаких тебе веснушек, никаких родинок, одна белоснежная гладь кожи. Черты лица мягкие, плавные. Пожалуй, губы ещё отцовские, с намёком на улыбку, только больше и пышнее, по-женски красивые.

Капитан Птачек протянул руки и с силой обнял ойкнувшую дочку.

— Ну па-а-ап! — Настя сжалась, упёрлась в его грудь. — Ты колешься! Ой!

— Не надо мне тут. — Роман покрутил ладонью. — Я только вчера брился. Нечему там колотьяся.

— Ещё как есть чему! — Настя протестующе отстранилась. — Смотри! Всю щёку мне расцарапал!

И в самом деле она встала возле зеркала и принялась рассматривать себя. Повернулась лицо так и эдак, приблизилась к отражению.

— Мама на кухне?

Роман спросил просто так. Доносящиеся с кухни запах и шкварчание жареного, рождающее фантазии о чём-то золотистом, пузырящемся в масле на сковородочке не могут быть ни чем иным, кроме как работой жены.

— Ага.. — Полностью поглощённая собой Настя взгляделась в отражение внимательнее. — Она сегодня тоже на работе задержалась.

Насмотревшись, она бодро, как балерина, развернулась на носках и упорхала к себе в комнату. Роман разулся, снял пиджак, нагнулся и внимательно принялся к ногам. Ну нет. Так по дому ходить нельзя! И ботинки надо на балкон вытащить, чтобы проветрились.

Не став заходить на кухню он прошёл в спальню, а оттуда, раздевшись, сразу в ванную. Сначала включил тёплую воду, но потом, подумав, настроил самую холодную и не жалея себя яростно сполоснулся.

— Пап, ты скоро? — Настина голова вылезла из-за двери. — Мама уже почти всё!

— Иди лучше на кухне помоги. — Стоя на одной ноге, Роман тёр полотенцем вторую. — А ну как маме помощь нужна?..

Дочь в мгновение исчезла.

Вытершись, Роман посмотрелся в зеркало, сунул стопы в тапочки и поплёлся на выход... потом лишь заметил полотенце на плече, вернулся и кинул его обратно на крючок.

Запах с кухни плывёт соблазняющий, прямо требующий, чтобы туда немедленно заглянули. Слышен телевизор, идёт какая-то передача про женское здоровье. Сглотнув, Роман сперва хотел войти бодро... но задумался и решил не спешить. Ступая тихо, немного вразвалочку, он появился на кухне, как появляется туман — неслышно и чуть-чуть загадочно.

В жёлтом с рисунком утёнка переднике у плиты хлопочет жена. Волосы цвета горького шоколада завиваются ниже плеч. У неё худое, но не слишком, очень красивое модельное лицо. Тонкая лебединая шея и стройная фигура с выделяющимися острыми локтями и коленками. Ах, да — и ещё у неё прадедущка был дворянином. Там какая-то с ним связана мутная история, но главное — да, действительно был. И Таня, хоть почти никогда об этом не говорит, но даже когда спит, вид у неё такой, будто она помнит об этом, и соответствующе держит себя.

Татьяна обернулась, кинула взгляд на мужа... и продолжила хлопотать.

— Уже скоро. — Она подняла крышку сковородки, откуда тут же столбом запарило. — Потерпи ещё пять минут.

Роман осмотрел женщину, мать своей дочери, ничуть с того далёкого теперь дня знакомства не поплохевшую. Оглядел её фигуру, задержал взгляд на попе... и приблизился.

— Ну чего ты делаешь?.. — Таня вывернулась из его рук очень ловко, с опытом. — Ты же видишь, что я готовлю!

— Да просто я люблю тебя! — Роман попытался поцеловать жену в шею, но и это не получилось. — Могу я жену свою любить? Или не могу?..

Таня не ответила, лишь сосредоточилась на духовке, в которой, судя по запаху, томится курица. Роман еле слышно вздохнул и уселся за стол, прямо под телевизором, вещающим с подставки на стене.

Минут пять они занимались каждый своим — Таня колдовала с едой, Роман терпеливо переносил подробности о менструальном периоде, о менопаузе и что-то про ВКО. Они молчали.

— Ма-а-ам! Ну скоро там?! — В дверном проёме возникла Настя. — У меня уже скорос кит в животе запоёт!

— Наберись терпения. — Таня открыла духовку, надела варежки и потянула поднос с курицей на себя. — И сходи уже помой руки. Что-то я не видела, чтобы ты делала это.

С громким вздохом дочь исчезла, но вскоре вернулась и уселась за стол, сверкая влажными и белыми, пахнущими мылом пальчиками.

— Так, народ, посторонись... — Таня стала переносить посуду с яствами на стол. Воздух в кухне сразу стал жарче, а запахи заманчивее. — Рома, помоги мне поставить. Ага, спасибо.

В две минуты стол нагрузился кушаньем. Прожаренная до золотистой корочки картошка кусочками. Запечённая в фольге курица, к которой руки так и тянутся — но осторожно! Обожжётся! Салат из помидор и огурцов со сметаной. Укроп и лук порей. Салат из рубленых варёных яиц со спаржей в майонезе. Корейская морковка в отдельной мисочке: в этом доме с женской стороны к ней отношение особое.

Таня разложила еду по тарелкам, каждому столько, сколько съест. Настя попросила себе второй кусок курицы, но после категорического отказа спорить не решилась.

Отложив лопатку и ложку Таня отвернулась и стала неспешно стягивать передник. Узелок сзади застрял и не развязывается. Заметив намерение мужа встать и помочь, она сделала шаг в сторону и помотала головой.

— Я сама.

Пока передник снимался, вешался на крючок, пока Таня мыла руки к еде никто не притронулся. Настя хотела было взяться за вилку, но под неодобрительным взглядом отца остановилась.

— Ну что... — Таня отодвинула стул и села. Её тонкие пальцы оправили домашнее платье. — Давайте кушать. Все приятного аппетита.

— Приятного! — Настя сразу же впилась в мясо, как не сделал бы этого даже голодный волк!

— Приятного... — Роман поглядел на жену внимательно, но нашёл лишь взгляд, опущенный в тарелку.

Телевизор продолжил вещать, только к голосу о молочнице добавилось звяканье приборов и посуды.

Вкусно! Как же всё вкусно! Хоть и настороженный поведением жены, Роман всё же с удовольствием погрузился во вкус. Картошка хрустит, курица истекает соком, салат из спаржи и яиц не отпускает, каждый раз велит попробовать ещё.

— Как дела в школе? — Таня подняла взгляд на дочь. — И что там с математикой?..

— Но-мально... — Настя жуёт и через набитый рот её голос исказился. — С математикой нормально. Математичка говорит, что тройку можно исправить на четвёрку.

— И-и-и? — Таня перестала жевать. — Ты исправишь?..

— Ну ма-а-ам! — Настя недовольно закатила глаза. — Неужели и за едой мы об этом будет разговаривать?!

— Будем. — Таня всадила нож в курицу с таким лицом, с каким рыцари некогда втыкали копыя в сарацин. — Вот перестанешь тройки с двойками домой приносить, тогда

перестанем.

Настя умоляюще воззрилась на отца.

— Милая — а как прошёл день у тебя? Настя сказала, что ты задержалась...

Роман перестал жевать, даже вилку отложил, словно уже наелся.

— Нормально прошёл. — Таня снова спрятала взгляд в тарелке. — Пришлось съездить в одно место, в которое вчера не успела. Не забивай голову. Пустяки.

Роман почувствовал, как у него до хруста сжимаются челюсти. Краем глаза он заметил, как на это обратила внимание и дочь.

— Дорогая... — Он сделал паузу и проглотил комок в горле. — Если это пустяки... То что-же тогда НЕ пустяки?..

Татьяна ковырялась в птице будто и не намеревалась отвечать. Роман терпеливо ждал. Настя жевала всё медленнее, её взволнованный взгляд запрыгал между матерью и отцом.

— Ну, милый... НЕ пустяков хватает... — Таня впервые подняла на мужа глаза. — Например вот тебе первый Не пустяк. Неделю назад мы должны были уехать на отдых. Сейчас бы уже лежали и загорали бы на каком-нибудь солнечном пляже... но вместо этого мы сидим здесь и смотрим телевизор.

— Танечка... Ну я же уже извинялся... — Роман постарался говорить как можно мягче. — Меня на службе не отпустили, ты же знаешь. Я-то же был не против. Вы ведь могли поехать с Настей и без меня!

— И что бы это тогда была за поездка?.. — Татьяна закусила картошкой, её взгляд пронзил мужа, как шпага. — Что это тогда был бы за семейный отдых?.. На отдых семьями ездят, а не кто как попало.

Она яростно прожевала, будто картошка вздумала сопротивляться.

— Рома... Ты понимаешь, чего мне стоило выбить отпуск летом?.. А?.. Ты понимаешь, насколько это чертовски не просто?..

Настя совсем притихла, кушает тише мыши. На родителей уже не смотрит, только в тарелку.

— Ну, могу представить... — С каменным лицом, на котором, однако, щёки уже наливаются нехорошим румянцем, Роман снова взялся за прибор. — Я всё-таки тоже, как-никак, работаю...

— Служишь, как ты любишь уточнять...

— Служу. — Роман кивнул. — У нас служат, не работают. Тут ты права.

Продолжили есть. В молчании, прерываемом трескотнёй телевизора, посуда и приборы зазвякали с такой силой, словно это картошка, это курица, это вилка и тарелка виноваты, что что-то не ладится! Недовольно вздохнув Роман поднялся и выключил телевизор. Жена и дочь старательно не обратили на это внимания.

— Ну, дорогая, чего же ты замолчала?.. — Роман уселся с показательно вежливым видом. — Может наберутся ещё какие-то мои косяки?..

— Пап! — Настя хлопнула по столу, вилка в её кулаке громко звякнула! — Хотя бы ты не обострай!

— Нет-нет, доченька, пускай. Почему нет?.. — Таня с важным видом подняла взгляд, а через мгновение снова его опустила. — Пускай спрашивает. Отчего же не ответить?..

— Мам! — Настя развернулась уже к ней. Её белоснежное лицо забагровело на глазах, как и у отца.

— Ну и какие же? — Роман подцепил вилкой спаржу в майонезе. — Ты говори,

Танечка, говори. Я тебя с удовольствием послушаю.

Настя закатила глаза и громко, артистично вздохнула, от чего грудь её заметно вздыбилась и опала.

— Ну, раз уж сам спрашиваешь... — Таня продолжала глядеть в тарелку. — Как насчёт того, что ты слишком уж часто задерживаешься на работе? Что-то раньше такого не было...

— О-о-о... — Роман сделал лицо картинно трагичным. — Прости, что не извиняюсь за это каждый раз. Прости дорогая, что так много работаю.

— Служишь...

— Служу. — Роман опять с готовностью кинул. — Да вот, приходится. В мире мы в таком живём, что у следователя всегда работы хватает. Убийства всякие, грабежи... Приходится всю эту кучу-малу кому-то разгребать. Мне то есть...

Настя совсем престала кушать: теперь она заводила вилкой по тарелке и уставилась в одну точку.

— А я и не про работу говорю... — Таня акцентированно подняла брови.

— А про что?

— Ты знаешь, про что...

Ответ Романа бахнул резко и кусаче, как хлыст:

— Нет, не знаю! Просвети!

— По-моему это ты должен нас о таком просвещать...

— Просвещать о чём?.. — Теперь брови поднялись уже у Романа. Голос его ожёг едкостью на грани злобы. — Татьяна, прекрати плести словесные кружева. Это жутко раздражает! Скажи прямо, что ты имеешь ввиду. Ну так, хотя бы разок, ради разнообразия... Если ты конечно сама это знаешь!

Собственный тон Роману не понравился, но уже ничего он поделать не смог — слова сами вышли такими колючими.

— Прекратите! — Настя резко хлопнула по столешнице обеими ладонями. — Прекратите это немедленно! Я не желаю вас слушать! Не желаю! Хватит!

Татьяна продолжила есть как ни в чём не бывало. Роман скривил губы, сам опустил взгляд... и глубоко вздохнул.

— Прости, доченька. — Он протянул руку и положил свою широкую ладонь поверх тонкой и нежной дочкиной. — Прости, дорогая. Нам с мамой не следует ругаться. Хотя бы при тебе.

На мгновение Татьяна подняла глаза полные холода... но снова опустила.

— Ну а что мы всё о нас да о нас? — Роман натянуто улыбнулся. — Что — у тебя, кроме как о математике, и рассказать-то больше не о чём?..

Настя помолчала, будто обдумывая, потом подняла глаза к потолку, зажмурилась и устало вздохнула.

— Да я не настаиваю. — Роман широко пожал плечами. — Если секрет — так секрет...

— Да не о чём и рассказывать. — Дочь, наконец, снова принялась за еду. — Про учёбу скучно всё, не интересно. Двоек новых нет у меня, можете не переживать.

— Двоек?.. — Татьяна посмотрела на неё скривившись, словно как-то неприлично ослышалась.

Не обращая внимания на жену Роман спросил:

— А про что не скучно?..

Настя вновь закатила глаза, однако её губы вдруг растянулись в несмелой улыбке, будто

только что и не было всей этой ругани. Переведя взгляд на отца она, заметно стесняясь, вышептала:

— Ну... про...

— Только не надо вот про это вот здесь! — Взгляд Тани стал полон претензии. — Только не за столом, ладно?! Я и так этого за шестнадцать лет уже наслушалась! С меня хватит!

— Ма-а-ам... — Настя склонила голову и поглядела на мать с укоризной. — Ну чего ты, а?.. Чего ты там наслушалась? Мне вот, например, очень даже интересно...

— Ты про работу что ли про мою? — Роман невольно улыбнулся. — Про неё опять?

— Ну а про что ещё она может говорить в этом доме?! — Наконец-то Татьяна взглянула на мужа прямо и очень даже выразительно. — Прожужжал ей все мозги! Сам мент и дочь ментом сделать хочешь!

Роман гаркнул так, что, наверное, услышали и на улице:

— Цыц! — Его кулак с гулким бахом заставил тарелки подпрыгнуть! — Не смей хамить! Что ты себе позволяешь?!

Дочь и жена воззрились с испугом! Глаза Романа налились кровью, кулаки сжались, а желваки на щеках натянулись так, словно под кожей не мускулы, а корабельные тросы!

Будто только того и ждала, Татьяна отложила вилку, встала из-за стола и подчёркнуто выпрямила спину.

— Всем спасибо. — Она посмотрела на мужа, потом перевела взгляд на дочь. — Я уже сыта. Я ухожу.

Вышла из кухни она глядя строго перед собой. Её шаги стихли в коридоре. Роман застыл. Его взгляд остался на том месте, где только что жена сидела. Кулаки он всё ещё сжимал, но краснота, вспыхнувшая на щеках, потихонечку стала отступать.

Настя посидела немного с опущенным взглядом, потом пожала плечами и снова взялась за приборы.

— Вот и поужинали... — Ела она медленно, цепляла только самые мелкие кусочки. — Пап, — она обратила лицо к отцу, — ну неужели нельзя было без этого обойтись?..

Роман оттаял и только теперь почувствовал, как дико сжимал кулаки: в пальцах и ладонях ноющая боль, на коже краснеют вмятины от ногтей.

— Прости, доченька... — Он устало, очень устало вздохнул и поёрзал на стуле. — Что-то у нас с твоей мамой в последнее время совсем всё не ладиться... Извини, пожалуйста, за всё это...

С минуту они ковырялись в тарелках молча. Из зала побежал скорый говор телевизора. Таня включила какое-то шоу по Первому и прибавила громкости заметно побольше.

— Если честно, пап... — Настя покосилась на отца лукаво, зашептала вполголоса, — мне тебя винить не в чем. Ты же и вправду на работе задерживаешься. Верно?..

Роман поглядел на дочь, как не поглядел бы и на инопланетянина.

— И ты туда же?..

— Нет! — Настя поспешно замотала головой. — Нет! Что ты! Я тебе верю! Только вот мама... Она говорит, что у тебя кто-то появился... Это бред, конечно, я понимаю! Ещё раз говорю — я тебе верю...

— Тьфу на вас на всех! — Роман темпераментно отвернулся; подождал, разглядывая цветы на подоконнике... потом снова взглянул на дочь. — Настя... Даже не всерьёз, даже в шутку о таком не говори. Семья для меня всегда на первом месте. И пусть меня убьёт током,

если это не так!

При последних словах Роман скорчил жуткую рожу и дочь не выдержала, хохотнула!

— Ты вот тоже время нашла... — Он покачал головой. — В самом деле — зачем про мою службу за столом спрашивать? Знаешь же, как мама реагирует...

Сделав лицо бесстрастным, Настя ответила тоном настоящего профессора:

— У мамы нервы слабые. А у меня нет. И у тебя тоже нет.

— Ну и что? — Роман и сам напустил на себя вид учёного. — Это ведь не значит, что её можно игнорировать. Человеку, Настенька, который хочет служить в полиции, а тем более не где-нибудь, а непосредственно по уголовщине — ему понимать людскую психологию *жизненно* необходимо. Смекаешь?..

Отец говорит очень серьёзно, но вот его губы... его губы, как всегда, намекают на улыбку. Настя ответила не сразу.

— Я ещё не решила, чем именно хочу заняться. Может в следователи пойду, а может и в судмедэксперты... — Почувствовав, что больше не голодна, она отодвинула тарелку. — Я пока думаю.

— Ну, следователи и судмедэксперты — это, конечно, одного поля ягоды, но всё-таки сильно разные. — Роман взглянул дочери прямо в глаза и чем-то напомнил ей преподавателя в школе. — Следователи — это такие юристы с пистолетами, а судмедэксперты — это патологоанатомы, только с бóльшими правами и обязанностями. И у обоих ответственность знаешь, какая? — Роман со значимостью помотал головой и звучно присвистнул. — Ой-йой-йой! Это дело, доченька, не для каждого...

— С этим спорить глупо... — Настя сохраняла вид бесстрастный, отстранённый... Но вдруг её губы растянулись в задорной ухмылке, а глаза смешливо блеснули. — Но так ведь и я — не кто попало, верно?! Дочь мента, как ни как!

Челюсть Романа отвисла. Он еле удержал её, правда, потеряв дар речи.

— А, извини! Полицейского! — Настя говорила с неприкрытой фальшью. — Полицейского, прости! Ну па-а-ап... Чего ты так на меня смотришь?..

— А то и смотрю... — Роман покачал головой уже подчёркнуто неодобрительно. — Вымыть бы тебе рот с мылом... Ты это слово на букву М забудь. И не произноси его никогда.

— Хорошо! — Неожиданно энергично Настя приподнялась и звонко чмокнула его в щёку! — Не буду!

Роман подумал, что и она сейчас уйдёт, но дочь осталась. Более к приборам не притрагиваясь она продолжила сидеть и смотреть на родителя.

— Что-то взгляд у тебя какой-то лукавый... — Роман присмотрелся к дочери внимательнее. — Это связано с-с-с?..

— Ну па-а-а-ап! — Настя картинно изумилась. — Мы про что с тобой только что говорили?! Ты же знаешь, что я хочу во фсинку поступать! И ты любишь о работе поболтать, я же знаю! Давай, выкладывай, что там у тебя новенького!

Роман взглянул на неё серьёзней, даже нахмурился, мрачно подвигал бровями... и тут же сдержанно ухмыльнулся.

— Всё-таки ты дочь своего отца. — Он опустил глаза и снова взялся за вилку. — Меня тоже с самого юношества криминальное привлекало. Не сказать, чтобы с детства, но лет в четырнадцать я уже точно знал, кем хочу стать.

— Пап! — Настя возмущённо откинулась назад. — Ты уже тысячу раз рассказывал, как в органы попал! Я про это уже слышала!

— Ладно-ладно. Будет тебе! — Роман отрезал и отправил в рот жирный, сочащийся кусок. Чьи руки приготовили его думать не хотелось. — У меня как раз на работе глухарь. Постучу-ка в д... Расскажу тебе сейчас, что там да как — может чего дельного ты и посоветуешь. А?..

Прожёвывая, он хитро стрельнул глазами в дочь, а та смотрела на него неотрывно, как голодный птенец на прилетевшего кормить родителя.

Враз став серьезнее самого Жукова, когда тот брал Берлин, Роман изложил суть дела, как сделал бы это в разговоре с настоящим спецом. Он описал всё: и место преступления, и жертву, и очевидный способ убийства и прочее. Ни разу не повторился, ни разу не отвлёкся и очень внимательно следил, как дочь слушает его, хотя и делал это искоса, стараясь не показать интереса.

— Ну, чего думаешь?.. — Уже по-настоящему наевшись, теперь и он тарелку отодвинул. — Есть ли какая мысль?..

Настя закинула ногу на ногу, упёрла локоть в стол и водрузила щёку на кулак. Взгляд её прикипел к стене, стал невидящим, задумчивым.

— Значит, свидетелей нет? — Не поворачивая головы, она глянула на отца одними глазами. — И камер у места убийства тоже?

— Нет. — Роман встал из-за стола, сгрёб все тарелки и понёс к раковине.

— Хм... — Дочь вытянула губы трубочкой. — И ты говоришь, что это похоже на ограбление?

— Есть признаки. — Не глядя на дочь, Роман кивнул. — Я бы даже сказал — девять к одному, что это так.

Зашумела полившаяся вода. Вспенилась губка. Роман с философским спокойствием принялся мыть всю посуду, после ужина ужасно жирную.

— Любопы-ы-ытно... Очень любопытно... — Настя всё буравила взглядом одну точку, словно где-то там, в ней, и кроется желанная разгадка. Роман же о деле уже и не думал. Завтра... Но он с истинным любопытством ждал, чем закончатся размышления дочери. — Весьма любопытно...

Прошло минут пятнадцать. Вся посуда помылась и спряталась в сушилку. Продукты вернулись в холодильник. Стол вытерся со всей тщательностью. Пока Роман водил мокрой тряпкой, он внимательнейше следил за дочерью, но та будто уснула, только глаза остались живыми, цепкими.

Закончив с помывкой и не найдя, чем ещё заняться, капитан Птачек вернулся за стол и стал ждать.

В коридоре прошаркали шаги. Глядя строго перед собой мимо кухни прошла Татьяна. Отворилась и закрылась туалетная дверь, зажурчала вода.

— Кажется это единственное... — Настя словно отмёрзла. — Да... Больше мне ничего в голову не приходит...

— Давай... — Роман скрестил пальцы на животе. — Я тебя внимательно слушаю...

Настя положила ладони на стол, как на парту, и развернулась к отцу всем корпусом.

— Если это ограбление, то то, что убийцы украли, они обязательно должны сбыть. Верно?

— Для того и грабят. — Роман важно кивнул. — Дальше...

— То, что украли, вам не известно, да? — Настя наклонилась над столом и приблизилась к отцовскому лицу. — И спросить пока не у кого, да?..

— Так точно...

— И телефон у жертвы отняли. Верно?

— Да. — Роман медленно и значительно моргнул. — Так и есть...

Внезапно Настя громко и быстро пробарабанила ладонями по столешнице, после чего разом обрушила их одновременно, чем создала громкий БУХ!

— Тогда единственное, что вам поможет — это соцсети!

Роману не понравился приёмчик, который дочка явно подсмотрела в каком-то кинце про уголовников, но вида не подал.

— Соцсети? — У него поднялась бровь.

— Да! — Настя залучилась довольством. — Ты же сказал, что жертва туристка, так? Наверняка она постоянно фоткалась! У неё должна была накопиться целая куча снимков! В этом платье, в том. С серёжками, с браслетами, с цепочкой на шее... Она должна была всё это опубликовать у себя на странице. Понимаешь?

До Романа вдруг дошло, что это и в самом деле может быть ниточка! На вопрос дочери он неловко кивнул, но сказать ничего не смог — слова точно смела река нахлынувших мыслей! Теперь в одну точку засмотрелся уже он, а Настя с удовольствием за ним наблюдала. То, какое впечатление произвела её догадка на отца, польстило ей.

— Да, верно... И в самом деле... — Роман медленно покачал головой. — А там, кстати, и с родственниками свяжемся, поспрашиваем...

Открылась и закрылась дверь туалета. Мимо кухни, держа благородную осанку, прошла Татьяна. Украдкой, у самого угла она стрельнула глазками в супруга и дочь — и скрылась.

— Ну как? Не совсем ведь я бестолковая?! — Настя глядела на отца с откровенной жадной похвалы. — Круто я сообразила?!

— Ты всё-таки истинно моя дочь. — Роман поднялся, наклонился и поцеловал гордичку в нежную белую щёку. — Истинно дочь охотника.

Стоило только прийти в зал, как Татьяна тут же встала и пошла в спальню.

— Я очень устала. — На мужа она и не посмотрела. — Я сегодня лягу пораньше. Постарайся не шуметь.

Роман проводил жену взглядом вплоть до момента, когда толкаемая изнутри тонкой нежной рукой дверь спальни закрылась.

— Хорошо, родная, как скажешь! — Произнёс он погромче. — Постараюсь не шуметь!

Оставшийся вечер он смотрел старый боевик по Первому и иногда ругался на слишком частую рекламу. Настя заперлась в своей комнате и время от времени выходила на кухню и в туалет. Когда она появилась в коридоре с тарелкой конфет, Роман не выдержал:

— Доченька, а ты за фигуру не переживаешь?..

— Неа! — Настя не смутилась и даже шаг не замедлила. — Я же не всё съем. Я потихоньку. На завтра ещё останется!

Сказала и скрылась у себя. Роман хмыкнул. Конфеты кушать он и сам не прочь, только вот что-то любимый пояс перестал застёгиваться на привычную дырку и надо срочно с этим что-то делать. Точнее делать конкретное — не есть.

Когда фильм кончился на часах было уже половина первого. Засиделся, опять не выспится... Нажав красную кнопку на пульте, Роман встал, подошёл к выключателю и щёлкнул клавишей. Свет тут же погас. Ручку двери в спальню пришлось искать на ощупь. Глаза потихоньку привыкали и когда Роман переступил порог вещи уже виделись

отчётливей.

Наскоро сбросив одежду, Романа нащупал кровать и улёгся рядом с супругой. Потрявоженная, та громко вздохнула и даже вроде бы хотела что-то сказать — Роман ждал этого — но не сказала. Татьяна легла лицом к стене.

Взбив подушку, Роман положил ладони под голову и устало потянулся — в спине звонко захрустело. Всё, сейчас он наконец-то поспит...

— Рома... Нам надо поговорить...

Татьяна не шевелясь; она лежала на боку к мужу спиной.

— Я чувствовал, что что-то такое будет... — Видя с закрытыми глазами лишь темноту, Роман скривил губы. — Что — мы ещё не наговорились за вечер?..

Таня помолчала.

— Рома... Мы с тобой совершенно друг друга не понимаем. Мы как будто чужие. Я живу с тобой, словно с соседом...

Больших усилий Роману стоило НЕ хмыкнуть, выражая недовольство. Он решил слушать молча.

— Ты сам-то понимаешь, что между нами происходит?.. Мы отчуждаемся друг от друга. Мы... мы расходимся. Понимаешь?..

Таня говорила словно бы спокойно, но иногда вздрагивала и её голос заметно надрывался, будто она хотела сказать громче, но подавляла себя.

Роман молчал.

— Ты меня слышишь?

— Слышу...

— Ты совсем перестал уделять мне внимание. Ты целыми днями пропадаешь на службе. Да ещё и вечером, бывает, совсем поздно приходишь. И это уже годы длится. Годы, Рома...

Роман молчал, старался и дышать как можно тише... только чувствовал в груди какую-то неприятную, холодную, всё усугубляющуюся и всё нарастающую тяжесть.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?.. — Таня приподнялась на локте и оглянулась через плечо.

— Нет... — Роман продолжал лежать с закрытыми глазами, головы к жене не повернул. — Мне говорить нечего.

Таня замерла. Может она и хотела вымолвить что-то ещё... но, будто сдавшись, снова улеглась и затихла. Спустя минуты три мёртвого молчания донёсся её слабый голос:

— Рома, я так больше не могу... Не хочу... Пожалуйста уйди. Поспи сегодня на диване.

Желваки у Романа напряглись так, что вот уже сейчас послышится хруст... Подавляя в себе всё дурное, что рвётся наружу, прочь гоня злые слова и даже мысли Роман лишь глубоко вздохнул, встал и, оглянувшись напоследок на женщину, с которой живёт уже шестнадцать лет, вышел.

На следующий день их снова объединил ужин. Настя ушла к подруге и обещала вернуться к девяти.

Пока кушали ни Роман, ни Татьяна не проронили ни слова. Да и ужин — громко сказано: доедали оставшееся. Нарезали бутерброды и заварили чай. На мужа Татьяна не смотрела, всё скользила взглядом по столу, иногда по стенам — лишь бы не по супругу. Роман поглядывал в окно, там дворовые мальчишки гоняют мяч, и у одного так ловко получается...

— Я решила... — Татьяна нарушила молчание и тут же сконфуженно смолкла. Муж промолчал и это подтолкнуло её продолжить. — Рома... Мы должны расстаться.

Роман перестал жевать — кусок застрял в горле. Еле проглотив ставший вдруг колючим и противным ком, он громко кашлянул и с хрипом прочистил горло.

— Это почему же?..

К неудовольствию он услышал, как его собственный голос предательски дрогнул.

— Разве ты не видишь, к чему всё идёт? — Таня наконец на мужа посмотрела и вид у неё стал, как у приговорённой. — Наша семья распадается. Ты со своими интересами, я со своими... Ведь это уже давно ясно, Рома! Не говори, что ты об этом тоже не думал. Всё что нас связывает — это дочь...

Роман опустил глаза и замотал головой, словно не желая слушать.

— Нет... Разве только дочь?.. Да и разве дочери мало?..

— Ну вот, ты и сам сказал... — Таня бледно улыбнулась. — Ты и сам это осознаёшь, я вижу...

Роман взглянул на жену и снова отвёл глаза. Его вдруг поразила немота.

— Мы взрослые люди, Рома... И мы должны поступать, как взрослые люди. — Таня говорила спокойно и монотонно, как заученное. — Между нами уже давно ничего нет. Нет любви. Нет взаимопонимания. Мы даже сексом полгода уже не занимаемся... — Она остановилась, ожидая ответа, но муж будто стал камнем. — По-моему всё с нами ясно... — Таня тяжело, по-настоящему тяжело вздохнула. — Так дальше продолжаться не может. Мы должны разойтись.

Мысли Романа закружились хороводом, представали перед его взором и предлагали, что можно ответить. Вот так можно сказать... И вот так можно... И вот ещё какой довод можно привести... Но нет, всё пустое. Если уж человек решил... А самое главное — Таня права, они больше не любят друг друга. Нет, в самом деле не любят. Уж не так, как в начале. Только по привычке они живут вместе, только из-за ребёнка ведут совместный быт, только из-за нежелания перемен не расстаются. Только лишь...

Ладно, пускай развод! К чёрту всё! Пускай! Однако есть нечто, что волнует, и волнует по-настоящему — до закусанных в кровь губ, до бессонницы, до головной боли.

С кем останется дочь?..

Роман выпрямился и посмотрел на жену так честно и прямо, как смог.

— Это твоё окончательное решение?..

Таня ответила не сразу. На её красивое белое лицо пала тень.

— Рома... Это должно быть НАШЕ окончательное решение...

Пальцы Романа сжались и разжались. Опять сжались... Лицо его побледнело и весь он вдруг стал как-то замученнее и худее, словно уже неделю не ест.

— Вечно ты от ответственности бежишь. — Роман взглянул на жену недобро. — Ты и рожать не хотела. И замуж, наверное, тоже не думала...

Он встал, поправил одежду, выпрямил осанку и с хрустом разомнул шею. Тело мучительно затребовало разрядки, движения; жутко желается что-то сделать, сомкнуть на чём-нибудь пальцы...

— Ладно, будь по-твоему... — Роман говорил с тем отвратительным чувством, будто что-то теряешь, будто отнимают дорогое, а ты не в силах помешать. — Только Насте сама сообщишь. Я в зал, скоро моя любимая передача будет. Сегодня твоя очередь мыть посуду.

Глядя куда угодно, лишь бы не на жену, он вышел.

Сказать Насте в тот же день Татьяна так и не решилась, а Роман промолчал из принципа. Не решилась она и завтра, и послезавтра. Лишь в выходные, когда муж спал на диване уже четвёртый день, Таня дождалась, когда все будут дома и попросила Настю зайти в зал.

Поняв, чего супруга хочет, Роман выключил телевизор, закинул ногу на ногу и скрестил ладони на колене. Почувствовал он себя отвратительно, будто голый под дождём и холодным ветром; ещё и помоями облили...

— Мамуля?.. — Настя зашла и взглянула на мать. Держалась она настороженно. — Что такое?..

— Доченька, нам надо поговорить. — Таня указала на свободное кресло. — Отвлекись, пожалуйста, от всего несущественного. Разговор пойдёт серьёзный.

Роман поймал на себе взволнованный, прямо-таки испуганный дочкин взгляд. Не зная, как себя вести лучше, он кивнул ей и Настя нерешительно, но послушно села, куда указали.

— Как я уже сказала разговор пойдёт серьёзный... — Таня говорила тихо, но чётко, не сбиваясь, будто заранее репетировала. — У нас с папой есть для тебя очень непростая новость...

Встревоженный взгляд Насти метнулся меж отцом и матерью, с её лица пропал любой намёк на радость. Татьяна оглянулась на мужа, но тот помогать не спешит. Желая решить вопрос одним ударом она произнесла:

— Настя... Мы с твоим папой разводимся.

Роман следил за дочерью, и когда прозвучали эти слова, он понял, что именно их-то она и ждала... и боялась услышать. Настя сделала резкое движение встать! Оперлась о подлокотник... замерла с видом, будто увидела приведение... и так же быстро рухнула, точно от слабости, словно птица, у которой сломались крылья!

— Мама... Папа... — Она слабо шептала, её глаза стали большими и обиженными. — Вы чего... — И вдруг она взорвалась: — Да вы чего?! С ума что ли сошли?! — Теперь она вскочила, будто ужаленная; голос её зазвенел истерией. — Вы чего делаете?! Папа! О чём это мама говорит?! Ты её слышишь?!

— Доченька... — Татьяна протянула руки, её ладони заходили вверх-вниз, призывая к спокойствию. — Настенька, не кричи. Мы с твоим папой уже всё обсудили. Это вопрос решённый...

И снова Татьяна перевела взгляд на супруга. Отмолчаться стало невозможно.

— Настенька... — Роман говорил с большим трудом, в горле у него словно бы нож застрял. — Доченька... Мама права. Ты успокойся, пожалуйста... Мы так решили...

Настя застыла, как громом поражённая! Её глаза остановились на отце и выглядели безумными! Где-то на краешке, в их глубине, зародилась слезинка. Зародилась, набухла... Вот уже она перелилась за веко и покатилась по щеке мокрой дорожкой... Настя рухнула в кресло уже во второй раз, теперь как убитая.

— Я не понимаю... — Она прикрыла глаза ладонью. — Чего вас не устраивает?.. Я не понимаю... Зачем разводиться?..

Романа и самого жёг этот вопрос. Он перевёл взгляд на жену и стал ждать ответа, будто это он только что это спросил.

Татьяна сжала губы и заёрзала, словно её закусали муравьи. Не найдя поддержки у мужа она заговорила, стараясь держаться твёрже:

— Настя... понимаешь... Иногда людей, которых когда-то что-то связывало, это самое что-то связывать перестаёт. Мы с твоим папой очень разные люди с очень разными интересами... Мы с ним оба чувствуем, что между нами всё кончено. Мы оба пришли к выводу, что мы должны расстаться...

Роману захотелось возразить... но он сдержался. Его поведение ничем, кроме как согласием истолковать нельзя, да и если он повернёт назад, то сделает много хуже.

Татьяна кашлянула и замолчала, будто потеряла слова. С чувством, словно украл и понёс чужое, Роман продолжил:

— Настенька... ты не переживай. Мы оба тебя очень любим. Ты наше в жизни самое главное сокровище. В этом не меняется ничего.

Настя отняла ладонь от лица и там, где она прислонялась, остались грязные чёрные разводы туши. Щёки запунцовели, глаза налились влагой и покраснели, а косметика превратилась в отвратительную маску.

— А в чём меняется?.. — Она повысила голос. — В чём меняется?! Вы что, собираетесь жить вместе и дальше?!

С замершим сердцем Роман вдруг понял, что дочь права. Сам он этим вопросом особо и не задавался: он его ничуть и не волновал даже... И вдруг дочкины переживания ощутились для него, как собственные! Точно испорченная эмпатия...

— Ну, — Таня отвела глаза, — этот вопрос нам ещё предстоит обсудить... Мы как раз можем сделать это сейчас. Все вместе...

Настя спряталась за ладонями и захныкала уже громко, не сдерживаясь! Роману очень захотелось обнять её, сказать ласковое слово, поцеловать в щёку и погладить по голове — но и тут он сдержался. Ему показалось, что если до дочери дотронуться, то у неё будет нервный срыв.

Татьяна мучительно искала, что сказать. Роман угрюмо молчал. Настя рыдала.

— Доча... — Татьяна всё ещё старалась говорить твёрдо, но слова побежали от неё. — Ты... Ты пойми...

— Нет! — Настя зло смахнула слёзы, родители вновь увидели её покрасневшие влажные глаза. — Нет! Это вы должны понять! Это вы!..

Вскочив, она отвернулась и зашагала прочь. Её ладони сердито размазали косметику по щекам, а руки до запястий перепачкались в чёрном. Прячась у себя в комнате, словно в убежище, дочь громко хлопнула дверью!

Настя не разговаривала с родителями три дня и только потом, забывшись по сонливости пожелала доброго утра. Родители этим тут же воспользовались и постарались дочь разговорить, однако тщетно — Настя словно заперлась у себя в голове, как в замке, и никого туда не пускала.

Однажды отец задержался на работе уж слишком долго, пришлось ужинать без него. Татьяна сварила борщ и нажарила дочкиных любимых котлет из говядины со свининой. Но та ела неохотно. Похлебала немного супа, а к котлетам и вовсе не притронулась.

Улучив момент, показавшийся хорошим, Татьяна спросила:

— Доча — ты чего так мало ешь? Не голодная?..

— Да что-то не хочется... — Настя водила ложкой в тарелке почти с безразличием. — В последнее время вообще кусок в горло не лезет...

Татьяна постаралась придумать ещё какой-нибудь мелкий вопрос, чтоб добиться хоть

бы иллюзии доброй беседы, но всё в голову лезет такое глупое! Важно решить с дочерью о главном, о том, что так жгёт сердце, что мешает нормально спать и даже кушать.

Решившись идти напрямую, Татьяна произнесла так твёрдо, как только смогла:

— Настя, мы должны кое-что обсудить. Мы обязаны обсудить это. Это очень важно...

Дочь закатила глаза и Татьяна испугалась, что та сейчас встанет и уйдёт... но Настя лишь тяжело вздохнула и продолжила ковыряться в тарелке.

Ободрённая даже таким пустяком Татьяна заговорила бодрее:

— Настя! Нельзя бесконечно уходить от этого разговора. Рано или поздно нам придётся с тобой это обсудить...

— Обсудить что?..

— То, с кем ты останешься...нешься... — Татьяна запнулась, голос предал её. Настя, однако, к этому осталась будто глуха. — Мы с папой разводимся, это обсуждению не подлежит. Прими это, пожалуйста, как факт. Мы...

— А если я не желаю этого принимать?! — Настя всмотрелась в глаза матери со всей едкостью. — Что, если я против?!

Татьяна сжала губы. Поведение дочери ей откровенно не нравилось, но она понимала её и старалась не винить. В глубине души.

— Настя... Тут уже ничего не исправишь. — Татьяна говорила, как ей казалось, мягко и терпеливо. — Люди сходятся, люди расходятся... Пришло время и нам с твоим папой разойтись. Понимаешь...

— Почему ты всё время говоришь с ТВОИМ папой? — Настя недовольно склонила голову и прищурилась. — Почему с ТВОИМ? Тут что, какой-то тайный смысл?..

— Да нет никакого смысла! — Татьяна не выдержала, закричала. — И не передёргивай меня, дорогая! Ты же знаешь, как я этого не люблю!

— А я не люблю, когда мори родители разводятся! — Настя грубо оскалилась, её щёки запунцовели. Вместе со словами она резко зажестичулировала и даже чуть не сшибла тарелку! — Я не люблю решать, кого из двух больше люблю! Не желаю и не буду! Ты ведь про это хочешь спросить, мама?! Ведь к этому ты подбираешься?!

Татьяна открыла рот: она уже собралась гаркнуть нечто жёсткое, грубое... но остановилась, взглянула на дочь по-новому и произнесла спокойно, зато со всей уверенностью:

— Да, Настя. Да. Только не в такой форме, конечно... Мы с тобой должны решить, с кем ты останешься после развода.

Настя будто задохнулась! Она открывала и закрывала рот, как рыба, не способная говорить! Татьяна подумала, что вот сейчас дочь точно уйдёт... но та снова осталась. Видно, уж больно в ней закипело; уж больно захотелось высказаться.

— Значит это МЫ решаем, да?.. — Настя заговорила еле-еле, будто только вчера научилась складывать слога. — Даже не я — а МЫ... то есть ТЫ, надо понимать...

— Не переиначивай. — Татьяна покачала головой. — Решаем мы, а не я... Хотя я бы с удовольствием забрала тебя себе, и ты прекрасно знаешь, почему.

— Мама... — Настя заговорила вдруг обессиленно, как в изнеможении: взгляд её нежданно потух, а голова поникала. — Мамочка... Ну зачем вы всё это устраиваете, а?.. Зачем вам этот чёртов развод?.. Я не понимаю. Ведь мы же нормально живём...

— Нормально?.. — Татьяна отшатнулась; это слово будто ударило её. — Ты говоришь — нормально?.. В самом деле?..

— А что? Не так? — Настя подняла глаза. — Не так разве, мама?..

Взгляд Татьяны стал такой, словно дочь сказала какую-то дичайшую глупость! Настя не сводила с матери глаз, но та лишь потрясённо молчала, словно ждала, что дочь сейчас извинится и скажет что-то типа: «Да, в самом деле. Ты права».

— Настя... — Татьяна сделала очень вдумчивую паузу. — Дочка... Я бы никогда и ни за что на свете не пожелала бы тебе такого же мужа, как твой отец... Никогда бы и не за что...

Хоть это и прозвучали всего лишь слова, Настя почувствовала, будто ей плюнули в душу. Мама имеет своё мнение, мама спит с отцом, мама рожала и растила её, мама в два раза старше, мама то, мама сё... и всё же вот так — её отец, оказывается, такое гадкое и мерзкое... или страшное... или противное... животное... или что? Или она чего-то не знает, или...

— Мама... — В голосе дочери выграла очень нехорошая нотка гнева. — Пожалуйста, не говори так. Я очень тебя прошу... Я папу очень люблю... За всю жизнь он ни разу не сделал мне дурного. Папа...

Татьяне очень хотело возразить, перебить, объяснить дочери всё!.. Но она заставила себя слушать с самым внимательной миной. Иначе ни на какую взаимность рассчитывать и не придётся.

— Я благодарна богу, что у меня такой отец! — Настя говорила и говорила. Речь лилась из неё, как из пробитой бочки. — Да, он бывает строг. Да, иногда он не подарок. Да, порой он мне что-то запрещает, а временами слишком лезет ко мне со своими наставлениями. Как и ты, кстати... И всё же он хороший человек! Я считаю, что мне с отцом повезло! Мама... — Снова гневная нота и полный упрямства взгляд. — Не надо настраивать меня против него. Мне это очень не нравится...

К своему позору и изумлению Татьяна поняла, что так сосредоточилась на том, чтобы выглядеть внимательной, что уже не помнит, с чего дочь начала! Мучительно стараясь вспомнить, что она говорила и при этом сохранить лицо, Татьяна запуталась и вдруг забыла, чем она и закончила! Страшная мысль тут-же поразила её, как пуля: а вдруг это видно по ней?..

— Пожалуй, я наелась. — Настя потянулась и поцеловала мать в щёку. — Спасибо за ужин, мам. Я пойду к себе. Мне уроки надо делать.

На поцелуй дочери Татьяна откликнулась вяло. Губы её стали недовольно поджатыми.

Настя ушла. Еда совсем остыла. Суп остался недоеденным.

Разводились тихо, без новых скандалов, криков и оров. И с ЗАГСом не было проблем. Очень цивилизованно. Для дочери, правда, оба стали ненавистными.

Роман позвонил родственникам, кому посчитал нужным, сообщил. Татьяна связалась со своими. Квартиру не делили. Роман копил на новую машину, но отказался, взял кредит, добавил к уже имеющемуся и выплатил жене треть от недвижимой стоимости, полученной им когда-то, как кадровым офицером. Насчёт же наследства и улаживать-то ничего не пришлось.

С Самарой Татьяна не хотела связывать больше ничего и договорилась с родителями, что переедет к ним в Питер. В кратчайшие сроки всё было улажено и приготовлено. Осталось только съездить в аэропорт.

Слева мелькает, как забор, кривой ряд берёз. За ними низенькая кустарниковая посадка.

Справа поле, широкое и зелёное, но где-то там вдали и оно упирается в редкие деревья, а иногда трава заканчивается чёрной пахотной землёй.

Старенький «форд» несётся вскачь. День сегодня солнечный и недавно вымытый и натёртый блеском капот сверкает, как новый.

Роман рулит спокойно, обгонят слишком медленных, но наперегонки не рвётся. Справа на пассажирском Настя. Иногда она суёт в окно руку и направляет ладонь против ветра, от чего её чёрные, как вороново перо, волосы разлетаются и колыхаются, в своей длине достигая иногда даже отцовской до щеки. Сзади Татьяна. Строгая, как ревизор, и одета по-деловому в свой любимый тёмно-синий костюм. Раньше она в нём ходила только на работу, да и то лишь когда намечалась какая-то особая встреча. В общем-то и не было никакого повода надевать его сегодня, однако отчего-то захотелось выглядеть именно так — сухо и официально.

Едут молча. Разговаривать не хочется. Роман смотрит на дорогу, Настя читает что-то в телефоне, ловит сквозняк. Татьяна сидит в пол-оборота к окну, её глаза ищут что-то вдали, но найти всё никак не могут.

Да наконец-то... Стоянка у аэропорта оказалась на удивление занятой. Тот тут то там важно шастают многолюдные группы будущих и прошлых пассажиров. Роман припарковался так близко ко входу, как получилось. Заглушив мотор, он помолчал... вздохнул и произнёс:

— Ну что? Выходим?..

Татьяна распахнула дверь и вышла с изящной грацией, за которую когда-то будущим мужем и была замечена. Роман открыл багажник, напрягся — и с охом вытащил зараз два увесистых чемодана. Пока разбирался с телескопическими ручками, пока закрывал замок рядом уже встала Настя, одетая в спортивный костюм, в котором год назад ездила в Анапу на турслёт. Через плечо лямка увесистой спортивной сумки.

Роман оглядел жену и дочь. Как же они похожи... Обе красавицы, глаз не оторвать, только жена немного худее, черты у неё острее, а вот у дочери есть некая округлость, на вид она более мягкая. И отцовство, что самое приятное, видно сразу, сомневаться не приходится.

— Ну, кажется, ничего не забыли. — Он пробежался взглядом по сумкам, заглянул на всякий случай и в машину.

— Нет, не забыли. — Татьяна нетерпеливо направилась к аэропорту. Оглянулась. — Пойдёмте. Не хватает ещё на рейс опоздать.

Взявшись за сумки покрепче троица потянулась в белое, широкое здание аэропорта.

Внутри людей оказалось побольше, чем Роман ждал. Значительно больше. Мало того, что не нашлось сидячих мест и устраиваться пришлось как бедным родственника — в углу, так ещё и прождали лишних полчаса из-за поломки багажоприёмной ленты. Как бы в награду за случившееся досмотр прошли почти мгновенно. Настал последний момент — шлюз и зона, закрытая для сопровождающих.

Из окна Роман увидел, как тележку с общей поклажей загнали в самолёт. Спортивную сумку всё ещё несёт Настя, при этом она жуёт невесть откуда взявшуюся жвачку, широко надувает и лопаёт пузыри. В прошлом семья отошла от общего потока. Настал момент прощаться.

— Рома... — Татьяна взглянула на бывшего сдержанно, как-то даже устало. — Спасибо тебе за всё... Мы с тобой уже всё обсудили, так что, думаю, всё уже сказано...

Роман не посчитал нужным ответить, только понимающе кивнул. Всё, что можно в сердце пережить, он уже пережил. И смирился.

— Настя... — На дочь Татьяна посмотрела уже со всей глубинной серьёзностью, какую только получилось выразить. — Дочка... — Настя держится вроде бы спокойно, даже жвачку жевать не перестаёт... да только слепой не увидит, насколько это спокойствие напускное. — Настя... Я очень надеюсь... Я очень, очень, очень надеюсь, что ты никогда о своём выборе не пожалеешь...

— Мама... — Настя не выдержала, горько зажмурилась. По щекам её побежали предательские влажные дорожки. — Мама, хватит! Просто уходи...

Татьяна недовольно сжала губы, но быстро оттаяла. Она подошла и заключила дочь в объятия, закрыла от всех и всего и тихонько, неслышно что-то зашептала на ухо. Роман старался быть незаметнее тени, и ещё более старался не слышать, о чём бывшая дочери говорит.

Сумка перекинулась на другое плечо. Перехватив ремень поудобнее, Таня последний раз взглянула на мужа, на дочь... и отвернулась. Шагая уверенно, с гордо поднятой головой она прошла по трапу и навсегда скрылась в самолёте.

— Папочка!.. — Сверкая мокрыми щеками Настя прижалась к отцу. — Папа! Ну почему всё должно быть именно так?! Почему?!

Интерлюдия

На вызов собирались в такой спешке, что Анисин забыл свитер. В управлении топят что надо и если пришёл на службу, то сразу забываешь, как же на улице холодно. Зима в этом году жажнула ну просто на все деньги — в прямом смысле птицы на лету замерзают! Валяются в снегу эти трупики, пугают впечатлительных. Иногда это застывшие навсегда кошки и собаки, а если не повезло, то и люди, пьяные и бездомные, оставшиеся на улице ночью.

В общем Анисин забыл свитер. Конечно бушлат спасает, да и старенький, подаренный женой ещё лет пятнадцать назад шарф не лишний... но всё же зубы уже выплясывают, а бока против воли напрягаются аж до треска рёбер! Нет, надо быть внимательнее, хорошо одеваться не забывать, особенно в его годах...

— Филипп Петрович! — Денис пригляделся к Анисину внимательнее. — Вы никак заболели?.. Весь дрожите...

Молодой ещё, двадцати пяти лет, он только недавно окончил училище и, поступив в оперативники, сразу же угодил за баранку. Может сам Денис на водительское и не стремиться, однако уж больно у него это дело получается, отчего товарищи постоянно руль и уступают. К Анисину он всегда на Вы, и если доходит до сложного, в первую очередь ищет именно его совета.

— Да вот, понимаешь — свитер в управлении забыл. — Анисин пожал плечами, от чего сведённые судорогой бока заныли ещё болезненнее. — Хотя, Денис, может, ты и прав. Чего-то я себя сегодня действительно неважно ощущаю...

Шестидесяти лет, седой и немного обрюзгший, с пухловатыми щеками но, слава богу, без свисающего за ремень живота Анисин поднял шапку и пригладил волосы — вопреки ожиданиям ладонь на затылке намокла.

Это что же он — и мёрзнет и потеет?..

Пригладив светло-серые, цвета газетной бумаги усы Филипп Петрович хмыкнул и устался на дорогу.

На заднем сиденье ещё двое — Кривкин Миша и Спиридонов Кирилл. Первый капитан второй старлей. Только Мише двадцать восемь и он уже два года, как старшой. Пешком почти нигде не ходит и бреется, это заметно, исключительно триммером. Кирилл же, хоть ему и тридцать с хвостиком, такой же опер, как и Денис, и станками — тут глаз не ошибётся — пользуется самыми копеечными. Наверное потому, что бреется каждый день. По сравнению с Мишей Кирилл смотрится, как железный брусок рядом с кирпичиком сливочного масла. Простой, в хорошем смысле бесхитростный парень. Разве что опытнее своего «младшего» командира раз этак в тысячу.

С Кириллом работать — сплошное удовольствие. Только пить с ним нельзя, он от водки совсем хмуруется. Но если и работать, то в первую очередь с ним, только с ним. Внимательный и памятный, как африканский слон.

С Мишей же... Отец его полковник, в прокуратуре, заместитель главы области — что у любого, кто об этом узнаёт, сразу же вызывает нехорошую понимающую ухмылочку... Миша как раз-таки любит потрещать, только слушать его не всегда приятно. И почти всегда бесполезно. А для дела — так и вообще вредно. Когда пришёл вызов, Анисин тихо взмолился, чтобы ехать только с Коневым и Спиридоновым, но Понятовский возьми да и

впихни Кривкина. Ну вот и чем он руководствовался?.. Неужели нельзя поручить ему марасть какие-нибудь бумажки?..

Любопытства ради Анисин взглянул в зеркало — и точно: у Кирилла лицо серьёзное, сосредоточенное, как у солдата на посту, а вот у Миши недовольное, кислое. На лбу написано, что сам ни на какие вызовы бы не ездил, а сидел бы в управлении и пил бы кофе. Идите вы все куда подальше...

Полицейский «УАЗик» выплыл на перекрёсток Шлютова и Гайдара. Именно выплыл: скользнул колёсами по отутюженному снегу. Мигалку по просьбе Анисина не включили, но машины всё равно дают проезд, расступаются. Снег ночью выпал ужасно высокий, да ещё, как назло, под самое утро, уже после машин-уборщиков. Создаётся впечатление, будто ты не по Тольятти, а где-нибудь в Лабытнанги, а то и по тундре в санях на оленьей тяге едешь.

Денис ведёт мастерски. На что и опер, должен бы давно уж забыть армейку, — по срочке служил в автобате, возил начальника части, — а как будто только вчера из гаража. Машина слушается его наперёд. Колдовство какое-то! Вот сядешь ты за руль, поедешь — и тебе сначала надо сообразить, чего на повороте делать, потом ты руль крутишь, педали давишь, а уж мгновение погодя механизм реагирует. Но у Дениса наоборот — машина сама, как живая едет, а он вроде и ни при чём...

Крутить ему баранку так ещё много лет...

Ехали-ехали и приехали. Молодёжный бульвар, дом двадцать шесть. Старенькая хрущёвочка. Серая пятиэтажка с шапкой снега, а рядом у подъезда казённая машина в белосиних цветах. Дежурные.

Кирилл вышел первым, следом Анисин. Миша неохотно потянулся третьим, а Денис задержался — у водительской двери «УАЗика» барахлит замок и за последние года два с первого хлопка он не закрылся ещё ни разу.

Кирилл достал универсальный магнитный ключ, подъездная дверь распахнулась и вся компания потянулась за старлеем, как ниточка за иглолкой. На третий этаж, квартира семь.

На лестничном проёме мужчина в форме — папка с бумагами на согнутом локте — разговаривает с пожилой дамой.

— Так когда вы, говорите, спустились?..

Прохоров Ваня. Участковый. Толковый мужик; уже лет пятнадцать погоны носит, только иногда любит за воротник закладывать и под глазами у него вечные синяки. Однажды очень помог Анисину с тяжёлым, почти глухим делом.

— А, Филипп Петрович! — Ваня обернулся к пришедшим, его глаза остановились на Анисине. — Наконец-то приехали!

— А что такое, Вань?.. — Анисин протянул руку и они крепко, искренне сжали ладони. — Спешись куда?..

— Да новый вызов уже горит! — Ваня обменялся рукопожатиями и с остальными, каждым по очереди. — А у меня подмен не бывает, вы ж знаете...

Кирилл по-хозяйски распахнул дверь квартиры, но прежде, чем войти, встал на пороге и огляделся.

— Там... — Ваня понизил голос и многозначительно мотнул головой. — В спальне...

Женщина тем временем запялилась на новеньких во все глаза. В возрасте, чуть, может, помладше Анисина она одета совсем по-домашнему — халат и тапочки. Анисин пропустил ребят, сам подошёл к ней.

— Вы из какой квартиры будете, гражданочка? — При этом он улыбнулся самой доброй

своей улыбкой. — Не из десятой ли?..

— Д..да. — Она кивнула. — А откуда вы знаете?..

— Угадал. — Анисин добродушно пожал плечами. — Вы вот что — не стойте тут, не мёрзнете. Вон, смотрите, как у нас с вами пар изо рта идёт. Заболеете. Идите к себе, а я к вам чуть попозже поднимусь, мы с вами и побеседуем. Хорошо?..

Женщина перевела взгляд на Прохорова, словно ожидая его совета.

— Идите, Валентина Ивановна. Идите. — Иван с готовностью кивнул. — А то ведь и в самом деле заболеете.

Поглядев на полицейских ещё раз, будто запоминая лица, женщина ещё немного помедлила... потом пожала плечами, развернулась и по-старчески медленно заковыляла наверх.

— Филипп Петрович!..

— Да иди, Вань, иди... — Анисин с пониманием качнул головой. — Раз надо, так надо...

Дверь в квартиру оставили открытой, но, войдя, Анисин её закрыл. Чтобы тепло не уходило. Сама дверь из прошлого века — деревянная, потемневшая, с глубокими затёртостями. Есть и вторая — тоже деревянная; обита по бокам тряпками и резиной, чтобы холод и лишние звуки не пропускала.

Стоило зайти, как в нос мгновенно ударил едкий запах горелого! Стараясь особо не внюхиваться Анисин немножко обождал, осмотрелся... всё-таки тихонечко вдохнул... Нет, слава богу это не сгоревшее человеческое тело. Скорее забытая на огне еда. Причём — забытая вчера, не сегодня. С тех пор, как умерла жена, Анисин и сам ни раз сжигал ужин и в этих запахах хорошо научился.

Квартира просто вопиет бедностью... Обои, плинтусы, люстра в коридоре — всё пыльное, выцветшее, грязное. А чего стоит огромный и тяжёлый, как грех, дубовый шкаф — наверное им, если с дома скинуть, то и танк помять можно!

Сердце вдруг кольнуло... Филипп Петрович схватился за грудь, поморщился, будто укусил лимон. Стало невозможно вздохнуть. Шарф как змеёй обвился вокруг шеи и давит, сдавливает...

Анисин просунул пальцы за воротник и с силой оттопырил — сразу полегчало, невидимые руки горло отпустили. Чувствуя себя, будто только что конь в грудь лягнул, старик прислушался к ощущениям — это что такое сейчас было?..

— Товарищ майор, вам нехорошо? — Незнакомый парень в форме подошёл и поддерживал за плечо. — Может присядете?..

Анисин посмотрел на сержанта, явно из тех дежурных, что первыми приехали на вызов. Немного подумал и помотал головой.

— Нет, спасибо. Со мной всё в порядке...

Парень если и не поверил, то не показал. Молодой, не старше Дениса, и форма на нём сидит очень складно. Только в ботинках по квартире ходит — нехорошо...

Анисин поглядел на свои всё ещё припорошённые редкими снежинками ботсы, потом на пол, где в углу сидит таракан размером с английскую булавку. Хмыкнул в усы.

— Филипп Петрович! — Из дальней по коридору комнаты выглянул Конев. — Филипп Петрович! Что с вами?..

Сержант глянул на лейтенанта, потом на майора. Буркнул: «Я покурить», и вышел, не заперевав.

— Филипп Петрович, что с вами?.. — Денис подступил ближе.

— Ничего, Денис. Ничего... — Анисин утайкой сжал зубы, выглядеть слабым он ненавидел. — Идём лучше покажешь, чего нашли...

Гордо и напоказ выпрямив спину старик двинулся в спальную. Ожидая учуять мертвечину он заранее сдержал дыхание — но никакого запаха, когда зашёл, конечно же не оказалось. Мёртвого почувешь и за сто метров, и уж конечно, когда окажешься рядом, в нос будет бить так, что слёзы потекут. Просто Анисин за тридцать с лишним лет службы столького понавидался, что у него уже выработались некоторые неосознанные привычки.

Беднее и убоже спальни Филипп Петрович не видел, наверное, никогда. Посреди комнаты старая, как и всё в квартире, деревянная кровать. И сломанный комод. Всё. Быть может когда-то это смотрелось прекрасно и дорого, но это лет сорок назад, а то и дольше.

Кровать не заправлена, на ней лишь некогда белый, а теперь тёмный от грязи матрас с отталкивающими жёлтыми пятнами. К жёлтому, серому и тёмному на ткани примешалось ещё и красное пятно. Анисин отметил, что оно одно, а стало быть, и удар нанесли один. Возможно...

Невидящими глазами в потолок смотрит мужчина. Бледный, худой, нерасчёсанный и невымытый. Запах тела так и подталкивает скривиться. По виду пропойца или наркоман, но скорее второе — между пальцев ног чёрные, давно гноящиеся точки.

Посреди шеи, где кадык, бледно-розовая дыра. Анисин пригляделся, но недовольно сжал губы и всё-таки достал очки — ну точно, рана скорее круглая, нежели плоская, такую штыковым ножом не нанести. Нужен специальный, шилообразный.

При полной тишине, когда слышно даже чужое дыхание, Миша достал пачку. Распахнув форточку он встал к ней и закурил.

Кирилл притих в углу и смотрит на тело так, словно вместо глаз у него научные датаскопы. Будто и не человек, а камера, которая всё записывает.

— Филипп Петрович. — Денис встал у Анисина за спиной. — Кажется, это наш клиент.

Анисин промолчал, взгляд его упорно искал, за что зацепиться.

— Это почему же?..

— Вот, поглядите. — Денис прошёл, присел возле кровати. — Вот на руке, видите? След от кольца. А самого кольца-то и нет.

— Этот ещё ни о чём не говорит. — Не оборачиваясь Миша затянулся и с шумом пустил дым.

Сосредоточенный на покойном, как орёл на кролике, Кирилл шагнул и аккуратно, как если бы обращался с перепелиным яичком, ткнул пальцем в сжатую закованную ладонь.

— Кажется, всё-таки это он... — Старлей достал из нагрудного кармана пинцет и легонько, чутко за чутком потянул из бледной пятерни свёрточек. — Готов спорить, что сейчас мы увидим стих...

Миша на мёртвого так и не посмотрел, лишь затянулся поглубже.

— Бесплезную жизнь ты проводил, много чего хорошего ты потерял, может быть никто тебя не любил, может быть никто по тебе не страдал...

Кирилл поднял глаза, оглядел присутствующих... и продолжил:

— Сегодня я облегчу твою боль, никуда не нужно тебе будет больше идти, перестанешь ты быть битым судьбой, только лишь вечно будешь дремать взаперти...

Денис уставился на Анисина крайне многозначительно. Миша продолжил дымить, словно он и не на службе, а на отдыхе в парке. Кирилл бережно спрятал бумажку в пакетик и

положил рядом с телом.

— Ну, похоже, скорее всего это он... — Старлей выпрямился; его умный взгляд остановился на майоре. — Замок тоже, кстати, показатель. Не сломан. Может быть вскрыт, а может и родным ключом открыли... Филипп Петрович! Что с вами?!

Анисин обнаружил себя снова схватившимся за грудь. В сердце будто нож вонзили! Так больно!

Он ахнул! Колени подогнулись и ветеран розыска не устоял, повалился! У Дениса округлились глаза! Он оказался рядом со старшим так быстро, словно бы заранее уже ждал, когда среагировать! И тут же схватил того за запястье.

— Кирюха! — Конев разорвал бушлат на Анисине так, что пуговицами стрельнуло с щёлканьем! — В скорую! Звони живо!

От неожиданности Миша выронил окурок, тот упал и покатился. Чертыхнувшись Кривкин принялся его топтать. Перепуганный, словно спросонья поднятый по крику «Пожар!», он вылупился на Анисина в оба два!

Кирилл вылетел из комнаты и где-то в коридоре заботали его убегающие шаги.

— Точно, я совсем забыл... — Денис уложил сведённого судорогой старика на пол, развязал и распорол всё, что вообще может помешать дыханию. — Скорую-то, наверное, уже давно вызвали. Наверняка она прямо за нами подъехала... Вы потерпите, Филипп Петрович, потерпите. Сейчас вам помогут...

Ещё никогда, никогда в жизни Анисин не чувствовал себя так слабо... В груди словно бы что-то рвётся, сердце в чьём-то жестоком кулаке! Невозможно вздохнуть. По отупению даже не боишься, только думаешь, что ещё бы немного воздуха, ещё бы чуть-чуть свободнее воротник... И не обгадиться бы. Только бы не обгадиться и не обоссаться при всех: стыд то какой будет...

— Быстрее! — Где-то на улице, голос с окна, голос Кирилла. — Быстрее давайте! Там человеку плохо!

Надеясь всё-таки дотерпеть, не умереть по-глупому до прихода врачей Анисин закрыл глаза и стал молиться.

Сначала Филипп Петрович хотел пройтись пешком, и если уж не весь путь, то хотя бы до автобусной остановки, однако столбик термометра свалился аж до минус тридцати пяти. Нет уж, лучше на машине! Даже в новостях с утра наказали детям в школу не идти, а не то по дороге замёрзнут.

Укутавшись потеплее Анисин вызвал такси. Пред выходом посмотрев на старика в зеркале он хлопнул дверью и поковылял по лестнице.

Стоило шагнуть на улицу за порог, как тут же мороз вцепился в лицо, закусал уши и нос, ударил ледящим ветром! Сузив глаза и подняв высокий, как у генерала, воротник Филипп Петрович повёл взглядом по безлюдной заснеженной улице. Не прошло и минуты, как он болезненно сморщился — холод пробрался даже сквозь щёки и заставил ныть зубные нервы.

Разбрасывая снег к подъезду подкатила «калина». На телефон пришло смс, наверное о приезде машины, но Анисин не стал проверять, просто открыл её дверь, нагнулся и спросил:

— Такси?

— Ага...

Отряхнувшись, как смог, старик уселся спереди и с облегчением от мороза закрылся.

— На Садовую. — Он махнул стариковской, только что вынутой из варежки ладонью.

— Да я знаю... — Водила закурил сигарету и вывернул руль. — Но только если сможем проехать. Там, видел, сугробы высотой с человека.

— Филипп Петрович... — Дежурный на входе явно удивился, но не забыл вежливо кивнуть.

— И вам не хворать... — Анисин отошёл от прохода и потянул с шеи взмокший, пропитанный холодным потом шарф. — Понятовский у себя?

Дежурный кивнул и нажал кнопку — защитная решётка тихонько стукнула и отвисла, приглашая войти.

В управлении оказалось на удивление безлюдно. Анисин поднялся на второй этаж, прошёл по коридору и умудрился по дороге никого не встретить. Дверь начальника следственного отдела оказалась приоткрыта, из щели слышно:

— Да, дорогая, конечно. Нет... Нет, дорогая, ну что ты... Нет, дорогая... Да, я так и сказал...

Анисин стал чеканить шаг громче, несдержанно, с хрипом прочистил горло. Остановившись на пороге он протянул руку и звонко, чтобы и в трубке услышали, постучал.

— Прости, дорогая, у меня работа. Нет, я тебе потом перезвоню. Нет... Всё, давай... Войдите!

Анисин распахнул дверь и, двигаясь важно и неспешно, зашёл.

Понятовский Григорий Евгеньевич только недавно отпраздновал сорок шестой день рождения. Весь из себя опрятный — всегда в форме, всегда причёсан, всегда тянет от него дезодорантом или одеколоном. И уж конечно всегда выбрит — не считая таких же, как и у Анисина, усов. Но усы тоже ухожены и нельзя в них увидеть и единого клочка седого, или растущего не так.

— А, Филипп Петрович! — Понятовский даже привстал. — Прошу, заходите!

Кабинет Понятовского — это вообще особая тема. Все, кто здесь бывает впервые, выходят с выпученными глазами, а некоторые и без дара речи. Как заходишь, ты видишь самого полковника — обычно он курит у окна или за столом набивает что-то в компьютере... а вот справа от него абсолютно вся стена завешана холодным оружием! Сабли, шашки, мечи, кинжалы, перначи, шпаги... Даже булава висит под самым потолком — не подходи, на голову свалится!

И вся эта понятная только мужчинам красота блестит, надраенная, как в музее. Понятовский даже специальную доску во всю стену заказал — в зелёном бархате и с лакированной резной планкой по ребру. Сталь на ней смотрится ну очень красиво. Так и хочется подойти, взять в руку, обнажить...

Но это ещё не всё. На столике рядом с оружейной стенкой красуется широкая шахматная доска в виде замёрзшего, запорошённого снегом озера, а на ней литые металлические фигурки в рост со вставшую на задние мышь. Рыцари с чёрными крестами и рогатыми шлемами с одной стороны и сверкающие кольчугами и капельными щитами витязи с другой. У первых король — это настоящий германский барон на коне, с опущенным забралом, с высокими и страшными, как у самого дьявола, рогами и с длинным — длиннее самой лошади — копьём. У витязей за короля высокий, бородатый, в кольчужных латах богатырь. Стоит он спокойно, взирает на неприятеля сверху вниз, а в руках у него эфес уткнутого в землю двуручника. У всех плащи. У рыцарей с крестами, у витязей с Георгиями.

— Товарищ полковник... — Анисин сделал движение рукой, но ладонь до виска так и

не добралась. — Доброго вам дня...

Понятовский отмахнулся, вроде как он же по возрасту младше... Сделал приглашающий жест.

— Присаживайтесь, Филипп Петрович. Присаживайтесь. Докладывайте, как ваше драгоценное здоровье.

Анисин уселся на стул рядом с начальничьим столом и, подумав, закинул ногу на ногу.

— Хорошо тут у вас, тепло... — Он потянулся и с вжиком расстегнул курточную молнию. — А на улице настоящий холодильник.

— Я бы даже сказал — морозильник. — Понятовский улыбнулся. — Чаю?..

— Нет, Григорий Евгеньевич, спасибо. — Анисин помотал головой. — Я, наверное, не так, чтобы на долго...

Понятовский смерил пришедшего очень внимательным взглядом, губы его при этом превратились в тонкую линию.

— Что?.. Что-то серьёзное?..

— Серьёзное, Гриш... — Анисин невесело покивал. — Очень серьёзное... Сердце. Врачи вообще с постели подниматься запретили. Да разве ж можно целый день лежать?.. Вот, к тебе решил зайти...

Понятовский почесал нос, хмыкнул.

— Петрович... Это то, о чём я думаю?..

Анисин взглянул начальнику в глаза. Карие, совсем не глупые, они одновременно и молчат и говорят о многом.

— Ну, если ты думаешь, что я пришёл увольняться — то ты совершенно прав.

Понятовский принял вид, словно услышал нечто само собой разумеющееся, но в то же время взгляд его от старого следователя убежал, спрятался, чтобы тот его не прочёл.

— Понимаю тебя, Гриш. Прекрасно понимаю... — Анисин говорил спокойно, речь его текла устало и по-старчески хрипло. — В такой тяжёлый момент вас оставляю. Но я больше не могу. Не по плечу мне. Выдохся я.

Понятовский облизал губы и вроде как хотел что-то сказать, но лишь снова отвернулся.

— Устал я, Гриша. И с сердцем в самом деле нелады... Чувствую в любой момент слабину могу дать...

— Ну... Петрович... — Понятовский попытался улыбнуться. — До этого момента ты держался молодцом...

— Ты меня извини. — Анисин развёл ладони, на его губах расцвела виноватая дуга. — Придётся вам этого ирода ловить уже без меня... — Тут он опустил взгляд, задумался... и добавил: — Да и, наверное, так оно будет даже и лучше. Ну сколько я уже за этой тенью гоняюсь?.. Сколько уже в эту стену долблюсь?.. Пускай лучше на моё место придёт другой. Кто-нибудь посмекалистее да помоложе. А мне пора.

Повисло молчание. Понятовский опустил взгляд, лицо его посерело, лоб пересекли морщины. Шумно вздохнув, полковник поднял руки и опер подбородок на кулаки. Анисин следил за ним с истинно старческим спокойствием.

Зазвонил телефон, но Понятовский этого будто и не заметил. Телефон дребезжал, ныл. Да ещё так назойливо. Звонок прекратился и тут же зазвенел опять, вымогая внимания. Анисин робко предложил:

— Гриш... Может ответишь?..

С нескрываемым раздражением Понятовский поднял и опустил трубку и снова замер.

Посидев в раздумьях ещё он тяжело вздохнул, скривил губы и взглянул на подчинённого сдавшимися, капитулировавшими глазами.

— Ладно, Филипп Петрович, будь по-вашему. Отговаривать я вас не могу, всё-таки возраст у вас уже... Ступайте к кадровикам, всё им там объясните. Если вдруг что — я сегодня целый день здесь.

Анисин не поспешил вставать, на полковника он поглядел то ли с хитринкой, только с усмешкой. Помедлив, только чуть погодя он неспешно поднялся и протянул ладонь.

— Спасибо, Григорий Евгеньевич! Все эти годы мне было приятно работать с вами.

Понятовский уставился на Анисина недоумённо, но вдруг осознал момент и будто опомнился, встал и пожал протянутую ему ладонь обеими своими, сжал посильнее и даже потряс.

— И мне было приятно, Филипп Петрович! И мне! Желаю вам здоровья и спокойствия на заслуженном отдыхе. Заходите в гости!

Анисин по-свойски отдал честь — ладонь козырьком полетела к виску, но остановилась на полдороге, замерла и вернулась к поясу.

Когда дверь за майором закрылась, Понятовский опустил голову и рухнул в кресло, как подстреленный. Он бы, наверное, и голову даже закрыл, чтобы как в детстве спрятаться от жестокого мира в воображаемом домике, если бы не боялся, что его так застанут. Анисин уходит! Уже ушёл... Самая рассудительная голова во всём отделе — и теперь на пенсии! Чёрт бы его драл! А кто теперь будет заниматься тем проклятым, что ежу какой год на трупах стихи оставляет?! Кому такое поручить?! Только ведь заикнись — не постесняются даже о переводе просить! Тут же увиливать начнут! Вот до чего уже докатилось! Хотя оно и понятно... Кому нужна *настолько* глухая затея?.. Один Анисин выговоров не боялся — и то лишь потому, что уже давно пенсией своей был прикрыт, смыться мог в любой момент. Вот и соскочил...

Понятовский поднял голову, поглядел на шахматных воинов. Выдохшийся и павший, взгляд его скользнул по рыцарям и витязям, метнулся к стене с оружием, прыгнул за окно... Ох! Ведь всего лишь десять минут назад на улице шёл снег, а теперь, злая и недовольная, там поднимается вьюга! Ветер закручивает, мечет снежинки в окна! Всё белое-бело и даже на взгляд холодное жутко.

Понятовский отвернулся и совсем поник.

Ну как же, как же эту проблему решить?.. Кто всё исправит?..

Моя самооборона

Адово жаркое лето сменилось холодной, прямо-таки апокалиптической зимой. За день выпадает столько снега, что если скатать со всей Самары, снеговик упрётся макушкой в высшие слои атмосферы. Как жарко не топи — везде холодно! В отделении, дома, в гостях — нигде не найдёшь человека, не носящего шерстяных носков. В магазинах не успевают подвозить обогреватели, в аптеках лекарства смахивают ещё до полудня. Девятый круг по Данте, не иначе.

С развода пробежало полгода. С женой Роман не созванивался, зато это часто делала Настя. Будто не понимая, что родителям неприятно, она старалась говорить с матерью по громкой связи при отце, а иногда даже включала камеру и пыталась связать бывшую семью общим разговором. Правда, как только такой разговор заканчивался, — и почти всегда неловко, — дочь тут же становилась безмолвной. Словно цветок, увядший в холода, она закрылась и больше не обсуждала с родителем того, о чём раньше говорила в удовольствие. Единственное, чем ещё возможно было её увлечь — это разговорами о следственной работе.

Где-то месяца через два после отъезда жены, Роман не помнил точно, в городе появилась шайка насильников. Ничего особенного, просто три молодых придурка, спаивающие и пичкающие кетамином и оксibuтиратом натрия девушек, подцепленных в клубах. Может быть их бы даже не сразу и заметили, если бы они не хватали женщин ещё и на улице. Поймали и осудили их быстро. В общем рутина... однако именно она навела капитана Птачека на мысль, что его дочери было бы неплохо уметь постоять за себя, и что кому, как не ему научить её? Это ведь ещё и лишний повод заняться чем-то вместе, поговорить...

Ох, сколько последовало возражений!

— Ну па-а-ап! — Настя скрестила руки на груди. — Да зачем мне это надо?! У меня отец служит в полиции! У какого идиота хватит мозгов приставать ко мне?!

— Доченька! — Роман был неумолим. — Милая! Ты сама только что ответила на свой вопрос. У какого-нибудь обкурыша точно может мозгов не хватить. Понимаешь?.. Вот попадётся тебе дурак с ножом — что тогда будешь делать?..

— Тебе позвоню!

— А если не успеешь?..

Настя сопротивлялась так, словно защищала Сталинград.

— Па-а-а-ап! Мы с подругами каждый вечер чем-нибудь занимаемся! У меня уроков много! Ну па-а-ап! У меня прост не будет на это времени!

Роман мотал головой.

— Доча! Тебе и так, если хочешь служить в полиции, придётся этому учиться. И чем раньше — тем лучше! Вспомни, что я тебе рассказывал про тех трёх гадов... А если вдруг такие же нападут на тебя?! Я же этого не переживу! Ты пойми, родиночка моя, что в нашем мире не в безопасности никто...

— Папа!..

Настя возражала, закатывала глаза, упрашивала, ругалась, даже однажды попробовала всплакнуть, но получилось так себе. Всё-таки Роман на своём настоял, победил и теперь каждый второй вечер дочь мучилась в его компании, пока тот не отпустит, разучивала всё, что он попросит и заучивала всё, что потребует.

И сегодня пришёл как раз такой черёд.

— Так и как ты будешь им пользоваться? — Роман кивнул на баллончик. — Вот я к тебе подхожу... А ты?..

— Так... — Настя переступила с ноги на ногу и обхватила перцовку покрепче. — Я выставлю его вот так... А потом нажму.

— А ветер? — Роман нахмурился. — Что с ветром?..

— Да-да... — Настя облизала губы. — Я определю, откуда дует, и постараюсь брызгать так, чтоб самой не надыхаться.

Роман почесал подбородок, взгляд его стал скептическим.

— Ну давай, брызгай...

— Вот! — Настя нажала кнопку. — Брызгаю! Умри, преступник!

Оба хохотнули, заулыбались: Настя шутливо, отец же довольно, с тайной радостью. Забрав у дочери учебную, давным-давно пустую перцовку он покрутил её в пальцах и пожал плечами.

— Ну, человека этим вряд ли убьёшь. И слава богу... Но слабой девушке помочь может, особенно ночью в тёмном переулке; или в клубном туалете...

Настя закатила глаза.

— Пап, я что?.. Зажигаю по клубам?..

— Хорошо! — Роман отложил баллончик и повернулся к дочери вполборота. — С этим мы разобрались. Теперь поработаем над выходом из захвата. Готова?..

Подавленно, как обречённая, дочь встала в защитную стойку.

— Нет, доча, я не про это. — Роман помотал головой. — Это ты приготовилась защищаться, а я говорю о выходе из уже состоявшегося захвата. Подойди сюда.

Со вздохом, с каким, наверное, сам Иисус всходил на голгофу, Настя подошла и повернулась спиной. Сильные, но аккуратные руки обхватили её шею, обездвижили. Горло сдавила сила, и сила нешуточная — не дёрнуться, не рыпнуться, глубоко не вздохнуть.

— Вот давай. — Голос отца прозвучал над самым её ухом. — Я злодей и я тебя схватил. Как будешь действовать?

В зале висит круглое зеркало. Настя заглянула в него — там юная девушка со слегка покрасневшим лицом ухватила за чужой локоть, но враг силён, не отпускает. Сцена как будто из какого-то фильма.

Голос отца стал требовательным.

— Так что будешь делать? Мы уже отрабатывали эту ситуацию. Ну?..

— Буду бить затылком, постараюсь попасть гаду в нос. — Глядя в зеркало, Настя представила, как и в самом деле бьёт отца. — Если враг лёгкий, то постараюсь кинуть его через бедро.

— А если тяжёлый? — Роман сдвинул руки плотнее, теперь он тоже следил за отражением. — Что, если он такой, как я?..

— Постараюсь ударить в бок. — Настя глотала воздух по чуть-чуть, но просить ослабить не смела. — Если появится возможность, то буду бить в пах.

— Ага... — Роман поднял брови. — Ну, в принципе, ответ правильный... Давай-ка, попробуй это на мне...

Глаза дочери сверкнули, как у дикой кошки.

— А не боишься?..

Роман на секунду задумался ... и кивнул.

— Действуй.

Только он закрыл рот — тут же в лицо полетел удар! Дочь закинула голову. Ещё раз! Ещё! Зубы Насти сжались от злости. Не чувствуя, что достаёт, она дёрнулась и обрушила пятку на вражеский носок.

— Ох! — От боли Роман сжал зубы, но рук не расслабил.

Дочь попыталась садануть по вражеским пальцам снова, но не попала, зато опять вдарила затылком и на этот раз удачно — у Романа заныла скула!

— Корпусом. — Он говорил спокойно, будто вовсе и не получает удары, а наблюдает со стороны. — Корпусом работай. Локти подключи. Где бедро?..

Настя потеет, шипит, вывёртывается как кошка... Плохо. Сейчас она устанет, ослабнет. Нет, долго не продержится...

Как Роман и думал дочь промучилась ещё минуту или чуть дольше, а после безвольной куклой повисла на его руках.

— Это ещё что за фокусы?.. — Роман почувствовал, что исполняет уже роль не злодея, а скорее лианы, на которой повисла ленивая обезьяна. — Ты не рано ли расслабилась, красавица?..

— Пап, я умираю... — Настя приподняла трепыхающиеся веки, лицо её стало бледным и больным. — Прости, я больше не могу... Неси меня в мою комнату, оставь меня там и уходи... Уходи без меня...

Роман поглядел на дочь, хмыкнул и с воодушевлением произнёс:

— Не волнуйся, доченька! Не волнуйся! Я знаю лечение от этого недуга!..

Юркие, беспощадные пальцы устремились к незащитным бокам.

— А-а-а-а-а!!!

Настя закричала, завизжала, завертелась, как юла! Лицо её из болезненного в миг снова превратилось в румяное, на глазах выступили слёзы!

— Ну всё! Всё! Хватит! Я сдаюсь! Папа! Ах-ха-ха! Папа! Ах-ха-ха! Хватит!

Пощекотав ещё немного Роман дочь выпустил и уставился на неё сверху вниз. Свалившись у его ног, Настя дышит часто и держится за бока, точно бандитской пулей подстреленная. Хотя видок у неё не совсем, чтобы несчастный...

— Не-е-ет, мы так каши не сварим... — Он помотал головой. — Давай-ка, доченька, вставай. Давай-давай! Поднимайся.

Ухватившись за протянутую руку Настя вскочила и взглянула на отца уже без забавы, требовательно.

— Пап, я устала. Может на сегодня хватит?..

Роман скрестил руки на груди, опустил глаза. Задумался.

— Ну... сегодня мы с тобой уже так хорошо поработали... — Вновь подняв взор он лучезарно улыбнулся. — Давай так: последний раз — и всё! Отдых!

Устало, с прямо-таки театральной показушностью Настя вздохнула и упёрла кулаки в бока.

— Ла-а-адно!.. Но только в последний...

— Конечно, родиночка моя. Конечно...

Не успела Настя опомниться, как её шею вновь сдавила отеческая забота! Роман ухватил дочь покрепче, да так, как это сделал бы настоящий насильник. При этом он старался, чтобы в зеркале не отразилось его лицо: непросто обучать своего ребёнка, особенно девочку такому; нельзя её жалеть, иначе всё впустую, но и давить, как на сына, тоже нельзя — она

ведь слабее... Роман очень надеялся, что выйдет строго, профессионально, но всё-таки боялся, что в действительности переживания просто читаются у него на лбу.

Как он ни пытался, а всё-таки взоры дочери и отца в отражении встретились. Настя замерла и смотрит на родителя во все глаза, явно чего-то ждёт. Роман и сам зацепенел: взгляд дочери точно парализовал его... Внутренне приготовившись он приподнял голову и кивнул.

— Давай!

Как по спортивному выстрелу Настя мотнула головой! Роман отвернулся, но всё равно получил по скуле. Отхватив и ещё раз он прижал подбородок к дочкиной спине — теперь удары не достанут... Настя двинула корпусом, потом обратно, и ещё раз вбок. У Романа загорелось желание поднять её, лишить опоры, но он сжал зубы и держался, даже немного подыгрывал.

Дочь вывернулась боком, освободила локоть. Бум! Рёбра застонали. Новый удар по тому же месту — и ещё больнее! Как человек, раньше боявшийся страшного аттракциона, а теперь распробовавший и вошедший в раж, Настя уверенно выпутала и вторую руку, извернулась и заняла положение, откуда можно кинуть через бедро.

Роман будто одеревенел. Из злодея он превратился в зрителя. Сможет ли дочь его швырнуть? Потянет ли?.. Рискнёт или забуксует?..

Злая и раскрасневшаяся, с усеянным каплями лбом Настя взяла упор... завела бедро... Время остановилось. Роман смотрел на дочь заворожённо, заколдованно. Вот... она давно решилась... тонкие руки ухватили за воротник... Сейчас!

Комната закружилась, пол и потолок прыгнули друг на друга! С грохотом мешка с картошкой Роман полетел головой в паркет! В спину ударило, затылок садануло болью. Закачалась, задрезжала хрустальная люстра, а соседи снизу, наверное, будут сейчас звонить в полицию.

— Ох... — Роман уставился в потолок, который почему-то не стоит на месте, а кружится, кружится... — Вот это да...

Сверху, загородив обзор, над ним нависло дочкино лицо. Запыхавшееся, вымученное, румяное... и с улыбкой до ушей.

— Ну?.. Что?.. — Говорила он с отдышкой, при этом шумно и прерывисто кряхтела. — Как тебе... на полу... лежится... папочка?..

Роман хотел было подняться, но передумал и решил отдохнуть прямо так, около комков пыли под диваном.

— Хорошо лежится, доченька. Удобно...

Он отвернулся, осмотрелся. О, а вон упаковка жвачки за ножкой спряталась. Весь вечер вчера искал, всю комнату перерыл! Ох, а вон и носок — надо потом подобрать, да тихонечко, чтобы Настя не заметила. Он, как отец, пример аккуратности, как-никак...

Настя всё стояла над родителем и не двигалась. Улыбка на её молодых розовых губах стало несколько натянутой, взгляд чего-то ищет... или дожидается...

— Ты умница. — Роман закинул ладони под затылок и, как смог, кивнул лёжа. — Очень хорошо постаралась. Я тобой горжусь.

— Так-то! — С искренним удовлетворением дочь сделала поклон. Получив, что хотела, она развернулась и зашагала прочь.

— Ты мыться?

Настя не замедлила шаг и не оглянулась.

— Да! Пойду, сполоснусь, а то пахну, как лошадь!

Шаги дочери утонули в коридоре, там скрипнула дверь и щёлкнул замок. Роман закрыл глаза и представил, что он в каком-то особенном месте, где никого, только пустота и темнота, а он лежит...

Нет, помыться и самому надо. В самом деле воняет потом, не хватало ещё вещи запачкать.

Молодецки подпрыгнув, капитан Птачек прошёл на кухню и включил горячую.

— Па-а-ап! — Голос из ванной. — Воду не воруй!

Переключив на холодную Роман зачерпнул и полил на шею и на руки. Леденящие струйки побежали по бокам, смыли с подмышек грязь... Забавно: если бы жена это увидела, она бы устроила настоящую демонстрацию протеста.

Спустя пять минут Роман уже сидел в зале, чистенький и свежий, а из ванной всё ещё доносился плеск. По телевизору опять про взрыв в центре... а вот ещё курс доллара... открыли нефтяное месторождение... Переключив на спортивный Роман откинулся в кресле и постарался расслабиться. Перед новостью, которую нужно сообщить дочери, просто необходимо расслабиться. Как она отнесётся?.. Хотелось бы, чтоб спокойно...

Скрипнула дверь, пробежали в Настину комнату быстрые шаги. Роман принялся — из коридора приплыл тёплый запах шампуня.

Напрягшись сказать погромче, он произнёс:

— Доченька! Как сможешь — вернись, пожалуйста, в зал! Мне нужно тебе кое-что сказать!..

Футбол, волейбол, баскетбол... Роман щёлкнул ещё несколько каналов. Вдруг экран потемнел и в середине, где-то в темноте, по сцене поскакала девушка в белом платье, похожем на... балетную пачку!

Лебединое озеро.

Возвышенные скрипки и духовые. Дирижёр верховодит в оркестровой яме. Роман отложил пульт и в привычном жесте закинул пальцы на затылок. Было бы неплохо когда-нибудь сходить на балет. Ох, как выплясывает!..

Балерины натанцевали минут на пятнадцать, время пронеслось, как мгновение. Роман понял, что слушает Чайковского, следит за грациозными движениями и больше ни о чём на свете не думает... а в комнате присутствует ещё один человек.

— Ой, прости... — Он наткнулся на лукавейший взгляд дочери, как натыкаются на грабли в вечернем саду. — Что-то засмотрелся...

— Ну, пап, ты меня прям удивляешь... — Настя слегка улыбнулась и перевела взгляд на телевизор. — Вот уж не думала, что ты являешься поклонником...

Роман поднял пульт, палец нажал на красную кнопку. Экран вспыхнул и погас.

Дочь откинулась на диван, её ладони устроились на коленке, закинутой поверх другой коленки. В губах намёк на улыбку, но глаза уставшие... и настороженные.

— Так о чём ты хотел говорить? — Настя слегка вздёрнула подбородок. — Только прошу, пап, не растягивай. Меня там подруга на скайпе ждёт...

Роман помусолил губы; одна его рука осталась на затылке, вторая задумчиво почесала щетину.

— Боюсь, доченька, придётся тебе с подругой повременить...

Настя села и ждёт со всем терпением, какое только может изобразить. Роман причмокнул, почесал в затылке... Он мучился и подбирал слова, с которых стоит начать, но

что-то они никак не подбирались. Плюнув он решил сказать без прикрас:

— Настя... Доча... Мы переезжаем в Тольятти.

Настины глаза выпучились, как у со злостью сдавленной в кулаке лягушки! У дочери открылся рот, она даже рукой дёрнула, словно хотела от чего-то защититься, но застыла, как муха в смоле.

— Прости... Что?.. — Дочка несмело улыбнулась. — Я, наверное, ослышалась...

Роман помотал головой, лицо он держал самое серьёзное.

— Нет, дочурочка, не ослышалась. Мы переезжаем в Тольятти. Ну, не сегодня, конечно, и не завтра тоже. Но в ближайшее время...

Настя вскочила и закружилась по комнате взад-вперёд. И даже за голову схватилась, словно та может отвалиться! Лицо дочери застыло в немом шоке.

Предчувствуя уже готовящееся свалиться ему на голову страшное Роман торопливо, но всё-таки стараясь оставаться спокойным объяснил:

— Помнишь, Насть, я рассказывал, что не родился в Самаре, а только сюда приехал? Вырос я в Тольятти, а сюда попал уже в юношестве, когда поступил в институт милиции. Здесь мы и с мамой твоей познакомились... Она, кстати, тоже сюда учиться приехала. Из Питера. Тут мы осели, да так и зажили...

Всё ещё держась за голову дочь рухнула на диван!

— Папа! — Как жука булавкой, Настя пронзила отца острым взглядом. — Ты что, серьёзно?.. Серьёзно что ли?!

— Да, доченька, серьёзно. Без шуток.

Вновь вскочив Настя и выбежала из зала! Через минут вернулась и снова рухнула туда, где сидела.

— Папа! — В требовательном жесте она протянула к отцу руки. — Что, чёрт возьми, такого ещё случилось?! Вы уже развелись с мамой... Вы уже, блин, делов наделали! Зачем же нам теперь ещё и переезжать?! У меня здесь школа! У меня друзья! Я не хочу ничего менять! — Роман слушал смиренно, смотрел на дочь мягко и тихо вздыхал. — Объясни! — Настя замахала руками, как спятивший дирижёр. — Ну объясни же мне, я не понимаю! Зачем тебе сдался этот Тольятти?!

Роман помолчал. В последний месяц он и сам этот вопрос обдумывал часто и каждый раз ответ выходил разный. Несмело, с поджатыми губами и шарящим по полу взглядом он заговорил:

— Доченька... Настенька... Ты живёшь здесь всю свою жизнь, для тебя этот город родной... Но не для меня. Твои бабушка и дедушка, мои папа и мама, умерли рано, когда ты ещё не родилась. Всё, что осталось от них, ушло в наследство моим брату и сестре. Так жизнь сложилась, что они тоже из дома уехали. Александр в Москву, Лена в Краснодар... Я с ними практически и не общаюсь. Но город этот... Тольятти... Я в нём вырос. Это город мой. Родной. Там могилы моих родителей. Могилы моих дедушки и бабушки. Моего дяди, которого я очень любил. Может быть ещё живы друзья, вместе с которыми я рос и когда-то дружил...

Настя притихла и опустила голову. Закрыв лицо ладонями она замотала головой, словно отрицая, что слышит. Глядя на дочь Роман сбился — сердце ёкнуло, стало жутко жаль её, свою самую родную, самую любимую, свою кровь, свою семью. Он постарался сократить и подытожил:

— В общем я бы, наверное, уже давно бы уехал, даже Тане как-то раз предлагал, только

она не согласилась. А сейчас мы развелись... и-и-и...

Дочь подняла лицо. Глаза её покраснели, будто от слёз, но на щеках никакой мокроты.

— Что и?..

— Ну... — Роман пожал плечами. — Видишь ли... Тётка моя умерла. Ты её не знала.

Она уже очень старая была. Девяносто два года. Вероника Ильинична. Хорошая была женщина, правда, я её и сам почти не помню... Так вот она оставила мне по завещанию квартиру. Представляешь?..

Глаза дочери вспыхнули. Она возразила:

— Квартиру оставила?.. Так продай её, папа! Продай её! Зачем переезжать?.. Из-за квартиры?.. Продай и всех делов! А не хочешь — не продавай! Меня-то ты зачем задеваешь?!

Роман вздохнул, его пальцы растёрли скукоженный в напряжении лоб.

— Доча... Настя! — Его тон стал неприятно твёрдым, командным. — Я переезжаю. Точка! Я хочу в родной город. Тебе ещё только пятнадцать и ты не можешь жить отдельно, а значит едешь со мной!

— Но пап!..

Громко и властно Роман бахнул по подлокотнику!

— Не спорь!.. Я понимаю, что для тебя это неожиданные и неприятные новости, и я прошу у тебя прощения, доченька моя любимая... Но я переезжаю. Я всё решил! Через три года тебе исполнится восемнадцать и в тот же день, как это случится, я перепису эту квартиру на тебя. Если захочешь ты уедешь и я не буду тебя останавливать. Начнёшь жизнь уже со своей жилплощадью... Но до того момента, пока не повзрослела, ты будешь жить со мной. Точка!

Натянутый и сжатый, как на одной лишь разлохмаченной верёвке висящий над пропастью скалолаз, Роман старался выглядеть суровым и не преступным. На Настю смотреть не просто жалко — невозможно: родительское сердце разрывается, хочет утешить, обнять, сказать, что ладно, что чёрт с ним, с Тольятти — только бы доченька была счастлива, только бы она не плакала!.. Однако ещё оно знает, что если от своего отступит, то переезд домой, о котором так долго и, казалось бы, так впустую мечталось, будет откладываться на потом до последнего, может быть до самой смерти, и в конце концов окажется ещё одной несбывшейся мечтой.

Нет, пускай уж лучше дочерины рыдания кинжалами режут его, но он должен поступить так. Обязан. Всё-таки и для неё он делает не мало...

— Ты решил! — Настя зажмурилась, запрокинула голову... и, точно до того сдерживаемые, слёзы брызнули у неё из глаз летним ливнем! — Ты решил! А меня ты спросил?!

Не желая больше отца ни видеть ни слышать дочь сорвалась и не оглядываясь побежала к себе. Как гвоздь, забиваемый в крышку гроба, с грохотом хлопнулась и её дверь!

Начатое ещё летом, дело об ограблении туристки тянулось аж до декабря. Как и советовала дочь Роман нашёл убитую в соцсети по совпадению лица — бот хорошо сработал. Несчастливая приехала из Нижнего Новгорода — видимо, как и все, хотела посмотреть на новые, выстроенные к чемпионату стадионы. На её странице оказалась уйма снятых уже в Самаре фоток, где женщина позирует в дорогих украшениях: золотая цепочка, золотые серёжки, золотые часики на тонком ремешке... Не бог весть что, но уж получше нуля.

Дальше на три месяца дело заглохло, но потом от одного ломбардщика-сексота пришла весточка: отпетый, известный на районе ханыга занёс дорогие женские часы. Сломанные, с треснувшим стёклышком, зато фирменные и по граммам ценного металла увесистые. Ломбардщик этот ещё с той репутацией — пока к ногтю не прижмёшь будет юлить до последнего, на сотрудничество идёт только из страха, что прикроют. И есть за что... Но часов он этих испугался. Такие вещи не носят люди, могущие с кем-нибудь просто так подраться, чтобы такие тикалки взять и по дурости раздолбать. Тем более женские. Увидел ломбардщик эти часы, взяла его жадность и купил он их за пятую часть цены. Купил, обрадовался... потом пригляделся, призадумался... вспомнил, что он сексот и позвонил патрону.

Дальше пошла настоящая головная боль. Продавший часы ханыга куда-то запропастился.

Пока его отыскивали в деревне у друга, такого же пьяницы, прополз ещё целый месяц. Раскручивать же раба Бахуса оказалось ещё тяжелее, чем искать — тот вообще ничего, кроме имени матери, вспомнить не мог. В самом деле, не прикидывался. Выжимая из него словечко за словечком, как выщипывают берёзовый сок по капельке, Роман чуть не рехнулся! Однажды ханыга натрескался прямо в следственном изоляторе, а когда его за руки притащили на допрос, он только ронял слюни и пытался заснуть под лавкой.

Но всё-таки получилось. Часы к синяку свалились от собутыльника — старого кореша, в июне вернувшегося с крытки. Пришёл тот к нему в гости, они выпили. Потом ещё. Ещё добавили... Ханыга не помнил, как именно он стащил у кореша часы. Наверное просто шарил по карманам, когда тот уснул. Вместе с часами была ещё какая-то серёжка, но ту он потерял...

Стали искать «кореша». Настроились на худшее, однако кончилось всё просто удивительно — тот укатил в Ульяновск и почти сразу же после выхода снова загремел там за разбой. Когда им поинтересовались из Самары этот гражданин уже сидел на скамье подсудимых. Потрясающе удачно вышло, что среди ульяновских следаков попался настоящий ловкач: смог заставить отморозка сознаться ещё и в самарском «подвиге». Уж и как сумел?.. Преображенков лично звонил и благодарил его.

Таким образом этот неприятный «глухарь» и упорхнул. Капитану Птачеку пожали руку, сказали несколько приятных слов и послали работать дальше. Всё кончилось двадцать четвёртого декабря, до нового года осталось всего ничего. Роман не стал рассказывать дочери об успехе, решил приберечь новость на праздничный день. Тридцать первого в середине дня, когда он готовил мясо а Настя резала салат, Роман обронил как бы невзначай:

— Кстати, Настён... А помнишь, я тебе про убийство женщины рассказывал? Ну той, летом ещё, которая туристкой оказалась...

— Эм-м-м... Угу... — На отца она и не посмотрела, овощи чикала бесстрастно и молчаливо, как робот.

Роман открыл духовку и пылающая пасть поглотила поднос с телятиной.

— В общем, дочурочка, я тебя поздравляю. Ты оказалась права! — Хлопнув дверцей, Роман повернулся и сверкнул улыбкой. — Твоя догадка с соцсетью стала тем шагом, с которого мы сумели начать. Ты можешь собой гордиться!

Настя что услышала, что нет — ничего в её движениях не поменялось. Роман не видел, но прекрасно представил, что и в лице она не переменялась. Как стояла, сгорбившись над доской, так и осталась стоять.

— И больше всех тобой горжусь я! — Он подошёл и обнял дочь. — Ты умница! Настоящая умница!

И поцеловал её в макушку.

— Спасибо. — Настя дорезала морковь и стряхнула с доски в общую тарелку.

Роман отошёл, постоял... Скривив губы, он стал искать, что бы ещё такого вдохновляющего вымолвить, но Настя вдруг отрезала:

— Ты можешь идти, пап. На кухне я справлюсь сама.

Роман открыл было рот... но закрыл и почесал в затылке. Дочь двигалась с бесстрастностью машины, смотрела только перед собой и не оборачивалась.

— Ну ладно, красатулечка моя, ладно... — Он ухватил сзади верёвку и потянул — пояс жёлтого фартука с уточкой развязался. — Если что будет нужно — только свистни.

— Ага... — Настя самую малость кивнула. — Посмотри, кстати, тебе там подарок в зале у зеркала.

— Хорошо! — Фартук прыгнул на крючок, а Роман ещё раз с энтузиазмом поцеловал дочь в макушку. — Уже иду!

Выйдя с кухни он устремился к зеркалу. Взглянув ненароком в отражение — на него посмотрел черноволосый, с широким лбом и такой же широкой челюстью мужчина — Роман опустил глаза и наткнулся на маленький, в фиолетовой ленточке футляр. Интересно, что там?.. Вообще-то нельзя распаковывать до курантов, надо терпеть...

Поборовшись с любопытством он подарок всё-таки отложил. Потом вскроет, после двенадцати. Вместе с дочерью. Взяв пульт Роман устроился в кресле и стал щёлкать каналы: первый, второй, спортивный, исторический, про природу, снова спортивный... Нет, назад. Где там про природу?

Передача рассказывает о красотах Сибири, а с кухни докатывается шкварчание, клацанье и жужжание. Спустя минут двадцать в зал приплыл соблазнительный, пробуждающий голод аромат. Рот наполнился слюной, Роман голодно сглотнул. Даже живот заурчал, как лягушка на болоте.

В коридоре прошаркали шаги. Настя вышла из кухни, тоже уже без фартука. Не взглянув на родителя она прошла в свою комнату. Из-за стены донёсся её звонкий девичий голос.

— Пап, всё готово! На стол я накрыла!

Телевизор послушно умолк. Роман улыбнулся и предвкушающе потёр ладони, уже хотел встать... но остановился. Что-то в тоне дочери его насторожило.

— В смысле накрыла?.. Ещё же ведь не двенадцать... Настенька?..

Молчок. Роман подождал, но ответа так и не последовало. Хлопнув по коленям он встал, сделал пару шагов и опёрся плечом о косяк у закрытой двери.

— Доченька... — Роман поднял руку и несильно постучал пальцем в полотно. —

Настенька... А что ты там делаешь?..

Опять молчание. В голову уже полезли нехорошие мысли, когда вдруг выстрелил ответ:
— Переодеваюсь!

Глядя в закрытую дверь Роман постоял... потом отошёл и вернулся в кресло. Подперев челюсть кулаком он закинул ногу на ногу и стал ждать. Запахи с кухни всё ещё соблазняют, только вот аппетит куда-то делся. Минут пятнадцать висела тишина, наконец дверь открылась и дочь вышла: накрашенная, с колечками и серёжками, в светлом, очень красивом платье, подаренном ей матерью по окончании восьмого класса.

Настя — не Настя, а снежная королева из сказки. Холодная, не улыбчивая, с подведёнными тушью глазами и перламутровыми губами.

— Доченька... — От удивления у Романа упала подпирающая челюсть рука. — Чё-то я не понял...

Настя прошла мимо отца и остановилась напротив зеркала.

— Я буду праздновать новый год с подругами. Мы собираемся у Люды, ты её знаешь. Не волнуйся, пап, ничего *такого* там не будет.

Сказала и, как ни в чём не бывало, пошла к выходу.

— Доча! — Роман вскочил, как ужаленный. — А мне-то ты почему ничего не сказала?!

Настя взяла куртку.

— Не сказала?.. — У неё поднялись брови. — Наверное запомнила... Но, в любом случае, мы с девчонками уже договорились, так что я всё равно пойду.

Роман подступил к своему ребёнку. От удивления он часто заморгал, у него даже престал закрываться рот.

— Но... Настя... Я думал мы встретим новый год вместе, как семья... Разве мы с тобой это не обсуждали?..

— Нет, пап, не обсуждали. — Дочь нагнулась к сапогам. — Наверное это ты сам так решил, а меня не предупредил.

Одевшись, она потянулась к дверной ручке. Рука Романа сама, будто по собственной воле, легла ей на плечо.

— Доча...

Дочь покосилась на его ладонь... и холодно перевела взгляд на его глаза.

— Пап... — Её взгляд стал прямым и словно бы металлическим. — Этой своей новостью о переезде ты и так сделал мне большую подножку. Спасибо тебе огромное... Не лишай меня хотя бы возможности побыть в праздник с подругами, которых я, возможно, очень долго теперь не увижу.

Роман смотрел на Настю, будто одеревенелый. Пытаясь справиться с собой он постарался руку убрать, однако та не пожелала сдвинуться. Прилагая просто титанические усилия, миллиметр за миллиметром ладонь с дочериного плеча он всё-таки стряхнул... и сразу сдулся, стал худее, сгорбился.

— Хорошо... — Голос его упал и разбился. — Хорошо, доченька... Делай, как полагаешь нужным...

Настя повела плечом, на котором только что лежали отцовские пальцы. Цокая каблуками она распахнула дверь и, не оборачиваясь, ушла. Глядя ей в спину Роман застыл и опомнился лишь, когда цоканье прекратилось, а подъездная дверь там внизу давно уже хлопнула. Медленно, как в тяжком недуге он за дочерью наконец закрыл... и медленно, словно несёт гроб потопал в зал.

Оставшийся вечер Роман провёл тупо уставившись в телевизор, а на кухню заглянул лишь когда до нового года осталось пять минут — за коньяком.

Фиолетовая ленточка с дочкиного подарка слетела под ноги, футляр раскрылся и в ладонь лёг галстук — красивого тёмно-синего цвета, приятный на ощупь. Небрежно завязав узел, Роман сунул, как попало, голову в петлю и свинтил с бутылки крышку.

— С Новым Годом! — закричали из телевизора.

— С новым счастьем... — Роман запрокинул бутылку и жадно глотнул.

Новость о переезде в шпыки восприняла не только дочь. На службе Романа не поняли и бросились отговаривать ВСЕ. Друзья наперебой приводили доводы, ставили аргументы, один даже выступил с пламенной речью, почему Роман ошибается и переезжать ему нельзя ни в коем случае! Такое стало неожиданным и приятным: неужто любят и ценят?.. Или боятся, что без него придётся совсем туго?..

Только двое отнеслись вроде бы спокойно — Обжигалов и начальник. Обжигалов, как узнал, просто подошёл и спросил:

— Ты чего, Ром — переезжаешь?..

— Ну да.

— Ага, понятно... Ну удачи.

И пожал руку.

Начальник, когда Роман пришёл с заявлением, сдвинул сердито брови, посмотрел это так с претензией, как генерал на солдата, сломавшего метлу, и поинтересовался:

— Ты что?.. Серьёзно?..

— Да, Владимир Дмитриевич. Серьёзно. Я не передумаю.

— А я тебя и не отговариваю... — Преображенев уронил взгляд на листок и громко, слишком громко прочистил горло. — Значит ты уходишь... Совсем со службы собрался?..

— Нет, Владимир Дмитриевич. Я перевестись хочу. Как думаете — найдётся для меня в Тольятти местечко?..

Преображенев будто и не услышал. Глаза его бежали по строчкам сверху вниз, перечитывали... и вдруг поднялись на Романа.

— Намёк понял... — Со стуком он выдвинул ящик и бумажку спрятал. — Ладно, Ром. Решил, так решил. Я с Понятовским знаком, он там по Автозаводскому району назначен. Хотя, конечно, занимаются они почти всем подряд — как и у нас тут. А располагаются вообще в центре... Я с ним созвонюсь и о тебе поговорю.

От радости Роман аж подскочил, ладонь его подлетела к виску.

— Премного благодарен!

Не обращая внимания на такие выкрутасы «старик» достал новые бумажки и стал читать. Не поднимая глаз он буркнул:

— Собирай вещи. Передавай дела... Ступай.

А «передать дела», что на простом языке попросту значит избавиться от них, оказалось сложнее, чем поначалу представлялось. Свои же собственные ребята, которые вместе с тобой работают, в тесном кругу все сплетни с тобой обсуждают, через плечо к тебе заглядывают... затеребили по мелочам! Вот это вот объясни. А вот что здесь у тебя? Где подшивка к этому делу?.. Когда, говоришь, была явка?.. Романа терзали, но с дьявольским терпением он перенёс всё, никого не послал и даже не посоветовал идти и закончить хотя бы школу без двоек. С чистой как у пионера совестью он в последний раз перешагнул порог

родного управления. Оглянулся, посмотрел на заснеженное здание... опустил взгляд, выдохнул пар и убрался восвояси.

Интереснее было с Понятовским: тот аж сам позвонил, чем одновременно и удивил и встревожил!

— Алло?.. Это Роман Птачек?..

Звонок застал Романа в пробке, вечером во время жуткой вьюги на улице Советской Армии.

— Да. Чем могу?..

— С вами говорит полковник Понятовский Григорий Евгеньевич, начальник следственного отдела по Автозаводскому... Тольятти. Мне насчёт вас Преображенков звонил... Я так понимаю вы хотите к нам переводиться?..

Сигналя так громко, будто начался конец света, мимо пронеслась чёрная классическая иномарка с мигалкой, а за ней и ещё одна.

— Вам сейчас удобно разговаривать?..

— Да-да, конечно. — Роман прикрыл телефон. — Просто я тут в пробке... Да, Владимир Дмитриевич правильно вам сообщил. Я собираюсь переезжать и хотел бы перевестись без увольнения. Такое возможно?..

— Ну, в принципе да. Почему нет?.. — И резко и даже грубо, словно с претензией: — Когда вы приедете?

Роман чуть трубку не выронил. У них что там — недокомплект?..

— Д-а-а-а... в ближайшее время, думаю. Наверное недели через две уже буду...

— Хорошо! Буду вас ждать. Насчёт перевода мы с Преображенковым всё уладим. Сохраните мой номер и, как только прибудете, тут же отзовитесь. Желая лёгкого переезда. Буду ждать звонка!

И отключился.

С глазами, как два арбуза, Роман изучил номер, хмыкнул... и спрятал телефон в карман. Потом об этом подумает...

...Труднейшее ждало в конце: собрать все вещи, аккуратно упаковать и нанять проверенных ребят, которые всё куда надо перевезут и ничего по дороге не сломают. Телевизор, холодильник, пылесос, стиральная машинка, микроволновка... лампы, кастрюли, тарелки... Куча, огромная куча белья! И целая тонна мелочей.

Настя, как заморозилась, так и не оттаяла. Отца она избегала, на вопросы отвечала односложно, сама о чём-то спрашивала редко... хотя и делала всё, что Роман говорил. Но с таким лицом...

Ко всей этой непростой в общем-то суете к счастью добавился и один всё-таки приятный момент: соседи, Гришины, как узнали о переезде Птачеков, сразу предложили их квартиру снять. Их дочь вышла замуж, но молодые всё ещё живут с родителями. Для важности Роман сказал, что подумает. Думал он ровно пять минут — сколько запросить за аренду? Потом плюнул, нашёл объявления по району, сравнил и назначил цену чуть ниже средней. На том и порешили.

Всё. Все коробки собрали, тюки упаковали. Машину с грузчиками наняли. Вперёд! Жди. Тольятти!

Жёлто-кирпичный дом по Советской семьдесят четыре возвышается над серыми хрущёвками, как каменный утёс над земляными горками. Снега по подоконники, все окна в

инее. Бегущая во двор дорожка так глубоко под наледью, что и лом вонзи — до асфальта не доберёшься!

Роман свернул с главной и, стараясь не задеть остановившуюся посреди дороги старушку, ушёл в поворот. Дом — вот он, далеко петлять не надо. Но какие-же сугробы! «Форд» пробуксовал мимо соседней хрущобы, ушёл налево и встал у первого подъезда. Хоть и рулил, краем глаза Роман наблюдал за дочерью: когда повернули к хрущёвкам она аж замерла, глаза её округлились, а рот предательски открылся... но зато, когда остановились у явно более новой семиэтажки, дочь тихо-тихо выдохнула и опустила ресницы.

— Вот и приехали... — Роман заглушил двигатель; как бы знаменую конец пути его ладони легли на руль немного по-иному. Постучав по нему, как по барабану, он повернул голову и добавил: — Ну что?.. Выходим?..

Сзади докатился рык большого мотора. По следам «форда» во двор заполз грузовик. Ища, куда встать, водитель закрутил головой на триста шестьдесят, как филин. Грузчик рядом сориентировался, ткнул пальцем и машина покатила дальше, сделала разворот и пристроилась к подъезду задницей.

Водитель припустил стекло, закурил. Дверь кабины распахнулась, наружу выскочили двое: высокий паренёк и мужчина, наверное, годов под сорок. Ростом заметно меньше напарника, да и в комплекции худее, хотя вот парадокс: когда тягали стиральную машинку, Роман сам видел, как этот мужик нёс нижнюю, самую тяжёлую часть и тяготы никак не показывал, а вот парень скалил зубы, раздувал ноздри и пыхтел, будто тащит столетнюю ель...

Роман открыл дверь и вылез на холод. Щёки, уши и нос мгновенно защипало, а от лёгкого, но пробирающего до костей ветерка глаза аж заслезились!

— Чё там, высоко подниматься? — Мужик посмотрел на заказчика, потом повернулся к дому и прошупал его взглядом снизу доверху. — Какой этаж?

Щёлкнула дверь «форда», вышла Настя. За белым пуховиком и вязаной белой шапкой видно только белое лицо. Волосы убраны, пальцы спрятаны в белые шерстяные перчатки. Заслоняясь от ветра дочь обогнула машину и встала рядом с отцом.

— Третий. — Роман поднял глаза и поймал взглядом балкон, где уже бывал. — Идём за мной. Как раз по дороге двери откроем.

Мужик повернулся к долговязому, что-то неразборчиво буркнул. Парень качнул головой и полез распахивать грузовик. Роман оглянулся на дочь, поймал её взгляд и кивнул на дом. Настя моргнула. Продуваемая ветром троица захрустела снегом к подъезду.

Роман вынул ключ, приложил к магниту. Электроника пискнула, дверь распахнулась. Пока поднимались Настя крутила головой — на стенах ни единой засечки, ни точки ни строчки. Нет картинок, нигде не валяются бумажки. Копоти от огня на белизне потолков тоже нет. На подоконниках цветы... Когда Роман месяц заезжал сюда, ему тоже этот вид понравился. Правда потом не понравилось целых два дня вывозить старый хлам, но дочь мусора уже не увидит, она прибыла на всё готовое. То есть почти готовое. Предстоит ещё своё разложить. Ох... Это ещё дня на два, а то и дольше...

Поднявшись на третий Роман встал перед лакированной, цвета красного дерева дверью. Рука уже знакомо вставила ключ, крутнула. Замок щёлкнул и полотно отворилось. Держа осанку и подбородок поднятым, капитан Птачек перешагнул порог. Не разуваясь он прошёл вперёд и развернулся. Его взгляд остановился на Насте.

Цокая каблуками вошла и дочка. Её глаза повернулись направо, налево... Каблуки

процокали дальше. Настя остановилась возле белой деревянной двери, открыла её, заглянула...

— Вот сюда всё и тащите. — Роман подошёл к противоположной от дочери двери, распахнул. — Складывайте всё в зале. Холодильник со стиралкой сразу на кухню.

Мужик кивнул.

— Ну спросим, если чё!

Развернулся и потопал обратно

Дочь оглядела первую комнату, потом прошла к открытой отцом второй... после проследовала в конец коридора, где напротив кухни располагается дверь третьей. Роман заставил себя ждать, когда она скажет что-то сама. Сцепив пальцы за спиной он прошаркал, почти не отрывая подошв, в зал и встал возле окна во двор. Через стекло открылись занесённый белизной двор, покрытый снегом грузовик и болтающий с водителем долговязый.

По документам тётка эту квартиру купила ещё на котловане. Дешёвые обои, деревянные плинтуса, крашенные в жёлтое трубы и белёные потолки. Начальная отделка как она есть. Стёкла, слава богу, пластиковые — и на том спасибо. Прожила женщина здесь больше двадцати лет. Никто её не навещал, так и умерла она одна, в постели. Роман помнил её плохо, в юности видел всего-то пару раз, когда с родителями в гости наведывались. Тогда тут всё выглядело также. Теперь не хватает только её вещей — холодильника «Орск», стиральной, ещё советской машинки «малютка» и деревянных скрипучих стульев... Всё теперь на помойке. За это немного гложет совесть, однако пользоваться таким хламом уже никак нельзя, а своё ставить куда-то требуется, вот и...

Когда Роман узнал о смерти тётки и её завещании, он, где стоял, там и сел. Сейчас, глядя на уже начавших суетиться грузчиков он почему-то вспомнил тот момент... и улыбнулся.

Скрипнула половица. Роман не обернулся; он наблюдал, как ребята вытаскивают стиральную машинку. Дочь встала рядом, посмотрела в окно.

— Да уж, пап... Дома у нас было всё-таки получше...

Роман пожал плечами.

— Уют создать можно везде... Ты уже присмотрела себе комнату?

Настя отошла, повертелась, покрутила головой.

— Может быть возьму вот эту... или ту, напротив...

Развернувшись дочь вновь вышла в коридор. Её взгляд пробежался по стенам и проёмам заново. Настя задрала голову, подняла руку и неожиданно прыгнула — до потолка не дотянулась, а каблуки при приземлении звонко стукнули!

— Вообще-то здесь просторненько...

Снова дочь заглянула во вторую комнату. Её бодрые шаги переместились к третьей... Наконец она вернулась.

— Наверное, пап, я возьму ту, которая в конце коридора. У неё окна на улицу выходят. Там, я заметила, и балкон тоже есть...

Роман повернулся, его губы растянулись в широкой улыбке.

— Конечно бери, красота моя! — Быстро, он как коршун сгрёб застигнутую врасплох дочь в объятия! А его губы крепко припечатались к её белой, всё ещё холодной щеке. — Конечно бери! Хоть две забирай!

Услышать от дочери даже ничтожную похвалу он и не надеялся. Быть может ей здесь

всё-таки понравится?.. Может быть это перемирие?..

Из коридора докатились низкие голоса: один призывал другого держать нормально и так круто не наклонять.

— Хозяин! Куда ты там говорил машинку ставить?!

Больше часа грузчики ходили туда-сюда, ещё часа два собирали шкафы, кровати и прочие тумбочки. Когда уставший, взмокший и испачкавшийся старший попросил накинуть тышчонку за возникшие трудности, Роман даже не спорил, дал без вопросов. Захлопнув за людьми дверь он повернулся, упёрся в неё спиной и утомлённо вздохнул.

— Ну всё... Пора обживаться...

Дочь копалась в ванной и разговаривала сама с собой: что-то она не находит своего бальзама-ополаскивателя...

— Пап, ты не видел?.. Да ну где же он?! Я же точно его в эту сумку клала!

Пройдя на кухню Роман сел за всего час назад собранный стол; повздыхал, поглядел по сторонам... и потянулся к карману. Телефон лёг на ладонь. Вот в адресной книге мелькнул нужный номер... Пошли гудки...

— Алло?..

— Григорий Евгеньевич? — Роман смахнул со столешницы свежую пыль. — Это Птачек. Роман. Вы просили позвонить, когда я приеду. Вот, я звоню...

— А, Роман! Молодец, что не забыл! Но что-то ты поздно, вечер уже...

— Да ведь, Григорий Евгеньевич, я только приехал. Мы даже вещи ещё разобрать не успели. Вряд ли я сегодня в отделение поеду...

На том конце помолчали.

— Ты вот что, Рома... Ничего, если я так?.. Ты вот что: ты вещи разбери, сделай там всё, что потребуется... Денька тебе, надеюсь, хватит?.. Ну а уж послезавтра с утра будь добр в отдел. Адрес знаешь?

Роман задумался — он ведь недавно смотрел карту, специально запоминал...

— Садовая пятьдесят семь?..

Понятовский ответил с таким воодушевлением, что можно стало представить, как он хлопнул себя по колену!

— Молодец! Знаешь, где работаешь!.. Давай, Ром. Обживайся. Распаковайся... Послезавтра как штык чтобы в семь у меня! Жду.

На кухню зашла дочь. В руках два оранжевых тубика.

— Папа... — Глаза её, как у ребёнка, у которого отняли конфету. — Ты точно мой бальзам не трогал?.. Я нигде не могу его найти. Уже всё обыскала...

Роман отложил телефон и взглянул на дочь с такой теплотой, какую, как он иногда считал, никто и никогда, кроме него, дать ей не сможет. Какая любовь более искренняя, чем родительская?..

— Ну пойдём! — Он встал и подошёл к ней. Его ладонь легла ей плечо. — Поищем! Готов спорить, этот твой шампунь лежит на самом видном месте. Вот увидишь, я его мигом найду!..

...Весь вечер и часть ночи прошли за распаковкой. И ещё многое осталось! Спать не легли, а рухнули, как убитые. Утром Роман проснулся раньше, чем хотел: что-то не спалось. Хоть кровать и старая, своя, а новое место всё равно в непривычку.

Зевая так, что в рот можно кулак засунуть, капитан Птачек прокрался мимо закрытой дочериной комнаты в туалет. Справив нужду прошаркал тапочками на кухню и потянулся к

выключателю, хотя солнце уже во всех углах, лампочка не нужна. Щёлкнув кнопкой Роман поймал себя на двух мыслях: он ещё не проснулся и пытается включить свет в вообще-то светлой комнате... а свет-то и не включается...

Лениво разбирательство с электрикой отложив, Роман поставил чайник на огонь и рухнул за стол. Руки скрестились на столешнице, голова опустилась. Проведя щекой по волосатому запястью капитан Птачек сладко зевнул, закрыл глаза...

Проснулся он от тёплого запаха влаги. Чайник! Роман вскочил и с испугом уставился на надрывающийся жбан: пар столбом, стёкла запотели! Вырубив газ Роман схватил тряпку и взялся за пышущую ручку! Обжигая пальцы снял крышку — воды на два пальца, хотя наливал полный! Вот зараза!

Постояв и тихо, с ворчанием поругав себя, Роман решился всё-таки пакетик заварить. Чашку налил до краёв, одноразовый мешочек с листовым мусором выжался и полетел в помойное ведро. Ну ничего: вот обустроимся — и сразу всё на лад пойдёт. Кстати насчёт обустройства...

Новый хозяин квартиры потянулся и щёлкнул выключатель ещё раз. Ничего. Подставил стул и дотянулся до люстры. Перед глазами замаячила лампочка. Абсолютно целая. Новенькая.

— Хоть бы не разрыв... — Роман цедил сквозь зубы ругань, пока её выкручивал. — Только бы не разрыв. Этого ещё не хватало...

Лампочку в ванной сменил на кухонную. Щёлкнул выключатель... и свет зажёгся! Роман опустил голову и с мукой вздохнул, провёл запястьем по лбу.

— Хотя, может быть, это цоколь?.. Хоть бы это был цоколь! Только бы не пришлось проводку вскрывать...

В инструментах отыскалась старенькая отвёртка с маячком. Перехватив её поудобней Роман залез на стул и с надеждой ткнул в держатель... Ничего. Ткнул немного иначе... Потом взял нож и резко, сердито отрезал люстру — из потолка остался торчать одинокий, раздвоенный на конце провод! Отложив её на стол Роман облизал губы и аккуратно, как минёр, одними пальцами чиркнул первым маленьким проводочком о второй... Ничего.

— Капут... — Капитан Птачек слез со стула и тут же сел на него, уронив лоб на ладони. — Пипец... На полдня работы, не меньше...

Через две минуты он уже стоял в подъезде и разглядывал щиток.

— Та-а-а-ак... — Взгляд пробежал по счётчикам, нашёл седьмой и остановился на автоматах. — Ну-ка...

Послышались шаги, голоса. Дверь восьмой квартиры отворилась и в подъезд вышла женщина лет тридцати. Голова непокрыта, волосы завиваются до плеч. В красивой, но не дорогой дублёнке. Лицо академическое, интеллигентное. Умные глаза тут же поймали незнакомца и прилипли к нему, как магниты!

— Здравствуйте... — Роман сделал лицо поблагодарней и наклонил голову. На небо полетела горячая благодарность, что всё-таки не поленился надеть майку и трико, а не вышел, как хотел, в одних трусах...

— Здравствуйте... — Женщина не скрыла удивления. — Ой, а что... Вы теперь здесь живёте?..

— Ну, в общем-то да... — Роман почесал затылок. — Тут тётя моя раньше жила. Вы, должно быть, её знали...

— Ах... — Соседка закачала головой. — Вероника Ильинична! Как не знать!.. Пусть

земля ей будет пухом... — Она перекрестилась. — Прекрасная была женщина... Коля, ну что ты маме по ногам-то ходишь!

Ударившись в женщину, будто слепой, из квартиры выпорхнул мальчишка! Лет десяти, крепкий, спортивный. Под правым глазом овальной синячок.

— Ой! А вы кто?!

Вытаращившись на нового человека он поднял брови и с вопросом оглянулся на мать.

— Роман. — Капитан Птачек протянул мальчишке ладонь. — Ваш новый сосед. А вас, кстати, как зовут?..

— Ой!.. Ха-Ха!.. А я и не представилась! — Женщина прикрыла смущённую улыбку. — Вера. Очень приятно... Это вот Коля... Коля, не стой столбом, поздоровайся... А это Андрей, мой муж.

Вслед за мальчишкой из квартиры выбрался мужчина лет сорока с хвостиком. Лицо, как и у жены — интеллигентное, начитанное; с таким вещают с кафедр. В висках седина, в расстёге пуховика видны галстук и пиджак. Чёрные зимние ботинки блестят, как на парад.

— Здравствуйте. — Роман протянул ладонь и ему. — Я Роман, ваш новый сосед...

Мужчина, как и его сын, сначала замер, будто его по голове ударили... но сориентировался быстро и тоже протянул руку.

— Андрей. Очень приятно... — Они крепко рукопожали. — Так, получается, это теперь здесь живёте вы?..

— Получается... — Роман улыбнулся и развёл руками. — Вчера только вот переехали. Мы с дочерью. Теперь будем здесь жить.

Семья замерла. Каждый из троих смотрит на нового знакомого и будто придумывает, что сказать. Повисла неловкая пауза...

— Коньки! — Мальчик хлопнул себя по лбу. — Коньки забыл!

Растолкав отца с матерью он ломаящимся сквозь кусты бегемотом протиснулся обратно!

— На каток идём... — заметил Андрей, проводив сына критическим взглядом. — Коля так увлекается хоккеем, знаете ли... Вся комната в грамотах. А вашей дочери сколько лет?..

— Немного... — Роман пожал плечами. — Пятнадцать. В этом году будет девятый заканчивать.

— Ой, как вам хорошо! — Женщина хлопнула в ладоши. — А нам ещё учиться и учиться!

— Верочка... — Андрей взглянул на жену неодобрительно. — Учиться всегда хорошо. Тем более я уверен, Роман будет настаивать, чтобы его дочь закончила и десятый с одиннадцатым. Я прав?

Роман раскрыл рот...

— Идёмте! — Мальчишка обратно протиснулся меж родителей, как боулинговый шар меж кеглей. — Идёмте скорее! Мы уже опаздываем!

— Извините... — Женщина виновато улыбнулась. — Надо спешить!

— Как-нибудь в другой раз познакомимся более обстоятельно. — Андрей снова пожал новому соседу ладонь. — Простите великодушно... Этого сорванца слишком мало порют...

Последнее он произнёс как бы в шутку, вот только губы сжал и поспешно отвернулся.

Следуя за громыхающим сыном родители с шумом покинули подъезд. Роман постоял с полминутки, подождал. Вдруг вернуться...

— Будем знакомы... — Вздохнув, он снова взглянул на щиток. — Так что тут у нас?..

Вырубив автоматы капитан Птачек вернулся и с облегчением обнаружил свет и

журчание воды в ванной. Дочь уже встала, значит можно и пошуметь.

— Доброе утро! — Роман задержался у глушащей звуки двери, прислушался: дочь чистит зубы. — Как спалось?

Внутри помусолили меж щёк, прочистили горло и сплюнули. Ответ прозвучал подчёркнуто серо:

— Доброе. Не очень...

Скривив уста и пожав плечами Роман вернулся на кухню, уже с неприязнью предвкушая будущую трудную работу. Глаза ухватили свисающий оголённый провод...

— Та-а-ак... Где-то там у меня была пика...

Когда Настя вышла — от горячей воды на щеках румянец — она застала отца, тащащего ящик с инструментами.

— Чего это?.. — Растирая полотенцем подбородок, дочь взглянула серьёзно. — Что-то случилось?..

— Да вот, понимаешь... — Роман пронёс инструменты мимо и перешагнул порог кухни. — Свет что-то не горит, хочу починить. Сейчас мы с тобой позавтракаем и я посмотрю, что можно сделать...

Разочарованно и устало дочь вздохнула, закрыла глаза, сжала губы и помотала головой. Полотенце из её рук прыгнуло на крючок, а Настя встала в дверном проёме своей новой комнаты.

— Я не голодна! — Дверь за ней закрылась. — И до вечера, наверное, есть не буду... И выходить не хочу.

Ящик встал рядом со столом. Роман оглянулся и как раз застал дочерину спину, скрывающуюся за дверью. Недолго постояв так, как лемминг на страже, он вздохнул и опустился. Пальцы открыли крышку, разгребли всякое. В ладонь легла приятная тяжесть молотка.

— Ну и я тогда не буду... — Капитан Птачек услышал, как теперь уже и сам он звучит, словно туча, пасмурно. — Лучше вот делом займусь...

...Возня затянулась на часы. Собрав на голове килограмм бетонной пыли Роман вскрыл аж целых два метра! Серые грязные пальцы сжали обгоревший краешек шнура... Поработав ножом и отвёрткой, Роман слез со стула и пошёл включать счётчик. Когда возвращался, он держал пальцы скрещёнными и всё твердил: «Давай! Давай!» Облизав пересохшие губы он подцепил провод. Пальцы взяли индикаторную отвёртку, коснулись разлохмаченной половинки... Есть!

— Слава богу! — Роман провёл грязным, серым запястьем по такому же грязному, серым запачканному лбу. — Слава тебе, хосподи!

И только тут взгляд его упал на образовавшийся беспорядок, до того почему-то не замечавшийся. Словно он прятался, но вот вдруг взял и выпрыгнул! Оглядев кучу ужасно неприглядного мусора Роман содрогнулся.

— Вот чёрт...

Убив на уборку ещё с час новый хозяин квартиры оглядел кухню — ну, вроде всё чисто — и наконец-таки поплёлся в ванную. Умывшись через силу он еле как вытерся и почапал, шаркая подошвами, сразу в спальную. Кровать приняла в нежные объятья. Подушка убаюкала, одеяло согрело. Глядя в блаженную тьму Роман снова долгожданно заснул...

...Что-то шкварчит... И запах такой... жаренный. Сонно, медленно и неспешно капитан Птачек поднял веки. Взгляд упёрся в темень, скользнул к усеянному звёздами окну...

— Й-й-о-о моё... — Роман зевнул и растёр кулаками глаза. — Чё?.. Уже вечер что ли?..

Шкварчит на кухне. И запах, назойливый запах подсолнечного масла на сковородке. Там горит свет — ура, работает! — и голоса, как в какой-то телевизионной студии.

Гоня сон Роман встал и сладко потянулся. Чавкая, словно уже чего-то съел, он надел тапочки и побрёл в ванную. Проходя мимо кухни Роман глянул краем глаза: дочь жарит яичницу и смотрит что-то по телефону. Когда умывшийся, взбодрившийся и разруганный отец переступил порог, Настя уже накладывала на стол.

— Яйца кончились. — Она разрешила яичницу на две неравные части и скатила на отцовскую тарелку бóльшую. — И масла тоже на доньшке.

— Ничего, купим. — Роман уселся за стол и с наслаждением внюхался в дочкину стряпню. — Достань, пожалуйста, колбасу и дай мне нож. Ага, спасибо...

Когда Настя приблизилась Роман хотел поцеловать её, но она отстранилась, сделала вид, что не заметила. Оба уселись поудобнее, стали кушать.

Вилкой и ножом дочь орудовала бездумно, всё её внимание в телефоне, где то ли прямая трансляция, то ли ролик. В шоу обсуждают мужчину, который ушёл из семьи и отказывается платить алименты. Студия свистит, улюлюкает, а наглец требует генетического теста...

Прожёвывая кусок за куском, Роман всё ждал: взглянет ли дочь на него?.. За десять минут ужина она так глаз и не подняла. Когда тарелки опустели Роман с сожалением почувствовал, что не наелся.

— Доченька! — Чтобы заглушить электронику ему пришлось повысить голос. — У нас хлеб остался?

Не отвечая Настя встала и, оглядываясь на мобильный, сунул руку в хлебницу. Перед отцом на разделочную доску лёг батон. Роман поморгала... хмыкнул; сделал бутерброд, зажевал... Настя вернулась за стол и продолжила ковыряться в тарелке. Из своей и так не большой порции она съела половину и сейчас просто отщипывает по чуть-чуть, вся целиком в шоу. Роман поразмыслил и сказал, будто ни к кому не обращаясь:

— Вот нахал, а?..

— Что?.. — Настя подняла глаза... и тут же опустила.

— Вот прохвост, говорю. — Роман указал на экран. — Дитё заделал, а теперь увиливает.

— Ещё не ясно... — Дочь снова подняла глаза... и вновь снова же опустила. — Может он и не его вообще...

В студии разгорелся скандал, кто-то полез в драку. Пошли грубые выкрики и запикивания. Роман поёрзал на стуле, откусил от бутерброда ещё, прожевал. Минуты две он сидел, ожидая, что дочь, может быть, скажет что-то ещё... Настя молчала.

— Ты уже созванивалась с подругами? — Прикончив закуску Роман опять взялся за нож.

— С подругами?.. — С великой неохотой оторвавшись от экрана дочь прищурилась. — В смысле?..

— Ну... звонила им? Рассказывала, что уже переехала?.. Как доехала?.. То да сё... — Роман покрутил ладонью.

Какое-то время Настя осмотрела на отца молча, потом поджала губы и снова опустила взгляд.

— Нет, пока не звонила... Потом позвоню... Или напишу... Друзьям...

Роман отрезал ещё батона, ещё колбасы. Намазал маслом и укусил получившийся шедевр. Прожёвывая он то смотрел на дочь, то опускал взгляд и морщил лоб, размышляя.

— Ну, думаю, здесь у тебя тоже друзья появятся... Когда пойдёшь в школу, я уверен, ты убедишься, что здесь вовсе и не плохо...

Настя взглянула на родителя, как глядят на идиотов. Снова опустив взгляд и поджав губы она обронила:

— Мне было достаточно прежней школы... и прежних друзей...

Роман почавкал и вздохнул.

— Доченька... Какая-то ты слишком мрачная. — Сделав паузу он натужно прибавил бодрости: — Я тут, кстати, насчёт местных школ узнавал. Представляешь — тут одна как раз поблизости!.. Двадцать третья, на Ставропольской девятнадцать. Пешком от нас минут за десять добраться можно. Ещё ближе, чем была твоя в Самаре...

— Папа! — Настя не выдержала, отложила телефон. Глаза её превратились в раскалённые угли. — Лучше не напоминай! Лучше не говори! Начал тут... Дома я всех знала! Дома всё было привычно! Все друзья мои дома остались, а я теперь здесь! — Роман бутерброд отложил; взгляд его полностью прикипел к дочери, ставшей вдруг необычайно словоохотливой. — Мы уже с подругами договаривались, куда пойдём учиться, чтобы вместе! А что теперь?! — Настя округлила глаза. — А что теперь?! А теперь всё! Пуфф! — Она развела руки. — Пшик! На ноль помножено! А тебе плевать!

Забыв о яичнице дочь вдруг поднялась и, старательно закидывая голову и отворачиваясь, заспешила к себе. Роман хотел ухватить её за руку, но в последний момент передумал. Глядя на уносящуюся фигуру он громко вставил:

— Доча! Но ведь и не учиться ты не можешь! Школу-то всё равно тебе надо заканчивать!

Дверь в Настину комнату в очередной раз с грохотом захлопнулась.

Хороший совет

— Красота какая... — Роман протянул руку, но дотронуться не посмел. — Это что всё, настоящее?.. Не бутафорское?..

— Обижаешь! — Понятовский подошёл к стеллажу, его рука ухватила саблю, потянула — к капитану обратилось полированное наверхие. — Возьми. Взмахни.

Начальник отступил. Преодолевая вдруг напавшую, как из-за угла, робость Роман поднял руку... и с глухим выдохом махнул! Полоска стали свистом рассекла воздух и сердце тут же восхищённо зачастило, словно играешь лучшей на свете игрушкой! Капитан сжал эфес удобней, расслабил запястье и поводит клинком вправо-влево, парируя воображаемые выпады.

— Нравится? — Понятовский самодовольно улыбнулся. — Ручная работа! Эту я с Кубани привёз, есть там у них такой известный кузнец, Рыбников фамилия... У меня ещё его кинжал имеется. Вон там, в углу висит...

Бережно, как драгоценность, Роман поднял саблю на ладони. Клинок последний раз сверкнул в свете ламп и повис на законном месте.

— Да-а-а... Красиво, конечно... — Отойдя от стеллажа, Роман ещё раз оглядел стальное многоцветье. — В первый раз вижу человека, коллекционирующего оружие...

Понятовский поднял указательный палец, поправил:

— Холодное оружие!.. Но будет, товарищ капитан... Присаживайтесь. В ногах правды нет.

Он указал на стул и Роман уселся возле начальственного стола, задрал ногу на ногу.

— Это ты молодец, что так рано пришёл. — Полковник вернулся в кресло. Его ладони, как у школьника, скрестились на столе, словно на парте. — Лично я в отделение позже, чем в половину седьмого не являюсь. Считаю это признаком профессионализма.

Стараясь держать лицо умным и внимательным взглядом Роман фиксировал нового руководителя в анфас: опрятный, причёсанный, форма выглажена идеально — ниточка не торчит. Седина прокралась в виски, но Понятовский явно не стар. И усы. Небольшие, немного комичные усы. Хотя ему идёт.

Роман оглянулся на окно — на улице темень темень, даже можно, если поискать за облаками, угадать ещё не скрывшуюся луну.

— Да я не специально. Просто я же здесь ещё не был. Вот решил, чтобы наверняка успеть, выйти пораньше.

Понятовский прищурился:

— А где ты поселился?..

— На Советской, семьдесят четыре. — Роман кивнул через плечо. — Тут, оказывается, и недалеко...

— Да тут, приятель, совсем близко! — Понятовский покачал головой, его брови удивлённо вспорхнули. — Эх, дружок! Повезло тебе! А я чуть-ли не с другого конца города езжу...

Роман пожал плечами и вроде как виновато улыбнулся. Как раз в этот момент ему захотелось зевнуть, да так, что удержался он еле-еле, рот чуть не перекосило в страшной судороге. Эту ночь, как и прошлую, сон предательски не шёл.

— Ну, повезло — это как посмотреть... — Он глянул на начальника по-особому. —

Всё-таки там тётка моя жила... Квартира мне от неё в наследство осталась...

— Мир праху. — Григорий Евгеньевич сделал лицо постным и перекрестился. — Извини, не подумал...

— Да ладно...

Понятовский опустил взгляд, помусолил губы. Его усы при этом смешно походили туда-сюда. Поглядев по сторонам и хмыкнув, начальник вдруг выпрямился, его ладонь с шумом хлопнула по столу.

— Ладно! Про самих себя мы поговорить ещё успеем! Капитан Птачек... Давайте прс службу.

Роман охотно кивнул.

— Давайте. Я так понимаю мне сейчас к кадровикам?..

Понятовский пренебрежительно отмахнулся.

— К ним успеется! Чай не с улицы вас берём... Вот что, Роман Павлович... Я, когда насчёт тебя с Преображеновым созванивался...

В дверь постучали.

— Григорий Евгеньевич!..

Понятовский застыл на полуслове. Губы его сжались в тонкую сердитую линию, полковник с шумом выдохнул и произнёс:

— Да?.. Войдите!

Дверь распахнулась и на пороге возник раздумавшийся парнишка. Ну точно только что вернувшийся со срочки солдат. Или недавний курсант... На погонах полоса и две звёздочки.

— Григорий Евгеньевич... — Зацепив взглядом Романа парень кивнул главному. — Вы просили подойти к без десяти семь...

— Ах! — Понятовский прикрыл глаза; его ладонь поднялась и хлопнула полковника по лбу. — Совсем забыл! На пенсию, наверное, тоже пора. Вслед за Анисиним...

Мельком глянув на новенького ещё раз парень закрыл дверь и прошёл дальше, к стульям. На стенд с оружием даже не взглянул.

— Вот. — Понятовский указал на вошедшего. — Знакомься, Рома — это твой новый коллега. Конев Денис Васильевич. Перспективный в будущем оперативник... Денис, ты тоже знакомься — это новый следователь, капитан Птачек. Роман Павлович. Теперь с вами работать будет он.

Слушая главного и будто всем видом обращённый к нему, парень тем временем выбирал из оставшихся стульев лучший. Взяв, он поставил его напротив новенького, уселся и протянул руку.

— Товарищ капитан...

Роман сжал молодую ладонь — холодную и бледную, будто её хозяин только что вылез из прорубя.

— Ну и холодрыга же сегодня! — Парень отстранился, его юное лицо обратилось к полковнику. — Представляете, Григорий Евгеньевич — у меня в машине антифриз замёрз!

— По телевидению минус тридцать четыре передавали. — Полковник откинулся в кресле. — Хотя ещё неизвестно, где ты тот антифриз брал...

— Так то по городу, а у нас на районе, наверное, вообще все минус пятьдесят! — Денис всплеснул руками. — Хотя может и вы правы и это антифриз фуфло... Я когда по Карлухе ехал...

В дверь постучали. И Роман и Денис с Понятовским оглянулись.

— По Карлухе ехал, говорю, когда... — Денис замялся, поглядел на начальника, снова на дверь. — Григорий Евгеньевич, это, наверное, Кирилл.

— А кто ж, как не он?.. — Понятовский смерил юношу пристальным, но не слишком строгим взглядом. — Так что там, говоришь, на Карлухе-то?..

— Григорий Евгеньевич...

— Э-х-х-х... — Полковник скривился. — Болтун ты, Денис... Войдите!

Дверь распахнулась стремительно, словно с той стороны держали пальцы на ручке, как на кобуре во время дуэли. Порог переступил мужчина лет тридцати. Форма чистая, но слегка заметно, что неглаженная. Среднего роста, с худощавой и, можно угадать по шее, явно жилистой фигурой. Глаза строгие. Губы строгие. Лицо вообще не улыбочивое и даже, если всмотреться, сердитое. На щеках морозный румянец.

Прощагав он остановился, провёл неторопливым взглядом по присутствующим и лишь тогда произнёс:

— Григорий Евгеньевич...

Понятовский ответил на поклон.

— Кирилл, привет...

Парень потянулся и пожал протянутую ладонь.

— Вот, знакомьтесь. — Полковник развёл руки, одна указала на Романа, вторая на новенького. — Роман, это наш старлей, Спиридонов Кирилл. Аркадьевич. О-о-очень толковый парень. Можешь обращаться к нему даже с самым тяжёлым вопросом. Гарантирую, он не подведёт.

Несмотря на прямую лесть лицо вошедшего осталось бесстрастно-серьёзным.

— Кирилл... Это капитан Птачек. Роман Павлович... Новый следователь. Он теперь работает с вами, так что вы организуйте, налаживайте сотрудничество...

Строгие, пронизательные глаза прощупали Романа насквозь. Вошедший наклонил голову, к капитану потянулась жилистая пятерня. Голос, поначалу слышавшийся спокойно-монотонным, лязгнул теперь, как молотом по наковальне!

— Будем знакомы!

Роман ухватил ладонь — её тут же сжало, как гидравлическими тисками: аж кости затрещали! Он постарался ответить сильнее, но, наверное, с такой хваткой справился бы только цирковой силач. Скрывая напряжение Птачек кивнул.

— Будем...

Поручившись с новым следователем Кирилл прошёл и уселся рядом с Денисом. Роман положил ладонь на колено и тихонечко пару раз сжал-разжал, прогоняя боль.

— На Краля Маркса караул, что творится... — Денис поёрзал на стуле, встал, отодвинул его от стенки и уселся заново. — Пробка километра на полтора. И всё из-за светофора.

Кирилл повернулся к нему, возразил:

— Не из-за светофора. Там грузовик не перекрёстке в светофор вписался. Ну ещё бы! Такая наледь... До сих пор там стоит. Его даже вытянуть не могут — за ночь засыпало.

— Ну, в каком-то смысле я всё-таки прав... — Денис стрельнул в новенького краем глаза. — Жаль только, что пока до Комсомольской добрался — столько набуксовал... А кстати! Я ведь когда мимо светофора ехал, там никакого грузовика не было...

— Не было?.. — Кирилл округлил глаза. — Ну, значит оттащили... А со светофором что?

— А что с ним случится?.. Гнутый он, как коряга... На днях, думаю, заменят...

Громко, подчёркнуто громко Понятовский прочистил горло. Опера разом притихли и оглянулись на начальника, как борзые на охотника.

— Ребята... — Полковник положил локти на стол, его ухоженные пальцы сплелись воедино. — У нас в отделе новый человек, а вы про какую-то... хрень, прости господи... Нам надо товарища в курс вводить, а не про пустое балаболить...

Молодой оглянулся на Романа: взгляд такой, будто ждёт, что капитан сейчас тоже что-то этакое выскажет. Кирилл пожал плечами и откинулся на спинку: как скажете, мол, так и будет...

В дверь вновь постучали. Не успел Понятовский кашлянуть, как она открылась и в кабинет зашёл ещё один. В чёрной кожаной, явно недешёвой меховой куртке. На запястье золотые «котлы». Ростом чуть ниже Кирилла и возрастом, как и он, лет под тридцать. Ну может чуть-чуть помладше... Лицо круглое и как бы мягкое, в жизни не знавшее драки. Посаженные близко глаза смотрят с ленцой, сверху вниз.

— Григорий Евгеньевич... — Вошедший встал на пороге и оглядел комнату; по Роману мазнул вскользь, будто и не заметил.

— А, Миша! Проходи... — Понятовский мотнул головой. — Как раз с новым сотрудником познакомишься!

— Это с кем?.. — Мужчина взглянул на Романа снова, уже пристальней.

— У нас теперь новый следователь. — Понятовский сделал жест. — Вот, поздоровайтесь... Это капитан Птачек...

— Роман Павлович. — Не вставая, Роман подался вперёд и протянул ладонь.

Специально или нет, но мужчина не спешил. Мгновение, показавшееся долгим, он новенького рассматривал. Взгляд его коснулся капитанской причёски, прощупал одежду, оценил обувь... Пробежал по лицу. Кольнул в глаза... И остановился на протянутой руке.

— Кривкин. — Мужчина поднял свою и сжал поданную пятерню. — Михаил Андреевич. Старший оперуполномоченный.

— Будем знакомы! — Роман стиснул пальцы, встряхнул рукой и поспешно её отдернул. Почему-то касаться этого человека оказалось неприятно.

Не заметив этой эмоции — или не придав ей значения — мужчина сунул руки в карманы и оглянулся на оперов.

— Денис?.. Кирилл?.. А вы чего так рано?..

Денис аж выпрямился, как выдернувший голову из песка страус:

— Так товарищ полковник приказал!

У Понятовского лицо вдруг стало такое, словно он вот прямо сейчас додумался до чего-то очень важного.

— Миша! А ты чего, собственно говоря, тоже так спозаранку приехал?.. — Полковник приподнял бровь. — Ты ж говорил сегодня раньше одиннадцати не появишься?..

Кривкин сморщил губы, его пальцы расчесали идеально выбритый подбородок. Проведя ладонью по волосам он ответил так тяжело и лениво, словно на языке у него пудовая гиря:

— Да вот, понимаете... Григорий Евгеньевич... Отец из прокуратуры звонил... Просил, чтобы мы ему дело Таганрогафа... Тьфу... Таганрогафа отправили.

— А-а-а-а... — Полковник прищурился, закивал. — Понимаю... А разве ты его на прошлой неделе не отвозил?..

Кривкин сморщился ещё хлеще, точно понюхал тухлых яиц.

— Да я должен был... — Он отвёл глаза. — Да вот, понимаете, по другим делам забегался... Ладно, сейчас отвезу...

Не глядя на окружающих Кривкин подошёл к шкафу со стеклянными дверками. Рука с золотыми часами отворила створку, вторая прошла пальцем по папкам, остановилась на последней. Ухватив её он шкаф закрыл и пошёл на выход. Остановившись же в дверях через плечо бросил:

— Я сейчас съезжу, но потом всё равно по другим делам поеду. Наверное буду ближе к двенадцати...

И ушёл.

Сказать, что от увиденного у Романа челюсть чуть не отвисла — это не сказать ничего. Стараясь держать лицо самым бесстрастным из бесстрастных капитан медленно, очень-очень осторожно посмотрел на нового начальника: полковник глядит на оставленную, кстати, открытой дверь с таким выражением, с каким люди смотрят на безнадёжно больного, но не родного человека. Очень многозначительный взгляд...

— Так, орлы! — Заметив интерес Романа он кашлянул и авторитетно возрился на оперов. — Вот вам архиважная задача! Берёте товарища капитана и водите по управлению, всё везде показываете! Последним пунктом зарулите к кадровикам. Ша-а-агом-ма-а-арш!

Кабинет, оставшийся от старого следователя — какого-то Анисина — и комнатой-то не назовёшь: так, конура собачья. Узкая коробка в семь шагов от двери до подоконника. Серые обои, крашенный белый потолок. Компьютер с прошлого десятилетия и столик, какие младшеклассникам покупают. Старый, дспшный шкаф и окно за коваными прутами. А ведь прошлый свой кабинет Роман считал не ахти... Но отсюда он вспоминается хоромами!

Хмыкнув, капитан ботинком отодвинул табуретку и уселся — в воздух взлетело облачко пыли.

— Да чтоб тебя!

Он рассерженно вскочил! его ладони засуетились, завывбивали грязь из запачканных штанов!

В дверь постучали. Без ожидания стучавший опустил ручку и вошёл: порог переступил Понятовский.

— Рома, ну как ты тут? — Он бодро качнул головой. — Осваиваешься?

Прекратив суетиться Роман выпрямился, расправил плечи и встал этак невозмутимо, даже кулак в бок упёр.

— Да потихоньку да... — Он покрутил взглядом, пожал плечами. — В принципе, Григорий Евгеньевич — ну что тут у вас может быть мне незнакомо?.. Всё, как и у нас. Лица только другие...

Понятовский понимающе кивнул, его взгляд опустился, коснулся пола... и вернулся. Голос прозвучал твёрдо:

— Присядьте, товарищ капитан. Мы должны поговорить с вами о кое-чём очень важном.

Чего-то такого и ждавший Роман уселся обратно, только сделал это мягко-мягко. Потом отряхнётся... Полковник шагнул в сторону, взял стоящий у стены стул и устроился прямо напротив. Их взгляды вновь встретились.

Понятовский помолчал, глаза его сощурились, опустились... поднялись и впились в нового следователя, как иглы. Заговорил он с хрипотцой, словно долго молчал:

— Я... эм-м-м... Рома... Я разговаривал с Преображеновым... Он рекомендовал тебя как хорошего специалиста. Сказал... Эм-м-м... Он сказал, что ты неплохой следователь. Это так?..

Роман не удержался, скривил уста: такие похвалы всегда раздражают; чем больше от тебя ждут, тем быстрее разочаровываются.

— Ну... Всё-таки Владимир Викторович немного преувеличивает... — И взгляд, и вообще весь свой вид Роман постарался сделать показательно простеньким, без даже крохотнейшего намёка на высокое самомнение. — Да, к любому расследованию я стараюсь подходить ответственно. Ещё иногда, быть может, мне везёт... Но я не Пуаро, это уж точно...

Понятовский смотрит пристально, глаз не отводит. При последних словах он сморщил губы; его усы, как и утром, смешно походили туда-сюда.

— Хм-м-м... — Как бы соглашаясь полковник покачал головой, хотя его глаза всё ещё будто стараются в чём-то уличить. — Ты, я так погляжу, ещё и скромный... По крайней мере на первый взгляд...

Роман пожал плечами. Понятовский нахмурился, его пальцы вдумчиво потёрли подбородок.

— Ладно, будет тебе стесняться! Преображенову я доверяю: не первый год с ним знаком. Если Вова говорит, что ты человек толковый, значит это так.

Роман откинулся на спинку, глубоко вздохнул.

— К чему ведёте, Григорий Евгеньевич?.. Выкладывайте. Простите, но уж слишком заметно. Ходите, ищите подступы...

Глаза полковника заискрились! И тут же погасли. Он облизал губы и его усы, и так приковывающие внимание, опять заходили туда-сюда. Заговорил он тихо, с прищуром.

— Никаких подступов вовсе я и не ищу... Но ты прав, кое-что у меня есть. Только вот... Видишь ли... Тут потребуется человек очень незаурядный. Особо смыслённый. Или удачливый... Ты смыслённый, Ром?..

Одна его бровь изогнулась, а глаза стали, как у профессора, вlepившего студенту не предусмотренный экзаменом вопрос. Роман помолчал. Странно, но ничего в голову не лезет. Ни мыслишки, пусто. Ощувив даже какую-то комичность капитан вопросительно качнул головой.

— Простите... Что?..

Наверно Понятовский планировал повести разговор иначе. Как приговорённый грешник он тяжело вздохнул, губы его собрались в хмурый изгиб. Полковник выпрямил спину и откинулся, насколько позволяет стул. На подчинённого взглянули глаза уже не требовательного офицера, а уставшего, придавленного жизнью человека.

— Что, всё ещё не знаешь?.. А я-то думал ты уже в курсе... Ром — а ты слышал о тольяттинском маньяке, который на убитых стихи оставляет?

Роман честно задумался, стал рыться в памяти. Понятовский терпеливо ждал, а капитан упёр взгляд в одну точку и сидел, напряжённо распаковывая мозговые «архивы». Ответил он со всей уверенностью:

— Нет. Не слышал ничего.

Сказал — как выстрелил: у полковника аж глаза округлились; он даже ухом повернулся, словно не расслышал.

— Не-е-ет?..

— Нет.

— Хм-м-м... Значит я слишком плохо думал о своих ребятах. — Главный ухмыльнулся самыми краешками губ. — Или сарафанное радио до вас в Самаре не добралось...

Роман сдвинул брови и вопрошающе поднял ладонь.

— Какая-то сплетня?..

— К сожалению не сплетня... — Понятовский помотал головой, с его губ снова слетел всякий намёк на улыбку. — К сожалению нет... Слушай, Рома, внимательно. То, что я скажу, теперь и тебя касается. — Он причмокнул, отвёл глаза и вздохнул. — В общем... Это началось что-то около шести лет назад. Примерно. Может и раньше, и мы просто чего-то не знаем.... Но если обращаться к тому, что мы имеем подтверждённого, то первое убийство произошло шесть лет назад. Шесть с половиной, если быть точным.

Романа прямо жгло перебить: что и почему касается, да ещё именно его?.. Однако он скрестил руки на груди и приказал себе погрузиться в слух.

— У нас в городе резвится маньяк. Я слышал, что ребята меж собой прозвали его поэтом... Лично я не хочу его так называть, так как это значит плеснуть грязью на поэтов настоящих... — Понятовский помолчал, задумчиво поглядел на свои скрещённые на столе ладони. — На протяжении, как я уже сказал, вот уже шести лет каждые месяц — два у нас происходит убийство. Жертвы у него самые разные, но всех он убивает только ножами, а при мёртвых оставляет посвящённые им стихи... — Чуть помолчав полковник вдруг глянул на Романа строго: слушает ли? Капитан внимает с каменным лицом. — Нет однозначных доказательств, что действует именно один человек. Может и больше... Но сталкивавшиеся с этим делом ребята говорили, что больше всего смахивает на одиночку. В общем — маньяк, как он есть. Рафинированный, так сказать... — Понятовский прикрыл рот кулаком, громко прокашлялся. — Мда... Так вот, Рома... Самое поганое в этом деле, ты, наверное, уже понял, что?..

Капитан Птачек поднял руку к подбородку, пальцы растёрли трёхдневную щетину.

— То, что его не могут поймать?..

— Именно! — Полковник ткнул в него указательным. — Именно, Рома! За все эти годы у нас ничего. Совсем! Только бесчисленные тома в хранилище и тень с ножом, прячущаяся за углом. Вот, кстати... — Он потянулся к нагрудному карману — на стол лёг ключик. — Это от архива. Я уже поговорил с ответственными, тебя будут пускать без всяких промедлений.

Понятовский уставился на нового подчинённого по-особому, с настоящей, не напускной важностью. Так болельщик следит за своей командой в надежде, что та победит. Готов кричать от радости, если это произойдёт!.. И возненавидит, если она проиграет...

— Рома! Я освобождаю тебя от всех потоковых дел! — От значительности полковник не заметил, как задрал подбородок. — Ты не будешь отвлекаться ни на что, кроме единственной этой сверхважной задачи — поимки этого душегуба! Пора уже нам с ним покончить, и сделать это немедленно!

Начальник застыл, как фотография. Кивнув сам себе, словно выполнил поставленную задачу, он хлопнул по коленям и встал.

— Остальные следователи и оперативники будут заниматься, конечно же, основной работой, но я попросил их оказывать вам любую помощь. — Понятовский выпятил грудь и воззрился на Романа сверху вниз, как орёл на зайца. — Не подведите, капитан!.. Преображенков отзывался о вас очень хорошо и мне не хотелось бы портить создавшееся

впечатление!

Не дожидаясь, скажут ли ему что в ответ, он повернулся и в четыре шага вышел из комнаты. Когда дверь со стуком закрылась у Романа опустились руки... но тут же поднялись! Ладони закрыли глаза и с нажимом сползли до самой шеи. Капитан цыкнул, его пальцы скрестились за затылком, а взгляд упёрся в потолок.

— Ну ахренеть теперь не встать...

За обустройством день пробежал незаметно. Вот на улице темень утренняя, а вот уже и вечерняя... Ближе к пяти Роман сбегал в магазин рядом с управлением, а в семь уже сидел в своём новом кабинете-конуре, обмывал с новыми сотрудниками.

— А я вот считаю, что так и надо! — Денис треснул кулаком по коленке. — Надоело человеку на старом месте — он должен на новое уходить. Он же не дерево!

Кирилл пожал плечами, потянулся за селёдкой.

— Это ты так говоришь, потому что молодой ещё. У тебя ни жены, ни детей. Конечно легко рассуждать, когда лёгок на подъём...

Роман разлил по новой. Выпили. Закусили.

— Да я, в принципе, и не переезжал бы... — Жуя, капитан остановил взгляд на одной точке. — Меня и на старом месте всё устраивало... Почти.

Кирилл мотнул головой:

— А чё ж не остался?..

Брови Птачека задумчиво поднялись. Он опустил взгляд и внутренне задал себе тот же вопрос.

— Домой захотел. Я ж тут вырос! А в Самаре, ну... просто надолго задержался. Жена, ребёнок появились...

— Да-а-а... Судьба такая штука... — Денис важно кивнул. — Сегодня думаешь, что будет всё в твоей жизни так, а завтра р-раз! — и по-другому...

Роман заметил, как Кирилл незлобно улыбнулся. Ну, это понятно: слышать такое от мальчишки... Говорить дальше о себе не хочется, а значит надо свернуть.

— Кстати, ребят... — Он взглянул на каждого по очереди. — У меня тут с Понятовским кое-какой разговор случился. Он сказал, что я делом какого-то маньячилы займусь. Вы, наверное, уже в курсе...

Лица собутыльников посерели. Румянец схлынул с щёк, челюсти перестали жевать. Глаза лейтенантов синхронно обратились к Роману и в них не смог бы найти ничего хорошего даже самый оптимистичный на Земле человек.

Денис отвернулся. Кирилл смотрел на мгновение дольше, но и он отвёл глаза, как от стыда.

— Дохлое дело... — буркнул он, глядя в пол. — Мёртвое.

Капитан уже хотел опрокинуть новую, но рюмку отставил. Глаза его прищурились, в них вспыхнула искра.

— Это почему же?..

Денис молча потянулся и прикончил свежие пятьдесят, зажевал. Кирилл руки от посуды убрал. Тяжело вздохнув он снова поднял взгляд.

— Рома... Я ж могу тебя Ромой звать, ага?.. Если говорить по-чесноку, то я не знаю, кто из наших сам бы подписался на этот головняк. Только если будут увольнением страшить, да и то... наверное, некоторые бы предпочли того... — Он мотнул головой. — Дело, говорю,

дохлое. Абсолютно бесперспективное.

Роман наклонился, опёрся локтями о колени.

— Почему так говоришь?..

— Потому что маньячила этот, как ты выразился — гад в самом деле неуловимый. —

Кирилл посмотрел свежему сослуживцу прямо в глаза. — Он в городе страх уже шесть лет наводит, и до сих пор не оставил ни единой улики. Никто его не видел, никто не слышал. Он как дух! — Старлей сделал пасс ладонями. — Вшух! Нет его нигде! И всё-таки где-то он есть...

— Неужели ни одной улики? — Роман скептически повернулся одним глазом. — Совсем никакой?..

Кирилл ответил, как отвечают «дважды два — четыре»:

— Ни намёка! Ничего. Пусто... Только время от времени мы нового зарезанного находим, и так полная стабильность...

Тихо, с какой-то даже застенчивостью подал голос Денис:

— Да, капитан, не повезло тебе... Ты извини, что так говорю, но в самом деле ведь не повезло...

— Ребята... — Роман выпрямил спину и сел поудобнее. — Что за негатив?.. Мы команда или как?.. Да найдём мы вашего любителя ножей — куда ж он от нас денется?.. А меня страшить не надо...

Денис мнётся, хочет что-то сказать, но не решается. Видя его мучения заговорил Кирилл:

— Да мы не страшим, Ром, ты не думай. Если ты даже не поймаешь его, а хотя бы просто какой-то... ну, не знаю... какой-то намёк, какую-то зацепочку, сведение какое-то найдёшь... Да тебя здесь на руках носить будут! Денис просто имеет ввиду, что... ну, как бы тебе сказать... — Он облизал губы, собрался с духом: — В общем: все следователи, работавшие по делу Поэта, уволились.

Денис возразил:

— Кроме Анисина.

С неудовольствием оглянувшись на друга Кирилл кивнул.

— Хорошо, кроме Анисина. Но Анисин на пенсию ушёл, и ты прекрасно знаешь, Денис, что он мог бы и ещё поработать. Мог бы...

— Но у него сердце...

— А где он это сердце посадил?..

— Тише, мужики, тише! — Роман вскинул ладони. — Сейчас всё отделение сбежится!

Посидели, помолчали. Выпили. Закусили.

— Кстати... А знаешь что... — Кирилл взгляделся в капитана пристально-пристально. — Тебе, Ром, было бы не дурно с Анисиним-то и пообщаться. Он знаешь, какой мужик головастый?.. Очень умный. И он однажды сказал, что углядел у этого гада какую-то систему. Только нам не рассказал. Отговорился, что пока в чём-то там сомневается...

Денис просиял лицом.

— А ведь верно! Товарищ капитан!

Роман недовольно скривился.

— Да зови просто Ромой...

— Товарищ капитан... — Денис покрылся застенчивым румянцем. — Кирилл дело говорит. Ты с Анисиним-то в самом деле свяжись! Филип Петрович его зовут. Я тебе номер

его сейчас на бумажке напишу. И где живёт тоже... Он мужик очень толковый! Он столько дел в прокуратуру отправил, на которые другие уже рукой махнули... Не пожалеешь!

Оба лейтенанта смотрят выжидающе, чуть ли не в рот заглядывают. Роман аж замялся с ответом, настолько лучатся требовательностью их глаза. Прочистив горло он произнёс как можно дипломатичней:

— Ну, отчего ж с хорошим человеком не познакомиться?.. Кирилл! Не давай пустовать посуде. Разливай!

Тонкая белая ладонь пробежала по переливающимся чёрным волосам. Девичья ножка в белом носке уткнулась в подушку. Сидя на кровати Настя поправила локоны и снова уставилась в ноутбук. Её глаза забежали по строчкам пришедшего сообщения.

В комнату заглянул отец.

— Доченька, я нормально выгляжу?..

Настя подняла глаза: в тёмном пиджаке, поверх светлой рубашки родитель демонстративно надел даренный тёмно-синий галстук. Хотя вообще-то она выбирала всё-таки с заботой, а потому ему идёт...

— Ремень поменяй. — Дочь снова уставилась в экран. — Он не катит к этим штанам.

— Но милая... — Роман развёл ладони. — У меня же только два ремня, и про прошлый ты сказала тоже самое...

— Ну не знаю... — Настя досадливо вздохнула. — Одевайся, как хочешь...

Отец вышел... но через мгновение его голова снова вылезла из-за косяка.

— Настенька! Давай-ка тоже собирайся! Что-то я не вижу, как ты готовишься...

Дочь вздохнула ещё досадливее, отодвинула ноутбук и резко, раздражённо скрестила руки.

— А я и не хочу никуда готовиться!

Тишина. Настя ждала, что отец сейчас зайдёт и спросит: — «Почему?!» Но нет.

Вскочив она наскоро напялила тапочки и выбежала в коридор. Отец стоит у зеркала, рассматривает отражение. На неё взглянул спокойно, даже с любовью.

— Давно уже не носил этот пиджак... Наверное лет пять, если не дольше.

Настя громко топнула.

— Папа! Ты слышал, что я сказала?!

Лицо Романа не изменилось.

— Слышал, доченька. Конечно слышал. Но что я могу тебе ответить?.. В твоём возрасте я тоже в школу не хотел. Но надо, милая, надо... От этого никуда не деться.

Настя всплеснула руками.

— Папа! Ты не понимаешь! Я не хочу в ЭТУ школу! Я вообще не хочу здесь оставаться! Я хочу ДОМОЙ! Хочу в САМАРУ!

Роман опустил глаза, застыл. Немного постояв он скривил губы, тяжело вздохнул и поднял на своего ребёнка полный холодной решимости взор.

— Настенька... Доченька... Как я уже сказал, когда тебе исполнится восемнадцать, ты будешь вольна делать что вздумается. Замыслишь уехать — уедешь. А пока... — Роман как-то глянул так, что у Насти кровь забежала медленнее и сердце сжалось, — пока ты будешь делать то, что я скажу. Даже если не хочешь.

Задержав на дочери взгляд на ещё одно долгое мгновение... Роман отвернулся. В глаза ему поглядело его собственное отражение. Руки поправили галстук, пригладили карманы. Губы растянулись в лёгкой улыбке.

— Ну вот, прилично выгляжу. И не скажешь, что не выпался, верно?..

— Как только исполнится... — Настя резко подняла руку, на родителя устремился аккуратный ноготок на её тонком указательном. — Сразу уеду! Тут же!

— Хорошо, доча, хорошо... — С полным, демонстративным спокойствием Роман

кивнул. — Договорились. А теперь собирайся. И пожалуйста поторопись, а не то мы в твою новую школу опоздаем.

Увиденное привело Настю в уныние. Вместо пятиэтажного, архитектурно-изысканного жёлтого здания старой школы её встретила двухэтажная серая коробка, похожая на другие такие же коробки-хрущобы, как друг на друга ящики из-под угля. Даже почти засыпавший здание снег не скрывает его убожества. С надеждой дочь взглянула на отца — может они просто идут мимо?.. Может это совсем не то место?..

Нет, всё-таки они по адресу!

Не без натуги Роман потянул ручку чёрной металлической двери, дочь проскочила под его локтём и сама толкнула вторую дверь, уже белую пластиковую. Взгляду предстал абсолютно прямой, геометрически ровный коридор. Выделяются доски газет, разрисованные ватманы... Стены жёлтые, у самого потолка переходят в белое, как красили когда-то давно. Настя с разочарованием огляделась — взгляду зацепиться не за что: ни красоты, ни чего-то особенного.

Напротив входа столик со старичком в форме сторожа. Усатый, с большими очками и наверняка уже да-а-авно-о-о на пенсии. Тот взглянул поверх толстых линз, его руки отложили газету.

— Здравствуйте. По какому поводу?..

Роман с удовольствием огляделся: в коридоре ни души, не считая парочки взрослых. Жутко не хотелось прийти в разгар перемены — и вот желание исполнилось!

— Добрый день. — Он вежливо кивнул. — Я созванивался насчёт встречи с директором... Мне бы с ней поговорить. Не подскажите ли, где её кабинет?..

— А-а-а, вы о переводе... — Старичок метнул взгляд с мужчины на девочку и обратно. — Да. Татьяна Ивановна меня предупреждала. Пойдёмте, я вас провожу. Тут недалеко.

Крякнув, он выбрался из-за стола. Его спина разогнулась с громким хрустом. Пощупав поясницу, престарелый страж махнул ладонью и поплёлся самую малость, почти незаметно прихрамывая.

Повёл старичок на второй этаж и пока шли, Настя оглядывалась со всё большим недовольством: всё, абсолютно всё дёшево, серо, скучно. Креативности ноль! Ну что это за школа?.. Не школа а казарма, наверно, какая-то...

— Вот, прошу. — Сторож встал у двери с табличкой «директор». — Только стучитесь, а то вдруг она занята...

Роман сравнил эту дверь с остальными с понимающей ухмылкой — она единственная красивая, деревянно-резная, лакированная. С золотистой сверкающей ручкой. Другие стандартные, белые пластмассовые. Детали, как всегда, кричат громче самых громких слов.

— Спасибо. — Капитан Птачек кивнул, его губы изогнулись благодушной кривой. — Всё учтём.

Не оглядываясь, постучаться гости всё-таки или нет, старик поплёлся обратно. Когда он отошёл уже метров на десять Настя повернула к отцу унылое, безрадостное лицо. В глазах терзание, в устах мука.

— Папа... Что это за коробка?.. Гараж какой-то...

Роман поглядел на дочь с укоризной.

— Настенька... В самом деле — не перегибай ты палку. Ну, на вид простенькое всё,

признаю. Ну и что?.. Пойдём. Не будем терять время.

И потянулся к золотистой ручке... застыл, подумал... Сжатые в кулак пальцы гулко постучали в дерево.

— Да-да?.. Войдите!

— Идём. — Роман мотнул головой. — Я уверен, ты убедишься, что здесь наверняка вовсе не так уж и плохо.

Потянутая дверь раскрылась с идеально смазанной тишиной. Ударом в глаза прыгнул контраст: коридор серый, безыскусный; хоть и чистый, а неприглядный — а вот кабинет... Да наверное не хуже, чем в мэрии! Роман переступил порог, его взгляд упал на лакированный резной стол — за таким мог бы в своё время творить Байрон. Ноги перешли с линолеума на паркет. На стене Толстой, Пушкин, Державин. Глядя в широкий, не менее пятидесяти дюймов монитор, в кожаном кресле восседает женщина лет пятидесяти. На ней светлый деловой костюм. Накрашена скромно, но губы аленют помадой. Причёска короткая, рыжеватая. И внимательно-внимательно смотрят серо-голубые глаза.

— Добрый день... — Птачек остановился от стола в двух шагах. — А мы вот тут к вам по делу...

Женщина покосилась на вошедших и снова перевела внимание на монитор.

— Сейчас, секундочку! — Глядя то на пиксели, то на собственные пальцы она застучала по клавиатуре. — Одну секундочку, пожалуйста...

Роман оглянулся: Настя закрыла дверь и встала по его правое плечо. Лицо серое, землистое, в движениях смертная усталость. Поймав взгляд отца дочь отвернулась.

— Та-а-ак... — Пальцы женщины пробежали по клавишам и громко бахнули ENTER! — Так что там? Чем могу помочь?..

На мужчину с дочерью поднялись глаза истинно-кровного учителя. И выражение у неё, как у... Роман сразу вспомнил свою классную руководительницу. Железная была женщина.

— Здравствуйте. — Он качнул головой, но глаз не опустил, удержал прямо. — Я вам звонил насчёт перевода дочери из Самары. К вам сюда. Помните?.. Я Роман Птачек.

Мгновение она сидела, как статуя... и вдруг рот её открылся в форме буквы О! Губы растянулись в приветливой улыбке, а глаза одарили теплом!

— А-а-а! Роман Павлович! Проходите-проходите... Жаль, стульев нет, а то бы я вас усадила!

Директор огляделась, взор её остановился на единственной табуретке в углу — старенькой, явно ещё союзовской. Вот и всё удобство для посетителей.

— Понимаете, у нас тут ремонт был! — Взгляд её стал виноватым. — Стулья решили тоже поменять. Старые унесли, а новые... Ну, вы видите...

— Да ничего. — Роман отмахнулся. — Мы постоим... Давайте лучше о деле. Вот, кстати, моя дочка... Настя.

Женщина встала, вышла из-за стола. По росту она оказалась с Романо вровень, причём это ещё при низких строгих туфлях. Взгляд её опустился с мужчины на девочку, оценивающе прошёлся по ней снизу вверх, остановился на лице...

— Какая она у вас милая! — Хозяйка кабинета засияла улыбкой. — Какая красавица! И как это у вас такая получилась?..

Роман опешил... но взял себя в руки и ответил с чистым сердцем:

— Сам порой удивляюсь. Настенька, познакомься с тётёй. Она всё-таки руководитель твоей новой школы...

— Татьяна Ивановна. — Женщина протянула ладонь. — Буркова!.. А ты, как можно догадаться, Анастасия Романовна?..

Может Настя и хотела бы как-то поёрничать, но такое обращение её смутило. Как робот она подняла руку и почти бесстрастно вымолвила:

— Ну да... Романовна. Анастасия... Ага...

Татьяна Ивановна сжала девичью ладошку крепко, по-мужски. Её кожа оказалась горячей, как кипяток.

— Будем знакомы!

Раздался стук. Директор оглянулась, улыбка на её губах потускнела:

— Да?..

Дверь отворилась и на пороге возникла новая женщина. В тёмном строгом платье, пышная, в классических очках. Ярко-крашеные губы розовеют на мучнистом лице. Лет, наверное, побольше, чем той, к кому она пришла, но волосы такие же рыжие, только длины до плеч. Пухленькой рукой прижимает к боку папку.

— Татьяна Ивановна... — Она переступила порог и только тут заметила, что что-то не так. — Ой...

Пышка посмотрела на Романа, перевела взгляд на Настю. Её недоумённый взгляд остановился на начальнице.

— Да, Нина Игнатьевна? Что-то хотели? — Директор приподняла подбородок. — Что-то с контрольными?..

— Я не вовремя? — Женщина прижала папку к боку ещё плотнее, чуть ли не втиснула в себя. Её лицо, как светофор, стало сначала растерянным... потом любопытным... а потом и решительным! — Хотя ладно, всё равно я уже вошла. Татьяна Ивановна, вот, возьмите, — она протянула папку, — тут отчёт за первое полугодие. Всё, как вы и просили.

— Ага! А я как раз того и жду! — Директор посветлела лицом и взяла документ с глубочайшим почтением к бумаге. — Хотя... Что-то вы, Нина Игнатьевна, запаздываете... Я ещё вчера вас к себе с этим требовала...

Женщина ответила вроде бы извиняясь, но Роман уловил упрёк:

— Вчера у нас было собрание учителей, если вы вдруг не помните... А ещё подготовка к комиссии полным ходом... И с родителями Жиркова я вчера целый час убила, пока объяснила, что их сына отчислить могут...

— Ну будет вам, будет! — Директор помахала ладонью, словно отгоняя комара. — Ладно! У всех у нас дел невпроворот... А вот, кстати, Нина Игнатьевна, познакомьтесь! — Она указала на Настю. — Это наша новая ученица! С Самары к нам переводится.

— Здравствуйте... — Роман вежливо поклонился. — Меня зовут Роман, а это моя дочь, Настя. А вы...

Пышка не успела рта раскрыть.

— Это завуч! — Директор с готовностью улыбнулась. — Вот, кстати, вы с ней тоже знакомьтесь давайте. Это Нина Игнатьевна Скуднова. Наш замечательный работник и просто очень хороший человек!

— Ну, завуч и завуч... — Пышка отвела глаза и махнула ладонью, хотя заметно, что ей польстило. Осмотрев Настю уже внимательнее, с оценкой, она ткнула пальцем в дужку очков и наклонила голову. — Так ты, дорогая, теперь будешь учиться у нас?..

Настя — это изваяние страдающего Прометея, которому орёл клюёт печень. Только в женском обличии. Роман следил за дочерью с тревогой. Ему уже слышалось, как она

истерично, с ехидной гримасой кричит: — «К сожалению!»

— Да... — Голос дочки прозвучал тихо, как у мышки. — Да... Видимо, теперь буду...

Нина Игнатьевна нахмурилась.

— А что такая невесёлая?! — Она в шутку ткнула девицу в плечо. — Что, никогда не переводилась?.. — Пышка взглянула на Романа. Тот помотал головой. — Ну не переживай! Не переживай, говорю! С подругами ещё тыщу раз увидишься, не сомневайся! А у нас здесь школа очень приличная. И учителя знаешь, какие замечательные?.. Сама убедишься!

С потрясением и облегчением, каких уже да-а-авно не испытывал, Роман увидел в глазах дочери проблеск. Ей уделяют внимание. Её понимают. Утешают. Ей обещают доброе. А главное: те, кто понимают и утешают — это не они её сюда привезли, не они...

— Татьяна Ивановна, — он обернулся к директору, — мы вот сюда пришли, и... что нам теперь делать?..

— Что делать?.. — Женщина совершенно мужским жестом почесала затылок. — А! Ну, с документами по переводу, если вы об этом, уже всё улажено. — Она с улыбкой взглянула на Настю. — А вам, наверное, надо идти и знакомится с вашим новым классом. Настя, ты в каком до этого училась?..

— Кхм... — Дочь кашлянула. — В девятый А перешла в этом году...

— Ну а у нас будешь в девятом Б! — Директор потянулась, её горячая ладонь похлопала свежую воспитанницу по плечу. — Ничего ведь страшного, если букву поменяем?..

— Ну... — Настя зависла, словно её спросили про квадратный корень из двухсот двадцати пяти. — Наверное нет...

— Вот и хорошо! — Глава школы лучезарно улыбнулась. — У нас уже практически всё готово и твой будущий классрук обо всём давно знает. Скоро перемена и вы с отцом как раз сходите, познакомьтесь с ним. Вот Нина Игнатьевна вас, кстати, к нему и проводит!

— Татьяна Ивановна... — Пышка скривила губы. — Мне всё-таки надо у вас с кое-каким вопросом задержаться...

Загремел звонок.

Не успеешь после трели досчитать до пяти, как окажешься в орущей, толкающей, неугомонной толпе! Простившись с Татьяной Ивановной Роман с дочерью вышли из кабинета и сразу угодили в тугой поток школьников.

— Идёмте за мной! — Пышка стала пробираться сквозь наступающих детей, как атомный ледокол сквозь льдины. — Сейчас я вас быстренько отведу к кабинету Истории, а дальше уж извините — у меня свои дела!

Отец с дочерью переглянулись. Роман громко, перебивая гомон удивился:

— Истории?!

— Ну да! — Завуч оглянулась. — Ваш классрук Историк! Артур Каримович. Замечательный преподаватель!

Продвигаясь через детей с упорством бегемота, сминаящего кувшинки, завуч добралась до пятнадцатого кабинета. Прячась в её кильватере Роман держал руку дочери и по дороге почти никого не задел; ну может быть наступил кому-то на кроссовок, но никто достаточно громко не возмутился.

— Вот. — Завуч встала возле двери, её палец ткнул в табличку «Кабинет Истории». — Всё! Стучитесь... Общайтесь... Артур Каримович о вас предупреждён, так что, думаю, общий язык найдёте быстро. Удачи!

Последнее пышка сказала уже конкретно Насте. Одарив девочку ласковой улыбкой она вновь погладила её по плечу и, развернувшись, вперевалочку засемила обратно. Роман проводил её недолгим взглядом, потом посмотрел на дочь и мотнул головой:

— Ну что?.. Идём?..

То ли по невнимательности, а может и по нежеланию более тратить время капитан Птачек не стал стучать а просто потянул за ручку. Дверь поддалась... и обнажила пустой класс и две одинокие фигуры у учительского стола.

Мужчина лет тридцати пяти, может чуть старше. Телом стройный, даже спортивный. Высокий умный лоб над пронизательными зеленоватыми глазами. Подбородок заострён, лицо вообще, как у хищной птицы. По щекам лёгкая небритость. Закинув ногу на ногу он сидит на краю стола со скрещёнными на груди руками, а перед ним... У Романа перехватило дыхание...

Перед ним, ростом точь-в-точь с Настю и тоже годочков под пятнадцать стоит девушка красоты ну просто ослепительнейшей! Кричащей! Спину держит прямо, осанка гордая, грудь приподнята. Фигурой будто ожившая статуя, вылепленная умелейшим, восхваляющим женское тело скульптором! Руки и шея тонкие, талия узкая. А лицо... Это красивое, милое лицо... Наверное его создал сам Бог, когда был в лучшем своём настроении! Взгляд приковывают розовые нежные губы. Кожа как будто персиковая. Серо-голубые глаза большие, как королевские сапфиры. А волосы... Копна каштанового водопада ниже плечей до самой груди. Не волосы, а поэзия!

Роман понял, что стоит и таращится, как пень, загораживает дочери проход. Каря себя за предательское отупение он отшагнул. Настя вошла и остановилась по его левое плечо. Её взгляд пробежался по мужчине, скакнул на девушку... Отчётливо, как чёрное на белом Роман узрел перемену в её глазах: вот дочь смотрит спокойно, даже равнодушно... а вот уже во взгляде её острота, холодная сталь и лёд.

Перед тем, как оторваться от неё и снова взглянуть вперёд он невольно подумал: способна ли вообще хоть одна женщина на свете увидеть такую красавицу — и не позавидовать?..

Мужчина и девушка о чём-то говорили. В воздухе повис обрывок мужского голоса:

— У тебя в тот раз неплохо вышло...

Заметив посторонних они обернулись. На капитана с дочкой уставились две пары глаз: девичьи настороженные, мужские с глубоким самообладанием.

— Здравствуйте... — Мужчина чуть дёрнулся... и в тоже время сохранил безмятежно-величественную позу. — Чем могу помочь?..

Стараясь не смотреть на фигуру с ним рядом Роман надел маску деловее некуда и взял сухой тон.

— Добрый день. Мы... Эм... Нам бы учителя истории. Это случаем не вы?..

— Случаем я. — Мужчина кивнул. — К вашим услугам. Чего хотели?..

Роман перевёл взгляд на Настю... и снова на мужчину.

— Я Роман Птачек... Мы с дочкой пришли к вам по поводу перевода из Самары. Она переходит в ваш класс... Мне сказали, что вы в курсе...

— А-а-а! — Глаза мужчины сверкнули, в его устах расцвёл белозубый оскал. — Так вы, должно быть, Роман Павлович...

Лёгким, атлетичным движением он спрыгнул и в мгновение очутился возле вошедших!

— Артур Каримович! — Он протянул руку и схватил Романа за ладонь. — Абсалямов!

— Рад знакомству... — Романа затрясли за руку и он вяло поддался. Только заставил себя не смотреть на девушку. Не смотреть! Только на учителя. Только ему в глаза и только на него!

Поручкавшись, историк отошёл и взглянул уже на будущую ученицу.

— А ты, получается, Настя?..

Всё тепло, полученные от директора и завуча, весь позитив дочь утратила в секунду. Рядом с отцом снова стояло критически настроенное, мрачное, не улыбочливое существо.

— Ну я, да... — Она взглянула на будущего классрука, как на жулика. — Родители так называли...

Роман скривил губы и взглянул на неё с укором. Делать замечание при посторонних — сор из избы... Остаётся надеется, что с характеристикой историка завуч не наврала.

Во взгляде Артура мелькнула хитринка. Роман поклялся бы, что заметил, как историк сделал движение улыбнуться шире, будто в смехе от удачной шутки, но сам себя подавил. Поглядев на Настю несколько молчаливых секунд он оглянулся и бросил через плечо:

— Даша, ты можешь идти. Мы с тобой поговорим потом.

Даша... Роман медленно и как мёд, словно пробуя на вкус повторил про себя это имя. Решившись в последнее мгновение расслабиться — всё равно школьница сейчас уйдёт — он вновь взглянул на неё... и наткнулся на ответный взгляд! Девушка смотрит на него! Будто узнала... Будто уже где-то видела... Или это просто кажется?.. Птачек понял, что его так и тянет закусить губу; или хотя бы сжать уста... Глядя девочке в глаза он приказал себе смотреть в них холодно; холодно и неприветливо. Вот так. Ещё черствее...

Все эти переживания заняли, наверное, секунд пять. И не было, может быть, никакого ответного взгляда, а просто школьница поглядела на незнакомых людей — на свою одногодку и на её отца. И всё. Ну, возможно, на нём на одно лишнее мгновение взор задержала. Подумаешь...

Места хватит пройти и двум но, пропуская её, Роман отступил. Взгляд отвёл долой, а когда почувствовал едва заметный аромат нежных духов, то сразу выдохнул и приказал себе выкинуть из головы лишнее и сосредоточиться на главном: нужно пристроить дочку в школу. Только!..

Она ушла. Из открытой двери гомон и крики, однако шаги её угадывались, пока совсем не удалились. Почему-то Роман вслушивался в них усерднее, чем в то, о чём историк заговорил.

— Я так понимаю, Настя, ты не в восторге, что переводишься... — Артур сделал рукой неопределённое движение. — Я угадал?..

Настя фыркнула, отвернулась.

— По-моему тут не нужно быть экстрасенсом!..

— Вы уж её простите. — Роман прижал ладонь к груди. — Она хорошая девочка, а то, что такая сердитая, так это моя вина. Это я её со старого места сорвал. Сама она, конечно, училась бы в прежней школе...

Настя обернулась, взглянула на отца по-особенному... и снова отвернулась.

— О, не стоит! — Историк помотал головой. — Я не знаю, какие у вас там обстоятельства, но раз уж вы это делаете — значит так нужно...

Настя буркнула:

— Очень нужно... Можно было бы три года и подождать...

Роман сжал зубы. Слова эти, сказанные при постороннем, сильно смутили.

Историк же вдруг заговорил так громко, что буквально заставил обратить внимание на себя:

— А давайте лучше о школе! Вы чего ко мне пришли? Знакомиться?.. Так давайте!

Роман с дочерью молчали и хмуро смотрели из-под бровей.

— Вы уже знаете моё имя, а я знаю ваше... — Артур подмигнул. — Хорошее начало! Конечно, более плотно мы познакомимся только со временем, но, уверяю вас, школу вы выбрали одну из лучших.

— Да?.. — Роман удивился раньше, чем подумал. — Это почему?..

Настя хлестнула по нему взглядом полным яда.

— Ну как же?! — У Артура взлетели брови. — Мы практически все олимпиады выигрываем! Из нашей школы молодые люди с красными дипломами выпускаются... Я лично могу гарантировать, что, как учитель истории, держу планку очень высоко! Два последних областных финалиста — мои орлы!

С плеч будто скала упала. И хотя на душе Роман никакого груза вроде бы и не чувствовал, но осознал его лишь, когда тот пропал. Не скрывая довольства он взглянул на дочь со значением и кивнул ей на учителя.

— Вот видишь, доченька! Не самую плохую замену я тебе подобрал!

С мрачным лицом Настя промолчала.

— Ну, я думаю, дело не только в школе... — Историк хитро прищурился. — И потому хочу добавить немало важное: класс у нас очень дружный. Очень! Все друг друга уважают, друг другу помогают. Атмосфера в коллективе товарищеская... Я, — он ткнул себя в грудь, — как классный руководитель ручаюсь, что ни тебе, Настя, ни твоему папе переживать за тебя здесь не придётся. Только, разве что, за оценки...

Последнее царапнуло слух, заставило задуматься. Роман взглянул на историка цепче: взрослый, явно крепкий мужик. Мускулы угадываются даже под рубашкой. Да и лицо... Глаза умные и лик просветлён... Но ведь точно такое же умное лицо было у их инструктора по физподготовке в милицейском училище. Игорь Константинович, старый чёрт... Сейчас уже наверняка на пенсии. Так он даже очки носил и поправлял их этак интеллигентно — пальчиком по серединке... Однажды, когда он поссорился с отцом курсанта, которому вывихнул руку, он этого папашу — верзилу метра под два и килограммов под сто пятьдесят — уложил в три удара. Даже скорую вызывали. И без всяких журналистов обошлись. Эх, молодость...

Артур молчал и глядел на пришедших выжидающе. Роман с дочкой думали о своём и тоже молча глядели на него. Повисла какая-то дурацкая пауза.

— Должно быть мы всё обсудили... — Артур хлопнул и растёр ладоши. — Но если у вас будут ещё вопросы, то вот, — он отошёл к столу, выдвинул полку — к Роману потянулась чёрно-красная визитка. — Здесь мои данные, включая телефон. Звоните в любое время. Я, кстати, и живу тут недалеко, на Ушакова сорок три А. Так что если понадобится репетитор...

— Надеюсь не понадобится... — Разглядывая визитку Роман улыбнулся самую малость. — У Насти по Истории твёрдая четвёрка.

Забренчало, завизжало. Зазвенел кончающий перемену звонок.

— Что ж... Будем надеется, что мы всё-таки сумеем исправить на пятёрку... — Артур перевёл взгляд с отца на дочь и обратно. — Ну всё. Собирайтесь, улаживайте последние вопросы и приходите. И не опаздывайте! Через неделю начинается новая программа, и её

лучше усваивать вместе со всеми!

Ответственное поручение

Когда уходили, на улице уже стемнело. Настя шла впереди и с отцом старалась не заговорить даже случайно. Так и топал капитан с дочкой сквозь морозный вечер молча, пока не добрался до дома. У подъезда Настя остановилась, в глазах её Роман прочёл муку пополам с решимостью.

— Пап... слушай...

— Доча, — Роман помотал головой, — это не обсуждается. Ты пойдёшь в эту школу и ты закончишь в ней девятый. А может и все остальные.

Настя возразила с раздражением:

— Да я не об этом! — Она отвела ставший вдруг неловким взгляд. — Слушай... а ты никуда сегодня не собираешься?..

— В смысле идти?.. — Роман задумался, присмотрелся к дочери. — Тебе что-то где-то нужно?..

Дочь закивала, в её глазах мелькнуло облегчение. — Папуль... ты не мог бы сходить в магазин за... тампонами?

Роман постоял, помолчал... вздохнул...

— Какие тебе?..

— Суперпитывающие бери. И зубная паста уже заканчивается. И хлеба купи, у нас дома нет.

Роман посмотрел на дочь устало, отвернулся и провёл взглядом по затенённому снежному двору. Ветер бьёт в уши, вгрызается в лицо. Мороз кусает нос и щёки. Куда ни ступи — по щиколотку проваливаешься в белое.

— Ла-а-а-одно... схожу.

Настя ликующе подпрыгнула и хлопнула в белые варежки

— Ура! А я пока картошку пожарю. Как раз, пока ты ходишь, она приготовится!

До сих пор, пока не обжились, Роман бегал за мелочью в местный магазинчик. Но беда — к вечеру хлеб в нём остался такой, что им только ворота подпирать. А свеженького захотелось что-то и самому, и потому капитан Птачек собрался с духом и попёр, как трактор, сквозь вьюгу и сугробы до ТЦ на пересечении Советской и Мира.

К прозрачным, самораскрывающимся дверям магазина подошла фигура с горкой снега на шапке, с льдинками в ресницах и щеками красными, как варёная свёкла. Зайдя в тепло Роман вдруг почувствовал, что от ходьбы по снежным завалам у него жутко вспотела спина. И потом пахнет, что аж чувствуется...

— Ладно... — Он снял шапку и с силой тряхнул — на пол полетели белые комки. — Домой приду — помоюсь...

Народу внутри — видимо-невидимо. Протискиваясь меж чужих боков, разыскивая дочкин заказ и избегая спрашивать дорогу к ТАКОМУ Роман ходил от отдела к отделу и вертел головой, как филин. Мимо проплывал стеллаж с тортами, когда из-за стенки долетело:

— Да пошла ты, сука!

Громко, грубо! Птачек не успел и подумать, как ноги сами понесли его в обход, ближе и быстрее к возможной ссоре! Обогнув стеллаж капитан застал рослого мужчину в форме

охранника и пожилую женщину, держащую за руку девочку.

— Нихуя ты от меня не получишь!

Широкий, как шкаф, и откормленный, как бык, мужчина прижимает телефон к щеке круглого и увесистого, что канализационный люк, лица. Лбом смог бы и железнодорожные гвозди забивать, а о такую массивную челюсть сломает копыто и конь.

— Нихуя! Поняла!

Поглощённый пререканиями по телефону он, похоже, забыл, где находится. Бывшая, что ли, у него там на проводе?..

— Му-у-ужчина! — Пожилая женщина ухватила девочку покрепче и завела за спину, словно той угрожают. — Вы чего так выражаетесь?! Тут люди ходят! Дети вас слышат... А вы вон ещё, оказывается, и в охране работаете!..

Мужик раздражённо глянул на бабку и отвернулся.

— Всё! Потом перезвоню!

Спрятав телефон он шагнул к пожилой и навис над ней, как скала над деревцем.

— А тебе чего, бабуля?! Больше всех надо?! Покупай, чего хотела, и уходи. Давай-давай! Уши не грей здесь!

Женщина обомлела, одной рукой схватилась за грудь а второй, позабыв о ребёнке, стала махать, ища опоры.

— Ну и грубия-я-ян... — Глядя ему в глаза, она замотала головой. — И как у вас только совесть имеется...

— А может и не имеется... — Роман сделал шаг вперёд. — Ты чего это, герой, хулиганишь? Ты не у себя дома... Ну-ка! Сбавь-ка обороты!

Охранник повернулся: от ярости его глаза полезли из орбит! Лицо вообще налилось краской, как помидор.

— А ты чего тут вякаешь?! — Он бросил руки в стороны, словно собираясь выхватить воображаемые револьверы. — По роже давно не получал?!

Роман сделал глубокий вздох, его плечи с хрустом поднялись и прошлись по кругу, разминая суставы.

— Послушай-ка ты, молодец... — Он поднял руку и ткнул в грубияна указательным. — Либо ты сейчас перестанешь бузить... либо... я сообщу в полицию и тебя заберут за хулиганство. Понял?..

Какой палитрой, какой мимикой заиграло лицо грозного! Гнев! Высокомерие! Презрение... А когда на возгласы подтянулись другие, когда в громилу впились взгляды уже десятка глаз — ещё и смущение.

— Что тут происходит?! — Через толпу протиснулся ещё один мужчина в форме охраны, только седой и с бейджиком с большими буквами: «Начальник Охраны Тимофеев А.А.» — Саня! Чего ты тут оры наводишь?!

С приходом «Тимофеева А.А.» бугай почему-то сдулся. Взгляд его забегал по лицам, а румянец гнева на щеках уступил пурпuru сконфуженности.

— Артём Астафьевич, да я...

— Что я?.. Что я?! Я всё слышал! — Не глядя по сторонам, лишь в глаза подчинённому пришедший ткнул большим пальцем за спину. — Иди лучше на склад, Толе помоги! Иди-иди! Поторопись!

Зыркнув исподлобья охранник сжал кулаки и, стараясь всё-таки держать спину прямо, пошёл. Старушка шарахнулась, отступила с его дороги. Девочка у её руки глазеет на

происходящее с истинно детским интересом ко всему необычному. Пропустив могучую фигуру мимо, Роман ещё мгновения стоял, чего-то ожидая... и только чуть позже позволил себе расслабиться.

— Извините! — Седой встал во весь рост и, точно намереваясь обнять всех столпившихся, широко развёл руки. — У человека жизненные неурядицы! Не судите строго! Извините, люди! Пожалуйста!

Потихоньку-помаленьку все стали расходиться. Долетели перешёптывания, обсуждения. Успокаиваясь Роман поглубже вздохнул. Стараясь не глядеть в чужие лица он вновь побрёл вдоль рядов с товарами. Что же ему там было надо-то?.. Ах да...

Интересная новость

Гладко тот вечер всё же не кончился: Настя устроила громкую сцену; упрашивала, ругалась, даже грозилась сбежать из дома! Однако судьба её была решена и всё-таки она смирилась. Наполовину из-за невозможности самой решать, наполовину из-за любимой второй смены, в которую предстояло учиться. Хоть что-то, как ПРЕЖДЕ... Когда в первый учебный день она ещё утром провожала отца на службу, то бросила ему в спину:

— Не удивляйся, если я сегодня домой не приду!

Пришла. Серая, унылая. Но пришла. И на следующий день пришла. И после него внешне сохраняя вид скалы внутренне Роман переживал за дочь до кусания ногтей, только ей не показывал. Слабину только дай — сразу на шею сядет!

На службе, к удивлению Птачека, будни поползли тихие, как в библиотеке. От него никто ничего не требовал, не приставал со срочниками, не заглядывал через плечо и не теребил по мелочам. За две недели после перевода лишь однажды подошёл Понятовский и спросил:

— Ну как продвигается?..

— Изучаю, товарищ полковник...

А изучать и в самом деле есть чего... Ох! Сколько же томов! Бесчисленные фотографии, записи, показания. Работы не человеку, а целой следственной группе! Да не одной... Роман откровенно не знал, за что братья. Сначала заглянул в свежие тома, просмотрел несколько. Потом вытащил наугад один двухгодичной давности — он совпал с новыми один в один. Тогда Птачек просмотрел ещё парочку из того времени — похожи, как близнецы... И такими же оказались тома четырёхгодичные. И всегда одно: труп с ножевым ранением. Обнаружен либо дома, либо около. С мёртвых взяты украшения, и это редко что-то не из бижутерии. При теле записка со стихом, посвящённым убитому. Вот например: «Жил ты бесплодно, себя не щадил, всякой отравой себя ты губил. Больше не будешь родных огорчать. Будет ли кто о тебе горевать?» Или: «Глаза твои — отравы. Слова твои — яд. Руки твои безобразья творят. Но белый свет кончен, впереди только ночь. Тебе теперь это не превозмочь». Даже белый стих отыскался: «Пасмурно. Холодный дождь нагоняет уныние. Холодна, как и его слёзы, теперь твоя кровь».

От пыльных бумажных толстяков в кабинете становилось всё теснее, а от перспективы предстоящей работы начинала кружиться голова...

Вечером, ближе к девяти, когда Роман вернулся со службы а Настя уже пришла со школы, отец с дочерью сели ужинать. Настя сварила борщ и, хотя делала вид, что похвала её не волнует, лицо её выдало.

— Ммм!.. — Роман подул на ложку, ещё подул и наконец отправил красное варево в рот. — Вкуснотища-то какая!..

Через каждые пять — шесть ложек он отпускал настолько убойную похвалу, что дочь в конце концов не выдержала.

— Папа! Ну прекрати! Вовсе не так уж и вкусно...

Роман помотал головой и с наслаждением заглотив новую порцию.

— А по-моему — высший класс!

После супа пришла очередь макарон с сыром. Себе Настя клала порции чуть ли не

детские, отцу же — до краёв. Пока родитель уплетал за обе щёки она одной рукой вяло ковыряла вилкой в тарелке, а второй тыкала в экран смартфона, строча кому-то очередное сообщение. В её глазах отражалась белизна экранчика.

— Доченька... — Роман намотал макароны и поднёс ко рту. — Ну чего ты целый вечер в телефоне?.. Расскажи лучше, как твои дела. Как, например, в школе?..

Дописав сообщение Настя поднял глаза... и просто пожала плечами.

— Да норм, пап. Средненько...

— Да-а-а?.. — Роман медленно покивал, будто этим «средненько» сказано многое. В последнее время от дочери ничего, кроме негатива он не ждал и это «норм-средненько» прозвучало, как колокол, знаменующий прощание с зимой. — А поподробней?..

Настя опустила взгляд, губы её скептически выгнулись.

— Да нечего рассказывать. Скучно там. В моей школе было лучше...

Снова снег и стужа... Роман тяжело вздохнул, закинул макароны в рот... но только он приготовился приунуть, как дочь отложила телефон, уставилась на него во все глаза и с настоящим, хоть и спокойным любопытством спросила:

— А у тебя как? Что на работе?..

У капитана Птачека чуть кусок изо рта не выпал! В глазах дочери он увидел то, чего там не было с самого развода: интерес!

Приняв важный вид он поправил:

— Не на работе, а на службе. Чай не дворник папка твой...

— Хорошо-хорошо, на службе! — Настя сделала намёк на улыбку. — Так что там? Есть ли чего интересенького?..

Роман прищурился и посмотрел на дочку с той теплотой и любовью, с какой смотришь только на собственного ребёнка. Настя глядит открыто, дружелюбно. Будто и не было этих мрачных полгода молчания, этого чёртового развода и этого, прости доченька, переезда.

— Ну... Вообще-то кое-что имеется... — Роман неопределённо покачал головой. — Кое что, я уверен, весьма любопытное...

Сказал и задумался — а стоит ли такое рассказывать?..

— Ну?.. — Настя подалась вперёд. — Чего там, пап?.. Давай, говори...

Любовь и теплота во взгляде отца сменились пристальностью и даже циничностью. Теперь на Настю смотрел уже не родитель, а капитан Роман Павлович Птачек, следовательно с почти двадцатилетним стажем службы и с огромнейшим списком стажёров, промолотых сквозь жернова отбора. Глядел оценивающе, с претензией.

— Что?.. Ещё не передумала в полицию идти?..

У Насти выгнулись брови, лоб взбороздила морщина.

— Это когда это я говорила, что передумала?..

— Ну-у-у-у... — Роман сжал губы. — Что-то я давненько от тебя ничего не слышал... Вот раньше, помню: «Папа, а как в полиции это? А как вон то?» То, сё... Пятое, десятое...

— Знаешь! — Настя откинулась на спинку. — Раньше и мы жили... не тужили... Ну пап, чего ты крутишь?! Давай! Выкладывай!

Несдержанно, от всей души Роман захохотал! И заулыбался, блистая белыми, как снег за окном, зубами. Настрой дочери его и самого завёл.

— Ну, я всегда говорил! — Он намотал новых макарон. — У настоящего следователя должны быть крепкими не только нервы, но и желудок!

Дочь глядит выжидающе, на телефон и не косится. Про еду вообще забыла.

— Так что там?.. — Настины глаза стали большими-большими. — Что-то необычное, да?..

Улыбка Романа как-то разом пропала, он посерьёзней. Черты лица ужесточились.

— Не так, чтобы совсем... В нашем родном теперь Тольятти, доченька, резвится маньяк. И уже очень давно резвится. Где-то лет не меньше, чем шесть...

Настины глаза стали ещё больше! Её рот приоткрылся, а пальцы на столе сцепились в замок!

— Вот это да! Ничего себе... А какие подробности?

— Подробности... — Роман посмотрел в тарелку. — Подробности, если честно, настораживающие...

Полностью всё, что успел узнать, он выложил. Дочь слушала развесив уши, а когда узнала, что отца назначили исключительно на это и от остального освободили, восторженно хлопнула в ладоши!

— Ну и ну! Пап, да ты теперь, получается, агент национальной безопасности!

— Чего?.. — Роман хмуро ухмыльнулся. — Кто?..

— Ну... — От старания найти слова Настя скукожила лобик, как умудрённый профессор криминалистики. — Тебе же ведь доверили такое ответственное дело...

— Эх, красота моя... — Роман печально помотал головой. — Ответственность — это то, чего, вот уж не думал, что скажу тебе, своему ребёнку, в нашем деле как раз-таки следует избегать. Человека, не оправдавшего надежд, не любит никто... А оправдать надежды с таким делом...

С неожиданным, резко контрастирующим спокойствием Настя пожала плечами и произнесла:

— Да чьи ещё надежды?.. Ты справишься, пап, я знаю. Ты всегда справляешься. А если вдруг что — спрашивай: может и я чего подскажу.

Роман взглянул на дочь чутко, взгляд его проник будто сквозь неё. Он подумал... и благодушно улыбнулся.

— А ведь однажды ты уже подсказала... Помнишь летнюю туристку? Если б не твой совет, не знаю, сколько б мы с этим делом провозились бы. Может и в самом деле розыск — это твоё?..

Глядя на отца Настя вдруг покраснела и смущённо опустила глаза. Роман наслаждался видом довольной дочери... но вдруг взгляд его стал твёрже, а на лице выразилось беспокойство.

— Кстати, доча! Всё, о чём мы шепчемся — очень серьёзно! Ты должна быть осмотрительна...

— Не волнуйся, пап. — Настя махнула ладошкой. — Язык за зубами, я знаю...

— Да я не о том. — Роман помотал головой. — По городу расхаживает убийца и никто не знает, кто следующий. Доченька... Ты должна быть *очень* осторожна: мало ли что придёт этому психу в голову...

— О-о-ох, па-а-ап! — Настя закатила глаза. — Не начинай! Не хочу я больше тренироваться! Я уже всё знаю! И не настаивай! А перцовка, можешь проверить — вон, в сумочке лежит!

— Доча...

— Папа! — Настя вскочила из-за стола. — Нет! Точка! Больше никакой самообороны! Не хочу! Вот выучусь, как ты, на следователя, тогда и буду заниматься. А может и на

оперативника! А пока — нет!

Не зная, злиться ли, можно как-то повлиять или ничего не поделаешь Роман смотрел на скрестившую руки на груди и грозно нахмурившуюся дочь немо. Что-то в голове шепчет, что попытайся настоять — и сгорит то небольшое, что вновь ожило. Нет, лучше отступить...

Опустив взгляд Настя вдруг виновато произнесла:

— Извини, пап; я не хотела повышать голос... Просто мне это ещё в Самаре надоело. Не хочу заниматься... Извини.

Не глядя на родителя она вернулась за стол. Обращённый к своей крови взгляд Романа не выразил и тени укора. Как можно мягче он произнёс:

— Доченька, я тебя ни к чему не принуждаю. Просто... Ну... Это ведь для твоей же пользы...

— Пап! — Настя вдруг уставилась на него, словно вспомнила нечто важное. — Слушай! Я же ведь совсем забыла!

Роман аж отпрянул.

— Чего?..

— У нас в классе историк, классрук организует экскурсию! В театр... — Настя прервалась, на отца посмотрела выжидающе. — Можно я не пойду?..

От резкой перемены в голове перепуталось. Роман сдвинул брови и вытянул шею.

— Куда?.. Чего?..

— Ну экскурсию! — Настя затараторила, как пулемёт. — Короче! Тут какой-то театр поблизости то ли отремонтировали, то ли новый построили! Классрук наш, Артур, хочет собрать группу, родителей и нас, чтобы мы все пошли! Понимаешь?.. В театр экскурсию хочет повести!

Роман поморгал.

— И-и-и?..

— Ну чего И?! — Настя заломила руки. — Пап! Я туда не хочу! Там же ведь будет ужасно скучно!

Поразмыслив, Роман принял самую авторитетную позу, а голос его заиграл важностью и назидательностью.

— Доченька... Настенька... Я с тобой не согласен. Думаю, что в театр пойти мы просто обязаны.

Настя дёрнулась... и обречённо закатила глаза.

— Мы новенькие, понимаешь? Нам любыми способами надо в общий поток вливаться. К тому же, — Роман двинул плечами, — что дурного в театре? Сходим, немного развеемся...

Последнее, что Роман видел этим вечером — это надутые губы и недовольные глаза.

Навстречу искусству

Полуденное солнце светит ярко. На небе ни тучки, оно драгоценного ярко-голубого цвета. Лучи отражаются от белизны, бьют в глаза. Заснеженная улица сверкает, как усеянное блёстками платье невесты.

У театра на Центральной Площади восемь сходятся люди. Сначала это были две женщины — подруги, частенько общающиеся и без повода в виде сыновей-одноклассников. Сыновья как раз с матерями, сейчас стоят подле и со скукой помалкивают. Следующими подъехали две семьи, живущие в одном доме, чьи дети в том же девятом Б. Потом ещё. Ещё... К без пятнадцати час у дверей зданию культуры гомонила толпа человек в сорок. Пуховики, дублёнки, шубы. Шапки-вязанки, кроликовые, с помпончиками и звериными ушками. Ботинки зимние, кожане сапоги, лёгкие чёрные кроссы. Всё вперемешку. Вдыхая мороз и выдыхая пар эта разношёрстная толпа галдит, переговаривается, смеётся, помалкивает и одновременно ещё и хмурится.

Без десяти, когда подтянулись и последние, на парковку въехал старенький «форд». Отыскав место между дряхлым «жигулём» и новенькой «тойотой» он остановился и уснул. Передние двери распахнулись. Двигаясь неспешно и даже с амбицией на важность на холод выбрались мужчина под сорок и девочка лет пятнадцати. Мужчина в тёмной пуховой куртке, на ногах классические брюки и классические же туфли, сразу и не скажешь, что зимние. Девушка в белом. Куртка, варежки, сапожки — всё цвета молока. Упади она в снег — и не найдёшь её.

Взглянув на сбившуюся толпу Роман оправился, выпрямил осанку, проверил, не растёгнут ли карман, не торчит ли откуда лишнее. На дочь смотреть не надо — та, причитая о потерянных часах, к театру готовилась, как к выпускному балу. Хоть сейчас фотосет устраивай.

— Пап, я нормально выгляжу? — У Насти изо рта вырвалось облачко. — Красиво?

— Красиво-красиво! — Роман привлёк дочь и припечатал губами её лобик. — Пойдём скорее! У меня такое чувство, что мы опаздываем.

Машина подмигнула сигналкой. Отец и дочь зашагали к общей толпе, слишком увлечённой собой, чтобы заметить новеньких.

По многолетней привычке обращать внимание на ВСЁ Роман, как приблизились к сутолоке, впился взором в лица. Юные парни и девушки вперемешку с иногда молодыми, а иногда совсем нет родителями. Кто-то пришёл с бабушкой, а вон, похоже, девочка вообще сама по себе. Молодец, значит не по принуждению, добровольно интересуется... Вот явный хулиган, видно сразу по глазам и причёске. Мама у него — женщина, что держит сына за плечо — неухоженная, уставшая. Может быть одинокая. Там девчонки хохочут, а вон паренёк стоит от всех в сторонке, протирает очки...

В роскошной тёмной кожаной куртке с высоким меховым воротником, в красивой норковой шапке, классических брюках, кожаных чёрных перчатках и блестящих чёрных туфлях возле толпы возник знакомый мужчина. Артур выпрямился, взглянул поверх голов. Его соколиный взгляд пробежался по лицам.

— Та-а-а-к, а Жиганова-то и нет... — Он недовольно притопнул. — А обещался быть, хорёк противный... Ладно! Здравствуйте, дорогие ученики и их родители! Всем доброго дня!

Ватага притихла, взгляд каждого приковался к историку.

— Большое вам спасибо, что пришли! — Артур поклонился. — Это высокое дело — посещать такие оплоты культуры! Я уверен, что все из вас, и ученики и их родители получат сегодня каждый что-то своё, так как, готов поклясться, из театра не возможно уйти, не черпнув его энергии!

Держа голову прямо Роман скосился по сторонам: на Артура смотрят не отрываясь, чуть рты не разинувши. Одна... нет, две женщины за тридцать вообще глазами пожирают.

— И раз уж мы собрались именно у этого театра, — Артур спасовал ладонями, будто ему на руки свалилось что-то увесистое, — я вам должен рассказать, почему именно у него!

Детский голос из толпы:

— Холодно, Артур Каримович!

— Пойдёмте внутрь!

Женские голоса зашикали на них.

— Сейчас пойдём, не волнуйтесь! — Артур помахал ладонью. — Но я, как учитель Истории, просто не могу допустить, чтобы вы не знали, куда пришли. Вот! — Он повернулся, его ладонь прочертила широкую дугу. — Всё, что вы видите — эта отделка, эти зеркальные стены, эти современные двери, лепнина и фонари — ничего этого ещё два года назад не было! Перед вами старый, отреставрированный театр имени Александры Александровны Яблочкиной, заслуженной российской и советской актрисы! Когда-то здесь давали представления и в основном наставительного, общественно-образовательного толка. Театр Яблочкиной был даже прозван театром Семьи, так как спектакли в нём давались преимущественно для людей семейных, были ориентированы на них и, не побоюсь такого слова, пропагандировали семейные ценности! Пятнадцать с лишним лет это место пустовало... Но не теперь!

Величественно, как Цезарь на Десятый Легион, Артур воззрился на свою банду. Выдержав момент он повернулся, сделал шаг и махнул за собой.

— Идёмте! Не будем мёрзнуть!

Зеркальная дверь распахнулась. Историк вошёл первым, придержал створку и за ним, как огромная гусеница, потянулся человеческий поток. Роман с дочерью угодил в середину, пришлось плестись. Только переступили порог — на плечи тут же упал тёплый воздух. После мороза кожа сразу ожила, лёгкие с наслаждением вдохнули горячую мягкость... Правда, пока тащились до кассы, на лбу выступила испарина. Роман снял шапку, расстегнул куртку. На Настю смотрел недоверчиво — та идёт, хоть бы что. Не жарко ей, не холодно.

— Сколько будете брать? — Кассирша приветливо улыбнулась.

— Два билета, пожалуйста... — Роман потянулся за кошельком. — А детские у вас до какого возраста?..

Дочь незаметно ткнула его в бок.

— До двенадцати...

— Ага, спасибо. — Роман принял билеты и ещё какую-то бумажку. — А это что вы дали?..

— Это брошюра. — Кассирша просияла всеми тридцатью двумя. — Там информация по всем представлениям. Прошу, изучите на досуге... Следующий!

В предбаннике лишнего шагу не ступить, но когда минуешь кассу — ты в гардеробном зале. Роман, как увидел, куда попал, от восторга чуть не ахнул! В фильмах про царскую Россию иногда показывают дворцы, содержащиеся на деньги императорской семьи. Здания, в которые вбуханы пуды золотых рублей, спроектированные специально приглашёнными

итальянскими архитекторами. Подобное и здесь! Роскошь, блеск, триумф! Даже можно подумать, что ты не в госучреждении, а во дворце зажиточного магната.

— Вау! — Настя закрутила головой, как пропеллер. — Во отгрохали!..

— Выражайся культурнее, дорогая... — У Романа у самого чуть челюсть не отвисла. — Следи за своей речью...

— О, вашу дочь можно понять! — Оглянувшись, мимо прошёл Артур. — Вот, что я хотел, чтобы все увидели! Это же восхитительно!

Бросая взгляды на изыски, слыша и с боков восторженные вздохи Роман с Настей пришли к гардеробу. Получив номерки они стали ждать, когда подтянутся остальные.

На фоне общего великолепия мелькнуло что-то совсем уж прекрасное... Роман не понял, пригляделся — и онемел: как дивный лебедь среди уток в потоке одноклассников шагает та самая девушка, с которой историк тогда беседовал. Голова школьницы непокрыта. Водопад каштановых локонов падает на плечи и путается в пушистости мехового воротника. Тёмно-синее пальто перевязано поясом у тали: фигура вырисовывается — глаз не отвести! Но главное — лицо. Кажется самое прекрасное в мире лицо...

И снова, как тогда, Роман понял, что таращится. Вот же чёрт! Что о нём подумают, если увидят?.. Что скажет, если заметит, дочь?..

По лицу будто раскалённым железом провели! Горло сдавила невидимая рука, во рту пересохло: эта девушка посмотрела на него тоже! Не мазнула взглядом, не покосилась случайно, а именно заметила! Остановила на нём свои сапфировые глаза и точно узнала! Что-то во взгляде её мелькнуло... Роман окаменел, умер и ожил в один миг. На секунду меж ними будто натянулась волшебная нить... и порвалась. Поддерживаемая под руку какой-то женщиной школьница пошла дальше.

Чувствуя, как у него совсем, как у молодого глупого пацана дубасит сердце, Роман всмотрелся в женщину пристальней: худощавая, с завитыми золотистыми волосами. Причёску венчает прозрачный тёмный бант. На вид лет сорок, но точно не скажешь — много, очень много косметики. Вообще выглядит, как актриса из старого советского фильма, даже можно представить её на чёрно-белой фотографии. А ещё... ещё можно представить её мамой этой девочки. Сходство не один в один: сложно помыслить, что такая красавица к сорока превратится в такую... не дурнушку, но всё-таки... всё-таки женщину с видом уставшим, замотанным, серым. Но да. На маму её смахивает...

Девушка с женщиной скрылись в общей сутолоке у гардероба. Делая вид, что спокоен и даже скучает, Роман оглянулся на дочь — слава богу та копается в телефоне и на него не смотрит!

— Ну, все готовы?! — Артур вышел из толпы, его цепкий взор пробежался по лицам. — Номерки взяли?.. Отлично! Представление уже скоро начнётся, так что идёмте. Прошу за мной! В актовый зал!

Нестройная толпа потекла по бегущей через коридор красной дорожке. Роман с дочерью шагали среди первых и в актовый зал зашли сразу за историком. Там нечто такое и ждалось: красные бархатные кресла вокруг театральной ямы, огромная хрустальная люстра под потолком и сцена, скрытая занавесом высотой с жирафа. Запах новизны и ласкающие глаз мягкие краски.

— Проходите! Рассаживайтесь! — Не оборачиваясь Артур шёл всё дальше. — Советую только садиться от сцены не слишком далеко и не слишком близко!

Роман тайком ухмыльнулся: про соответствия кресел билетам историк не сказал

ничего...

Актальный зал — это особое место, где звук ведёт себя иначе. Акустика налажена и в зрительских рядах, чтобы пошуметь, надо постараться, в то время как на сцене встанет человек и в полной тиши слышно, как тикают его наручные часы.

Толпа хлынула сквозь раскрытые двери, как вино из пробитой бочки. Никто не сдерживается, разговаривают в голос — и всё равно звук тонет в тишине.

Сверившись с билетами Роман нашёл нужный ряд и, маякнув дочке, двинулся вдоль кресел.

— Кажется эти... — Он сравнил номера. — Да, вот наши места. Ну что ж, присаживаемся...

Мимо, спереди и сзади проталкиваются люди. Юноши болтают громко, смеются, тыкают во всё по кругу. Одна группка уселась вместе, мальчишек и девчонок шесть, не меньше. Ох, наверняка придётся слышать их всё представление... Хотя нет, вряд ли — за их спинами две женщины и двое мужчин. Родители?.. В любом случае теперь можно успокоиться.

Настя села от отца справа. На подлокотники легли её тонкие, скрытые белыми рукавами запястья.

— Какие шикарные кресла... — Дочь привстала и села ещё раз, поёрзала. — Видимо они здесь вообще ни на чём не сэкономили...

От неловкого движения в кармане что-то кольнуло. Роман потянулся проверить — пальцы нащупали свёрток. Вынутый на свет он оказался той самой брошюрой. Решив поинтересоваться капитан Птачек стал читать... и вдруг наткнулся на дату и время представления — сегодняшнюю дату и сейчаснее время! Название спектакля: «Навстречу ветру». Так, описание... ага...

Погружённый в чтение он не заметил, что к нему обращаются.

— Мужчина... позвольте пройти...

Не переставая читать Роман прижал колени да ещё и повернулся, чтобы быть уж совсем вежливым.

В описании масса всего, но если вкратце — спектакль про семью, получившую массу ударов судьбы, но не только не распавшуюся, а ставшую и ещё крепче... Глядя на бумагу Птачек иронически покачал головой: прийти с дочерью на спектакль о том, как какая-то семья под невзгодами выстояла всего через полгода после развода... Злая ирония!

Возникла мысль дать почитать дочери. Роман повернул голову... и нервно сглотнул: рядом с Настей, наклонясь к ней розовым ушком, сидит та самая девушка! На губах улыбка, она слушает Настин шёпот и в чём-то ей поддакивает. Дальше устроилась женщина, с которой школьница и пришла. Головой не вертит, смотрит только на сцену. Вблизи стала видна паутина морщинок вокруг её утомлённых глаз. На коленях громоздкая коричневая сумка, в которой поместились бы не только кошелек с пудреницей, но и утюг.

Ком застрял в горле. Роман глянул налево — по другое плечо никого. Опёршись на левый подлокотник он откинулся в кресле как будто с равнодушием. Остановив голову в пол-оборота он стал смотреть на шепчущихся девочек, как на птиц в парке: они тихонько посмеиваются, о чём-то перешёптываются. Настя прикрыла в смехе рот, ей соседка сдержано улыбнулась.

Значит Настя уже успела завести себе подружку... Или это одноклассница?.. В любом случае это хорошо, ведь дочь обвыкается, приспособляется.

Прозвенел звонок. Девочки заозирались. Настя оглянулась, поймала взгляд отца.

— Это к представлению. — Роман протянул дочери брошюру. — Ещё один или два таких звонка и спектакль начнётся. На, почитай...

— Что это?

— Что-то типа расписания с аннотацией спектаклей. Погляди вот здесь, начиная отсюда...

Дочь развернула бумагу, её взгляд забегал по строкам. Роман следил внимательно и в момент, когда губы дочери дрогнули, спросил:

— Здорово мы пришли, а?..

Настина улыбка получилась не просто кислой, а вымученной и даже язвительной.

— Да уж... — Дочь протянула брошюру обратно. — Умеем мы представления выбирать...

Быстро, как цветок, проснувшийся в фальшивую оттепель, она поникла. Пожалев о дурацкой идее Роман положил ладонь ей на плечо и любяще сжал... Он совсем не хотел, даже не думал, но взгляд как-то сам скакнул к незнакомке — не смотрит ли на них?.. Нет, не смотрит. О чём-то шепчется с матерью... или тёткой. Кто она там ей...

— А ты что, — Роман приблизил губы к дочкиному уху, — уже подругу завела?..

Настя глянула направо и снова на отца.

— А-а-а... Да это одноклассница. Даша. С ней мама её пришла.

Роман посмотрел на дочь тепло-тепло, потрепал её за плечо и быстро, пока не успела защититься, чмокнул в щёку!

Люди продолжают рассаживаться, ходят по рядам, стоят в кучках, беседуют. Помимо школьной группы в зале ещё человек сто, но не все взрослые — у половины дети лет до шестнадцати, а чаще и до десяти. Гудит приглушённый живой шум. В воздухе застыло ожидание.

Дочь вновь погрузилась в телефон а Роман накрепко, жесточайше приказал себе смотреть куда угодно, только не на эту липкую для глаз Дашу; на детей, на взрослых, на сцену — лишь бы не на неё!.. Однако шею так и тянет повернуть направо, глаза сами туда скашиваются. Во рту пересохло. Мысль хотя бы одним глазком всё-таки глянуть раздувается и раздувается в голове, как воздушный шар, вытесняет остальные... Пальцы стиснулись на подлокотниках; Роман почувствовал, как и зубы сжал, что сейчас треснут! Посмотреть на неё хочется жутко! Невозможно стерпеть! Ладно... Ничего ведь не случится, если он глянет ещё разок?..

Воровато, как жулик капитан Птачек скосился — Даша сидит, выпрямив спину, её спокойный взгляд где-то на нижних рядах... Чёрт! Ну как же она хороша! Это чудо! Просто колдовство какое-то! С ней, наверное, не сравнится не то, что ни одна девушка в городе — ни одна во всей стране! В мире! Столь милого лица не найдёшь ни у одной истощённой недоеданием модели! А кожа... У девочек её возраста, даже у его дочери она всегда с прыщиками, с пускай крохотным, но дефектом. Но у Даши нет. Не-ет! Её лицо, как ни глядывайся — ИДЕАЛЬНО.

Роман отвернулся, закрыл глаза. Поднеся пальцы он с силой растёр веки. Ладонь опустилась ниже, скользнула по подбородку... Ну не должен он смотреть на неё; не должен смотреть на неё ТАК... Она школьница! Глупая девчонка! Ей, наверное, как и Насте пятнадцать! Да о чём он вообще думает?! Почему допускает в свою голову ТАКИЕ мысли?!

Проклятый второй звонок всё никак не дают. Кажется, что вот уже он должен быть... но

его всё нет. Роман опустил взгляд, стал разглядывать ботинки... потом ряды кресел... потом людей. Даже челюсть кулаком подпёр, чтобы повернуться направо стало неудобно. Но взглянуть ещё разок, ещё хотя бы ещё на секундочку увидеть эту потрясающую девушку жаждется до безумия!

Кляня себя за слабоволие Роман всё-таки сдался, посмотрел: Даша о чём-то беседует с матерью... Почему-то сразу вспомнилась Таня. Такой, какой она была, когда они ещё только познакомились: прекрасная, очаровательная, привлекательная; худенькая, спортивная, элегантная. Красное сочное яблочко в саду зелёных и переспелых червивых. Да, в юности Таня была прекрасна... однако если сравнивать с Дашей... Это как если это самое красное, спелое, блестящее яблочко положить рядом с золотым яблоком с дерева Геи, украденным из сада Гесперид, дочерей Атласа. Пригожее рядом с восхитительнейшим!

Роман закрыл глаза и медленно, будто толкая камень размером с автомобиль повернул сопротивляющуюся шею. Да, лучше вот так и сидеть с закрытыми глазами. Лучше думать о чём-то; о чём угодно, может даже и о плохом. Да хоть и о работе! Но не смотреть, не смотреть на неё. Не смотреть! Звени звонок! Гасни свет! Где эти чёртовы артисты?! Где этот гадкий спектакль?! Почему он должен всё это терпеть?!

От волнения сердце стучит, что в ушах молоты бьют. На подлокотнике, наверное, от сжавшихся пальцев следы останутся. Роман приказал себе оказаться мыслью в холодном и одиноком месте, в ледяной пещере, далеко-далеко в Антарктиде. Никого и ничего, холод, снег и лёд. Белое и голубое и пар изо рта. Максимально успокаивающее место...

Челюсти сжались до хруста, желваки вот-вот прорвут кожу! Не открывая глаз Роман переменял опорную руку. Если бы кто увидел его сейчас, то подумал бы, что человек заснул, видит кошмар и никак не может проснуться!

Ладно, он уступит этому. Он посмотрит ещё разок. Всего ещё один разок поглядит на неё и смотреть больше не станет! Просто удовлетворит любопытство...

С видом, с каким, наверное, сдаются в плен, Роман открыл глаза, повернул голову... и поймал взгляд Даши! Прямой, обращённый именно на него... Странно, но нервы не стегнуло электричеством, не порвало в тот же миг! Наверно потому, что они уже просто истощены и не способны реагировать бурно. С какой-то наглостью, даже с вызовом Роман отворачиваться не стал и вгляделся в девушку с силой, даже с амбицией, жадно и в то же время строго. Кто его накажет за взгляд?! Плевать уже! На всё плевать! Он запомнит этот миг и её глаза! И пусть этого ему будет достаточно!..

Зазвенел новый звонок. Взгляд Даши скакнул вверх, туда, откуда докатился звук. Кратчайший миг Роман ещё взирал на её лицо... и отвернулся. Интересно: как он выглядел, когда пялился на неё?.. Лучше об этом не думать.

Как по команде люди засуетились, заспешили в кресла. Не прошло и минуты, как зал сидел, уставившийся на сцену.

— Что?.. — Настя вынырнула из телефона, её брошенный по кругу взгляд стал таким, словно лишь секунду назад она была у себя в комнате. — Уже начинается?..

С тихим шуршанием высоченный занавес разделился на части и каждая, подметая пол, поползла прочь. Взору открылись декорации горда, может быть, восемнадцатого века. Если на сцене появятся женщины, то обязательно в чепчиках и длинных платьях до пола, в этом Роман уверился.

Сверху и с боков зажглись сценические фонари. Подчёркнутые их лучами, как бриллианты в ювелирном, на сцену вышли две высокие и две низкие фигуры. В середине

вышагивают мужчина и женщина. Идут под руку и каждый с бока ведёт маленькую, должно быть пятилетнюю девочку.

Мужчина высок, по-мужски хорошего, плотного телосложения. Свитер, коричневые брюки и ботинки сидят на нём, как надо. Волосы тёмные и густые, как старый лес, ещё и акцентированно расчёсанные. Лицо деловитое, можно выразится — классическое, будто видишь учителя из лица. И ухоженная, подстриженная борода.

Женщина ярко выделяется белоснежной, сверкающе белой блузкой, белой кожей, белозубой улыбкой, молочно-белыми волосами до плеч и жемчужно-белым ожерельем из жемчуга. Такая в самом деле может рекламировать на себе бриллианты. И завистниц иметь целую кучу.

Ведомые девочки походят друг на друга, как зеркальные отражения. Золотистые, под розовыми бантами локоны падают ниже плеч, прелестные маленькие личики с розовыми губами и большими, светло-серыми глазами сияют. Носики, бровки, щёчки — всё похожее. Одеты одна к другой в белые, украшенные розовыми цветами и красными ягодками кофты они улыбаются, сверкая мелкими жемчужными зубками.

Зал затаил дыхание. В густой, как кисель, тишине мужчина высвободил руки и шагнул вперёд. Будто стараясь объять всех его ладони широко распростёрлись! Заголосил звонкий, сочный баритон:

— Здравствуйте! — Размашисто, с отточенным движением он поклонился. — Счастливи видеть всех пришедших! Рад, что сегодня столь много людей и столь мало свободных мест... Позвольте же представиться: директор этого замечательного театра, Хоров Валерий Александрович! А это, — он обернулся, его ладони устремились к спутницам, — моя прелестная жена Нина, по отчеству Сергеевна, и наши замечательные дочери, Алина и Олеся. Девочки, встаньте рядом со мной!

Сверкая, как жемчужины на шее матери, близняшки подбежали к отцу. Жена остановилась поодаль, за спиной мужа.

— Сегодня замечательный, прекрасный день! — Чуть нагнувшись директор взял дочерей за руки. — Сегодня одновременно открытие сезона и дебют этого спектакля! «Навстречу ветру»! Да, так мы решили его назвать. Он о семейных сложностях и о том, как несмотря ни на что люди их преодолевают... — В акустически чистой тишине мужчина обвёл зал карими пытливыми глазами. — И я надеюсь, что он вам очень понравится, так как семья в жизни — это главное! Спектакль будет идти весь сезон, так что милости просим всех, кому одного просмотра мало. И рад обещать, что репертуар намечен широкий, так что и любителям разнообразия будет, чем удивиться!

Присев, бородач подхватил дочерей на руки. Словно отрепетировано девочки разом схватились за его шею и повернули к залу лучезарные, миленькие улыбочки. Жена вышла из-за плеча и встала сбоку, её ладонь легла мужу на поясницу.

— Приятного представления! — Валерий размашисто кивнул. — Пусть вам понравится! Кто-то захлопал. Его поддержали. Под рукоплескания, сверкая улыбками и кланяясь, квартет назад-назад, шагок за шагом стал сцену покидать.

Роман почувствовал, будто на него грязью брызнули. Холодной, маслянистой, вонючей грязью. Семья в жизни главное... Люди не разводящиеся, преодолевающие невзгоды... Кто вообще такие спектакли пишет?! Предупреждать вообще-то надо...

От его взора не убежало и лицо дочери — хмурое, унылое. Расстроенное... Уж она-то ощущает всё то же самое, только острее. От него ушла «всего лишь» жена, а от неё — целая

мать...

Будто угадав взгляд отца Настя оглянулась, их глаза встретились. В краткий миг всё, что можно было бы сказать, стало сказано в этой обоюдодрустной, печальной встрече взоров.

То ли желая отвлечься, то ли боясь забыть пришедшую мысль, дочь вдруг просветлела лицом, её глаза округлились. В ухо Роман ворвался энергичный шёпот:

— Пап! Смотри! Приглядишься к дочкам директора повнимательнее!

Немного опешив Роман прищурился: ну, дети, как дети. Да, милые... Ну красивые...

— Что такое?..

— Давай же, присмотришься получше...

Роман взгляделся уже так, что глаза чуть в бинокль не превратились.

— Ну приятные глазу... Да о чём это ты?..

Дочь зашептала тоном настоящего заговорщика:

— По-моему они смахивают на Дашу! Не находишь?..

Услышанное заставило взглянуться с новым интересом... Но уже поздно. Квартет ушёл, скрылся за занавесом.

— Ну-у-у... Может быть...

Глаза Насти горят, как у сыщика, нашедшего *след*.

— А вдруг они родственники?.. Представляешь?! Я сейчас её спрошу!

Напустив равнодушия, надев самую свою милую улыбку, спокойно-спокойно Настя повернулась к однокласснице... и так и замерла, не решаясь и пикнуть: Даша глядит на сцену, как глядела бы волчица на осмелившегося протянуть руку к её волчатам. Лицо — застывшая маска. Глаза — два холодных камня. Взгляд — отравленный нож.

По коже побежали мурашки... Медленно, как сапёр со взрывчаткой, Настя перевела взгляд на её мать — женщина, как и дочь, глядит на сцену неотрывно, но в отличие от неё в её глазах не лютость, а растерянность. Растерянность и страх, будто она видит человека, которого давно похоронила.

Нервно сглотнув, как можно непринуждённое дочь капитана Птачека вновь повернулась к отцу и произнесла:

— Знаешь, пап... по-моему идея это была глупая. Не буду я ничего спрашивать...

Ме-е-едленно, словно засыпаешь, погас свет. Из колонок на стенах полилась мелодия, заговорил неспешный старческий голос.

— Однажды...

Представление началось.

Лестное мнение

Когда-то давно, ещё в детстве Роман ходил с родителями на спектакль, но это было в Нижнем Новгороде. То ли они по отцовской командировке туда заехали, то ли путешествовали... Представление юному Роме понравилось и запомнилось, наверное, на всю жизнь; хотя, если вспомнить, спектакль был про то, как лиса воровала яйца из курятника. Может настроение плохое, а может и тема такая неудачная... Когда артисты покинули сцену и громадная люстра над головой загорелась капитан Птачек очень обрадовался, что всё кончено... но с сожалением понял, что это только конец первого акта.

Бёдра и спина затекли жутко. Роман сел иначе, перекинул ногу. Челюсть водрузил на другой кулак. Повернув голову он без интереса спросил:

— Ну как тебе?..

У Насти в руках телефон, уже всю кому-то строчит. Возможно это просто сейчас достала открыто, а так весь спектакль тихонечко переписывалась...

— Сложно сказать. — Дочь кинула на отца косой взгляд. — Пока не цепляет.

— Даша, пойдём. — Женщина, сидевшая рядом с Настиной одноклассницей, встала. — Пойдём. Я прошу тебя.

Роман понял, что упустил начало их спора. Напустив равнодушный вид он откинулся в кресле и даже отвернулся. Почти. Ушки его взлетели на макушку.

— Мама — я остаюсь. — Девушка гнула своё вроде бы спокойно, но ультимативно, словно гвозди заколачивала. — Не надо меня уговаривать. Я досмотрю до конца.

Уже и Настя заметила — вон как напряглась: глядит в телефон, а сама-то прислушивается...

— Даша... — С гримасой мученика женщина заломила руки. — Давай уйдём. Пожалуйста...

— Нет. — На мать девушка и не смотрит; только перед собой, только на сцену. — Нет, мам. Я задержусь до конца. Если хочешь — уходи. Я буду тут.

В немой пытке, глазами отчаянной женщина пробежалась по лицам окружающих. Роман поспорил бы на три зарплаты, что если бы не люди, здесь разразилась бы громкая сцена. Только не постановочная.

Перемена произошла вмиг: из страдальческого лицо женщины стало холодным, даже грозным. Поменялся и её тон.

— Ладно... Как хочешь. — Она перекинула сумочку-рюкзак через плечо. — Если тебе так нравится... А я пошла.

С поднятым подбородком и железом во взоре женщина двинулась мимо дочери. Даша даже и не взглянула на неё, только тень матери пробежала по её лицу, когда та уходила...

...В перерыв половина народу вышла, в зале остались полупустые ряды. Кто-то сидит в телефоне, кто-то болтает с соседом. От похода в буфет Настя отказалась и Роман и сам решил не ходить. Даже удержался и за весь перерыв ни разу не глянул на дочкину одноклассницу.

После ожидания и положенных звонков свет снова погас и представление продолжилось.

В темноте кроме сцены видно что мало, но теперь Роман всё же поглядывал направо. Поглядывал — но ничего не видел. Угадывается лишь контур девушки, лица не рассмотреть.

Интересно, какое оно сейчас?.. И почему ЕМУ это интересно?.. Вздохнув, капитан Птачек приказал себе не отвлекаться... но только это сделал, как в его вообще-то непристойную слежку внесла свою копеечку дочь: спрятав телефон Настя сложила руки на коленях... последила за представлением... посмотрела на обувь одноклассницы... и вдруг заметила что-то на полу.

— Даш... — До слуха Романа долетел её шёпот. — Даш... у тебя расчёска упала... Даш, ты слышишь?..

Надеясь, что мрак прячет его не хуже остальных, Роман повернул голову: дочь подняла с пола что-то, в её обращённой к однокласснице руке еле угадываемый предмет, а вот его хозяйка как сидела, сфокусированная на представлении, так и сидит: точно статуя самой себя Даша глядит на сцену, окружённая барьером глухости.

— Даша... — Настя не сдалась. — Даш!

Возглас, достойный в театре ворчливого замечания. Девушка вздрогнула, её глаза уставились на одноклассницу, словно видят впервые.

— А?.. Что?..

— Расчёска, говорю... — Настя сунула предмет ей в руку. — Держи. Ты уронила.

Взгляд Даши остановился на расчёске, снова поднялся на Настю... Отстранённо, словно под сонным заклятьем он ответила:

— А... Спасибо...

Через мгновение всё вернулось на свои точки с совершенной точностью: замершая, глядящая только на сцену девушка и ничего, способного её отвлечь.

Следующий час тянулся, как льющаяся смола. Раз пять Роман менял положение: то так сядет, то сяк. То ногу перекинет, то кулак под щекой поменяет. А уж сколько раз сон гнал, глаза тёр — не счесть. И всё с одной мыслью — скорее бы кончили! В отличие от отца Настя не елозила, сидела спокойно. Смотрела в прикрываемый ладошкой телефон, не забыла и наушник в ухо вставить.

Когда стало светлеть и дружно взявшиеся за руки актёры вышли на поклон, Роман от облегчения чуть не ляпнул: «Слава богу!» Удержался. А вот дочь нет. Глянув на родителя умными, но уставшими глазами она буркнула:

— Ну и нудя-я-ятина...

Не успели актёры раскланяться, как на сцену выбежал тот самый бородач, директор театра. Выйдя впереди всех он обвёл зрителей восторженными глазами, вдохнул поглубже и гаркнул:

— Спасибо, что пришли! Спасибо, что смотрели наш спектакль! Спасибо всем вам!

Его чёрная, расчёсанная голова опустилась в размашистом поклоне. Поднялась и снова опустилась ниже. Немедля скопировав начальника актёры закланялись вновь.

— Да уж... — От ворчания не удержался и Роман. — За просмотр таких работ в самом деле надо бы благодарить...

Рядом взорвались громкие, запальчивые аплодисменты! Повернувшись Роман увидел, как встав и с прямой спиной, с возбуждённо приподнятым подбородком размашисто бьёт в ладоши Даша! Громовые хлопки раскатываются по залу; девушка хлопает, тянет шею и смотрит на сцену так, словно боится моргнуть!

Её поддержали неуверенно, потом громче. Вот уже и весь зал аплодирует стоя. С усталой, иронической улыбкой привстал и Роман; с его ладоней сорвалось несколько вялых хлопков. Спрятав телефон Настя поднялась со всеми, только руки прижала к бокам и

оглядывается — не открыли ли уже выход?

Стоило бородачу показать спину, как нестройная толпа хлынула прочь! Без ажиотажа, как за бесплатной водкой, но всё-таки бодро. Роман встал, осмотрелся — вроде ничего не потерял... Подступив, отец и дочь впали в человеческую реку. Поток вынес их в коридор и прибил к стене неподалёку от двери с табличкой «WC».

— Насть... — Роман тронул дочь за плечо. — Я пока в туалет схожу. Подожди меня снаружи.

Отпустив отца, сжимаемая с боков Настя поплелась к гардеробу, хотя правильнее было бы сказать её потащило. В какой-то момент даже казалось, что выстави руки, подними ноги — и донесут, не заметят!

Как не странно, но давки у гардероба не оказалось. Легко получив куртку Настя продела руки в рукава и зашагала на выход. Вжикнула застёгиваемая молния, каблуки застучали по мраморному полу. Выйти же на улицу оказалось не приятнее, чем попасть под ливень — холод и ветер приняли неласково, тут же захотелось вернуться, спрятаться и ждать, когда придёт отец и можно будет поскорее забраться в машину.

Пока высиживали на этом дурацком представлении, успело потемнеть. Солнца не видно, все серое... а часа через два будут уже и тёмное.

Люди выходят и сразу направляются кто к машинам, кто на остановку. Лица большинства незнакомы... Но есть и те, кто пришёл с группой. Эти кучкуются у выхода. Отлавливают таких же, как они, заговаривают про увиденное... Родители одноклассников, кто друг с другом знают, беззаботно болтают, никуда не спешат. Что до самих одноклассников — почти поголовно, как Настя убедилась, дураков и дур — они либо с откровенно скучающими рожами трутся возле родителей, либо стоят в кучках и гнусно хихикают над собственными шутками. Пффф... Дети. Пятнадцатилетние дети. Вот она в своём возрасте уже хоть что-то, но понимает, а они... И ведь ещё несколько лет терпеть их. От всего этого так тянет домой... ДОМОЙ! А не в эту дурацкую халупу!..

Взгляд что-то царапнуло. Ветер так и хлещет, так и кидает в глаза снежинки. Прикрывшись ладонью Настя прищурилась — недалеко от выхода, у колонны стоят двое: девушка в тёмно-синем пальто с шикарным тёмным меховым воротником и мужчина в чёрной кожаной куртке, с не менее же отличной, классической скорняжной стойкой. Даша и Артур Каримович.

Даша о чём-то порывисто рассказывает, её руки мелькают в энергичных жестах! Глаза горят! Артур же Каримович слушает её с лицом таким, словно пред ним не ученица, а кто-то из министерства образования. Поддерживая подбородок он глядит сосредоточенно и иногда медленно кивает. Временами его взгляд опускается, а пальцы задумчиво трут угловатую челюсть...

Заметив пытливый Настин взгляд историк кивнул Даше резче, точно заканчивая разговор. Скользнув взором по любопытной новенькой, он спрятал руки в карманы и в самом деле ушёл.

Настя почувствовала, как у неё горят щёки: на подглядывании её не ловили с детства! И вроде бы она не в спальне чужой за дверью спряталась, а всё-таки чувство именно такое — она подсматривала и её поймали...

Проводив взором спину учителя Даша поймала и взгляд одноклассницы. Глаза её потеплели, она повернулась и, сцепив пальцы у живота, направилась к подруге. Настя невольно восхитилась — ветер растрепал Дашины локоны; они мечутся в порывах, точно

водоросли в бурной воде! Так красиво... Очаровывающе. Единственная в самом деле прекрасная девушка в школе. Где бы Даша ни появилась — обращают внимание ВСЕ. Многие парни на неё слюну так и роняют; даже немного завидно...

Подойдя к однокласснице Даша одарила её дружелюбной улыбкой. Не наигранно, не натянуто — Настя столько навидалась фальшивых улыбок, что отличила бы сразу. Но сейчас ей рады и, похоже, это искренно.

— Ну, кажется, вот мы в театр и сходили! — Обладательница колдовских волос радостно привстала на носках. — Как тебе представление?!

Настя улыбнулась скромнее.

— Отец меня о том же спросил... — Жуя губу она задумалась — спрашивать ли в ответ о соре?.. — По-моему так себе... А что на тебя тогда напало? Я имею ввиду, когда первый акт кончился...

Вот *теперь* Дашина улыбка слегка натянулась. Она повернула лицо так, что половина его погрузилась в тень.

— Прости?..

— Ну, знаешь, ты в школе обычно такая... — Настя покрутила ладонью, — спокойная всегда. Собранная. А тут тебя прям как будто оса укусила. Ты все представление следила за сценой как... прости — как помешанная...

Мысленно Настя прикусила язык: мягче надо, пластичней. Сейчас и ту единственную знакомую потеряет, с которой ТУТ интересно общаться.

Глаза Даши стали удивлёнными, она прикрыла рот.

— Ой, ты знаешь! А я и не заметила... Наверное, что-то дурное вспомнилось. Да и вообще, — она легко пожала плечами, — я люблю театр. Часами, наверное, могла бы смотреть.

— Любишь театр?! — У Насти от изумления открылся рот. — Да я чуть не уснула! Серьёзно! У меня уже глаза закрывались!

Весело, без оглядки подруга залилась звонким хохотом.

— Это уж точно! — Она поддакивая закивала. — В этот раз что-то не то... Обычно гораздо интереснее! Я сама стараюсь ходить хотя бы раз в месяца-два, и очень редко когда остаюсь недовольной.

— Но только не сегодня! — Дашин смех оказался заразительным настолько, что Настя захохотала и сама. — Сегодня у них сонное царство!

На хохочущих девушек заглядывались.

— Извини... — Настя посмотрела в глаза подруге со всей проникновенностью. — А мама твоя почему ушла?.. Если я лишнего спрашиваю, то ты сразу скажи! Извини ещё раз, просто жутко любопытно...

— Почему ушла?.. — Даша выгнула губы. — Я и сама не знаю. Она мне не сказала... Да-а-а, я представляю, как это выглядело... — Она вновь задорно улыбнулась. — Загадка века! Но, думаю, ей просто не понравилось. Обычно я хожу в театр одна, а мама всё это не любит. Её еле-еле удалось и на этот-то поход уговорить... Слушай! — Взгляд одноклассницы вспыхнул. — А это ведь был твой отец?.. Это он с тобой сидел?.. Ему понравилось представление?.. Как тебе вообще удалось его в театр затащить?!

От неожиданности Настя заморгала.

— Ты имеешь ввиду... А, да, это он. Я разве о нём не говорила?..

— Нет. — Даша помотала головой. — Ты только рассказывала, что вы недавно

переехали... Ну давай, колись — как тебе удалось его привести сюда?! Я маме обещала, что на выходных генеральную уборку устраю. Настя?..

Настя посмотрела на Дашу так, словно у той выросли рога. Кашлянув в кулак она пробормотала:

— Ну-у-у... Вообще-то это не я его, а это он меня сюда приволок. Я-то идти как раз и не желала...

Дашины брови взлетели, как перепуганные птицы, а глаза стали размером с блюдца! Подруга даже ухом повернулась, будто ослышалась.

— Не хотела идти, а он всё равно настоял... — Настя нахмурилась, за одноклассницей не следила, больше слушала, что говорит сама, погружалась в собственную мысль. — Он вообще, если честно, уже достал меня со своей опекой. Думает, что знает, как мне лучше... Только я и сама решу! Сама уже способна задницу себе подтирать — помощь мне не требуется! Театр этот, блин...

Поймав внимательный, очень чуткий взгляд подруги Настя вдруг смутилась и глаза отвела.

— Прости... Кажется я заболталась...

— Да ладно! — Даша ласково растянула губы. — Наверное тебе просто некому выговориться... — Несколько мгновений они молчали. — А кем твой отец работает?..

Настя поправила бездумно, по привычке.

— Служит... Служит, как он любит говорить.

— Служит?.. Он военный?..

— Нет, не военный. Он в полиции. Следователь. Дела всякие расследует...

— Следователь?! — Даша приложила ладонь к груди. — Твой папа следователь?.. Как здорово!

Настя уставилась на одноклассницу с удивлением — лицом та неожиданно напомнила ребёнка, услышавшего нечто невероятное! Глаза большие и круглые, рот полуоткрыт! Настя даже подумала, что она, должно быть, ошиблась и вместо «служит следователем» сказала «летает в космос».

— Ты что — ни разу полицейских не видела? — Она приподняла бровь. — Чего так удивляешься?..

— Да я не удивляюсь... — Даша будто смутилась. — Ну, просто твой отец работает... служит следователем... Наверное это очень необычно. Типа он там преступления всякие раскрывает, преступников ловит... А с пистолетом по крышам он бегаёт?

— Ты чего — угораешь надо мной?! — Настины глаза стали подчёркнуто сердитыми, хотя при этом же её губы невольно расплылись. — Не знаю я насчёт крыш, но папа в самом деле серьёзными делами занят. Вот например...

Нагадано для себя дочь капитана Птачека застыла: подруга смотрит на неё во все глаза, уши так и развесила — как же хочется перед ней похвастаться! Но одобрит ли отец?.. Одобрит ли, что она раскроет подруге то, что он рассказывает только ей?..

— Ты чего?.. — Даша ткнула одноклассницу в бок. — Чего остановилась? Давай, выкладывай, мне же так интересно...

Настя сделала лицо тяжёлым, взглянула на подругу с претензией и важно, показательно значимо потребовала:

— Только между нами...

— Клянусь! — Даша застегнула губы на воображаемую молнию. — Я могила!

Рассказывай.

Голос Насти вновь прозвучал неуверенно:

— Ну-у-у... Сейчас отец как раз занимается одним... маньяком.

— Чего?! — Шёпот Даши стал звонким, как электродрель. — Серьёзно?!

— Да! Не шуми! — С застучавшим сердцем Настя кинула взгляд по сторонам. — У вас здесь, оказывается, целый маньяк водится. Отец говорит, что он уже лет шесть город кошмарит. Ты ничего об этом не слышала?..

На мгновение подруга замерла, взгляд её поменялся... Или это показалось.

— Нет, не слышала. — Она помотала головой. Ветер затрепал её волосы вновь и лицо Даши почудилось овечьими языками тёмного пламени. — Но я новости и не смотрю почти. Может быть просто пропустила...

— Ну, в общем, вот... — Настя двинула плечами. — Я тебе рассказала, кем мой отец работает. Хотя, собственно, чего тут особенного?..

— Да ты что?! — Даша схватила подругу за ладонь. — Да это ж так здорово! Твой отец таким важным делом занят! Настоящим! Мужским!

Сполоснув руки Роман подошёл к фену, его ладони легли под сопло. С грозным жужжанием устройство задышало жаром и в две минуты на коже не осталось ни капли. Посматривая с ленцой на других зашедших, Роман глянул на дорожку в зеркало и вышел в коридор.

Все уже ушли, а какая-то женщина в тёмном платье закрывает двери в актовый зал. Пальцы нащупали в кармане номерок, на ладонь лёг пластик с цифрой. Ну, сейчас только дойти до гардероба, а там можно и домой...

Одна из дверей открылась, там белые стены и парочка женщин за офисными столами перед мониторами. Порог перешагнул тот самый бородач, только что разглагольствовавший со сцены. На лице ни тени прежнего благодушия. Сверкнув курьими очами он бросил за спину: «Работайте!» и зашагал навстречу.

Весь из себя целеустремлённый. На человека, мимо которого прошёл, и не посмотрел. Роман шёл дальше и слышал его удаляющиеся шаги. Всё же любопытство взяло верх и капитан оглянулся.

Уверенный, видимо, что на него не смотрят, а то и равнодушный к этому бородач на ходу достал какую-то конфету. Сладость отправилась в рот... а свёрнутая обёртка полетела на пол, прямо на ковровую дорожку! Распахнув другую дверь директор театра скрылся.

Роман прямо на месте встрял, настолько оказался изумлён! Одинокий золотистый фантик лежит на ковре, а капитан глазеет на него, как на инопланетный космический корабль...

— Ну и свинья-я-я... — Птачек помотал головой. — А ещё как будто интеллигентный...

Одевшись, Роман побрёл на выход. Стоило только открыть дверь, как сразу в лицо ударил холодный ветер и снежинки полетели за воротник. Ужасно захотелось закрыться, побежать скорее к машине, спрятаться. Где же дочь?..

— Да это ж здорово! Твоей отец таким важным делом занят! Настоящим! Мужским!

Роман обернулся — сбоку от выхода Настя о чём-то шепчется с Дашей... Заметив его девочки тут же притихли. Настя почему-то потупила взор, а вот Даша наоборот взглянула прямо, на её губах расцвела сдержанная улыбка...

— О чём это вы шушукаетесь?.. — Роман глянул на дочь с деланным подозрением. —

Что, родителям косточки перемываете?..

Застенчиво прячущую глаза Настю вдруг сменила другая, Находчивая Настя!

— Папа, познакомься! — Она показала на подругу. — Это моя одноклассница, про которую я тебе рассказывала. Даша. Мы вместе учимся и уже успели познакомиться!

Бросив на девушку мимолётный взгляд Роман хотел было кивнуть ей и позвать уже дочь идти, как взор его прилип к протянутой ладошке — тонкой, белой... и наверняка очень нежной...

— Здравствуйте... — Глядя на Романа снизу вверх Даша улыбнулась чуть теплее. — Приятно с вами познакомиться...

Такого дочь, видимо, не ожидала. Раскрыв рот она застыла, забыв, как хотела продолжить. Растерялся и Роман.

— И мне очень приятно... — Он протянул руку и аккуратно, будто хрупкую драгоценность, сжал неожиданно тёплую девичью кисть. — Роман... э-э-э... Павлович. Отец Насти...

Злой, холодный ветер ударил с новой силой и волосы Даши взметнулись непослушным кружевом, заплясали! Мечась, они самыми кончиками хлестнули Романа по лицу!

— Пап, все уже расходятся... — Настя заглядывалась. — Может и мы пойдём?..

Роман услышал это как сквозь воду: он испытал странное ощущение, точно ему дали пощёчину, но не грубой рукой, а нежнейшей лапкой... Первым разжав пальцы он неохотно выпустил тёплую ладошку и с великим трудом оторвал взгляд от глубоких очаровывающих глаз.

— Да, всё правильно... Кхм... — Голос стал будто не его. — Да, доченька. Пойдём. А то мы здесь в снеговиков превратимся...

Кивнув девушке, капитан отвернулся и не глядя, поспекает ли дочь, зашагал к «форду». Торопливо обняв подругу, Настя бросила: «Увидимся!» и поспешила за ним. Глядя в удаляющиеся спины, хоть и понимая, что её не видят, Даша подняла пальчики и прощально помахала.

Плохо или хорошо?

Вечером той субботы больше не занимались ничем, просто пришли домой, поели и каждый погрузился в своё — отец в телевизор, Настя в инет. Воскресенье выдалось спокойным и даже сонным. Кроме вечера со скандалом... Но о нём и вспоминать не хочется. Ну а понедельник — день тяжёлый. Вот приходится тухнуть в школе...

В расписании как назло нелюбимые предметы, причём один за другим: Математика, Английский, Физика, Физкультура... История. И будто этого мало, ещё и на каждом учитель вызывал Настю к доске или о чём-то спрашивал. Конечно же о том, чего она не знает. И так с утра не ахти какое к вечеру настроение стало ещё хуже и уже почти достигло точки, когда хочется из школы без оглядки бежать! Но началась та самая История, и вот она-то принесла сюрприз: Артур Каримович, обычно очень энергичный, но сегодня какой-то холодный, просто проверил, все ли присутствуют, приказал взять учебники и читать про себя от сих до сих. Чего проще?.. Самое время отдохнуть.

Настя так и сделала. Прикрывшись книжкой она стала через телефон сёрфить в сети, листать приколы. Поглядывая на учителя — не засёк ли? — время от времени она косилась на Дашу, с невесёлым видом предавшуюся чтению. Сегодня она вообще целый день какая-то мрачная... Ходит нос повесив. На перемене Настя пыталась интересоваться — не случилось ли чего? Даша лишь помотала головой и с кислой улыбкой обронила:

— Всё в порядке...

Кое-как, худо-бедно, но со звонком последний урок подошёл к концу и учебный день — слава богу! — кончился.

Время энда второй смены — это серость, переходящая в темень. Фонари ещё не горят, но ты уже чувствуешь, что на улице поздно. Минут через десять после звонка Настя уже стояла перед школой и смотрела на часы: девятнадцать-двадцать. Отец обещал подъехать без двадцати, так что придётся подождать...

Одноклассники разошлись, но окна ещё горят — это остались те, кто убирается в кабинетах. Боже мой! В этой школе ученики САМИ моют классы после уроков! Классрук назначает очередников, отмазаться невозможно. Насте и самой довелось попачкать руки. Мерзость!

Чтобы скоротать время дочь капитана Птачека достала телефон. Сегодня хотя бы не очень холодно и пальцы не мёрзнут, тачпад откликается без проблем. Хоть это радует... Минут пять перед Настиним взором мелькали картинки из ленты, но вдруг пришло сообщение от старой самарской подруги.

— Привет)) Как дела?))

И в самом деле — как?.. Думая, чем отписать, Настя неизбежно вернулась памятью в прошлый день, а ведь вспоминать его не хочется совершенно! Сразу заболела голова, заскрежетали зубы. Того и гляди искры из глаз брызнут! Вчера бахнул такой скандалище, что, наверное, слышал весь дом!

Утро началось где-то в три дня, так как часов до пяти ночи Настя смотрела фильмы. Когда она только открыла глаза за окном ещё как-то светлело, но когда почистила зубы и позавтракала — уже повисла темень. И каким волшебством четыре часа пролетели, как пять минут?! Чем она только занималась?! Отец с вечера просил убраться, а утром ушёл на службу. Конечно же как только Настя взялась за пылесос — тут он и явился. Хмурый,

молчаливый, недовольный. На неубранную квартиру посмотрел огорчённо, но это ладно — Настя бы просто пообещала, что уберётся ЗАВТРА... Но у отца оказалась припасена более нервирующая тема: всё, теперь он будет забирать её из школы! И вообще все вечерние передвижения только под его надзором.

Ужаснейшая, кошмарнейшая несправедливость! Какого чёрта?! А что же дальше?.. Да ей уже почти восемнадцать, а он ведёт себя, будто ей десять!

Забросив на сковородку картошку и сосиски отец рассказал, что откопал в каких-то там своих томах историю с убийством четырнадцатилетней, произошедший два года назад как раз в районе двадцать третьей школы.

— Ну и что?.. Папа! Ну мало ли какие дуры где-то там подставляются?!

— Доча! Речь идёт не о случайности! Я же говорил, что занимаюсь конкретным маньяком. А он ведь до сих пор не пойман! Чего ему стоит зацелить какую-нибудь новую несчастную?! Тебя например... Не-е-ет, я так своей дочерью рисковать не намерен...

Крики, оры, слёзы. Мольбы и угрозы. Насте очень хотелось победить, выиграть в той словесной дуэли, но отец держался, как скала, которую не сдвинуть не обойти. Разговаривал ультимативно. Настя закричала, что тогда в школу вообще ходить не будет! Отец спокойно глядя ей в глаза пообещал, что тогда он сам поволочёт её туда силой и это будет выглядеть, как шоу, и все будут на это смотреть.

Через несколько часов ругательств и, наверное, ведро выплаканных слёз Настя решила, что потихоньку покидать школу в родительской машине всё же лучше, чем делать тоже самое громко, на смех всем, но не только вечером, а ещё и днём. Сдавшись она уговорилась с отцом об условиях регулярного «забирания» и взяла с него слово, что прежде, чем подъехать, он обязательно позвонит или напишет.

Ах да, надо что-то ответить...

— Нормально)) Ты сама как?)))

Где-то сбоку взревел дюжий мотор. Крутя широкими, утопающими в снегу колёсами к школе подкатил серебристый внедорожник размером, наверное, с африканского слона. Чистенький, блестящий. Тонированный. Настя невольно засмотрелась на него и не сразу заметила, как мимо прошли старшеклассники — Вадим и Лёша. Оба из одиннадцатого А и, как шептались девчонки, оба спортсмены-самбисты. Всего ведь на пару лет старше, а выглядят так... по-взрослому...

Настя дёрнулась, поймав на себя взгляд Вадима — из обоих он самый симпатичный. Ростом не ниже отца, да и силой ему, наверное, не уступит...

— Настя?.. — Вадим сдвинул брови. — А ты чего тут мёрзнешь?..

Откуда он её знает?! Настя почувствовала, что у неё вспыхнули щёки... И от боязни того, что это заметно, они загорелись ещё ярче!

— Да я так... — Полуулыбнувшись она отвела взор. — Жду кое кого...

Не намного ниже Вадима, но даже шире его в плечах Лёша остановился возле. Скользнув по Насте оценивающим взглядом он посмотрел на приятеля с непонятым девушке выражением — ухмыльнувшись половинкой рта.

Вадим кивнул через плечо и произнёс спокойным, полным силы голосом:

— Если куда-то нужно, то давай мы тебя подвезём. Чего студиться-то стоять?..

Щёки, наверное, уже не просто горят, а полыхают, как заря!

— Да не стоит... — Настя стрельнула в него взглядом одновременно и смущённым... и лукавым. — Мне правда нужно кое-кого дождаться. Но спасибо за предложение...

Сверкающая полиролью дверь автомобиля распахнулась и открыла взору парня возраста Вадима или Лёши, только отличающегося от них, как часы «rado» отличаются от «командирских». Русые волосы идеально зачёсаны, лицо ухоженное, с холёной якобы двухдневной щетиной. На плечах белый пиджак, из-под рукава выглядывают как раз какие-то явно дорогие часы... И сигарета в уголке губ; в воздухе сразу запахло табачным шоколадом.

На преддверной порожек опустился дорогой ботинок. Оперившись локтём на выставленное колено, парень метнул на Вадима с Настей барский взгляд. На весь школьный двор раскатились его громкие слова:

— Братан! Нашёл, кому предлагать! По ней же видно, что она дома сидит носки вяжет!

Озноб пробрал от макушки до пят! Настя почувствовала, будто её облили помоями! Язык парализовало — звука не вымолвить...

Вадим оглянулся на него, как на нечто мелкое. Взгляд его вернулся к Насте, а голос прозвучал с прежней невозмутимостью:

— Не обращай внимания, он дурак. Ладно. Как-нибудь свидимся...

Повернувшись оба парня побрели к внедорожнику. Застывшая, как ледышка, Настя немо смотрела, как они поздоровались с хозяином машины, как улыбнулись друг другу, как запрыгнули в авто и укатили, меча снег из-под колёс.

На глаза чуть ли слёзы не наворачиваются... Да кто он такой, чтобы так говорить?! Какой-то напыщенный придурок...

Предавшись дурным размышлениям Настя не заметила, что минут пять стояла, как в транс. Уехавших уже и след простыл, а она всё не могла забыть дурацкую фразу про носки. Почему именно носки?! Она что, похожа на замарашку?..

Слова, сказанные тихо, прозвучали, как удар хлыста:

— Кого-то ждёшь?

Настя вздрогнула! Часто заморгала... Сбоку, загадочно улыбаясь, стоит и смотрит на неё Даша. Как обычно в своём изумительном тёмно-синем пальто.

— Отца жду... — От переживаний Настя совсем забыла, что хотела эту тайну сохранить. — Он должен за мной заехать, отвести домой...

Сказав это она зажмурилась... Ну что она за дура?! Кто её тянул за язык?!

— Ух ты! Здорово! — Даша, кажется, аж подпрыгнула на носках. — Так он тебя из школы забирает?!

— Ну да... — Настя тяжело вздохнула: всё, это конец... — Иногда только, не всегда... Я совершенно против, но он уж больно настаивает. Переживает за меня...

Во взгляде Даши случилась мистическая перемена, словно она узнала про подругу нечто великое и доброе, о чём раньше и не догадывалась! В голосе её заиграли истинно сердечные нотки.

— Как же это здорово... А долго тебе ждать, пока он приедет?

Настя взглянула на время.

— Ну, наверное, ещё минут десять...

— Тогда, надеюсь, ты не возражаешь, если я постою вместе с тобой? — Одноклассница сделала шаг ближе. — Мне автобуса ещё дождаться и дождаться, а вместе всё ж веселее...

Настя пожала плечами.

— Давай... А куда тебе ехать?

— Ох, далеко... — Новая знакомая махнула куда-то в сторону. — На улицу Победы, а

там, если дорогу снова перекрыли, то ещё и пешком. — Она неловко улыбнулась. — Надеюсь сегодня обойдётся. Снега ведь почти не выпало...

Обе осмотрелись: белое полотно, где сапоги тонут по щиколотку — для нынешней зимы вообще не показатель. Так — намело едва...

Девочки помолчали. Чувствуя себя как-то неуютно Настя нарушила тишину.

— Даш... А чего ты сегодня целый день такая мрачная?..

Подруга наклонила голову.

— Мрачная?..

— Ну да. — Настя сцепила пальцы у живота. — Грустная какая-то. Витаешь повсюду, как приведение... Что-то случилось?..

Даша как будто насторожилась, её лицо невозможно стало прочитать. Спустя до-о-олгую предо-о-олгую секунду она, точно поймав озарение, воскликнула:

— Слушай, я чего хотела знать! А почему мама твоя в субботу театр не пошла?..

Губы сжались сами собой. Настя опустила взгляд, отвернулась.

— Я что?.. — Голос подруги прозвучал виновато. — Что-то не то спросила?..

Настя молча прислушалась к ощущениям.

— Нет... — Она помотала головой. — Вовсе нет... Я сама виновата, что до сих пор не рассказала. — Настя подняла лицо и обернулась; её взгляд остановился на теперь уже слегка смущённом лице одноклассницы. — Тут как бы такое... Эммм... Мои родители развелись и я осталась жить с отцом. Вот...

Дашин рот открылся так, что воробей заскочит! Неверяще она попятилась, а её ладонь взлетела во взволнованном жесте.

— Чего?! — Её глаза округлились, как чайные тарелочки. — Ты не шутишь?!

С нарочитой досадой Настя возразила:

— Какие уж тут шутки! Разве ж так шутят...

Даша прикрыла губы и застыла, словно оглохшая. Её ресницы запорхали, как бабочки.

Опустив ладонь она вышептала:

— Прости... Я не знала...

— Да ладно... — Настя примирительно отмахнулась. — Я же сказала, что сама виновата...

— Просто ты рассказывала, что вы переехали из Самары, вот и всё! — Даша снова частко заморгала. — Я и подумала...

— Ну переехали, да... — Настя скривила губы и невесело вздохнула. — Об ЭТОМ я рассказывать не хотела никому... Мать с отцом развелись этим летом. Мама уехала в Питер, а отец... Отец привёз меня сюда... — Она чуть не ляпнула «притащил». — А здесь... Ты не обижайся, Даш, это твой родной город, я понимаю... Но я себя чувствую здесь гадко. — Глядя уже куда-то мимо одноклассницы Настя брезгливо помахала пальцами, точно сбрызгивая с них противную слизь. — Я вообще не хотела переезжать! Это всё отец... Я как в клетке здесь...

Настя говорила всё тише и тише, последние слова уже и не вышептала, а произнесла без выдоха, одними губами. Даша смотрела на неё с жалостью. Поняв, что подруге добавить нечего, она произнесла со странной интонацией:

— Знаешь... Можно ведь сказать, что мы с тобой похожи...

С собственных переживаний внимание Насти перескочило на подругу. Она удивилась.

— Это в чём?..

Даша сцепила пальца за спиной, её взгляд убежал в сторону.

— Ну-у-у... Дело в том, что я и сама живу только с... — она будто запнулась, не смогла сразу произнести, — с мамой... — Глаза подруги вновь вернулись к Насте. — Отец ушёл от нас, когда мне было девять, так что я могу посочувствовать тебе... Я знаю, какого это, когда родители разбегаются...

Настя невольно закивала.

— Это просто ужасно!

— И не говори... — Даша помотала головой. — Кажется, что в семье всё, как у всех... Ну пусть родители иногда ссорятся — ведь они всегда почему-то ссорятся, верно?.. И вдруг такое... Этого ведь не ждёшь... — Она шумно вздохнула и сжала губы. — В общем... Ты рассказывай, если что. Я всегда выслушаю.

Склизлый комок подступил к горлу, глаза защипало. Но только Настя хотела выразиться, как Даша добавила:

— Я ведь тоже здесь, можно сказать, новенькая.

Брови Насти улетели под шапку.

— Да?!

Даша состроила смешливую гримасу, её уста растянулся в каверзной полосе.

— Чего ты так удивляешься?..

— Ну... — Настя облизала губы. — Просто ты... Тебя ведь все знают!

— Ну и что? — Даша пожала плечами. — Три года знают всего-то... До двенадцати я в двадцатой школе училась, и это было, если честно, как на другой планете... Тут хорошая школа, поверь. Далек-о-о не самая худшая. Мне и смену не пришлось менять — как во вторую ходила, так и хожу. По-моему вторая — самая лучшая.

— Это точно! — Настя с готовностью кивнула. — Для любителей вставать после обеда!

Глядя друг на друга девочки заливисто расхохотались! Настя как-то сразу забыла о плохом, ей стало наплевать, что кто-то может смотреть, что она может выглядеть глупо... Она отдалась смеху, и не столько от шутки, сколько от желания прогнать негатив.

И всё-таки мысль застряла в мозгу, не даёт покоя. Любопытство так и зудит... Продолжая хихикать дочь капитана Птачека спросила:

— Хорошо, Даш, теперь у меня есть подруга, с которой я могу делиться наболевшим... А у тебя такая подруга есть?..

— Может быть ты?.. — Ровные жемчужные зубы Даши сверкнули в улыбке. — Почему бы ей не быть тебе?..

— О-о-о, хорошо! — Потихоньку успокаиваясь, Настя перевела дух. — Тогда... Тогда скажи мне наконец-то, почему ты сегодня целый день такая мрачная! Я не могу больше гадать — мне ужасно любопытно!

Улыбку Даши как ветром сдуло. Словно в ускоренной съёмке, когда показывают, как с наступлением осени увядает природа, с её лица исчезли все краски. Глядя на меркнущую подругу престала смеяться и Настя. Её сердце схватил испуг.

Не надо было спрашивать! Не надо!

Даша поникла, опустила глаза. Её пальцы совсем не по-женски сжались в кулаки.

— Если не хочешь — не рассказывай! — Настя встревожилась не на шутку. — Если я спросила чего лишнего — прости!..

В уголках глаз собеседницы мелькнуло нечто блестящее, на снег у её сапог упала капля. Резко запрокинув голову Даша глубоко-глубоко вздохнула, точно приказывая себе

успокоиться.

Настя смотрела с волнением. Ею овладело чувство, что как только подруга откроет рот — она произнесёт что-то СТРАШНОЕ...

Не глядя на одноклассницу Даша заговорила; её голос зазвучал убито.

— В субботу... В субботу после театра я пришла домой, и... моя мама... моя мама, она... — Будто сломавшись, не выдержав она прижала ладони к лицу... и наконец заплакала. — Я пришла, а она... она лежит на диване, как неживая...

Настя остолбенела, вросла в землю. Её парализовало! Дочь капитана почувствовала, что не способна не то, что что-то сказать — она и дышит-то с трудом!

Еле сдерживаясь, чтобы не зануть в голос, Даша провела синим рукавом по щеке — на элегантной ткани остались некрасивые пятна.

— Я вызвала скорую... Слава богу ты приехала быстро! Врачи сказали, что мать наглоталась каких-то таблеток... К счастью её удалось спасти. — Подняв покрасневшие, заплаканные глаза Даша взглянула на одноклассницу сквозь солёную пелену. — Её откачали, но она всё равно в коме. Мне сказали, что... сказали, что она может из неё не выкарабкаться...

Щёки Даши блестят влагой, глаза в красных прожилках. Будто спрятавшись за ладонями она стоит, часто вздыхает и сотрясается от плача, который пытается унять. Настя закусил губу до боли: её поразило двойственное чувство — с одной стороны сейчас же захотелось подойти к подруге, обнять её!.. И ни в коем случае к ней не приближаться.

Что же ей делать? Что ей сказать?..

Раздался смутно знакомый писк. Настя не поняла, откуда... Через мгновение до неё дошло — сообщение! Телефон прыгнул в руку, пальцы пролистали до нужного... СМС от отца: «Скоро буду».

Вот чёрт!

— Даш! Мой отец едет!

Подруга застыла, всхлипы разом смолкли. Сквозь тонкие, вымазанные в туши пальцы на Настю уставились внезапно ясные, разом успокоившиеся глаза.

Сообщение улетело, телефон лёг на бардачок под лобовое стекло. Машина послушно зарычала и, управляемая хозяйской рукой, выкатила на проезжую часть. От дома до работы и до школы рукой подать; летом, конечно, лучше ходить пешком, но сейчас, при таких-то снегопадах... Однажды Роман устроил себе день прогулок и добирался на службу и обратно на своих двоих — так эти жалкие два-три километра показались даже не полосой препятствий, а восхождением на Эверест!

Сегодня, однако, снега выпало всего лишь по щиколотку и можно бы и походить, сэкономить на бензине... Но нет. Нет и ещё раз нет! С дочерью только на машине! После того, что Роман увидел в той папке... Безумно жаль бедных родителей, нашедших своего ребёнка таким. Воистину лучше умереть самому, чем увидеть подобное! Вчера может быть он и перегнул, всё-таки не стоило так жёстко... Но как закроешь глаза, как вспомнишь фотографии — девочке перерезали горло, она валяется на холодной земле, на окоченевшем лице застыл ужас... Как покажется против воли, что тоже самое может случиться и с твоей кровинкой... Нет! Лучше самого режьте!

Со Ставропольской Роман свернул к зданию школы. «Форд» прокрался мимо окон, задел накиданную лопатой снежную кучу и остановился у въезда во двор. Сначала капитан

хотел просто опустить стекло и дочь позвать, но когда увидел, что рядом с девочкой во всём белом стоит фигура в тёмно-синем пальто, какая-то магия прямо-таки заставила его распахнуть дверь и выйти.

Да, рядом с Настей Даша. Девочки о чём-то шептались, но только Роман подошёл — тут же перестали. Настя посмотрела на отца странно, как-то даже загадочно. Губы сжаты, тяжёлый взгляд грубо протопал по отцовском лицу... Даша же — полная противоположность: на Романа взглянуло светлое, чистое существо. Приветливо улыбается, щёки полыхают. Только нос и глаза почему-то немного красноватые...

— Здравствуйте, Роман Павлович... — Даша уважительно поклонилась.

Настя же не сказала, а выпалила:

— Привет, пап! Ну что — едем?!

Нарочито не спеша Роман отвесил поклон дочкиной однокласснице. — Здравствуй, Даш... — И только потом перевёл взгляд на дочь. — Да, разумеется. Прыгай.

— Пап! — Настя закусил губу и с подружкой переглянулась. — А ты не будешь против, если мы Дашу до дома довезём?.. Ей ехать далеко, а её маршрут может и не прийти...

Девочки уставились на капитана во все глаза. Настя требовательно — только попробуй отказать! Даша будто бы напряжённо, выжидающе...

Роман хмыкнул. Рука сама взлетела, пальцы почесали затылок. Пожав плечами, капитан Птачек простецки кивнул.

— Конечно, пускай садится. Довезём её до дома, до родителей.

Лица девочек посмурнели, точно злое поветрие исказило их: Даша потупила глаза, на её чело пала тень, а Настя сжала губы столь недовольно, словно про неё рассказали злой анекдот. Её сердитый взгляд хлестнул по отцу плетью! Роман сдвинул брови. Неужели он ляпнул что-то грубое?..

Будто в борьбе, будто преодолевая нечто Даша подняла глаза и на её губах всё-таки проступила тусклая улыбка. В расхождение с её кажущимся болезненным лицом её голос пропел мелодичной песней:

— Спасибо, Роман Павлович! Вы меня очень выручите...

Роман поймал благодарный девичий взгляд и в некоем ступоре сглотнул. Спустя мгновение он понял, что должен не стоять столбом, а что-то ответить.

— Да какой вопрос?.. — Он кивнул на машину. — Присаживайся конечно...

В мгновение Настя повеселела, её щеки зарумянились. Вновь, уже бодрее переглянувшись с подружкой дочь крикнула: «Чур я на переднем!» и понеслась к машине совсем, как когда ей было десять! Одноклассница ответила ей тёплом во взгляде, улыбкой. Следя за Настей, её сапфировые глаза как бы по пути скакнули на Романа и задержались на нём.

— Пойдёмте, Роман Павлович... — Даша спрятала ладошки в карманы, в то время как её каштановые волосы вдруг снова красиво разлетелись по ветру. — Тут становится холодно...

— Конечно... — Внутренне ругая себя за заторможенность капитан Птачек спешно кивнул. — Не стоит задерживаться... А ты без шапки вообще-то заболеешь. Неужели тебе не холодно?..

Загадочно улыбнувшись Даша опустила взор... и двинулась. Она зашагала и мимо, но будто и навстречу. Роману показалось, что девчонка сейчас совершенно по-глупому врежется в него... Отнюдь не торопясь девушка прошла, едва не задев мужчину плечом.

Роман застыл, не смел оборачиваться... Лишь когда её шаги стихли он повернулся.

Даша остановилась у машины, её пальцы потянули за дверную ручку. Спустя два бесполезных толчка она взглянула на Романа просительно, её губы виновато растянулись.

— Э-э-э... Кажется закрыто...

Уже занявшая сиденье спереди Настя что-то подруге прокричала, но из-за стекла слышно плохо. Дочь развернулась, её пальцы с натугой вытянули блокиратор. Донеслось глухое:

— С.д. сь!

Даша посмотрела на дверь, снова на Романа...

В голове опустело, как в ограбленном магазине. Совершенно не думая, точно со стороны наблюдая за собой капитан подошёл... Ручка отогнулась и замок щёлкнул. Придерживаемая мужчиной, дверь перед девушкой выжидающе распахнулась.

Мазнув по нему каким-то странным взглядом Даша с изяществом уселась.

— Спасибо...

Захлопнув, Роман уставился на свои пальцы, держащие ручку. На грани ума мелькнуло чувство некой неправильности... Шумно выдохнув, капитан прогнал дурную мысль и поспешил к водительской двери. Усевшись, он скомандовал: «Пристегнитесь!» и тут же вдавил газ. Машина взрыгнула! Приготовилась, как тигр к прыжку! Выбрасывая из-под колёс белое месиво, старенький «форд» вылетел на Ставропольскую и понёсся, глотая ветер!

— Папа! Куда ты так топишь?! — Глаза Насти выпучились, как у лягушки. — Нам ехать-то — всего ничего!

Роман будто очнулся, понял, что в самом деле несётся, как от преследования. Гоня умственный туман капитан Птачек велел себе собраться.

Да что это такое с ним, чёрт возьми, такое?! Где его взрослые, умудрённые мозги?!

Сзади несмело подала голос Даша:

— Простите, а вы что — здесь поблизости живёте?..

Настя обернулась.

— Ну да! Здесь, на Советской. Я что, тебе не говорила?..

Даша помолчала. Роман её не видел, но в воображении ярко представил, как она дует губы.

— Кажется я ошиблась... Я думала, вы живёте где-то в моём районе... Ой, остановите! — Голос Даши зазвенел, как струна. — Вы же из-за меня столько лишнего наматаете! Остановите! Я сама как-нибудь доеду...

Что сказать Настя не нашлась. Паузой воспользовался Роман. Голос он поставил как мог серьёзно.

— И где же живёшь ты?..

— Далеко... На Победы тринадцать...

Уже и в памяти нет, где это. Но если Даша с его стороны ждала удивления, то она ошиблась.

— Ну, я же уже согласился тебя подвезти. — Глядя строго на дорогу, Роман пожал плечами. — Что-же мне — от обещания отказываться?.. Правда кой-какой порядок мы тогда поменяем. Думаю... Думаю сначала мы довезём Настю, а уж потом я и тебя подкину. Идёт?

У дочери открылся рот, она подняла указательный палец, собралась возразить...

— Идёт! — Голос из-за спины прозвучал чуть ли не празднично. — Как скажите, Роман Павлович! Это же вы мне услугу оказываете...

— Папа! — Всё внимание Насти сосредоточилось на отце. — Почему это мы сначала доведем меня?!

Вырулив на Советскую Роман ответил, как само собой разумеющееся:

— Да потому, доченька, что тебе ещё сегодня уроки делать. И чем быстрее ты начнёшь, тем быстрее освободишься и ляжешь спать.

— О господи! — Настя закатила глаза. Скрестив руки на груди она скатилась по креслу, насколько позволил ремень. — Папа! Мне уже не семь лет!

— Вот именно. — Роман важно кивнул. — Уже должна вести себя, как взрослая.

Остаток пути проделали молча. Роман крутил руль. Настя демонстративно от него отвернулась, смотрела в окно. Даша хранила молчание. Заехав во двор семьдесят четвёртого Роман остановился возле первого подъезда. Повернувшись к дочери он сам отстегнул ей ремень и потянулся губами к белой разруганной щеке.

— Папа! — Настя засопротивлялась, но отец всё равно её поцеловал.

— Я постараюсь приехать побыстрее. — Роман потянулся и сам распахнул для дочери дверь. — Свекольник я не трогал, так что ешь. И садись поскорее за уроки.

Из открывшегося проёма повеяло холодом. Глядя на родителя из-под нахмуренных бровей Настя скривила губы. Повернувшись к подруге, однако, она ласково улыбнулась и помахала ладошкой:

— Счастливо, Даш! Завтра увидимся!

Из-за спины донеслось мелодичное:

— Пока!

Ещё раз мазнув по отцу едким взглядом Настя поёрзала на сиденье и, ойкнув, вылезла. С облегчением Птачек отметил, что дверью дочь хлопнула тихо, не наотмашь. Когда же фигура в белом уже скрылась в подъезде, он хотел выжать газ, но вдруг послышалось:

— Роман Павлович! Стойте!

Щёлкнуло, сзади распахнулась дверь. Хлопнуло. Передняя пассажирская открылась и усевшись Даша стала пристёгиваться.

— Я тоже больше люблю спереди. — К Роману обратилось её ясное, умное лицо. — Ну что? Поедемте?..

Взгляд девушки остановился на глазах мужчины. Растянутое, замёрзшее во времени мгновение они смотрели друг на друга с пристальностью человека, следящего за зеркальным отражением.

— Да, конечно... — Роман отвернулся и натужно прочистил горло. — Надо скорее доставить тебя домой...

Взрыкивая, старенький «форд» сорвался в новый путь...

...Навигатор показал, что до Победы вовсе недалеко. Выезжаешь на Мира, едешь немного, заворачиваешь — и ты уже на Победы девяносто. До начала улицы дальше, техника показывает, десять минут.

Выруливая, Роман старался смотреть только на дорогу... однако его так и влекло посмотреть направо. От Даши пахнет духами и — бес их раздери! — очень притягательными! Её пальто предательски располовинилось книзу и оголило стройные ноги в колготках. Мало того! Девушка как-то умудрилась закинуть ногу на ногу и одна нога сползла ещё ниже...

И из вежливости, и чтобы хоть как-то отвлечься Роман спросил:

— Как у тебя дела, Даш? Как в школе?..

Сейчас она проболтает до самого дома, они спокойно доедут, он её высадит и с лёгким сердцем уберётся восвояси...

Даша ответила не сразу.

— В школе... В школе нормально...

Роману насторожился.

— А вообще... — Голос девушки дрогнул, она отвернулась к окну. — Вообще... Ну как сказать...

Такой тон капитану не понравился. Он повернулся, нахмурил брови.

— Как-то ты невесело отвечаешь. Что-то случилось?..

Зачем?! Зачем он спрашивает?! Отвези её домой и едь спокойно! Без этих тревог!..

Даша сжала губы и часто заморгала. В уголках её глаз заблестело. Скривившись, будто надкусила лимон, она помотала головой.

— Нет, всё в порядке...

Всё ещё хмурясь Роман вернул взгляд на дорогу. Ага, вон и табличка — уже мимо тридцать третьего дома проехали...

Посреди урчания мотора и шума из-за окна раздался всхлип. Роман повернулся снова — сильно-сильно зажмурившись Даша согнулась над коленями. Её колготки покрываются пятнами от капелек, срывающихся с глаз. Содрогаясь, девушка часто и шумно вздыхает, будто подавляя в себе ужасное переживание.

Опешив, Роман не сразу и нашёлся, что сказать.

— Так-так-так... Что это такое?.. Дарья! Почему ты плачешь?..

То ли не в силах больше сдерживаться, то ли от стыда за слёзы перед незнакомым вообще-то человеком Даша заревела навзрыд! Громко, со всхлипами, с покрасневшими глазами и с тушью по щекам. Роман нервно сглотнул. Высмотрев удобное место он зарулил в переулочек и встал на аварийных возле столба.

Даша хнычет и хнычет, слёзы каплют на её уже запачканные колготки. Картина сжимающая сердце.

— Из... Извините...

Она силится перестать, трёт мокрые глаза, но бесполезно. Слёз всё больше, всхлипы всё громче.

— Пр... Простите, Ро... Роман Павлович, й-а-а... я не...

Рыдания в громкий, тоскливый, горький голос. Роман всерьёз заопасался, что кто-то заметит, обратить на них внимание... что-нибудь нехорошее подумает...

— Пр... Простите, Роман Павлович! — Даша с трудом заставила себя не дрожать. — Простите пожалуйста, что я тут у вас так...

И снова плач. Истошный. Надрывный. Больной.

Не зная, как себя вести, Роман решил просто ждать. Не глядя на девушку он стал следить за улицей, за проезжающими машинами, за, господь помилуй, нехорошо поглядывающими на его «фордик» пешеходами... Ещё сколько-то времени Даша содрогалась в муках стенания. Из сверкающей красоты она превратилась в вылезшую из болота мокрую квакушку.

Когда всхлипы помаленьку стихли, со смесью твёрдости и мягкости, всё ещё на девушку не глядя Роман спросил:

— Даш... Почему ты плачешь?..

Всхлипы сменились лихорадочными вздохами. Вдох-выдох, вдох-выдох. Краем глаза

Роман заметил, что девушка усердно вытирается, но под рукой нет платка и грязь только мажется по мокрым щекам. Птачека озарило — как же он забыл?! Всегда, абсолютно всегда у него с собой тряпочка, чтобы при случае взять что-то, не оставив отпечатков. При осмотре вещь незаменимая. Хотя конечно он забыл — уже не первую неделю только и делает, что в бумажках копается...

Молясь, чтобы тряпочка оказалась чистой, Роман полез в нагрудный карман.

— На вот, держи... — В его протянутых к девушке пальцах повисла белая ткань. — Вытрись...

Светя алым, как кремлёвская звезда носом Даша лоскут забрала. Хлюпая, она стала тереть щёки и веки. Роман терпеливо ждал: он строго решил не показывать, что его хоть что-то тревожит.

— Спасибо, Роман Павлович... — Даша нервно скомкала тряпку в кулаке и судорожно сглотнула. — Спасибо вам большое. Извините за эту... сцену. Я позволила себе лишнее...

Птачек подумал, почесал подбородок. Всем видом выказывая спокойствие он произнёс:

— Может всё-таки расскажешь, почему ты расплакалась?..

Даша морщится, всё вытирается и вытирается ставшей уже грязной ветошью. Всего минут десять назад бывшее нежно-молочным, личико сейчас красное, как варёный рак. Девушка судорожно вздыхает, давится воздухом... Но всё-таки успокаивается. Потихонечку, помаленечку взгляд её мирнеет.

— Простите ещё раз... — Даша отвернулась; тряпочка в её пальцах вытерла когда-то хорошенький и аккуратный, а сейчас красновато-припухший нос. — Я не должна себя так вести...

Роман скептически поджал губы.

— Не стоит просить прощения за чувства, которые не можешь сдержать... Скажи же пожалуйста, Даша — почему ты плачешь?.. Если, конечно, это не... не уронит твоего достоинства...

Девушка глянула на него с неясной эмоцией. Посмотрев прямо перед собой, она опустила глаза и тяжело вздохнула.

— Дело в том, что... у меня мама в больнице... И неясно, будет ли она жить...

Сказав, она снова зажмурилась и задрожала, а из-под её опущенных век вновь полились слёзы.

В груди возник холодок. Незаметно для себя Роман сжал правый кулак. Голос его грянул резко, даже грубо:

— Это та женщина, с которой ты была в театре? С ней что-то случилось?.. Что-то нехорошее?!

Вытирая под глазами, дочкина одноклассница кивнула.

— Да... Только вы, Роман Павлович, хоть и р... служите в полиции, а здесь помочь всё равно не сумеете.

У Романа сжались зубы.

— Это почему?..

— Потому... — Даша еле сдерживается, из неё так и рвётся новый плач, — потому что это ни какое не преступление... Это... Это наверное... — Девушка зажмурилась; с искривлённым от горечи ртом она замотала головой. — Это самоубийство...

Тихо-тихо, уже без надрыва Даша вновь заплакала. Закрыв лицо испачканными в туши пальчиками она задрожала. Хныкающая, сотрясающаяся от терзающего её горя...

Роман окаменел, его губы выгнулись угрюмой дугой. Промолчав мрачное, полное тихого рыдания мгновение он переспросил:

— Самоубийство?..

— Да. — Даша вытерла нос. — Да. И слава богу неудачное. — Девушка повернулась, на Романа взглянули её влажные, от набухших капилляров красноватые глаза. — Я пришла тогда домой, в субботу, после театра... а мама лежит на диване, не двигается... Господи! Я и так с ней, и эдак! — Девушку вновь стало корёжить, но она всё-таки удержала себя в руках. — Вызвала я скорую. Врачи приехали, забрали её... Ну и я, конечно, с ними...

Про то, как Дашина мать наглоталась таблеток, её откачали и теперь она в коме Роман выслушал с единственной мыслью: чем он способен помочь?.. Когда девушка затихла он осторожно, очень бережно спросил:

— Это всё звучит ужасно... но где же твой отец? Что с ним?..

Как-то странно Даша сразу притихла, негромко шмурыгнула. Глядя под ноги она произнесла бесцветным, лишённым жизни голосом:

— Нет у меня отца. Одни мы...

Романа как громом ударило! Он онемел, его сковало, нижняя челюсть его чуть не отвисла! Ох и умеет же он что-нибудь иногда неудачно ляпнуть!

Каким-то образом Даша в самом деле утратила мучавший её запал: дыхание её стало ровно, бесконечные хлопанья мокрым носом перекрутились. Девушка даже посветлела лицом и солёная пелена с глаз её спала.

— Отец ушёл, когда мне было девять. — Она в очередной раз потянулась вытереть тряпочкой под глазами, но, разглядев, во что та превратилась, с брезгливостью руку убрала. — С тех пор мы с мамой и одни...

Наступила хмурая, пасмурная тишина. Даша смотрит в пол, её пальцы мнут теперь клочок пальто. Роман неприметно закусил краешек губы... Взгляд его то обращается к девушке, то бежит от её, точно ища на стороне поддержки или совета.

Вполголоса, украдкой в этом мрачном молчании прозвучали слова:

— Простите ещё раз, Роман Павлович... — Не поднимая глаз, Даша опять шмурыгнула. — Поедемте дальше. Мне нужно домой... А вас, наверное, дочь уже ждёт...

Хочется что-то сказать, но что? Что может он сейчас сказать этой бедняжке? Только своим дурацким вопросом ещё больше всё испортил...

Шумно вздохнув, Роман выкрутил руль и вдавил газ. Старенький «форд» покряхтел дальше.

До тринадцатого дома добрались быстро, даже до ста сосчитать бы не успели. Это оказалась старенькая хрущёвка — серая, занесённая снегом пятиэтажка с утыканной антеннами крышей. Роман заехал на бегущую через двор дорогу. Вглядываясь сквозь рассекаемый светом фонарей сумрак он спросил:

— Какой твой подъезд?

— Второй...

Машина остановилась недалеко от сугробов, где под слоем снега, можно спорить, лавочки ждут весны. Людей не видно, дети во дворе не играют. В самом доме горят окна, но вокруг будто всё вымерло. Холодная белая пустыня.

Повернув к мужчине уже начавшее свежеть лицо Даша мило улыбнулась.

— Спасибо вам, Роман Павлович. Я, наверное, пойду...

— Да, конечно... — Капитан Птачек торопливо кивнул. — Береги себя, Даш...

Девушка улыбнулась шире. Обернувшись, она потянулась к двери. Её тонкие пальцы взялись за ручку, дёрнули — ничего. Опять — нет толка.

— Кажется заело... — Даша с натугой дёрнула ещё раз. — Что-то не выходит...

— погоди. — Роман распахнул свою дверь — в лицо тут же ударил холодный воздух. — Сейчас я снаружи попробую!

Обогнув машину он схватил упрямую ручку и потянул — дверь открылась идеально, будто её только что смазали.

— Спасибо, Роман Павлович... — Даша выставила ногу, сапог на высоком каблуке опустился в снег.

Как-то само собой вышло, что Роман подал руку, помог выйти, поддержал. На мгновение Даша оказалась на расстоянии ладони. Сердце беспокойно стукнуло...

— Роман Павлович...

Даша опустила взгляд... и вдруг приткнулась к нему, прижала ладони к его груди. С закрытыми глазами она прислонилась ещё и щекой — Роман почувствовал лёгкий, но остановивший его дыхание нажим.

— Спасибо, что выслушали... — Медленно, словно пробуждаясь ото сна Даша веки разомкнула. — И простите ещё раз за эту сцену со слезами. Мне так неловко...

Девушка подняла подбородок, её глаза встретились с глазами мужчины.

Может быть Роман что-то бы и ответил — если бы смог: язык прилип к нёбу, его поразила немота! Стоя с прижавшейся к нему девчонкой он почувствовал себя бомбой на грани взрыва! Даша — это запал, и если она сейчас же не отойдёт — он взорвётся!..

— До свидания! — С тёплой улыбкой и глазами, в которых можно отыскать только хорошее, дочкина одноклассница отстранилась. — Спасибо, что подбросили!

Помахав ладошкой она развернулась и пошла. Через несколько мгновений подъездная дверь открылась и фигура с разлетающимися по ветру каштановыми локонами исчезла.

Тело Романа немного постояло, потом неторопливо, никуда не спеша вернулось в машину. Руля и нажимая педали оно вернуло «форд» на проезжую часть и покатило обратно, на ставшую теперь родной Советскую семьдесят четыре. Но это было только тело, Роман управлял им лишь на примитивной моторике. Сам он витал в каком-то волшебном, спрятанном между реальностью и нереальностью месте, где восхитительное и пугающее сплетаются воедино, то человека соблазняя... а то и ужасая его.

Мне, пожалуйста, покрепче

Понедельник закончился. За ним и вторник миновал. Среда. Четверг. Вот и пятница промелькнула... Как и решил Роман добросовестно продолжал возить дочь со школы, каждый день встречая её после уроков. Настя «позволяла» катать её — на самом деле вынужденно подчинялась, не забывая иногда ворчать. Только вот... её подруга вместе с ней больше не встречалась. Каждый день Роман приезжал, чтобы забрать дочь и каждый раз затаённо, с туманной надеждой ждал, что дочкина одноклассница появится вместе с ней. Понимал, что его мысли глупые, даже в чём-то преступные, но всё равно не мог заставить себя не надеется, что вот он сейчас приедет, а Даша снова с дочерью и снова её надо подвезти... Пару раз, особенно ближе к пятнице Птачеку мучительно хотелось дочь спросить — а где же твоя сверстница? Он даже раздумывал, как сделать это прилично. Поинтересоваться, что там с Дашиной мамой?.. Но вдруг дочь не в курсе, вдруг Даша рассказала только ему? Вон как рыдала... А если не про её наглотавшуюся таблеток мать, тогда вообще про что спрашивать? Это будет подозрительно... Да и сам Роман не до конца понял, зачем ему хочется про Дашу спрашивать. Не знает... Или боится признаться даже себе.

И конечно же он не спросил.

Тем временем в отделении случались свои заботы.

Во вторник как-то так сложилось, что из всех «высоких» сотрудников в здании остался только Роман. Ни Понятовского, ни оперов, ни вообще кого-то кроме него не было, все разъехались по срочным делам. Это удивило капитана всерьёз, но указ полковника новому следователю заниматься только маньяком и другой работы не брать... подействовал! В Самаре на него бы уже давно свалили кучу добавочной работы, причём это сделал бы сам начальник. Здесь же Роман целыми днями чахнет над пыльными томами и никто его не тревожит. Магия! Так вот в тот день, как и в любой другой он исправно изучал «подвиги» душегуба и ему понадобилось спуститься на первый этаж — сейчас уже и не вспомнить, зачем. Ещё на лестнице капитан услышал спорящие голоса, а когда проходил мимо выхода, застал картину: женщина с броским фингалом под глазом пристаёт к дежурному, повышает на него голос и размахивает руками. Из глаз её аж молнии бьют!

— Меня избили! Вы же полиция! Вы обязаны принять меры!

Дежурный пытается что-то объяснить насчёт подождать, его не слушают. Он и сам хочет повысить голос, это видно, но сдерживается. Опытный...

Женщина обернулась, её глаза поймали Романа.

— Мужчина! — Она подбежала к решётке, отделяющий выход от коридора. — Офицер! Сделайте что-нибудь! Мне отказываются здесь помогать!

Роман переложил из руки в руку захваченный толстенный том. Его глаза встретились с раздражённым взглядом дежурного, очевидно нервничающего и не знающего, чего ждать от новенького.

— Ну что вы какие глупости говорите, гражданочка?.. — Роман вежливо поклонился. — Конечно же мы вам поможем. Какие тут могут быть проблемы?..

Забрав громкую, как мегафон, и говорливую, как радио дамочку, Птачек пошёл с ней к себе. По дороге он услышал массу чего бесполезного и только несколько слов важных: Муж. Пьяный. С друзьями. Поднял руку.

— Сейчас мы с вами напишем заявление, чтоб по всем правилам. Хорошо? — Роман положил перед женщиной листок и ручку. — Вот вам образец. Смотрите на него и пишите, как правильно. Если что — спрашивайте, я подскажу.

Час! Целый час они писали это долбаное заявление! Два раза переписывали. Женщина изъяснялась бурно, энергично жестикулировала, брызгала слюной. Роман упорно терпел и иногда поторапливал её, чтобы не останавливалась. Когда была поставлена последняя точка он спешно выдернул лист из-под чужих рук — ещё запачкает, опять переписывать! — и внимательно прочитал. Перечитал. Цыкнул, задумчиво покивал...

— Да, вот так сойдёт... Ну что ж, теперь вам к эксперту. Позвольте, я укажу вам адрес...

Вернувшись, капитан Птачек попытался вспомнить, за чем спускался — и не смог. Ладно, если что-то важное — само всплывёт. Положив заявление на видном месте, дабы раздражало глаз, Роман продолжил изучать трёхгодичной давности толстенный том. Чтобы кого-то поймать он раскрыл дверь и, читая, внимательно прислушивался к звукам в коридоре. Ещё около часа в здании висела почти мёртвая тишина, но вот раздался кашель, протопали шаги... Роман оторвал взгляд от страницы: кто же пройдёт мимо двери?

Секунда, две, три... Шаги ближе, ближе... Неспешно, как-то вразвалочку в своей недешёвой кожаной куртке мимо входа проковылял Миша Кривкин. Глянул на новенького на ходу — и скрылся.

Роман немного подождал... Встал, захватил заявление и пошёл. Кабинет Кривкина рядом с кабинетом Понятовского, но в отличие от полковника Мишу увидеть на службе — это орнитологу редкую птицу поймать. Большая удача!

Выйдя в коридор Роман успел заметить, как тёмный силуэт скрылся в дверном проёме кабинета Кривкина. Шагая размеренно, не торопясь Птачек подошёл ко входу и, остановившись, громко покашлял. Состряпав лицо простым и бесхитростным — будто кашель только что не был предупреждением — он выглянул за косяк: круглолицый, с гладким, без единой морщинки лбом, его «товарищ по звёздочкам» стоит возле раскрытого шкафа с бумагами; его взгляд что-то ищет в запylённых архивах.

Роман встал на пороге и опёрся плечом о косяк.

— Привет, Миш! Не помешаю?..

Кривкин кинул на него быстрый, будто безразличный взор. Немного сутулый... Немного бледный... С вечной какой-то усталостью и сейчас он выглядит, словно всю ночь не спал и только всё работает, работает... но вот ему помешали...

— Нет, Ром... Заходи... — Он снова сосредоточился на бумагах. — Что — дело какое-то?..

И голос сонный, утомлённый. Точно не здоровый человек с тобой разговаривает, а больной, чем-то отравленный.

— Да-а-а, угадал! — Роман потряс листком, бумага с характерным звуком забилась в воздухе. — Тут, пока никого не было, пришлось заявление от потерпевшей принять. Вот — капитан протянул руку и листок лёг на угол новенького, не более, чем годовалого стола. — Мне ж Понятовский наказал только маньяком заниматься, ничего больше не брать... Миш — тебе можно это заявление оставить?..

Кривкин сжал губы и шумно, будто бы обиженно вздохнул. Обернувшись он мазнул взглядом по заявлению и перевёл устало-недовольные глаза на Романа.

— Оставляй... — Он двинул плечами и ещё раз совершенно безрадостно вздохнул. — Займёмся... Что-то ещё, Ром?

— Нет. — Птачек помотал головой. Ему и самому захотелось уйти. — Только это.

— Хорошо... — Кривкин кивнул и, будто коллега уже давно вышел, снова сосредоточил внимание на шкафу. — Где же оно валяется?.. Вроде бы здесь было...

Развернувшись по-армейски через лево Роман исчез.

В пятницу в первой половине дня у него возник вопрос по своему расследованию и он навострился забежать к полковнику. Понятовский совсем недавно заглядывал и сейчас точно должен быть у себя. Взяв какую-то относящуюся к делу бумажку Роман вышел в коридор, направился к кабинету начальника... и вдруг замер напротив открытой двери Кривкина: в самой комнате никого, а на уголке стола лежит как раз то самое заявление... Лежит так, как Роман и оставил! Он запомнил положение в котором бумагу положил и оно сохранилось нетронутым.

— Ах ты ж ёп...

Роман безмолвно выругался. Оглянувшись — кругом никого — он зашёл. Бумага с раздражением прыгнула к нему в руку — сейчас она на стол полковника ляжет! Но только капитан снова миновал порог, как рядом открылась дверь Понятовского и в коридор, как всегда сосредоточенный и хмурый, вышел Кирилл. Лицо серьёзное, губы сжаты в строгую линию. Старлей взглянул на новенького вопросительно, его взгляд остановился на бумаге в руке коллеги.

— Привет, Ром. Куда путь держишь?..

Роман постарался ответить спокойно, но у него не получилось:

— Да вот заявление одно начальнику несус... которое ещё два дня назад у него быть должно было!

Кирилл посмотрел Роману в глаза... на заявление... снова в глаза. Его взгляд прыгнул капитану за спину, оценил откуда тот вышел. Со хладнокровием крокодила Кирилл приглушённо спросил:

— Что?.. С Мишей проблемы?..

Роман не ответил, только мрачно скривил губы.

— Отойдём. — Кирилл кивнул за собой. — Пошепчемся...

И зашагал прочь не глядя, следуют ли за ним. Несколько секунд Роман сомневался, но всё-таки двинулся следом. Засунувши руки в карманы старлей лёгкой, не соответствующей всегдашнему его выражению походкой прошагал до Романовского кабинета. Остановившись возле порога он подождал, когда капитан войдёт первым, а после зашёл и за собой закрыл.

— Зря ты к Понятовскому. — Не глядя на Романа Кирилл выбрал стул и сел. — Он всё равно любое дело нам перепоручит. Кстати что там у тебя?..

И протянул растопыренную пятерню.

Брови Птачека прыгнули вверх, опустились и сдвинулись так, что смогли бы расколоть и орех. Поколебавшись... он всё-таки бумагу отдал — пальцы старлея тут же ухватили её, а его внимательные глаза сразу впились в текст.

— Что тут?.. А-а-а...

Роман не стал садиться, просто оперся бедром о стол.

— И почему я не должен идти к Понятовскому?.. — Он скрестил руки на груди. — Потому что он всё равно вам всё поручает?.. Или по иной причине?..

Кирилл бумагу отложил, на Романа нацелился его глубокий, немигающий взгляд.

— А чего ты хотел?.. — Он поднял подбородок. — Сказать полковнику, что с Мишей что-то не так?..

Роман помолчал. Несколько секунд они смотрели друг на друга неоднозначно.

— Не думаю, что это можно назвать стукачеством. — Как бы подчёркивая Роман перестал моргать и сам. — Вопрос не о простом косяке, а о заявлении, которое два дня лежало никому не нужное. Чует моё сердце и дальше бы лежало, если б я не заметил.

— Вполне возможно. — Кирилл пожал плечами. — Однако к Понятовскому с таким всё равно идти бесполезно: он над Кривкиным... ну, скажем так, не совсем властен...

Роману вдруг стало жутко интересно и он неосознанно мотнул головой, как орёл, засёкший пробежавшего зайца.

— В смысле?..

— Ну-у-у... — Кирилл поднял руку, его жилистая ладонь покрутилась туда-сюда. — Видишь ли... Дело в том, что Мишу сюда пристроили. Ты уже, наверное, оценил его рвение к работе, ага?.. Есть ещё один Кривкин, старший. Он заместителем глав прокурора нашей вообще-то области. Я думал ты о нём в курсе...

Романа будто током шибануло! Он понял, что уже слышал эту фамилию, но почему-то не вспомнил о её старшем владельце, хотя когда-то, не так уж и давно с ним по какому-то неважному вопросу косвенно пересекался!

— Чёрт... — Капитан скривил губы, его пальцы раздражённо расчесали челюсть. — Вот же зараза...

— И не говори... — Кирилл опустил глаза и словно бы устало кивнул. — Нехорошо болтать о таком за глаза, но будь я на месте Понятовского, такого кадра, как Мишу, я бы засадил куда подальше, чтобы на нём вообще никакой ответственности не было... Но, как я уже сказал, за Мишей стоит его высокопоставленный папочка, так что Григорий Евгеньевич над ним властен не совсем... Ладно уж, Ром! — Кирилл поднялся и заявление снова оказалось в его руке. — Хорошо, что я тебя встретил! Мы этим займёмся сами, не переживай. Давай, не скучай тут!..

Капитан вяло покачал головой, а когда старлей ушёл, ещё с полминуты не двигался, смотрел в одну точку. Коллега балбес и лодырь — это хуже, чем даже самая придирчивая проверка. Дел с Кривкиным надо постараться не иметь.

Тем временем в собственном расследовании назрел кризис. С каждым просмотренным старым и начатым новым томом Роман чувствовал его приближение всё сильнее и сильнее. Ощущал его, когда видел, что всей уже проделанной работы — грош и ржавая копейка. А ведь он не ленится, каждый день читает до истощения, до головной боли, до чувства, будто если увидишь ещё хоть букву — ослепнешь!

Остальное отделение работает как всегда — то есть в проблемах по ноздри. Оперативники, дежурные, следователи — все при деле. Даже Понятовский то и дело чем-то занят и не сказать, чтобы просиживанием штанов. А вот Роман... У капитана началось видение себя, как белой вороны. Уж и насколько оказалось приятно отдыхать первое время, просто читать: плёвая ведь, кажется, работка... Но скоро это превратилось в пытку! В голову полезли нехорошие мысли. Уж не посчитают ли его бестолковым?.. Не разочаруются ли отсутствием результата?.. Сколько же можно пыль в кабинете глотать?!

Последней каплей стал «новый», «изобретённый» Романом способ просмотра: он перестал читать тома по порядку и начал брать наугад. Чередовал разные месяцы и годы. На столе у него стало можно застать две одновременно раскрытые папки, изучаемые Птачексом, как в загадке «найди десять отличий». Одно нынешнего года, другое — позапрошлого.

Роман водил пальцем по строчкам, бегал по фотографиям взглядом и ему казалось, что он видит одну и ту же книгу, написанную в разных вариантах.

— Я так больше не могу... — Он раздражённо откинулся на спинку и с шумом вздохнул. — Ну должно же быть хоть что-то! Обязательно быть! Где здесь... хоть что-нибудь?!

С громким бахом он влупил кулаком по столу! Карандашница подпрыгнула! Покатилась; из неё со стуком посыпались ручки и огрызки карандашей... и закрученная, свёрнутая в трубочку бумажка. Приблизившись к краю стола она нависла над кромкой и, чуть свесившись, остановилась.

Сдвинув брови Роман потянулся, свёрток оказался в его пальцах. Медленно, словно имеет дело с ядовитой змеей Птачек бумагу развернул — пред взглядом предстали накаляканные нетрезвой рукой строки...

— Кажется зря я сомневался... — С видом признавшего поражение Роман хмуро скривил губы и бумажку отложил. — А ведь ещё умным себя считаю... Ладно. Пойду что ли прогуляюсь... А позвоню попозже. Может вечером, после ужина...

Встав, он с хрустом потянулся, по кабинету прокатился его шумный зевок. Захватив пиджак, капитан Птачек вышел в коридор и закрыл за собой на ключ.

На бумаге, намаранная когда-то рукой дерябнувшего лейтенанта, дождалась своего надпись: «Филипп Петрович. Анисин.» А ниже его телефон и адрес.

Звонок...

— Алло?

— Здравствуйте. Это Анисин? Филипп Петрович?

— Да. С кем имею честь?..

— Меня зовут Роман... Птачек. Я на Садовой пятьдесят семь тружусь, вместе с вашими бывшими коллегами. Здесь о вас все очень хорошо отзываются. Говорят, как о настоящем специалисте. Очень советовали мне вам позвонить...

— Да-а-а?.. И почему-же?..

— Видите ли, Филипп Петрович, я устроился сюда, можно сказать, на ваше место. Наша с вами служба-то не простая... Понятовский назначил меня на одно очень каверзное дело и мне крайне рекомендовали посоветоваться насчёт него с вами. Вы им до меня занимались...

Повисло недолгое, но напряжённое молчание.

— Можно ли немного поподробнее?..

— Вы работали, как мне сказали, над тем самым маньяком, о котором в отделении говорят чуть-ли не шёпотом. Понятовский приказал мне это дело раскрыть и даже освободил от других занятий... Но, видите ли, Филипп Петрович... Если честно, то, наверное, я зашёл в тупик. Мне бы очень пригодился чей-то совет. Кирилл как-то обмолвился, что у вас была теория...

Снова недолгое молчание.

— Роман... Так вы хотите встретиться?..

— Да, это было бы замечательно! Назначьте время и место и я обязательно буду!

— Незачем куда-то в особенное место ходить, я могу встретить вас и у себя. Теперь ведь у меня много времени свободного... Завтра суббота, так что приезжайте. Только позвоните за час, как соберётесь. Живу я на Жилина, пятьдесят шесть. Подъезд и квартиру скажу, когда подъедете. Вы ведь подъедете?..

— Обязательно, Филипп Петрович! Ждите меня примерно к двенадцати; с утра позвоню

и уточню, во сколько точно.

— Замётано...

Встречу назначили на половину первого. Роман долго думал, взять ли коньяк или что-то вроде, но всё же решил, что это лишнее. Припарковавшись во дворе пятьдесят шестого дома — ещё одной серой хрущёвки — он вновь набрал Анисина.

— Алло, это вы? Уже подъехали?

— Да, Филипп Петрович. Куда мне?

— Четвёртый подъезд, квартира семьдесят восемь. На второй этаж и направо.

— Понял...

Закрываясь от сегодня особенно разбушевавшегося, промораживающего до костей ветра Роман прошёл до нужного подъезда, поднялся на этаж и встал перед коричневой, крашеной металлической дверью. Кулак капитана поднялся постучать, но помедлил... Интересно какой он — этот Анисин?..

Наконец по подъезду прокатился гулкий стук. Роман опустил руку и отошёл, встал перед глазком. Несколько секунд висела абсолютная тишина, но вот за полотном послышалось шарканье, приглушённые шаги. Щёлкнул замок и дверь распахнулась, открыла людям друг друга.

Перед капитаном встал ещё сильный, явно деловой, но всё-таки уже сморщенный возрастом человек. Щёки чуть свисают, нос большой, как картошка. На голове седая копна коротких волос, но в отличие от неё прячущиеся под могучими ноздрями усы выцвели ещё не до конца, ещё припоминают свой настоящий цвет. Одетый в домашние рубашку и штаны хозяин квартиры, те мне менее, посмотрел на гостя вовсе не по-домашнему — зорко, будто взглядом насквозь проткнул.

Анисин оценил пришедшего — взрослый, совсем не похожий на служаку мужчина. Лицо какое-то умное... Спину держит прямо, смотрит тоже прямо. Глаза серые, из-под шапки выбиваются лоскуты чёрных волос. Забавно выглядит ямочка на подбородке... И губы. Пришедший старается подать себя серьёзно, это заметно, но его губы улыбаются будто сами по себе, не спрашивая разрешения.

— Филипп Петрович... — Роман протянул ладонь. — Здравствуйте...

— Через порог не здороваются. — Анисин отступил. — Проходите.

Роман сделал шаг, второй. В лицо повеяло теплом натопленной квартиры, запахом чуть пригорелой яичницы и чем-то ещё, чему сложно дать название — ароматом сахара или мёда.

— Вот теперь здравствуйте! — Анисин ухватил капитанскую руку, ладони бывшего и нынешнего следователей крепко сжались. — Разувайтесь, будьте, как дома. Сейчас чай сядем пить.

Сказав это он развернулся и неторопливой, стариковской походкой зашаркал прочь по коридору.

Немного повозившись с непривычным замком Роман дверь закрыл. Взгляд его нашёл старенькую, деревянно-лакированную вешалку с двумя мужскими куртками и одной шапкой. Внизу на газетке пара зимних ботинок и припрятанные в углу за шкафом с валенки...

Из комнаты, в которую ушёл Анисин, донёсся голос:

— Роман! Проходите в зал! Я сейчас туда поднос принесу!

Будто подыгрывая гостеприимству капитан Птачек крикнул в ответ:

— Мне, пожалуйста, покрепче!

Вертя головой, как в музее, он углубился в квартиру. Одна из комнат оказалась с двумя

одноместными постелями. Первая заправлена, как делали раньше в пионерлагерях — образцово, придраться не к чему. При этом вид кровати такой, будто она застыла во времени. Вторая заправлена небрежно, кое-как. На полу под ней старые, разношенные тапочки.

В следующей комнате старенький, лупа-образный телевизор. Напротив него два кресла и между ними столик. На столешнице белая, вязаная скатёрка, и на ней ваза с цветком. Роман подошёл, пригляделся — да, цветок настоящий, даже пахнет. Жёлтый, как подсолнух. Как же он называется... Ландыш?..

— Чего стоите? — Анисин возник на пороге, рукава уже закатаны до локтей. — В ногах правды нет. Присаживайтесь, я сейчас чай принесу. Вы сказали вам покрепче?

— Да, пожалуйста. — Роман решительно кивнул. — Что-то меня клонит в сон. Плохо высыпаюсь.

Старик вышел а капитан, присмотревшись, какое из кресел больше продавлено, сел на другое. Пульт от телевизора оказался здесь же, возле вазы, но брать его не хочется. Ну его... В ожидании Птачек прошёлся взглядом по комнате.

В общем-то чего-то такого он и ждал: хрустальная люстра, старый посудный шкаф, телевизор с теперь уже нелепым выпуклым экраном... На подоконнике цветы в горшках, а в углу пустой столик со следами чего-то прямоугольного, что стояло на нём. Можно вообразить, что это был аквариум... Взгляд вдруг остановился на фотографии в шкафу за стеклом. Роман пригляделся — на фото мужчина и женщина в возрасте. Они улыбаются, обнимают друг друга и стоят на снимке щека к щеке. В мужчине можно угадать Анисина, только лет на двадцать моложе.

Проскрипели шаги. Шаркая тапочками в зал вошёл хозяин квартиры. На руках поднос с выдавшим виды чайничком на подставке, две чашки и две тарелочки с печеньем и конфетами.

— Вот, прошу. — Он поставил поднос на краешек стола, аккуратно отодвинул вазу и толкнул его дальше на середину. — Угощайтесь. Заварки я вам налил больше, чем обычно лью себе, но у меня сердце, мне крепкий вредно. Если для вас окажется слабо, вы скажите, я вам добавлю.

— Спасибо, Филипп Петрович. — Роман благодарно кивнул. — Не стоит беспокоиться, меня всё устраивает.

Взяв чайник Анисин сначала разлил кипяток и только потом уселся — сразу видно, на своё любимое место. Роман осторожно взял чашку, пальцы ощутили горячее. Носа коснулся аромат крепкого, ядрёного чая. Да и на цвет этот чай чернее, чем даже, наверное, кофе. Сделав пробный глоток Роман понял, что в этом доме надо просить не крепче, а легче — от такого чифиря зубы почернеют в момент!

Устроившись поудобнее хозяин квартиры взял конфету. Леденец исчез у него во рту, а следом за ним полилась порция чёрного варева. Роман и сам заел горечь сладким. Решив начать разговор с чего-то нейтрального он спросил:

— Так вы, Филипп Петрович, живёте один?

— Я?.. — Анисин поднял на гостя немного растерянные глаза. — А-а-а... Да, один. Не нужно обладать редкой наблюдательностью, чтобы угадать. Жена умерла пять лет назад, а дети разъехались кто куда ещё задолго до... — На мгновение взор старика стал будто невидящим, отрешённым... но тут же сосредоточился. — Так вы пришли поговорить насчёт поэта, я правильно понял?

Роман сморщился, словно понюхал тухлятины.

— Какое-то прозвище вы ему дали... Поэты стихи красивые пишут, а этот... этот людей убивает.

— Ну, давал не я... — Анисин звучно отхлебнул. — А насчёт стихов... Наш с вами парень пишет их тоже. Если вы читали о нём хотя бы немного, то уже должны об этом знать.

Во взгляде Романа блеснула искра.

— Да, я читал... А почему вы уверены, что это именно парень?

— А вы так не считаете? — Анисин приподнял бровь. — Я лично сомневался бы, что это женщина. Даже если не учитывать, кто ОБЫЧНО оказывается маньяком, — а это, з редчайшими исключениями, всегда взрослые мужики, — то некоторые убийства просто не могли бы быть совершены женщиной. Вот кстати... — Он снова отхлебнул. — Вы уже добрались до убийства... где же оно было?... кажется на Ушакова... Да, на Ушакова. Дом то ли пятидесятый, то ли пятьдесят первый, точно не помню. Весной прошлого года. Уже читали о нём?

С нейтральным выражением Роман помотал головой.

— Нет...

Анисин поглядел на него наставительно.

— А если бы читали, то у вас не возникло бы и вопроса, почему. Тогда, если мне не изменяет память, убили мужчину, причём крупного. Не больного, не пьяного. В полном расцвете молодости. И убили его в драке.

Роман удивился.

— Так откуда вы знаете, что...

— Что это дело рук нашего парня? — Анисин снова приподнял брови. — По остальным признакам. За подробностями, Рома, обратитесь к делу, там всё написано. А сейчас просто послушайте. Тот убитый был сильным, далеко не безобидным хулиганом. Мне этот случай запомнился особенно, было в нём, знаете, нечто этакое... В общем там и речи не шло, что его ударили внезапно, или как-то перед убийством ослабили. Нет. — Анисин поглядел на Романа очень, очень серьёзно. — Его встретили, принудили к драке и убили. Ударом в шею, если опять же я правильно помню. Покопайтесь в архиве, почитайте...

Роман сжал губы, помолчал. Они вместе сделали по глотку. Анисин взял новую конфету, а капитан печенье.

— Филипп Петрович... — Роман помялся. — По телефону я уже говорил, что меня назначили именно на это расследование. Понятовский даже от другой работы освободил. Он, видимо, надеется, что я чего-то добьюсь... Да и сам я, ясное дело, хотел бы. Как другой следователь вы можете понять — всё-таки все мы, кто больше, кто меньше, охотники и любители разгадывать тайны... — Роман примолк, подумал, как лучше выразиться. — Филипп Петрович... Мне кажется, что я зашёл в тупик. Я уже несколько недель изучаю архив, но каждый раз вижу одно и то же. Глазу не за что зацепиться, понимаете? Мне бы подсказку...

Птачек сжал губы, взглянул на чашку и отхлебнул чаю. Анисин посмотрел на него, как, наверное, на сына, и так же по-отцовски покачал головой.

— Эх... Не завидую я вам. Скажу по правде — вряд ли кто-то во всём отделении вам завидует. Слишком всё это дело туманно... а хищник осторожен. Вам, кстати, не рассказали, сколько человек занимались этим до вас?..

Роман помотал головой.

— И правильно сделали. — Глаза Анисина выразили скрытую, еле уловимую грусть. — Я сам промучился с ним несколько лет, но так ничего и не добился. А до меня ещё были люди, и не глупые. Никто не продвинулся даже и на шаг, не построил и приблизительно общей догадки. Я вот ушёл на пенсию, но мне иногда кажется, что я просто сбежал... А некоторым неудача стоила карьеры.

В воздух повисло нехорошее, угрюмое молчание. Роман дожевал печенье и запил чёрной горечью. Приготовившись спросить он взглянул на хозяина квартиры с вдохновением.

— Филипп Петрович... Кирилл сказывал, что у вас было какое-то предположение, которое вы так и не высказали. Может быть поделитесь сейчас?..

Взгляд нового следователя впился в старого, как гарпун — так жаждется услышать хоть что-то, способное внести перемену!

Анисин отпил чая, почмокал. Пожал плечами.

— Предположение-то есть... — Взгляд старика упал на пол, побродил там и снова поднялся на гостя. — Только оно призрачное, как... Имеется у меня одна крохотная теория, я не успел её разработать. Даже не теория, а ощущение... Я так гляжу, что вам очень интересно...

Роман понял, что смотрит на Анисина, как гончая на лису, разве что слюни не роняет.

— Простите. — Птачек виновато улыбнулся. — Когда нет ничего, то и кроха — сокровище.

— Возможно... — Анисин поднял руку и вытер усы. — Возможно... Вот в чём дело: мне думается, что подчерк убийцы в последние три года изменился. Я не уверен на все сто, но, как уже сказал, есть ощущение. Или... — Он сглотнул, облизал губы. — Или вот уже три года работает новый человек.

У Романа сбилось дыхание.

— Вы имеете в виду... Это группа?!

Прежде, чем ответить, старый следователь сделал крепкий продолжительный глоток.

— Не могу сказать точно, уж слишком мало улик. — Старик глубоко, шумно вздохнул. — Понимаете... По вещественным следам всё то же самое, без изменений. Убийство ножом, оставленный на теле стих, полное отсутствие следов... И в тоже время, мне кажется, убийца тогда, до трёх лет назад, и убийца сейчас — это два разных человека.

От разыгравшихся нервов Роман заёрзал в кресле.

— Почему вы так считаете?.. — Его говор ускорился. — В чём ваша догадка?..

— А вы почитайте дела. — Анисин кивнул через плечо, будто архив находится в соседней комнате. — Я помню, вы говорили, что в тупике, но вот вам конкретика: сравните дела трёхлетней давности и раньше с теми, что пошли потом. Я гарантирую, что вы увидите отличие в выборе жертв.

— Какие?.. — От любопытства Роман затаил дыхание. — В чём они?..

— Раньше поэт... хорошо, маньяк выбирал людей, полное ощущение, из соображений безнаказанности. Понимаете?.. — Анисин прищурился. — Всегда предпочитал тех, кто полегче. Вы проверьте самые первые дела, там чуть ли не половина убитых — это женщины, пьяницы и бездомные. Несколько детей... А вот в последнее время пошла у него серия... ну, назовём их для простоты грешниками. Хулиганы, проститутки, всякие скользкие типы; два каких-то мутных риелтора... Мда...

Роман слушал не смея перебить. Анисин уже будто высказался, но заметив, с каким

интересом ему внимают, добавил:

— В общем с выбором жертв — это странность, которую, конечно, нельзя игнорировать. Но что не изменилось, так это его высокий, если можно так выразиться, профессионализм. Ни следов, ни свидетелей... Убийство всегда происходит либо у жертвы дома, либо рядом. И всегда ночью, исключительно ночью! Он берёт с убитого трофей — обычно что-нибудь небольшое — и оставляет стих.

Глядя уже не на старика, а как будто мимо Роман заторможено покивал.

— Да, я читал...

Словно компьютер, Птачек переключился с внешнего на внутреннее; глаза его уставились в никуда, губы что-то тихо бормочут. В транс мыслительности Роман превратился в робота, свершающего вычислительный процесс.

В молчании Анисин оценил состояние гостя, потянулся и взял новую конфету. Распаковав её он положил обёртку в общую, уже нагромоздившуюся кучку, но листик плёнки своенравно упал не туда, а потом и вовсе соскользнул и полетел на пол. Вид падающей бумажки волшебным образом и вернул Романа в реальность.

— О, простите... — Капитан понял, что так долго не моргал, что уже заболели глаза. — Кажется я доставил вам неудобство...

Анисин наклонился и всё-таки отправил фантик куда хотел.

— Бросьте, не стоит. Но часто ли у вас такие приступы задумчивости?..

Смутившись, Роман покряхтел в кулак. Ответил:

— Только когда не могу до чего-то додуматься.

— Тогда надеюсь, что в этом деле вы всё-таки до чего-то додумаетесь. — Старый следователь отсалютовал кружкой и сделал шумный глоток. — Надо бы кому-то это уже сделать, да и вообще — давным-давно пора уже этого гада схватить. Столько лет нас за нос водит... У меня вот, к сожалению, этого не вышло...

Роман подумал над ответом. На его губах проступила беглая, совсем-совсем скромная улыбка.

— Может быть выйдет у меня?..

Интерлюдия

Охота. Небольшое слово, означающее многое. Охота — это всегда охотник и добыча. Хищник и жертва. Стремление поймать и желание спастись... Или незнание того, что нужно спастись. Некоторые охотники предпочитают искать добычу, другие ждут там, куда она приходит. Некоторые нападают тихо, например на спящего, вторые любят засады, а третьим более интересно преследование. Некоторые действуют одни, другие стаями. Некоторые предпочитают клыки, другие яд.

Охота. Высшее проявление инстинктов. Возможность увидеть, кто будет жив, а кто умрёт. Кто съест, а кто будет съеден.

Для НЕГО охота уже давно превратилась в Ритуал. И хотя каждый шаг отработан сотнями раз, хотя каждое действие делается исключительно с холодным, математическим расчётом, но всё-таки всё вместе — от выслеживания до ухода после убийства — это уже что-то магическое, знаковое. Священное.

Сейчас как раз время выслеживания. И оно уже почти закончено.

Новая добыча — это состоятельный молодой мужчина. Лет тридцати, стройный, с тёмной модной бородкой и зачёсом волос на правую сторону, причём чёлка такая пышная и свисает так низко, что закрывает ухо. Одевается хорошо. Всегда, какие бы штаны и ботинки ни надел, носит любимый голубой пиджак.

Наблюдение длится не первый день и сейчас уже точно ясен распорядок его дня. Уже известно, что он холост, что живёт в своём частном доме на улице Блюхера три А, что имеет любовницу, но та заходит к нему редко, не чаще двух раз в неделю. Что других гостей не водит. Что каждый день, за редким исключением, приезжает вечером с работы, ставит свой синий, блестящий полиролью «ауди» в гараж и заходит в дом. Что здание это стоит на простейшей сигнализации, что окна соседей смотрят на окружающий участок кирпичный забор.

Что ж... Можно сказать — идеальная мишень. И хотя профи, конечно, приятно чувствовать вызов и побеждать, лестно ощущать превосходство не просто над тем, над кем легко его получить, но и над собой прошлым, видеть рост успехов... но всё-таки в погоне за *необычной* добычей охотник не должен забывать и о простой. Тем более, если это нужно для дела...

В воскресенье ОН встал с самого утра. Помылся, поел. Упаковал в рюкзак могущий пригодиться инструмент и даже завернул в пакет парочку бутербродов, уложил их рядом с термосом с кофе и пустой литровой бутылкой. Возможно придётся ждать долго: надо быть готовым ко всему.

Проверив вещи человек посмотрел напоследок в зеркало... и вышел из квартиры. Дорога повела его на автобусную остановку, а оттуда уже на маршрутке дальше, к месту работы *и з б р а н н о г о*. Выбравшись из автобуса, человек закрылся от злого зимнего ветра и пошёл в кафе, так удачно стоящее прямо напротив работы жертвы. Всё, теперь только ждать.

Заказав чай и лимонный кекс, человек достал захваченную книгу. Раскрыв её на нужной странице он принялся за чтение. Фантазия его рисовала образы романа, взгляд бегал по строчкам... но в тоже время прыгал и за окно, на лежащую через дорогу парковку, где каждый день останавливается та самая синяя «ауди». Прошло полчаса. Час. Вот уже и чай

третий раз заказан, а машины всё нет. Неужели какая-то перемена?..

Решив не спешить с выводами человек мысленно отметил на часах, до сколько ждать, и если машина не приедет — уходить. Страницы бежали одна за другой, с ними утекали и отведённые минуты. Когда до условленного срока осталось всего ничего, человек в очередной раз глянул за окно — и сдержанно, облегчённо вздохнул. «Ауди» припарковалась, где и всегда. Её хозяин как раз вылезает на улицу. Вот ветер треплет его волосы, он щурится, вот он захлопывает дверь. Сжимающая пульт рука наводится на машину — та мигает, закрываясь на все запоры.

Всё. Пора.

Оставив чаевые человек оделся, вышел и с наслаждением после кафе вдохнул свежий воздух. Поглядев в спину сейчас далёкому, уходящему на работу мужчине он запомнил время — двенадцать сорок две. Уж час-то на всё про всё точно есть. Ну ладно, пошли...

Вызвав такси до перекрёстка Пионерского проезда и Садовой, человек дождался машину и, доехав, пошёл в нужном направлении. Снега чуть ли не по колено, правда наезжено и натоптано хорошо — единичный след разглядеть трудно. Сглаженная белая колея вывела к уже хорошо знакомому дому. Высокий кирпичный забор, металлические чёрные ворота гаража. Рядом чёрная же дверь с золотистой ручкой... и самым простым замком. Вынув на ходу уже проверенную вчера копию ключа человек открыл дверь и зашёл внутрь, как к себе домой. Если кто и видел со стороны — заподозрить ничего не должен. Воры ведь в представлении людей замки взламывают, а не делают копии с настоящих ключей.

Дверь хлопнулась, под пальцами чужака замок вернулся на два оборота, как закрыл хозяин. Не включая свет человек прошагал мимо пахнущей бензином бочки и сгруженных в углу лопат и метёлок. Дальше, к боковой двери. Эта как входная — вторая, первая с фасада дома. Сейчас дорога к ней занесена и пройти там, не оставив следов, не сможет даже заяц-беляк. Да в общем-то и не надо... В пальцах чужака появился следующий ключ — боковая дверь раскрылась, пропустила внутрь. Бросив беглый взгляд по сторонам, человек крутанул пальцем — колечко с ключами подбросило магнитный, последний. В зелёной пластиковой оправе, он послушно прижался к спрятанной за дверью на цифровой панели блестящей точке.

Вот первая часть дела и сделана.

Закрыв дверь, как была, человек опустился на колено и достал из рюкзака бахилы. Зимние перчатки на руках сменились простенькими, садовыми. Вытерев влажной салфеткой там, где наступал при входе, человек снова перекинул рюкзак через плечо и пошёл дальше.

Повсюду, куда ни глянь, что-нибудь хорошенькое. То высокая ваза с живыми цветами, то картина. Определённо хозяин дома не лишён вкуса. Да и вообще, наверное, личность одухотворённая... И не бедная: в доме два туалета и две ванных комнаты. На кухне пузатый, должно быть ресторанный холодильник. В углу на специальной подставке громоздкая, блестящая хромом, по виду опять-таки ресторанный кофеварка. В зале блестит экран широченного плазменного телевизора. Мимо спальни, где за шкафом спрятан сейф, человек прошёл равнодушно. Хотя мог бы и вскрыть, инструмент позволяет.

Взгляд отыскал кладовую — маленькую, заставленную хламом комнатку недалеко от кухни. Вот она-то и нужна. Раскрыв дверь, человек оглядел пылящиеся на полочках у стен коробки, паутину в углу и выглядывающую из белого пластикового пакета старую обувь. Плечо опустило рюкзак, пальцы нащупали респираторную маску. Глупо будет, пока ждёшь,

чихать от пыли. Спрятав лицо за белой тканью человек зашёл в комнатку и прикрыл за собой.

Теперь крайне ответственная часть — ждать.

Ждать кого-то на протяжении долгого времени, будучи готовым в любой миг среагировать, да ещё в темноте, да при полной тишине — это настоящее мастерство. Большое мастерство терпения. Или мастерство большого терпения... Не засыпать, не отвлекаться мыслью на что-то постороннее, каждую секунду вслушиваться, чая, что вот может быть уже сейчас щёлкнет замок, затопают шаги, прозвучит голос... Недостаточно даже просто сильной воли и терпения. Нужна привычка. И ещё, хотя тут можно спорить, врождённая склонность.

Подсунув под задницу рюкзак человек уселся поудобнее и закрыл глаза. Уперевшись спиной в стену он глубоко вздохнул и постарался погрузиться в состояние и не сна и не бодрствования. Состояние кошки, дремлющей с одним раскрытым глазом.

...В глубокой, застоявшейся, как болотная вода тишине щёлк замка раздался громоподобно. Глаза человека раскрылись, одна его ладонь тут же легла на рукоять ножа, вторая содрала маску и сунула в карман. В коридоре затопали шаги, щёлкнул выключатель. Донеслось шуршание, кряхтение. Уже более мягкий звук шагов проследовал из коридора куда-то к туалету, хлопнул там дверью и затих.

Человек поднялся, широко и даже болезненно зевнул, растёр глаза. Начинается *с а м о е* интересное... Тихо, как тени, пальцы раздвинули дверную щель пошире. В тонкой полоске виден вход на кухню и часть коридора. Человек почувствовал, как дыхание его стало чаще, как сердце забилося, словно от бега.

С громким вздохом, словно нёс тяжёлый камень и вот наконец скинул, в коридор как всегда в своём любимом синем пиджаке вышел мужчина. Волосы уложены, борода ухожена. До кладовой долетел аромат дорогого одеколona. С шумным, совсем не интеллигентным мычанием хозяин дома выбросил руки вверх и потянулся, блаженно закрыв глаза. Помахав локтями вверх-вниз и взад-вперёд, как на зарядке, он почесал макушку и потопал на кухню.

Человек досчитал до шестидесяти — не появятся ли посторонние звуки, чьи-то лишние голоса — и тихо-тихо отворил дверь. На кухне зашумела струя воды, послышался зажжённый на плите газ. Пока чужак крался, бахилы каверзно похрустывали, но это заглушилось звуками с кухни. Остановившись у косяка, он украдкой выглянул — заливая чайник спиной ко входу стоит хозяин дома.

В руках уже проснулась приятная сила. Ноги чувствуют, что готовы бежать и догонять. Сердце бьётся часто, но нет надрыва, лишь возбуждение. Возбуждение голодного перед едой, предвкушение льва в момент, когда шея газели уже в его клыках, осталось только их сжать. Человек стиснул рукоять крепче — сможет ли он убить одним ударом?..

Ноги будто сами бросились вперёд, рука с ножом влетела, готовая ударить с десятикратной силой! Глаз наметил точку на шее... Мужчина вздрогнул, испуганно обернулся... только чтобы увидеть занесённый над ним клинок! Жух-х-х-х! Сталь пропорола кожу, лезвие вошло в мясо безукоризненно легко, мимо кости!

— Чтоxxx?!.. — Схватившись за сразившую его руку, полными ужаса глазами мужчина уставился в триумфальные, ликующие глаза убийцы. — Чтоxx выxxx...

Слова оставили его, из горла полились хрипы. Убийца схватил жертву за затылок и с силой и наслаждением вогнал клинок глубже! Рукоять в его крепком кулаке повернулась —

от боли у умирающего глаза полезли из орбит, а на щёки и бороду покатились слёзы! Опоздало его сопротивление: силы уже покидают его, даже крикнуть теперь ему не хватит мочи. Душа на пороге. Легко пересиливая слабеющую жертву убийца напрягся и с кривой усмешкой толкнул мужчину в грудь. Безвольно, словно брошенная ребёнком кукла тот отлетел и ударился головой о холодильник, где и сполз по нему на пол. Из растерзанной шеи брызнули алые струи, в руке убийцы остался окровавленный, капающий красными каплями нож.

Взгляды убившего и умирающего встретились. Первый с превосходством, с ухмылкой, с наслаждением видом сражённой добычи. Второй — с оцепенением, когда человек уже проваливается в небытие, уже не чувствует ни страха, ни боли. Кто-то в древности сказал, что в такой момент можно увидеть, как дух покидает тело. Избегая ступать в красные капли и уже растекающуюся под обречённым алую лужу, чужак подступил к мужчине вплотную, приблизил своё лицо к его на расстояние ладони и внимательнейше взгляделся: взор убитого устремлён куда-то мимо, убившего для него теперь словно не существует. Уже и крыши для него как будто нет, а есть только что-то там, высоко-высоко... Человек проследил за его взглядом, посмотрел вверх — но, как честно ни всматривался, увидел только потолок. Когда он опустил взгляд обратно кровь из раны уже не хлестала, а глаза жертвы остекленели навсегда.

Задержав на мгновение взор на бледном, искажённом мукой лице, человек отошёл. Его шаги потопали к выходу в гараж. С ножа в руке всё ещё капает кровь, но сердце уже не бьётся взволнованно. Дверь распахнулась, рука в перчатке нащупала выключатель — загоревшаяся лампа осветила блестящую синюю, поставленную бампером к воротам машину. Человек подступил к водительской двери, дёрнул ручку — та отворилась легко.

Вернувшись на кухню убийца вновь взглянул в лицо убитого — и презрительно скривился. Момент самой смерти восхитителен, но всё, что потом — о, в этом нет поэзии... Рука в перчатке ухватила ногу хозяина дома. Тело несчастного сдвинулось, вытерло собой кровь и потащилось из кухни по коридору, оставляя широкий красный след. Затащив тело в гараж, человек подволок его к машине, оттолкнул водительскую дверь и, схватив мёртвого за воротник, с натугой запихнул внутрь. Обивка, панель, стекло, блестящий руль — всё в мгновение окрасилось алыми кляксами. Заляпывая сиденье, пачкая руки и вообще всё вокруг человек, тужась, усадил мёртвого за руль. Даже кисти ему поставил так, будто он в самом деле ведёт машину.

На запястье мертвеца сверкнуло стёклышко. Из-под синего, в красных пятнах рукава выглянули часы. Человек пригляделся к ним, оценивающе прошёлся взглядом по линиям. Красивые... В минуту часы оказались в его ладони. На обратной панели надпись «От любящей сестры Людмилы с добротой на память для дорогого брата Эммануила». Именные... Неплохой трофеей.

Часы исчезли в кармане брюк, а вот из нагрудного кармана появился сложенный вчетверо листок. Аккуратно, стараясь не запачкать, человек сунул его в карман когда-то синего, а нынче обляпанного пиджака. Отошёл, полюбовался на картину... и обратился к мёртвому, как к живому:

— Думаю, людям будет любопытно с тобой повозиться, да?..

Оставив убитого чужак вернулся в дом и внимательнейше, взглядом кречета пробежался всюду, где ступал: нет, ничего не забыл, ничего не потерял. Вытертый кухонными салфетками нож нырнул в ножны и лёг обратно в рюкзак. Включив по дороге везде, куда

дотянулся, свет, человек пробрался мимо машины и у самого выхода остановился, постоял, чувствуя идущий от двери холод. Бахилы и садовые перчатки спрятались в отдельный пакетик, рюкзак прыгнул за спину а на пятерни налезли прежние зимние перчатки. Приоткрытая дверь впустила ещё больше стужи, в раскрывающейся щели показалась улица и дома соседей. Уже темнеет, у кого-то горят окна...

По-хозяйски отворив дверь, человек развернулся и, закрыв её, оставил связку ключей в замке. Заскрипел снег под ботинками, от дома к дороге зашагала тёмная фигура с рюкзаком. Не прошло и пяти минут, как она скрылась в поворотах и исчезла где-то за углом на перекрёстке.

На Тольятти неторопливо опустилась ночь.

Нечто прозрачное

В понедельник толково поработать так и не удалось — из Самары (какая ирония!) приехала высокая проверка и целый день Роман занимался чем угодно, только не копанием в бумажках. Уж и на что крепка традиция под начальственным взором не поднимая головы корпеть, да только действует она лишь при проверке тихой. А вот когда начинаются мероприятия... К дьяволу их всех! К вечеру Роман оказался настолько выжат, что, как привёз дочь домой, сразу лёг и заснул раньше, чем голова коснулась подушки.

Во вторник капитан пришёл на службу с твёрдым намерением всё-таки по-настоящему поработать. Захватив из архива томов столько, что еле уместились в руки, Роман заперся в кабинете и стал читать. Рассказанное Анисиним в самом деле ценно, да вот только следователь, даже умный и опытный, может оказаться под очарованием собственной теории и начинает подгонять факты под неё, а не наоборот. Стараясь мыслить свободно Птачек раскрыл сразу несколько разбросанных во времени томов. Ага, убийства прошлые... Пожилую женщину зарезали у неё дома. Убивали ночью. Ценного не вынесли, только пропала с тела золотая цепочка. Как всегда нашли при убитой стих. Ни следов, ни свидетелей. Женщина работала кондуктором... Ещё одна смерть — паренька двадцати четырёх лет зарезали по дороге домой. Били в горло. С пальца пропало серебряное колечко-оберег, такие продают в церквях. Опять стих в кармане. Улик ноль. Убитый работал в «Евросети»...

В носу слёзно защекотало, Роман не удержался.

— Апчхи!

Сколько же пыли на этих «кирпичах»!

Та-а-ак, теперь свеженькие... Убийство на бульваре Ленина двенадцать. Ночью перед подъездом убита женщина средних лет. Жила здесь же и скорее всего возвращалась домой. Ей перерезали бедренную артерию, несчастная умерла от потери крови. Никем не работала... Роман пригляделся к фотографиям, подумал... пригляделся повнимательней... На убитой короткая красная юбка, на лице яркий раскрас; декольте глубже, чем Марианская впадина, а в сумочке упаковка презервативов... Если она не проститутка, то Роман не следователь! Ещё одно убийство, на Мира семьдесят девять. Убит мужчина, армянин. Били ножом в живот пять раз, в спальне собственной квартиры. На убитом толстенная золотая цепь. В шкафу с бельём под стопкой маек найдены деньги — двести тысяч. По фоткам с места видно, что квартира обставлена весьма небедно... Почему же ОН не берёт ничего ценного? Ему не нужны лёгкие деньги? Абсурд... Наверняка же кроме колечек и браслетиков что-то всё-таки забирает, просто этого не видно. Про трофей ничего не написано, но и здесь он, можно спорить, обязательно взят. Бумажку со стихом убитому засунули в рот. «Разве мужчина может так жить? Женщин заставлять себе служить? Принуждать их к постели, их деньги забирать? Сейчас-же пора это всё прекращать». Не сутенёром ли был убитый?.. И не связаны ли прошлое убийство и это?..

Чем больше Роман сравнивал, тем больше Анисину верил. Пять лет назад убит загулявший допоздна школьник. В прошлом году известный малолетний хулиган. Четыре года назад на даче найден зарезанным пенсионер, этим же летом вернувшийся с длительной отсидки рецидивист. Три с половиной года назад убита женщина, воспитательница в садике. Два с половиной года назад — скинхед, носивший белые шнурки.

Он что, возомнил себя народным мстителем?.. Перековался?..

В коридоре забахали спешные шаги. Рывком распахнулась дверь! На пороге встал человек с миниатюрными ухоженными усами, аккуратно зачёсанной набок чёлкой, с внимательными, но уставшими глазами и тремя звёздочками на двух красных полосах по погонам. Полковник воззрился на капитана, будто поймал человека, который у него кошелёк украл! Весь его вид кричит об волнении!

— Роман! — Понятовский облизал пересохшие губы. — Труп по твоей части. Собирайся! Поедешь на вызов!

Роман вскочил так, будто его ужалили! От крутого порыва сорвался со стола какой-то исписанный листок.

— Поэт?! — Взгляд его прилип к начальнику. — То есть... маньяк?..

Полковник прошёл, по-хозяйски схватил стул и уселся напротив подчинённого. Сделал тому знак сесть.

— Он самый. — Понятовский моргнул и кивнул разом. — Часа полтора назад пришёл звонок — нашли зарезанным какого-то мужчину. Сестра его нашла. Такое часто бывает, сам знаешь. Кирилл с Денисом поехали, они сейчас там всё осматривают. Кирилл вот только что позвонил... сказал, что это точно Он...

Роман покряхтел, громко прочистил горло.

— Есть какие-то подробности?.. Уже что-то известно?..

— Кроме обычного набора — ничего. — Начальник помотал головой, его взгляд стал колючим. — Поезжай, Рома. Первое убийство при тебе, как-никак. Посмотришь на художества этого выродка.

...Роман спешил. Спешить-то и не надо, уже поздно, но всё-таки он торопился, будто без него может произойти важное. Вжимая педали и выворачивая баранку на скользких, занесённых снегом поворотах он испытывал двойное чувство: с одной стороны жгёт азарт, влечение стать на шаг ближе к разгадке, коснуться тайны; много людей служат в сыске, но ведь он-то такой один! Как приедет сейчас, как увидит всё, как напряжёт мозги — узелок-то и развяжется!.. С другой же стороны просыпается нехорошее волнение. Понятовский хочет конкретного результата. Люди думают, что новенькому под силу справиться. Или делают вид, что думают. В любом случае ошибаться нельзя. Ну нельзя! Сложно тут быть спокойным. Хотя и необходимо.

Старенький «форд» зарулил на Блюхера. Нужный дом нашёлся сразу — у чёрных металлических ворот карета скорой помощи, полицейская «буханка» и двое мужчин в тёмно-синей форме. У одного на кулак намотан поводок а рядом сидит, выдыхая пар, немецкая овчарка.

Прижавшись к обочине Роман остановился. Заглушив мотор он выбрался и, просто хлопнув дверью, зашагал к уже глядящим на него служивым.

— Капитан Птачек! — Рука Романа на ходу юркнула в карман и появилась с удостоверением. — Спиридонов и Конев внутри?

Овчарка вскинулась, её острый нос направился на подошедшего, словно у того в руках баранья ляжка.

— Р-р-р-р-р!

Чёрные губы сморщились, обнажились ряды жёлтых клыков.

С привычным спокойствием Роман следил, как кинолог натянул поводок и собака потеряла грозность, как по щелчку. И как у них так дрессировать получается?..

— Старлей с летёхой в доме. — Второй, рядом с кинологом, взглянул на подошедшего так, будто узнал. — Только заходите аккуратно, товарищ капитан. Там возле входа, возможно, следы имеются.

Кивнув, Роман шагнул дальше. Перед ним выросла дверь в квадрате ворот. Взгляд тут же поймал необычное — торчащие из замочной скважины ключи. Связка. Колечко с двумя простыми и одним зелёным магнитным.

Чьи это — хозяйские?.. Почему они здесь?..

Дверь внезапно открылась: закрываясь от ветра наружу вышел парень лет двадцати пяти. Простодушное, нехитрое лицо. Взгляд можно даже назвать добрым. Непокрытая шапкой голова и тощеватая фигура под толстым офицерским бушлатом.

— Товарищ капитан! — У Дениса аж глаза округлились. — Так вы уже приехали?!

Не зная что и ответить Роман переступил с пяток на носки и обратно.

— Приехал... Где тело? Внутри?

— Да! — Забыв, зачем вышел, Денис резко развернулся и шагнул обратно. — Пойдёмте, посмотрите! — Вдруг лейтенант замер. Оглянувшись, он добавил уже гораздо сдержанней: — Только ступайте аккуратно. Тут грязно...

Наблюдая теперь каждый шаг Роман перехватил у молодого дверь и, когда зашла, тихо прикрыл. Перед ним предстало помещение, погружённое в тусклый свет. Коричневые кирпичные стены, какие-то палки в углу, воняющая бензином бочка. Чёрные, явно масляные капли на полу. Накрытый тряпкой картонный ящик у входа... И посередине явно новенькая, ещё не забывшая запах конвейера «ауди». Светло-синяя, блестит полиролью. Водительская дверь открыта, оттуда свисает что-то, в сумраке напоминающее человеческую руку. У двери женщина в форме, в её руках фотоаппарат.

Вспышка!

Женщина повернула голову, её взгляд скользнул по вошедшим без особого интереса.

Вспышка!

Поглядев на экране, что получилось, она отошла.

Денис снова оглянулся на старшего, в его взгляде прочлась глубокая значимость момента. Держась за его спиной Роман приблизился к машине — ботинки остановились, чуть не ступив в капли крови, застывшие под автопорожком. С брезгливостью, которую за долгие годы научился подавлять, Птачек взглянул в лицо мёртвого — бледное, изуродованное гибелью, отвращающее. Кожа будто восковая, губы синюшные. Рот разъявлен в глухом стоне. И рана. Рваная, кривая заруба на шее. Может разыгралось фантазия, но ноздрей коснулся запах разложения. Сколько он так лежит — дня два?.. Взгляд задержался на лежащей на руле кисти мертвеца. Вторая как раз и свисает, на ней задран рукав. И по всему салону высохшие, покрытые трещинками чёрные кляксы — свернувшаяся кровь.

Колдовскую тишину сосредоточенности нарушил лейтенант.

— С воскресенья здесь сидит. — Денис метнул взор на труп, потом снова на Романа. — Эксперт сказал, что примерно с вечера. Если б не холод — здесь было бы уже не продохнуть.

Задержавшись взглядом на ухоженной бороде и чёлке убитого Птачек возразил:

— Ну, это перегиб. Даже при высокой жаре за два дня он бы так сильно не испортился. Вот, помню, икали мы одного пропавшего...

Роман смолк: разговор пошёл по какой-то неправильной дороге. Взгляд его упал на застывшие на полу пятна. Темные полосы бегут от машины ко входу в дом. Сенная дверь приоткрыта; оттуда то прерываясь, то нарастая тянутся приглушённые заунывные стоны.

Из-за спины прозвучал молодой голос:

— Кирилл в доме. Он в зале, раскручивает сестру убитого. Людмила её зовут.

Роман оглянулся.

— Раскручивает?..

Денис заморгал. Его молодые, налитые жизнью губы сжались.

— Ну-у-у... я имею ввиду, что он с ней разговаривает. Пытается разговаривать...

Товарищ капитан, вы сейчас сами всё увидите! Извините, мне надо до машины...

Отвернувшись, слыша за спиной шаги и лязг металлической двери капитан Птачек направился ко входу в дом. Ступая рядом с тёмными полосами он зацепил дверь кончиком пальца и потянул — через мгновение он уже стоял внутри, сбоку от густо заляпанного тёмно-алым порога. Теперь он слышит уже очень хорошо: по комнатам, по коридору, отражаясь от стен, от пола, от потолка гремит на весь дом плач! Женский, надрывный, неугомонный плач! Голосит откуда-то из дальней комнаты.

Тёмные полосы бегут от порога дальше. Крови на самом деле не так уж много, просто размазано. Видимо тащили мужчину уже мёртвым. Алые следы уходят вбок, в комнату в середине коридора.

Согнувшись с лупой над засохшим пятном, шагах в трёх от двери сидит ещё один сотрудник. В возрасте: лет под сорок пять, пятьдесят. Лицо умное, на носу интеллигентные очки. Короткие волосы с проседью, на ладонях белые синтетические перчатки. То приближая, то отдаляя лупу мужчина всматривается в пятно так, словно увидел там секрет.

Просто чтобы что-то произнести Роман спросил:

— Что-то интересное?..

Мужчина глянул на него мельком и снова сосредоточился на крови.

— След. Точнее часть следа. Ничего интересного. Видимо ходивший носил бахилы или что-то вроде того...

Отойдя вбок Роман побрёл вдоль тёмно-алых линий. След такой широкий, что можно спорить — спина убитого окажется перепачкана вся. Его тащили вон оттуда... Стараясь не обращать внимания на настырно лезущие в уши рыдания Роман зашёл на кухню — линии упёрлись в неправильную, кривую лужу. Сама комната нетронута. Стол, стулья, посуда на полках — всё ровно. В раковине немытая сковородка и чайник с откинутой крышечкой. Ножи в подставке, кстати, все на месте... В кухне ещё один мужчина, помоложе первого, но с таким же умным, сосредоточенным лицом. И тоже в очках. Сидя возле испачканного тёмной кляксой холодильника он рассматривает то её, то лужу свернувшейся крови. В какой-то момент его лоб взбороздили складки. Он даже не заметил, как к нему обратились.

— Уважаемый! — Роман повысил голос. — Вы меня не слышите?..

— Чего?.. — Эксперт воззрился на капитана с неподдельным удивлением. — Вы кто?..

А, простите. Задумался...

Роман навис над ним, как айсберг над лодочкой.

— И над чем задумались?..

— Да вот... — Криминалист указал на лужу, потом на кляксу на холодильнике. —

Никак не могу понять, что из этого возникло первее. По всей видимости — вон, видите у раковины? — жертву ударили ножом там, а уже потом переместили сюда. Вот, на стенке холодильника еле заметная вмятина. Как от удара.

Роман пригляделся — в дверцу в самом деле будто ударили чем-то округлым... Пожав плечами он рассудил:

— Возможно была драка?.. Проверьте у убитого под ногтями и во рту — может чего и найдёте...

Посмотрев на следователя, словно тот сказал нечто нелепое, мужчина промолчал и снова погрузился в осмотр.

Взгляд Романа вновь забегал по кухне. Остановившись на хромированной, явно крутой и дорогой кофеварке Птачек завистливо цыкнул и направился на выход. Шагающие на звук плача, ноги привели его в соседнюю комнату — с шиком обставленную зальную. Картина с подсолнухами на стене, в углу в вазе живые цветы. Огромные блистающие шторы закрывают окна, а широкий плоский телевизор смотрит на стоящий напротив него кожаный, разбитый на три отделения диван.

— О господи!

Сидя на нём сверкает мокрыми щеками женщина лет тридцати. Прямо надрывается... С её глаз то и дело срываються по подбородку и падают на белую блузку капли. Тряпочка в тонких пальцах то и дело прижимается к носу, трёт его и падает на колени только лишь за тем, чтобы в следующее мгновение снова подняться.

— О господи! О бо-о-оже мой!

Лицо женщины всё в веснушках, но сейчас это почти незаметно, настолько оно покраснелось. Большие серые глаза покрыты красной разбухшей сеточкой.

— Прошу вас, Людмила, успокойтесь...

Рядом с женщиной сидит Кирилл. На его коленях планшет с бумагами, в пальцах старенькая шариковая ручка. Словно вылепленный очень строгим, очень придирчивым мастером старлей весь из себя собран, твёрд и скуп.

Оба оглянулись на вошедшего — женщина вяло, сквозь слёзы; Кирилл спокойно, словно давно ждал.

— Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. — Глядя на женщину Роман помотал головой. — Я всего лишь вместе с остальными.

Страдающая зажмурилась, сквозь содрогания из неё вырвался новый всхлип.

— Людмила Рахимовна... — Кирилл нацелился на неё снова. — Ну Людмила Рахимовна... Перестаньте. Не плачьте. Я вас понимаю, у вас разрывается сердце... Но ведь мы же должны что-то понять. Мы же должны схватить убийцу. Так пожалуйста, помогите нам...

Взгляд старлея стал совсем не как всегда: в нём появилась глубина, можно даже стало найти в нём сочувствие. Роман отошёл в сторонку, оперся об угол и стал с интересом разглядывать картину с подсолнухами. Весь он превратился в слух.

— Да... — Женщина шмыгнула и стёрла запястьем новые слёзы. — Да, простите... Просто... Просто я не могу, вы понимаете? Не могу! Всё это так ужасно!

— Согласен... — Кирилл смотрел на плачущую как удав, не моргая. — Но тем более: чтобы начать действовать, мы должны скорее понять, что здесь произошло. Людмила Рахимовна... Расскажите, пожалуйста, как вы сюда пришли. Расскажите всё с самого начала...

Размазывая тушь, мокрая тряпочка скакнула с носа несчастной на её глаза. В тихих, еле сдерживаемых спазмах женщина промокнула веки, отвела руку и внимательно осмотрела оставшиеся на тряпке ресницы.

— В общем... — Слова дались ей с трудом. — В общем... Я уже ведь всё рассказала так-то... Я сегодня пришла навестить брата... Ох, не могу. Не могу! — Она снова зажмурилась,

всхлипнула... но всё-таки сдержалась. — Эммануил с воскресенья не отвечал на звонки. Вчера весь день ему звонила. Не берёт трубку и всё... Я... Я собралась... — Она снова закрыла глаза, её рот скривился в подступающем вое. — Я пришла, а тут... тут...

Больно, сломлено, убийственно несчастная вновь заревела. Кирилл терпел, смотрел на неё молча. Роман претворился, что его не существует. Спустя минуту звериного, рвущего душу рыдания женщина снова немного успокоилась. Глянув на полицейского мокрыми, ещё больше раскрасневшимися глазами она постаралась продолжить.

— Эммануил... он... понимаете... — Её речь прерывалась частыми, задыхающимися вздохами. — Он никогда бы не... Он непременно позвонил бы, если бы мог. Он очень обязательный... Боже, какое горе! Я пришла и... и-и-и... смотрю — а дверь-то и не закрыта... И ключи в ней висят. Я её открыла... прошла немного... и там... — против воли она снова начала содрогаться, — там в машине... О Бо-о-оже! О Го-о-оспадиии!..

Кирилл повернул голову, взгляды капитана и старлея встретились. Кивнув на дверь Роман развернулся и, ступая тихо, вышел в коридор. Седого криминалиста уже нет. Дверь в гараж запахнута, оттуда веет холодом. Шагнув к стене Птачек крутнулся и упёрся спиной в твёрдое. Спустя пару мгновений перед ним возник и старлей.

— Дело ясное. — Кирилл заговорил приглушённо, будто кто-то может подслушивать. — Это точно ОН. ЕГО подчёрк.

Роман приподнял подбородок.

— Думаешь?..

— И думать нечего: все следы налицо. — Кирилл поднял руку, его пальцы принялись загибаться. — Жертва убита у себя дома и никакого взлома на первый взгляд не видно. Ты же помнишь, что наш поэт мастер по проникновениям?.. Прикончили мужчину ножом, при этом на кухне все ножи на месте. Их проверят, конечно, вдруг одним из них и воспользовались, а потом вымыли... Но я уверен, что поэт пользовался своим. Он делает так всегда. Правда пока не понятно, зачем он перетащил тело в гараж...

Задумчивый взгляд оперативника стрельнул мимо Романа, при этом он отстранённо закусил губу. Птачек молча ждал.

— М-да, действительно — зачем?.. Так... — Кирилл поморгал, его глаза снова сфокусировались на собеседнике. — Далее... Не знаю пока, что с жертвы снято, но не сомневаюсь, что что-то наверняка пропало. Может сестра его скажет... Ну и вот, конечно-же... — Кирилл покопался во внутреннем кармане, достал телефон. — В пиджаке убитого найден листок со стихом. Я сфоткал прежде, чем его в пакет сунули. Ты почитай — может на какую мысль наведёт... С телефоном разберёшься? Просто открой последнюю фотку.

Роман кивнул, его внимание уже приковалось к чёрному прямоугольнику на ладони.

Из зала донёсся новый, ещё более громкий плач. Кирилл нехотя оглянулся, его губы скривились. Старлей несладко вздохнул.

— Походи пока везде, посмотри. — Он повернулся плечом. — Поизучай. Я пока всё-таки попробую с ней поговорить; может чего и добьюсь...

Проводив его взглядом Роман уставился в телефон. Сперва сунувшись по ошибке в какие-то приложения, с недовольным лицом он залез в камеру и перешёл к последним снимкам. Ага, вот — согнутый, отсвечивающий от вспышки, явно вырванный из обыкновеннейшей тетради листочек. Ровным, хорошо поставленным подчёрком на клеточках выведены строки: «Человек Искусства — это человек высоких мыслей. Думы его витают вокруг небесных высей. Взгляды очень многих на него обращены. В камень, в

плёнку, в музыку труды его превращены. Выставляет он свою работу напоказ. Внимает он в ответ народный глас. Человек Искусства — это образец. Своей и чужой жизни искусный певец. Непорочным должен быть, незапятнанным. Не таким, чтоб пришлось осуждать его нам. Ты же — запятнал себя, замарался. Будто со свиньёй в одной луже искупался. Не таким ты должен был быть, не таким. Оставишь отныне своё дело другим».

Дочитав до конца Роман потёр челюсть и призадумался. Взгляд его снова пробежался по строчкам... потом ещё раз...

В зале взорвался новый, ещё более наглый рёв! Вслед за ним пошли тихие, но настойчивые утешения Кирилла. Старлей заверяет, что убийцу обязательно найдут, что не стоит сейчас предаваться эмоциям, что нужно обязательно вспомнить нечто, способное помочь...

Решив осмотреть дом ещё раз Роман сунул телефон в карман и опять побрёл на кухню. Держа за ручку миниатюрный чемоданчик мимо него прошествовал второй криминалист.

— Только аккуратно, пожалуйста! — бросил он, встретившись взглядом. — Там ещё не всё проверено. Могут быть улики.

Кивнув, Роман дошёл до кухонного порога и замер. Нет, входить он не будет — отсюда видно лучше.

Кухня — ну просто образец аккуратности. Либо у этого самого Эммануила прирабатывала уборщица, либо была любовница — радетельница чистоты... Ну или сам он был чистюлей, этого тоже нельзя исключать.

Взгляд снова остановился на высохшей тёмно-алой луже. Линии бегут из неё в коридор. Кстати... Капитан обернулся, его глаза поймали дверь почти напротив, наискосок от кухонного входа. Закрытая, почти одинакового цвета со стеной она будто спрятана прямо на виду. Пройдёшь мимо — не заметишь.

Птачек пошарил по одежде — в заднем кармане штанов отыскалась его любимая тряпочка-выручалочка. Пальцы вытащили её на свет. Как-то совершенно бездумно, словно подчиняясь инстинкту Роман её понюхал — ноздри уловили запах свежести, аромат моря и грозы. Любимый дочкин порошок... Перед глазами тут же всплыла сцена: плачущая девчонка и этот лоску, насквозь промокший её слезами. Даша... Интересно — как она?.. Всё ли с ней в порядке?..

Опамятовавшись, Роман вновь сконцентрировался на двери. Пальцы спрятались за тканью, взятая за самый кончик дверная ручка с натугой поддалась. Щелчок! Тихо-тихо, очевидно прекрасно смазанная дверь отворилась и открыла вид на узкую, заставленную коробками комнатку. Выключателя что-то не видно... Где тут свет зажечь?.. Роман встал на пороге, его взгляд метнулся от стенки к стенке, прошёлся по углам и остановился на еле заметной паутине под самым потолком. Пол чистый, без пыли...

Ничего.

Капитан сжал губы и разочарованной вздохнул. Почему-то в этой кладовке ждалась какая-то тайна... Не став закрывать дверь Роман отошёл и, развернувшись, снова побрёл вдоль тёмных полос. Прошёлся, глядя на них и на всё вокруг до самого гаража. На удивление там не оказалось никого. Курить все вышли, что ли?.. Стараясь не ступить в уже не такие заметные в полутьме пятна Роман приблизился к машине и взглянул на убитого со стремлением заметить что-то новое.

Светло-синий пиджак жертвы выпачкан алым. Сиденье, руль — всё в засохшей крови. Наверняка убийца, когда запихивал тело, и сам испачкался. Знать хотя-бы, во что он был

одет... Может из соседей кто его видел? Эх, жалко, что тело не обнаружили раньше — если кто убийцу и заметил, то чем больше времени прошло, тем меньше человек вспомнит и при показаниях запросто запутается, а то и хуже — наболтает с уверенностью чего и не было, а ты гадай...

Взгляд Романа зацепился за растрёпанный рукав. Одна рука убитого на руле, вторая свисает. В первый раз это не привлекло внимания, но сейчас капитан прищурился, даже наклонился ниже и рассмотрел лучше. Рукава у пиджака узкие, легко не закатаешь — порвутся. Вот и пуговичка на манжете отстёгнута... С руки что-то сняли?.. Это был браслет?.. Может часы?..

Ещё минут пять Птачек рассматривал покойного, но больше ничего не заметил. Проверив время, — половина третьего, — он вернулся в коридор и бесшумно, чуть ли не на цыпочках прокрался ко входу в зал. Плач оттуда как лился, так и льётся, разве что стал потише. Кирилл молчит — наверное утомился успокаивать, решил дождаться, когда женщина сама иссякнет. Что ж... Подождёт и Роман.

В заглушающих его шорох рыданиях капитан опёрся спиной о стену, скрестил руки на груди и крепко-крепко задумался, даже большой палец от натужного размышления закусил.

Да-а-а... То, что убийца оставил здесь, в самом деле смахивает на то, что имеется в записях. Это не похоже на разборку на почве страсти. Это не ограбление. Нет никакого взлома. Кстати ключи, которые снаружи в замке — чьи они?.. Убили беднягу ножом, явно одним смертельным точным ударом. Для подобного нужна и выдержка, и привычка... Да, всё указывает на НЕГО... Но пока не стоит принимать эту версию, как единственную, всё-таки есть отличие: труп перетащили из кухни в машину. Стоит ли искать в этом особый смысл?.. Что-то есть в самой машине?.. В гараже?.. Ни в одном эпизоде ещё не упоминалось о таком, везде одно: где жертва встретила поэта... вот, теперь и он привык к этому слову... там и осталась. Либо убита в схватке, либо исподтишка, как тот доходяга, ещё в начале зимы во сне зарезанный. Последнее дело Анисина, кстати... И эта его теория о «грешных» жертвах... Этот однозначный, прямолинейно мотивирующий стих...

Пока капитан рассуждал плачь смолк. Слыша уже не рёв, а скорее тихие поскуливания Птачек приободрился. Оторвавшись от стены и ступая твёрдо, но в тоже время сдержанно он вновь появился в зале. Перехватив взгляд Кирилла Роман многозначительно подмигнул и мотнул подбородком на выход.

В глазах старлея что-то блеснуло, но одобрение или нет — не понять. Кирилл — Роман немного прибалдел, когда увидел — взял женщину за руку и подчёркнуто уважительно, даже галантно произнёс:

— Людмила Рахимовна... Прошу извинить, но мне нужно выйти по делам. С вами посидит мой коллега. Его зовут Роман Павлович, он очень хороший следователь. Постарайтесь, пожалуйста, помочь ему, чем сможете.

Не рыдая в голос, но всё ещё плача, сквозь слёзы и закрытые глаза женщина покивала. Отпустив белую, покрытую веснушками руку Кирилл взглянул на Романа в последний раз и вышел так, будто в самом деле куда-то торопится.

— Здравствуйте, Людмила Рахимовна... — Старясь быть и в голосе и в движениях ровным Роман приземлился на не успевшее ещё остыть место старлея. — Мой коллега меня только что представил... Жаль, что произошло такое горе, что приходится разговаривать с вами при таких обстоятельствах...

Пока Роман говорил, женщина безмолвно плакала и ни на что, кажется, не реагировала.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов... — Глядя на тихо роняющую слёзы и не смотрящую на него гражданку Птачек положил ладони на колени и незаметно вытер их от пота. — Всего два, если быть точным. Об основном вы уже, наверное, со старшим лейтенантом поговорили?..

Не в силах выдать что-то связанное Людмила кивнула.

— Скажите пожалуйста, Людмила Рахимовна... Не могло ли у вашего... Брата, да?.. Не могло ли у него пропасть что-то с руки?..

Женщина прекратила хныкать, сглотнула. На Романа поднялись её красные, блестящие от влаги очи.

— Пропасть? — Она облизала солёные, покрытые слезами губы. — Вы имеете в виду, что у него что-то украли?..

Намекая на неопределённость Роман склонил голову вбок.

— Возможно... Так могли у него взять что-то? Может быть браслет?.. Часы?..

Взгляд Людмилы на мгновение опустился, она поморгала — и тут же уставилась на капитана вновь.

— Часы! У Эммануила на левой руке должны быть часы! Я сама... — её снова начал корёжить, — я сама их ему дарила...

Стремясь предотвратить новые рыдания Роман, точно зеркала её вдруг вспыхнувшее удивление, повысил голос:

— Часы?! Вы уверены?!

Немного опешивши женщина вытерла белыми запястьями под широко раскрытыми теперь глазами и с готовностью закачала головой.

— Да! Они такие, ну... мужские такие, красивые. Там ещё надпись на задней стенке. Что-то вроде «Любимому брату от любящей сестры»... Помню, как заказывала их. В часовой мастерской, в ТЦ на...

Роман слушал её, кивал, а у самого мысль — вот часы-то трофей и есть. Надо будет раздобыть их рисунок или снимок. Что ж, с этим тоже сойдётся... А как насчёт «грешности»?

Зацепившись за часы так, словно они единственное, на чём пойдёт расследование, женщина стала описывать их во всю мощь воображения. Улучив момент, когда она сделала паузу, Птачек прервал:

— Хорошо, с вашим подарком ясно. А вот скажите, Людмила... Чем ваш брат занимался? Где работал? С какими людьми общался?..

Сбитая с мысли женщина снова опешила. На Романа она посмотрела, как ребёнок, которому дали задачку из курса теплодинамики.

— Ну... — Она сглотнула, растерянно поморгала. — Эммануил работает в театре. Он режиссёр-постановщик...

Капитан удивился уже неподдельно.

— В театре?..

Женщина сложила ладони на колени. В её глазах отразилась, должно быть, вся простота мира.

— Да, в театре. А что вас так удивляет?.. В театре имени Яблочкиной. Здесь, на Центральной площади восемь.

Как-то незаметно время перевалило за четверть пятого. Решив заехать в управление попозже Роман распрощался с операми и отправился в театр. Наткнуться на что-то особенное он не надеялся, но всегда, когда можно поговорить с человеком, которому ещё только предстоит услышать нечто плохое до того, как ему об этом скажет кто-то другой — лучше такую возможность не упускать: порасспрашивать неготового к расспросу дорогого стоит.

Рулил капитан уверенно, дорого сама ложилась под колёса. Через два подряд перекрёстка удачно проехал на зелёный. За время, в которое не успел бы выпить и кружку чая, он одолел весь путь.

Красивое, с занесённой снегом крышей и каменным, плавно втекающим в площадь крыльцом перед взором выросло здание театра. Припарковавшись на старом, облюбованном ещё в прошлый раз месте Роман не стал надевать шапку и выбрался на улицу прямо так. Захлопнув машину он заспешил к театру. По дороге поднял воротник, закрылся от кусачего ветра и с досадой выругался: а шапку-то всё-таки надеть стоило.

Выметенное от снега крыльцо простучало под ботинками. С некоторой натугой открылась удерживаемая доводчиком дверь. Миновав кассу Птачек оказался в приёмном зале. Его глаза остановились на гардеробной. С громким вжиком разъехалась на куртке молния. Рука нащупала во внутреннем кармане удостоверение — вдруг понадобится.

Из-за узорчатой решётки на посетителя взглянула гардеробщица. Женщина на шестом десятке, пухленькая, с собранными «беляшом» неестественного красного цвета волосами она, как заметила вошедшего, сразу приготовилась, а когда тот расстегнулся — встала к окошку.

— Добрый день. — Роман сделал вежливый поклон. — Извините за беспокойство. Не могли бы вы сказать, где можно найти директора вашего театра? Как бишь его... запаматовал...

С лицом работницы произошла метаморфоза: только что она готовилась улыбнуться, но вот уже смотрит настороженно, как на попрошайку, вставшего слишком близко к её сумочке. Спросила так, будто не расслышала:

— Валерия Александровича?..

— Ну такой он... — Роман сделал движение рукой у подбородка. — С бородой такой. Брюнет. Могли бы вы подсказать, где я могу его отыскать?..

На капитана уставилась сейчас будто и не гардеробщица, а охранник на заводе, клепающим ядерные ракеты. В её глазах загорелось желание самой спрашивать и получать ответы.

Придав голосу и взгляду проникновенности Роман важно покачал головой и произнёс:

— У меня к нему весьма важный разговор. Пожалуйста... Вы бы мне очень помогли...

Женщина сверлила прощупывающим взглядом. Роман не шевелился, лишь не моргая смотрел в ответ.

— Кажется... — начав она остановилась, но будто уступая, всё-таки сказала: — Кажется я слышала, что Валерий Александрович в буфете. Возможно, что вы найдёте его там...

— Большое спасибо. — С улыбкой благодарности и новым поклоном Роман

отступил. — А буфет где? В той стороне?..

Гардеробщица выглянула, уставилась туда, куда показывают.

— Да. — Она бодро кивнула. — Пройдёте немного по коридору, там как раз и увидите. Он близко. Чувствуете, как даже здесь едой пахнет?

Роман честно принялся. Глядя на гардеробщицу он помотал головой.

— Нет. Ничего не чувствую.

И снова прежняя метаморфоза: вот у женщины лицо простенькое, даже приветливое — и вдруг она хмурится, будто про неё зло сострили. С ноткой категоричности она произнесла, словно саблей махнула:

— Ну, в буфете директора и найдёте! Вам чем-то ещё помочь?..

Капитан Птачек лишь с лёгкой улыбкой вновь помотал головой. Глянув на нужный коридор он зачем-то достал телефон, проверил время — без двадцати пять — и пошёл.

В буфет, как и в актовый зал, тоже ведёт красная ковровая дорожка. Пока шагал Роман с интересом приглядывался — не попадутся ли крошки?.. Одноразовые ложечки для кофе «три в одном»?.. Забавно бы это выглядело... За углом в ближней к улице стене показалась распахнутая двойная дверь. Оттуда слышен говор телевизора — кто-то смотрит новости. Ноздрей коснулся аромат кофе и выпечки. И чего-то приторного, как сладкая вата.

Внезапно порог переступил мужчина в изысканном костюме-тройке. Пиджак, галстук, начищенные до блеска ботинки. Подбородок украшает заметно ухоженная бородка, а карие глаза прямо-таки художественно сочетаются с зачёсанными тёмными волосами. Выйдя из буфета он остановился, его рука полезла в карман пиджака. В холёных пальцах появилась конфета. Развернув обёртку бородач закинул сладость в рот а фантик скомкал — кругляшок из бумаги и фольги полетел в угол, отбился от стены и замер на красном ковре.

Роман сбавил шаг и направился на вышедшего неторопливо, позволяя тому без суеты обратить на себя внимание. Против воли на его лице возникло отвращение: губы так-таки сами скривились, даже зубы обнажили, будто их хозяин начнёт сейчас злобно скалиться и шипеть. А то и лаять! Через усилие Роман заставил себя фантик не замечать, а на лик надел маску выдержанности. То, что кто-то мусорит, где попало — это, конечно, раздражает, но сейчас гораздо важнее донести до человека скорбную весть... и, возможно, узнать от него о что-то важное.

Директор театра оглянулся. Его карие, кажущиеся тёмными, как космос глаза поймали идущего в фокус. В них не отразилось даже вялого интереса. Не дожидаясь, когда к нему подойдут, он поправил пиджак и уже хотел уйти...

— Здравствуйте. — Как бы случайно Роман перегородил дорогу. — Извините за беспокойство... Не вы ли директор этого замечательного заведения?

У мужчины приподнялась бровь. Выражение его вообще стало таким, будто он смотрит на проштрафившегося подчинённого.

— Я... А чем, простите, могу помочь?..

Капитан протянул ладонь и, сохраняя нейтральный тон, произнёс, глядя собеседнику прямо в глаза:

— Меня зовут Роман Птачек. А вас, если не ошибаюсь, Валерий Александрович?.. У меня для вас очень важная новость — дело касается одного из ваших людей. Не могли бы вы найти время для маленького разговора?..

Здороваться директор вовсе не поспешил. Его глаза стали изучать стоящего перед ним, как рентгены. Очень-очень осторожно, на самом крае учтивости он всё-таки ладонь

протянул и даже немножко её сжал.

— Александрович... А что это, простите, за тайны? И насчёт какого из моих людей речь?..

С видом явного неудобства Роман бросил взгляд по сторонам. На директора он взглянул уже просительно, будто с надеждой, что тот поймёт.

— Валерий А... Александрович. Дело очень серьёзное. Не для лишних ушей... Пожалуйста, давайте отойдём куда-нибудь, где нас не услышат.

Теперь уже на лице бородатого ничего, кроме неприязни, не нашёл бы даже и завзятый оптимист. Вернув ладонь так быстро, как это можно сделать, не выказывая спеси, он весь надулся, как павлин, и взглянул теперь свысока. Ответил театральным глазом с чёткостью логопеда:

— Прошу меня извинить, но у меня нет времени на какие-то там ваши... простите, левые разговоры. Если хотите со мной побеседовать, то запишитесь на приём.

И, уже не глядя на оппонента, устремился мимо... как в грудь ему что-то упёрлось. С недовольным изумлением директор обнаружил, что его держит рука, в пальцах которой зажат какой-то документ. Глаза Валерия округлились: он прочёл несколько строк, узнал на фотографии человека перед собой, узнал герб...

— Вынужден вас всё-таки задержать. — Роман взял тон, словно между ними течёт обычная светская болтовня. — Дело очень важное, Валерий... Александрович. Вы уж выкройте минутку из своего плотного графика, постарайтесь.

Лицо бородача исказило двоякое выражение — смесь высокомерия и беспокойства. Взгляд его метнулся с лица нежданного собеседника на удостоверение. Вернулся. Опять метнулся туда-обратно. Роман помалкивал, ждал... Выпрямив спину директор наконец принял вид, словно ему привели аргумент, с которым нельзя не согласиться. Точно гордыня, которая прямо у тебя на глазах надевает маску учтивости.

— Что ж... Если ваше дело действительно такое срочное... — Он кивнул за собой и повернулся к гостю спиной. — Пойдёмте. Тут недалеко есть закуток, там редко кто появляется. Расскажите, зачем пришли...

Выпятив подбородок, с осанкой, которой позавидовал бы и кремлёвский курсант Валерий зашагал прочь. Удостоверение прыгнуло обратно в карман и Птачек с видом скромника поплёлся следом. Шли тихо: ковёр заглушает поступь, тут и взвод солдат прокрадётся неслышанным. Валерий не оборачивался. Роман поглядывал то на его затылок, то за его плечо.

Одна из коридорных дверей открылась. Поправляя на ходу длинные ниже плеч цвета коньяка волосы на пути возникла женщина лет тридцати. Прямо-таки модельно накрашенная, с тонкими изогнутыми бровями, большими глазами и вообще лицом, с которого можно картину писать. Пиджак в полоску подчёркивает стройную фигуру и приподнимает грудь, розовая рубашка расстёгнута на несколько верхних пуговиц. Взгляд, как магнитом, затягивает в этот вырез, заставляет что-то там в глубине искать...

Женщина остановилась. Её глаза примагнитились к директору, потом перескочили на бредущего за ним незнакомца. Снова остановились на директоре. В них прочёлся явный вопрос. Роман заметил, как затылок Валерия чуть скакнул влево-вправо. Тут же потеряв к идущим всякий интерес незнакомка отвернулась и пошла куда-то по своим делам.

Коридор привёл к массивной двойной двери с табличкой: «ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД». И нос ударил запах табака. На глаза Роману попала прозрачная лужица у самого порога.

Растаявший снег...

— Вот. — Остановившись, Валерий развернулся. — Здесь редко кто ходит. Может быть иногда выбегают покурить... — Его взгляд кольнул гостя требовательностью. — А теперь выкладывайте, пожалуйста, зачем пришли. Меня ещё работа ждёт.

— Боюсь, что у меня дурные вести. — Роман полез в карман. — Вам знаком этот человек?

Валерий поглядел на вынутую фотографию, его глаза сузились.

— Разумеется! Это же Эммануил, наш режиссёр постановщик... — Он вдруг понизил голос, нахмурился. — А что такое?.. Мы уже несколько дней с ним не виделись. Что-то случилось?..

Роман снова огляделся, прислушался, нет ли кого вблизи. На директора он поглядел уже с пристальностью охотника. Но в голосе сохранил мягкость.

— Прошу вас, только без нервов... Эммануил убит. Позавчера. Предположительно вечером, в воскресенье.

У Валерия раскрылся рот, как у рыбы, и точно как у рыбы из него не вылетело ни звука. Брови взлетели и упали, как испуганные и подстреленные птицы! Всё напускное слетело с него, точно от ветра пыль. Перед капитаном быстро очутился растерянный, будто грязной палкой по голове ударенный человек.

— Простите, что не могу предложить вам сесть... — Не отрывая от собеседника глаз Роман почесал нос. — Только прошу — без восклицаний. Я вас специально попросил уединиться, чтобы никто нас не услышал лишней.

Валерий всё-таки сумел найти голос:

— Лишний?..

— Да. Не хочу кутерьмы. — Птачек кинул взгляд по сторонам, будто кто-то просто обязан подсматривать или подслушивать. — Всё равно потом все всё узнают, но сейчас мне нужно спокойствие. И мне нужно задать вам кое-какие вопросы...

— Но погодите... — Валерий выглядел всё ещё, будто его холодной водой окатили. — Вы сказали... Эммануила *убили*?..

С терпеливостью детсадовской няни Роман кивнул.

— Да. К сожалению. Кто-то прокрался в его дом и... Его сестра нашла его и позвонила в полицию. Я приехал сюда сразу после осмотра.

— Так вот почему он на звонки не отвечал... — Во взгляде директора что-то поменялось... Уже начиная брать себя в руки он добавил: — Да это же просто кошмарная новость... Люди будут поражены... Но чем же могу помочь вам я?..

Прежде чем ответить Роман подумал. Стараясь быть и открытым, и не сболтнуть лишнего он очень аккуратно заговорил:

— Понимаете ли... Это ещё пока не точно... но есть определённое подозрение, что это убийство — это дело рук... эм... одного маньяка, который уже несколько лет терроризирует этот город... То есть я хотел сказать Тольятти. — Подбирая каждое слово Птачек следил за лицом театрального главы внимательнейше: за его глазами и губами, за малейшей мимикой. — Дело очень серьёзное. Без преувеличения — архиважное...

В памяти Романа всплыла фотография стиха. Какие там строки? «Ты запятнал себя, замарался». Весьма однозначно...

— Может быть вы знаете... — Он не сводил с директора глаз. — Эммануил не был замешан в чём-то... тёмном? Были у него враги? Возможно он во что-то такое ввязался?..

Как по щелчку к Валерию прилипла прежняя спесь. На Романа вновь посмотрел уже не растерянный, но привыкший и себя и других держать человек. С гримасой еле скрываемого отвращения он сжал губы.

— Нет уж, простите... — Он решительно замотал головой. — Чтобы Эммануил, да что-то крутил... В такое поверить никак невозможно! Мои работники, КАК И Я САМ, ничег плохого нигде не совершают! Мои работники, КАК И Я САМ, просто не способны быть и чём-то замешаны!

У Романа появилось желание отойти — настолько от собеседника понесло протестом. Впечатлительный мог бы даже увидеть, как глаза Валерия горят огнём, а изо его рта вырывается пламя! Однако даже и без тени смущения чужой дерзостью уловив момент капитан вставил:

— Позвольте, но я про вас и ваших людей вовсе ни на что и не намекаю, просто по долгу службы я обязан таким интересоваться. Ради дела, разумеется... — Тут, будто что-то вспомнив, он добавил уже более сухим тоном: — И, кстати, насчёт интересов дела... Есть ещё один вопрос. Видите ли... Эммануила убили на кухне, но потом почему-то отволокли в гараж и усадили в машину. Недешёвую, кстати. Я был у него дома, видел — ваш работник жил, это заметно, в достатке, однако машина, на которой он ездил... Такую могут позволить себе только люди с деньгами. То, что несчастного после убийства специально усадили за руль... Что-то в этом кроется. Валерий Александрович... Вы не подскажите, на что тут намёк?..

Если бы директор театра был воздушным шариком — он бы лопнул! Его лицо покраснело, он даже затрясся, будто его ударило электричеством!

— Это что — допрос?! — Валерий не говорил, а точно молотом по наковальне отбивал. — Вы же сами только что сказали, что речь идёт о работе какого-то сумасшедшего! При чём тут цена машины Эммануила?!

На мгновение Валерий примолк, но Роман лишь спокойно следил за ним, как следят за рыкающим в клетке тигром.

— Я и так в шоке от услышанного! — Директор ткнул себя в грудь. — А вы мне такие вопросы бросаете! Да вы понимаете, что это не только чья-то личная трагедия?! Да вы осознаёте, что теперь весь будущий репертуар под угрозой?! Целый сезон! А вы мне тут делаете какие-то грязные намёки!..

Роман молчал. Смотрел на разъярённого он со спокойствием змеи: видал сцены и покруче. Главное тут, чтобы слюнями не обрызгали. А вообще... Конечно этот тип ведёт себя нервно. Но — кто бы на его месте не нервничал?.. Может это просто потрясение смертью человека, которого он знал. А про его надутость — да редко так бывает, чтобы человек при должности, и не надутый. Нет, это пустое. Да и цена авто, если вдуматься — не главное. Главное — убийство. И следы, оставленные на месте этого убийства. А уж чего там мутил-крутил этот их режиссёр, где и как «замарался» — забота десятая. Уж не его, Романа, это забота. Его забота — маньяк.

Выдержка гостя на директора всё-таки подействовала. Весь напор его разбился, как волна о морской утёс. Когда Валерий замолчал, Роман подождал секунд десять и подчёркнуто вежливо, без даже намёка на раздражение попыток:

— Вижу, разговор не клеится. Но ничего, не страшно. Вы, должно быть, потрясены. Я понимаю... Возможно мы поговорим позже, в более мирной обстановке. А пока я с вами прощаюсь. Извините. Дела.

Сделав короткий неспешный поклон капитан Птачек развернулся и зашагал прочь.

Двойное со сливками

Спустя час с небольшим после театра Роман приехал в управление. К немалому его удивлению ни Понятовского, ни Кирилла с Денисом там не оказалось. И что сегодня за день разъездов?.. Оставив дверь кабинета открытой капитан уселся за комп. Но вот уселся и только — канцелярская работа что-то не спорилась. Стоило на этой скуке сосредоточиться... как тут же яркая, словно молния, мысль заставляла вскакивать, хватать изученный на прошлой неделе том и искать ТО САМОЕ убийство, которое, кажется, схоже с нынешним! Роман листал, искал, всё-таки нужный эпизод находил, сравнивал... Раны от ножа, стих, «грешная» жертва... Нет, показалось. Не перетаскивали её, убили дома, в прихожей. Там и оставили. Успокоившись Птачек снова садился за клавиатуру и возвращался к бюрократии... и снова вскакивал, бежал в архив, куда давно уже вернул другого пролистанного «толстяка»! К изумлению сослуживцев усаживался с ним прямо в коридоре на подоконник и листал, листал, листал! Вот оно! Нет... Снова не то. Никаких тебе перетаскиваний. Всё по «классике».

Телефон запиликал особенным, самым неприятным на свете звуком. С разочарованием отложив сшивку капитан достал электронный кирпичик. С его губ сорвался вздох — без десяти семь. Через двадцать минут у дочери заканчивается уроки, а значит пора собираться и ему.

Вернув том в архив Роман сбегал до кабинета, выключил электрику, закрыл дверь на ключ и уже спокойно побрёл на улицу. К большой удаче от управления до двадцать третьей школы за пять минут не то, что доехать, а пешком дойти реально — значит можно не торопиться. Да и погода сегодня чудная: ни ветра, ни снега. Уже не вспомнить, когда в последний раз и была такая.

Прогретый в три минуты старенький «форд» взрыкнул, выбежал со стоянки и помчался по уже хорошо знакомому маршруту.

Когда в привычном месте Птачек свернул со Ставропольской, стрелки на автомобильных часах показали двадцать минут с небольшим. Среди сугробов и фонарей перед машиной выросло занесённое белым здание школы. Большие квадратные окна горят, за стеклом ходят люди, видно подростков. Они носятся, машут руками, друг на друга кричат. Всё больше и больше людей высыпают наружу. «Форд» угодил против потока. Слева и справа потянулись ходоки с портфелями, дипломатами. Даже с пластиковыми пакетами! Заглядевшись на одного такого на вид хулиганистого, несущего фикспрайсовскую «зелёнку» Роман вспомнил, как и сам умудрился в седьмом ранец разодрать и целых два месяца щеголял также. Только таскал он не пластик, а вязанку.

Автомобиль аккуратно славировал мимо шатающихся. Роман высматривал любимое парковочное место и в тоже время из его головы всё никак не выветривались сегодняшние события: ещё не переваренные, не обдуманые они повторялись в воображении виденными сценами, заставляли вспоминать то или иное. Убитый режиссёр. Его заплаканная сестра. Напыщенный директор театра. Встретившаяся тогда в коридоре красивая женщина... И неизвестный, таящийся в тених убийца.

Нет, пора это оставить. На сегодня хватит, не сейчас. Надо отвезти дочь домой, лечь и отдохнуть. А там, может, голова и сама до чего-то додумается.

В размышлениях Птачек не заметил, как припарковался, где обычно. Привычка

управляла его телом, пока голова судила о своём. Уже насильно прогоняя настырные, всё никак не унимающиеся думы он положил запястья на руль и поднял глаза туда, где всегда дочь ждёт его... В мгновение Роман напрягся, с шумом втянул ноздрями воздух и уловил, как нервно дрогнуло сердце...

Неподвижные среди растворяющейся толпы, одна во всём белом, вторая в тёмно-синем и чёрном на крыльце школы стоят и улыбаются друг другу две девочки. Настя спрятала волосы под шапкой, однако они всё равно выбиваются и как бы очерчивают своей смоляной чернотой её белое смеющееся лицо. На Даше высокая чёрная меховая шапка. Можно запросто представить такую на голове какой-нибудь дворянки или боярыни в петровские или екатерининские времена. Дочкина одноклассница сверкает жемчужной улыбкой. Девочки о чём-то шутят, смеются.

Ладонь замерла над клаксоном: Роман посмотрел на свою руку, как на чужую — неужели он хотел просто посигналить?.. Нет, он должен выйти. Выйти, подойти и поздороваться. Так будет учтиво...

Словно по какой-то магии став нарочито неторопливым капитан распахнул дверь... и выбрался наружу. Холодный ветерок тут же погладил по голове, а утопанный снег заскрипел под подошвами. Негромко хлопнув дверью капитан Птачек выпрямил спину и прогулочной походкой побрёл к школьному крыльцу. Его лицо, его движения, его голос, хоть он и не заметил этого, изменились. Опытный глаз углядел бы сейчас вокруг этого человека ауру торжественности.

Пройдя сквозь шатающихся юнцов, как слон сквозь камыш, Роман вырос перед девочками.

— А я ему и говорю... — Настя жмурится, отчаянно хохочет и силится через смех выговорить: — Говорю ему... вот... представляешь... Говорю — на вот, сам это ешь!

Если Даша и хотела расхохотаться, то сдержалась. Заметив приближающегося отца подруги она лишь скромно растянула губы. В её обращённом к однокласснице взгляде мелькнул намёк.

Настя оглянулась, её глаза округлились.

— Па-ап! Ой! А я тебя и не заметила...

— Роман Павлович... — Даша опустила пышные ресницы и чуть поклонилась.

— Привет, девочки. — Роман по очереди взглянул на каждую. — Кого обсуждаете? Кому перемываете косточки?

Настя кинула на подругу хитрый, многозначительный взгляд. Опустив перед отцом глаза она поскребла влево-вправо обутым в тёплое носочком.

— Да так, никому... — И вдруг резко подняла лицо и уставилась на родителя весело и даже с вызовом. — Ну что, пап?! Поехали?!

— Конечно поехали! — Роман чуть улыбнулся, правда, вышло это как-то неестественно. — Садимся! Экипаж готов...

С полной сердечности улыбкой Настя обратилась к подруге. В белой перчатке, её ладонь поднялась в прощании.

— Ну счастливо! Завтра увидимся!

Тонкая, нежно-персиковая ладошка Даши приподнялась в ответ. Как и Роман, девушка улыбнулась легко, одними уголками уст. И тоже как-то... не так.

— До завтра. — Она выразительно моргнула. — Увидимся...

Развернувшись, Настя сделала шаг. Второй. Вот уже прошла мимо... Романа же будто

паралич сковал. Зная, что должен двигаться, идти и садиться в машину он и пошевелиться не смог. Внезапно он обнаружил, что точно также стоит и не двигается, глядя куда-то мимо него, Даша.

— Даш... — Он произнёс это имя с таким нешуточным завуалированным волнением, что если бы кто-то догадался, капитан, наверное, умер бы со стыда. — А ты не хочешь, как тогда, проехаться?.. Мы могли бы подвезти тебя до дома. Мне не сложно...

Сказав это Птачек, словно выпивший яду, затаил дыхание. У него возникло острое, просто как зубная боль звенящее ощущение, что от ответа зависит — отравлен он или спасён.

Шаги за спиной остановились. Вернулись. Дочь вновь появилась сбоку. С облегчением капитан не заметил на её лице ни подозрительности, ни протеста.

— А действительно, Даш! — Настя мотнула белой шапкой за спину. — Поехали с нами! Чего тебе автобуса-то ждать?!

Роман сглотнул. Внешне выказывая полное спокойствие, у него не проходило чувство, что внутренне ему приходится стискивать себя в кулаке, и если он не будет, то, наверное, от переживания начнёт заикаться.

И что на него опять нашло?..

Несколько мгновений Даша искала взглядом что-то у своих сапог. Даже плечами, будто смущённая, крутила. Подняв лицо она взглянула на подругу с душевной, тёплой улыбкой... Правда, когда её взор коснулся Романа, в этой улыбке нечто поменялось. Это было... Роман сказал бы, что так улыбается женщина, которой сделали комплимент.

Весело, как птичка, Даша чирикнула:

— А почему бы и нет? Пойдёмте!

И оживлённо, чуть ли не в припрыжку пробежала мимо мужчины к подруге. Плечом к плечу девочки тут же зашагали к авто.

Выдохнув, словно сапёр после сложной операции, Птачек последовал за ними.

Обойдя «форд» с двух сторон школьницы распахнули двери и устроились на заднем сиденье. Роман чуть припоздал. Не глядя на девочек он открыл дверь и плюхнулся к себе. Правая как-то сама потянулась к зеркалу заднего вида. Выправив угол так, чтобы вместе с дорогой видеть ещё и Дашу, Роман вдруг понял, что это было единственное, зачем он вообще до зеркала дотронулся. Рассерженный своей какой-то мальчишеской глупостью он сдвинул брови и бросил через плечо:

— Пристегнитесь! Выезжаем.

В уже почти полностью разошедшейся толпе машина взрыкнула и покатила обратно на Ставропольскую...

...От школы до дома, как и от службы до школы — сущий пустяк, но по вечерам иногда пути оказываются заторены. Пять минут назад съезжал Роман с дороги почти пустой, а вернулся на неё уже еле вклинившись меж двух «лад». С работы что ли все поехали, или там дальше «поцеловался» кто?..

Девочки сзади заболтали о своём. Капитан и не вслушивался, сосредоточился на вождении.

Настя:

— Физрук вообще такой дурак! Ты слышала, чего он Макаровой сказал? Я с него просто в шоке...

Даша:

— Да. Это он конечно перегнул...

Настя:

— А Дима! Ты видела, как он с козла упал? Я так испугалась! Думала он руку себе сломал!

Даша:

— Диме лучше вообще про спорт забыть. С его то брюхом...

Настя:

— А вот...

Взгляд бродит за стеклом, тело управляет машиной на автомате. То останавливаясь, то подкрадываясь «форд» ползёт в общем потоке. Перекрёсток близится медленно, а ведь до него доехать — и до дома в минуту домчишься!

В какой-то момент Роман покосился на зеркало — не слишком ли «лада» сзади подпирает?.. Взгляд мазнул по преследующей машине с недовольством: чересчур уж жмёт; случись чего — обязательно стукнется. Может посигналить?..

В зеркале мелькнул каштан волос. Роман невольно залюбовался, его взгляд задержался на юном лице их хозяйки. Даша перешучивается с Настей, её розовые губы растянуты в улыбке... Пальцы сжали руль крепче, дыхание сбилось. Роман приказал себе отвернуться, не смотреть! И сам же себе не подчинился... Сложно, просто неодолимо сложно оторваться от созерцания этой девушки. Так сложно, как никогда ещё в жизни не было. Дашино личико — это совершеннейший баланс красоты, милости и подчёркнутой се... Птачек сжал зубы. Третий эпитет он не посмел произнести даже мысленно! И всё же взор его никак не отрывался от её отражения. Эти её прекрасные, стройные черты... изящный подбородок, слегка румяные щёки; тонкие изогнутые брови; лоб плавно переходит в небольшой точёный нос, а её глаза...

В уши ворвался противный, отрезвляющий сигнал! Преследующая «лада» подобралась вплотную и остановилась от «форда» на расстоянии, наверное, меньше пальца! Еле сохраняя лицо Роман взглянул на дорогу перед собой — пустая... Какой же он дурак! Просто теряющий голову наивный глупец! Злой на себя капитан Птачек выжал газ и дальше смотрел уже только на трассу.

К Советской семьдесят четыре домчались уже без задержек. Роман включил поворотники, выкрутил руль. Но только «форд» заехал во двор, как сзади взорвалось протестующе:

— Па-ап! А почему мы снова привозим меня первую?!

Сохраняя молчание Роман до родного теперь подъезда всё-таки докатил. Взглянув в зеркало — не перегородил ли кому дорогу — он убрал руки с руля. Медленно, устало капитан повернулся к дочери и взглянул на неё, как он счёл, со всей заботой.

— Насть... Тебе ведь ещё уроки делать. А время уже позднее.

Глаза дочери округлились, словно её ущипнули.

— Пап! Я тоже с Дашей хочу поехать! Тоже хочу посмотреть, где она живёт! Я там ещё не была!

Стараясь взглядом дочкину одноклассницу избегать, Роман поглядел на своего ребёнка уже требовательно.

— Настенька... Доченька... Но ведь действительно уже поздно. Ты с утра до обеда спишь, я же знаю. Ничего ведь без меня не сделаешь, даже тетрадки из портфеля не вытащишь. Да и мы уже заехали сюда. Просто так, что ли?.. Давай, милая, выходи.

— Но папа!..

Роман не выдержал.

— Не спорь с отцом! Да и зачем тебе с нами ехать?! Мы не на каток! — И, тут же сам устыдившись гневной вспышки, мирно добавил: — Я сейчас твою подружку до дома доведу и быстренько вернусь. Ничего там интересного не имеется. Хрущёвки и сугробы одни, как и везде.

Дочь нахмурилась. Её гладкий, абсолютно ровный лобик взбороздили морщины. Настя даже губы надула и руки на груд скрестила. И демонстративно отвернулась. Роману захотелось устало вздохнуть, но он сдержался. Вместо этого подпустил в голос мёда:

— Милая... ну не тяни. Если хочешь — в следующий раз туда съездим. Обещаю. Ну запланировал я уже так. Не люблю от планов своих отступать, ты же знаешь. И кстати... Я пока туда-обратно — как раз полчаса пройдёт. Приготовь нам что-нибудь покушать. Омлет например. До-о-оча...

Настя вернулась вспять; Романа обжёг её раздражённый, но, к счастью, не НА САМОМ ДЕЛЕ раздражённый взгляд.

— Ладно... — Она недовольно скривила губы, а её тон уколел, как жало. — Так уж и быть... послушаюсь тебя... пока!..

Обращаясь к подружке она заговорила уже другим, гораздо более приятным голосом:

— Счастливо, Даш! До завтра!

— До завтра! — Квинтэссенция всех мыслимых представлений о привлекательности растянула губы и подалась вперёд — девочки тесно обнялись. — Счастливо!

По-хулигански показав отцу язык Настя открыла дверь и вышла. С улыбкой помахав тоже машущей ей однокласснице она, как рапирой, кольнула Романа крайне укоряющим взглядом... и зашагала прочь.

Когда подъездная дверь за ней закрылась капитан Птачек шумно вздохнул. Мысленно приказав себе девушку на заднем сиденье не замечать — вообще делать вид, что её нет! — он уже приготовился ехать... как его остановили мягкие, полные приятных высоких ноток слова:

— Вы так за свою дочь переживаете, Роман Павлович... Жалко, что она этого не видит.

В зеркало таки снова глянув Роман наткнулся там на прямой, но странно тёплый, будто обволакивающий Дашин взор.

— Ну, может быть однажды заметит... — Он пожал плечами... и в тот же момент, решив всё же придерживаться плана по её игнорированию, сказал, как отрезал: — Поехали! Время уже позднее. Тебе, наверное, не меньше ведь домой-то охота, да?

И, не дожидаясь ответа, выжал газ!

Взрыкнув, «форд» понёсся дальше, обогнул дом с другого угла и вернулся на Советскую. Завернув налево машина в ту же минуту оказалась на перекрёстке с Мира. Не пришлось даже вспоминать направление — оно само нарисовалось в памяти. Сейчас по этой дороге вперёд, там на перекрёстке на Победы и дальше, дальше... А там и тринадцатый дом. Высадит эту... и поедет обратно. И — всё. Конец глупостям.

Мысль, однако, как на патоке на Даше предательски забуксовала и Роман, пусть и машинально, но опять в зеркало посмотрел. Глядел всего секунду и, про себя чертыхнувшись, поспешно глаза опустил... но всё-таки снова поднял. Взор его залип на юном грустном лице: Даша развернулась к окну и смотрит в него как-то печально; только две минуты назад лицо её алело румянцем, но вот уже оно тоскливое, как у человека,

безвозвратно потерявшего что-то хорошее.

Вернувшись взором на дорогу Роман ещё раз приказал себе больше на девчонку не смотреть. «Форд» ускорился, обогнал зазевавшегося «пежо» и удачно проскочил двойной перекрёсток на Жилина, поймав пять последних «зелёных» секунд.

Не желая униматься мысль перескочила на двадцать минут назад. В памяти всплыл яркий образ: Настя с Дашей стоят на крыльце школы, шутят друг с другом, смеются. Дочь улыбается однокласснице, та улыбается в ответ... И снова Роман поднял взгляд к зеркалу — Даша отличается от запомнившегося ему, как чёрное от белого. Девушка смотрит в окно машины, как кто-то бы смотрел в окно поезда, оставляя родину навсегда... Или просто всё дело в том, что она сама по себе харизматична и, глядя на неё, можно с эмоцией вообразить всё, что угодно?..

Роман не смог бы описать, что в этот миг тронуло его сердце. Даже в очередной раз сказал бы, что это что-то глупое, ребяческое; недостойное разумного человека... И всё же он испытал это так-же плотно, как если бы это было прикосновением: Даша смеялась с его дочерью, а с ним перестала; улыбалась с Настей, а с ним нет. Может она и чтобы её подвезли согласилась из вежливости?.. Роман почувствовал себя горько задетым.

Взор его снова поймал отражение девушки. Взяв спокойно-бодрый тон, Пгачек спросил: — Чего грустишь, Даш? Плохое настроение?..

На миг лица дочкиной одноклассницы коснулось странное выражение — или это показалось?.. Посмотрев в зеркало Даша перехватила мужской взгляд... и виновато улыбнулась.

— Да всё в порядке, Роман Павлович. Только... — Она сжала губы. — Нет. Всё в порядке.

Её глаза вернулись к окну, Роман же ощутил себя рыбой, заглотившей крючок; понимающей это, но слишком голодной, чтобы отказаться, рыбой. Следующие слова вырвались из него сейчас же:

— А как, Даш, твоя мама? Что с ней?..

И как только Роман последним поинтересовался — так в туже секунду собственный вопрос показался ему отвратительным! Последовательным, однако гадким, словно он не имеет на него права... И в тоже время всё-таки логично задать его.

На секунду мимика девушки исказилась: она будто этой фразы ждала. Её глаза оторвались от окна, посмотрели на мужское отражение... и снова вернулись к улице. Ответила она со вздохом:

— Да вроде ничего...

И вдруг бодро, с энергией в голосе, с огнём в снова обращённых к нему глазах произнесла:

— Спасибо вам конечно за беспокойство, Роман Павлович! Но... не могла бы я вас кое о чём попросить?..

Роман напрягся, его пальцы сжали руль до скрипа. Он осторожно поинтересовался:

— О чём?..

И в ту же секунду как по нажатию кнопки Даша вдруг опять погасла. Вот только она пылала, её глаза светились... но вот она снова мнётся, кусает губы. Взгляда, однако, не отводит...

— Роман Павлович... — Она сделала паузу. — А вы не могли бы... Не могли бы вы домой меня не везти?..

У Романа аж зубы стиснулись, да так, что, наверное, хрустнули! Расслабляя себя принудительно, изо всех потуг силясь сохранить лицо капитан Птачек уточнил:

— Не понял тебя, Дашенька — что ты имеешь ввиду?..

Девушка отвела глаза, её взор вернулся к окну. И лицо, и тон её опять погрузнели.

— Понимаете, Роман Павлович... Дома у меня такая жуткая мрачность... Мамы нет, никого нет. Как бы вам сказать... — Она вновь нашла его глаза в отражении. — Не хочу я домой. Не хочу. Мне там грустно... — И вдруг, прямо-таки поражая переменчивостью Даша снова загорелась! В её голосе и взгляде опять засверкали молнии! — Роман Павлович! А вы не могли бы со мной погулять?! Просто вместе походить по улице... Вы бы сделали мне большое одолжение, Роман Павлович!..

Птачеку показалось, что его ударило током! Такое невинное, такое бесхитростное... предложение погулять заставило его сердце забарабанить отбойным молотом! Огромных, просто титанических натуг стоило удержаться, не поднять брови, не раскрыть рта, не вздохнуть взволнованно! Но длилось это недолго. Не успел бы капитан сосчитать и до пяти, как его повело уже что-то, обладающее своим глубинным разумом: будто и не он руководил собой, а тело само решало, как лучше. Словно каждый день по сто раз слышит такие предложения Роман спокойно поглядел налево — сквозь вечернюю темень и лучи фонарей за стеклом виднеется широченный тротуар. Вот мимо промчалась автобусная остановка. Чуть дальше вглубь дерева. Множество их. В снежных одеждах, в больших белых шапках деревянные стражи охраняют прогулочные дорожки. Они сейчас едут по Мира и значит это... Центральный Парк.

— Ну, тебя несложно понять...

К собственному удивлению Роман не услышал в своём голосе и намёка на переживания. Его взгляд скакнул направо — там мимо плывут горящие окна жилых домов; вот побежали какие-то навесы, ларьки... В одном самом приглядном свет, у кассы собираются на выход посетители.

— В принципе — почему бы и нет?.. Можно и пройтись. Время-то терпит...

Сбавляя помалу и ища место для въезда Роман полагал, что Даша скажет что-то ещё. Так и не дождавшись он опять взглянул в зеркало — и внутри вновь ёкнуло: без тени прежней грусти эта восхитительная девушка смотрит на него из отражения глазами, которыми ребёнок смотрит на родителя, подарившего ему котёнка или щенка; на розовых губах угадывается тёплый благодарный изгиб.

Покряхтев, прочистив вдруг запершившее горло капитан Птачек вернул взор на дорогу. Словно ни к кому конкретно не обращаясь он сказал:

— Я там парк слева видел. Если правильно помню, это Центральный. Можем, если хочешь, там погулять...

Звонкий девичий возглас:

— Согласна!

— Припаркуемся где-нибудь здесь... — Роман выкрутил руль, машина медленно потащила мимо ларьков и дальше, к заметной автостоянке. — Выйдем. А вон там дорогу перебежим.

— Командуйте, Роман Павлович! — Тон Даши хлестнул... словно щёлоковая плётка. — А я просто буду при вас!

Старенький «форд» заехал на парковку. Миновав несколько ряд стоящих «газелей» машина втиснулась между какой-то бедной, похороненной под горой давнишнего снега

колымагой и светлым внедорожником, имеющим такой пошарпанный вид, словно на нём возят картошку. Роман заглушил мотор... но дверь открывать не стал. Уже минуту или две ему хотелось сказать кое-что, но то ли стеснялся, то ли ждал удобного момента. Набравшись духу он повернулся к девушке всем корпусом, а та с готовностью приветливо уставилась на него: выбираться на улицу она тоже, похоже, не спешила.

— Дашенька... Кхм-кхм... — В горле снова предательски запершило. — Раз у нас тут такой вечер просьб, то и я хочу тебя кое о чём попросить... — Роман постарался выглядеть серьёзно, без тени кокетства; Даша же смотрела на него благодушно, во все глаза. — Ты не могла бы... м-м-м... не называть меня по отчеству?.. А то ты уж слишком зачастила. Павлович то, Павлович сё... — Глядя на девушку капитан Птачек покачал головой. — Я уже прям каким-то стариком себя чувствую...

Он ждал, что Даша что-нибудь ответит, но та вовсе не торопилась. Роман смотрел в её глаза, она смотрела в его... Они будто играли в некие гляделки, правила которых — загадка. Девичьи губы замерил в улыбке, сапфировые глаза лучатся каким-то лукавством, будто ведают что-то тайное... Роман вдруг почувствовал, что у него горят щёки! Пылает всё лицо! Он краснеет! Он отлично знает это состояние с детства: тогда он признался в любви девочке с параллельного класса. Хохотали все! Он прекрасно это сжигающее чувство запомнил и сейчас поклялся бы, что кончики его ушей светятся, как раскалённое железо! Хоть в машине и полутень, но неужели ей это видно?.. Какой же стыд...

Будто решив в конце концов эту пытку остановить Даша вдруг звонко согласилась:

— Ох, а я и не подумала... Конечно, Роман! Павлович... — Словно споткнувшись, она сделала лицо задумчивым-задумчивым. — Но как-же мне вас называть тогда?..

В злости на себя за нестойкость Роман, наверное, и стальной бы прут сейчас перекусил! Но ведь девушка не виновата, она ведь не понимает. Откуда ей такое разуметь, верно?.. Раздражение заставило не искать умных ответов и Птачек ответил простецки:

— Да зови просто Романом! Или дядей Ромой. Только пожалуйста — не по отчеству.

— Дядей Ромой?.. — Даша приложила палец к губам, её глаза взглянули на мужчину оценивающе... и нахмурились. — Фу-у-у! Нет, куда?! Вам не идёт! — Она снова улыбнулась. — Буду звать вас Романом. Раз уж вы так настаиваете...

— Пойдём. — Желая прекратить щекотливую тему Птачек отвернулся; его пятерня легла на ручку двери. — Подышим свежим воздухом.

И, по привычке не дождавшись ответа, из машины вылез.

Лицо сразу лизнуло холодом, стеснительная жгучесть на щеках мигом пропала. Роман вздохнул полной грудью, его взор прошёлся по как одеялом укрытому темнотой вечернему городу: впереди по дороге носятся машины, дальше через неё темнеет парк; вблизи парковки остановка, а рядом то ли чебуречная, то ли кофейня — невысокое жёлтое строение с большим, изображающим шаурму баннером над входом. Чуть дальше пешеходка.

Даша выбралась следом и с еле слышным хлопком за собой закрыла. В высокой чёрной меховой шапке, с ниспадающими на пушистый воротник тёмно-синего пальто каштановыми локонами, с выделяющимся на всём этом фоне белым лицом и в сапогах почти до колен она вновь стала похожа на барыню. Не хватает только муфты — образ был бы, как с картины старых мастеров.

— Ну что, Роман — пойдёмте? — Дочкина одноклассница улыбнулась, её длинные ресницы запорхали, как крылья бабочки.

Вместо ответа капитан просто кивнул, а пульт в его руке заставил машину подмигнуть.

Повернувшись к жёлтой забегаловке он сделал два неторопливых шага... и остановился.

— Даш... — Он оглянулся. — А ты, случаем, кофе не хочешь?..

В несколько быстрых шагов девушка поравнялась с мужчиной. Встав к его плечу она будто заинтригованно уставилась на Романа снизу вверх.

— Кофе?.. Хочу!

— Я тоже. — Роман сунул начавшие уже мёрзнуть ладони в карманы и продолжил шаг. — Пойдём. Вон в том ларьке и купим.

Двигаясь помаленьку, позволяя Даше идти рядом легко, а не догонять Роман глядел строго на жёлтое. Забегаловка приблизилась и над мужчиной с девушкой нависла огромная шаурма. Взяв ручку за самый кончик Роман опустил её и потянул — дверь распахнулась, в лицо тут же ударило тёплым и чего-то печёным. Войдя внутрь капитан оказался перед двумя большими красными холодильниками «Coca-Cola». Справа от них прилавок, а ещё правее другие холодильники, до пояса. Через стеклянные крышки там видится всякое.

За кассой парнишка лет девятнадцати. Удивительно худой — про такого и не скажешь, что на своей кухарской работе вообще что-то кушает. Черноволосый, высокий. В белой специальной шапочке и таком же фартуке. На Романа он посмотрел с отработанным вежливым ожиданием... но когда зашла Даша, его отрепетированная маска слетела, точно сквозняком унесённая! Даша переступила порог и остановилась, точно не решаясь идти дальше. На продавца она глянула мельком, её взгляд сразу же заскользил дальше по помещению. Остановившись глазами на отце одноклассницы школьница приподняла кончики губ, скрестила руки у живота и стала ждать.

Будто отыскав что-то заманчивое в холодильнике справа Роман задумчиво потёр челюсть, пригляделся к мороженной пицце... на самом же деле с любопытством покосился на мальчишку: увидеть на чужом лице то, что творится на твоём, когда ты испытываешь нечто, что тяжело скрыть — разве можно от подобного удержаться?.. Когда вошла Даша — у парня чуть челюсть не отвисла; его глаза полезли из орбит и на мгновение он даже забыл дышать! Спроси его, что у них почём, и он, глупо моргая, ответил бы: «Чего?.. У кого?..»

Неужели и Роман, когда смотрит на Дашу, выглядит так же?.. Неужели и у него такой же возбуждённый, прямо-таки алчущий взгляд?.. Такое же глупое лицо?.. Такая же склонность через каждое несколько мгновений сглатывать, словно перед носом вкуснейшее на свете лакомство?.. Продолжая присматриваться к пицце капитан Птачек с сожалением вздохнул: он должен быть к себе внимательнее. И строже. Или он себя выдаст и тога снова, как в детстве, придётся краснеть. Только сейчас это обойдётся дороже, чем всего лишь смехом одноклассников.

Будто потеряв интерес к пицце Роман выпрямился, повернулся голову к продавцу и спросил:

— А кофе вы продаёте?

Как от взрыва петарды парень вдруг вздрогнул и спохватился, что в помещении вообще-то есть кто-то ещё. Его худое лицо повернулось, он облизал пересохшие губы и кивнул.

— Да, конечно. Вот... — Худой длинный палец указал на чёрную табличку с витиеватыми белыми надписями. — Выбирайте, какой хотите.

Роман подступил и внимательно взгляделся в меню.

— Глясе... Капучино... Американо... Простите, — он поднял глаза, — а вы не могли бы мне сделать просто двойной со сливками? Как это сейчас называется по-модному?..

— По-модному?.. — Парень с пониманием улыбнулся и хмыкнул. — Да, конечно.

Сделаем. А... эм... вашей... — Пытаясь заглянуть Птачеку через плечо он аж привстал...

— Дащ, — Роман облокотился о прилавок и сам оглянулся, — чего бы ты хотела?..

Продолжая держать уголки губ приподнятыми школьница ответила без раздумий:

— Того же, что и вы, Роман... м... кхм.

Сбившись, девушка будто немного смутилась и увела взгляд куда-то в сторону и в потолок. Ухмылочка на её устах, впрочем, стала ещё выпуклее.

— Два двойных со сливками. — Роман повернулся обратно. — И покрепче пожалуйста. И сахару побольше. Если надо я доплачу.

— Сейчас всё организуем! — Снова отыскав свою отрепетировано-вежливую маску продавец отошёл и бодро направился к кофеварке, спрятанной, оказывается, за вторым красным холодильником. — Две минуты!

Роман проследил за ним и даже, пока тот не видит, перевесился через прилавок и заглянул чуть глубже — чего там, интересно, делается?.. Конечно, когда для тебя готовят, процесс хочется непосредственно видеть, а не гадать, чего там шаманят втайне от твоих глаз.

Негромко и приятно зажужжала кофеварка. До носа долетел крепкий ароматный запах. Слышно работу человека, видно его обвязанную белым фартучным поясом спину.

Предлагать только кофе вдруг показалось какой-то жадностью. Оглянувшись Роман уточнил:

— Хочешь, Дащ, чего-нибудь ещё? Может булочку?..

В ответном ему девичьем взгляде будто мелькнула, как метеор в черноте космоса, искра. С тёплой, словно бы ещё более ласковой улыбкой Даша опустила ресницы и помотала головой.

Вернувшись к ней спиной Роман опёрся на прилавок уже в два локтя и стал читать кофейное меню. Потом разглядывал всё, что попадалось на глаза. Когда же буфетчик с подносом наконец-то появился Птачек тихо выдохнул. Его рука полезла за кошельком.

— Вот, пожалуйста. — Парень учтиво поставил поднос на прилавок. — И, если можно, без сдачи. Если получится.

Расплатившись, Роман взял коричневые, закрытые непроливайными крышечками стаканчики. Кожу приятно ожгло, кисти ощутили такой ценный на холоде вес. Сделав шаг к выходу он остановился напротив Даши. Затылком Роман почувствовал, как паренёк прямо-таки сверлит глазами его спину, стараясь увидеть за ней девушку.

— Держи. — Он протянул Даше стакан. — Осторожно, горячий.

Девичье лицо озарилось задором, а её ответ прозвучал, как вызов:

— А я горячего не боюсь! — С бойкой улыбкой девчонка кофе приняла. Её тонкие, но удивительно тёплые пальчики куснулись мужских. — Я даже люблю погорячее! Холодными чай и кофе вообще не пью.

Обернувшись, Роман бросил: — «Спасибо!» и, придерживая для спутницы, вышел на улицу. Коснувшись полными розовыми губами мундштука Даша запрокинула голову и сделала глоток. На спутника она посмотрела ожидающе.

— Ну что?.. Идёмте?..

Роман и сам отпил, распробовал на вкус — ну вроде бы не законченная гадость...

— Пошли. — Глазами он уже поймал тот самый пешеходный переход. — Вон там дорогу перейдём.

На морозе горячий стакан заставляет воздух плясать маревом. Взяв его в правую Птачек встал так, чтобы Даша пошла слева и только потом двинулся. Краем глаза он заметил, что

девушка и кофе переняла в левую, но значения этому не придал.

Шум автомобилей ворвался в уши, как дерзкий преступник в банк. Машины несутся друг за другом, никто на пешеходов и глазом не поведёт. Когда до зебры осталось всего шага два Даша неожиданно выбилась вперёд... Едущая слева машина завизжала резиной! У водителя выпучились глаза! Он весь вытянулся, даже зубы показал, как конь! Роман сразу же эту позу узнал — так жмут на тормоз, молясь избежать страшного... И снова что-то глубинное подействовало в нём раньше сознательного: резко девушку нагнав он схватил её за руку и крепко сжал! Дёрнув Дашу на себя он точно с вызовом взгляделся в её растерянные глаза... а потом в проносающегося мимо, в жутких, но не слышных матах разевающего рот лихача. Машина унеслась. Мужчина с девушкой остались у зебры.

Жутко захотелось повысить голос! Накричать, укорить! Но вместо этого Роман почему-то только спросил:

— Сильно испугалась?..

Даша опустила взгляд... но когда осознала, что её не ругают, настороженно подняла.

— Простите... Я как-то задумалась. Понимаете... здесь же всё-таки пешеходка...

Роман выпрямился, с шумом выдохнул. Проверив, не оплескался ли, он ещё раз со сдерживаемой претензией поглядел на не сводящую с него больших взволнованных глаз виновницу... и просто мотнул головой.

— Ладно, пойдём. С кем не бывает?..

Опустив взор девушка кротко последовала рядом.

Сейчас уже машины останавливались заранее. Не медля, но и не торопясь парочка перебралась через дорогу. Когда же оказались на другой стороне и уже немного отошли Роман понял, что у него в левой пятерне что-то непривычное... что-то такое тёплое, мягкое и очень приятное — он, оказывается, всё ещё держит Дашину ладошку... Свою вмиг будто током шибануло! Сердце заметалось, как птица в клетке! С тут же участившимся дыханием Роман со страхом представил, как его пальцы потеют, становятся липкими — и выдают его со всеми потрохами!

— Всё. — Сдавленно сглотнув, он девичью ладошку отпустил и посмотрел на её хозяйку серьёзно и требовательно. — Перешли. Даша, пожалуйста... не заставляй за тебя волноваться. И так всяких беспокойств хватает.

Пряча смущённый взгляд где-то у подошв школьница ответила куда-то себе в вырез, от чего голос её послышался глухим:

— Простите... Не буду...

Роман глубоко вздохнул, огляделся. Они оказались в месте, где парк только начинается. Чтобы в него войти, нужно прошествовать под высокой кирпичной аркой. Слева и справа от неё бежит верхушка погребённого под снегом забора. Если через него перемахнуть, то дальше встретишь деревья — великаны и карлики бок о бок. Старые и молодые, облезлые и с пышными, покрытыми снегом кронами. По ближнюю от забора сторону ползёт протоптанная дорожка; по ней плечом к плечу могли бы пройти двое...

Полу-размышляя, полу-предлагая капитан Птачек произнёс:

— Может не стоит нам в сам парк заходить?.. Можем по этой вот тропинке прогуляться?..

Даша проследила за его взглядом, пожала плечами.

— Почему бы и нет?.. Пойдёмте.

И первая сделала шаг. Маленький, но демонстративный. Ещё один. Ещё. Роман ощутил

себя бычком, ведомым за верёвочку. Когда «верёвочка» натянулась его будто подтолкнуло. Мигом нагнав спутницу Роман поравнялся с ней и они плечом к плечу неспешно побрели по утрамбованному пласту.

Близость парка как-то сразу придала чувство некоего спокойствия и даже отстранённости. Вот ты был в городе, а вот уже как будто на природе. Ветерок немножко шумит. Снежок под ногами похрустывает. Подними к небу или опусти в землю глаза, скрести руки за спиной и иди, задумавшись о высоком. Отдыхай...

Роман с Дашей и шли. Капитан смотрел вперёд, девушка куда-то вверх, точно разглядывала звёзды или верхушки деревьев. Попивая временами кофе они обращали взгляды на стаканы, но дальше их взоры не уходили и друг с другом не пересекались. Вот так, лоя щеками морозный воздух и думая каждый о своём они и прошли шагов сотню или больше — пока их мягкое опьянение не сбил случай.

Держась за руки, громко смеясь и во весь рот улыбаясь навстречу вышла парочка, молодые парень с девушкой. Одеты во всё спортивное, таких запросто можно представить на лыжах. Появившись будто из неоткуда они оказались от Романа с Дашей всего в нескольких шагах! Неужели те настолько витали в облаках, что не заметили их подхода?.. Смеясь над какой-то известной только им шуткой влюблённые стали забирать вправо. Роман сделал шагок в сторону, но Даша растерялась; она смотрела на идущих и незадачливо моргала, точно не могла понять, что же ей делать. Роману захотелось снова взять её за ладонь, потянуть на себя... но он сдержался: если бы они... если бы она ему была... Это просто уже будет выглядеть подозрительно, если он снова схватит её за руку. Хотя и очень хочется.

Глаза Даши встретились с его глазами... Будто только додумавшись, что всё-таки нужно отойти, она шагнула к Роману и встала с ним рядом. Её меховая шапка чиркнула капитана по носу, чуть не заставив того чихнуть.

Стоя вплотную, когда слышно и чужое дыхание, не глядя друг на друга нечаянные соседи с полминуты покорные судьбе ждали, когда же это неожиданное неудобство кончится.

Наконец парочка миновала. Шагающие быстро, словно куда-то торопящиеся они ушли дальше и скоро уже и их голосов не стало слышно. Вновь чиркнув шапкой мужчине по носу Даша вернулась на середину тропки.

— Ой... — Она поглядела вслед ушедшим. — И откуда они взялись? Я их и не заметила...

Оставив на снеговой обочине два глубоких отпечатка Роман выбрался за девушкой следом. На ушедших ему смотреть почему-то не захотелось.

— Да, я тоже проморгал... Не надо нам с тобой, Даш, ворон считать.

— Ворон?.. — Дочкина одноклассница поглядела на него с удивлением. — Я только на звёзды смотрела. А здесь зимой, наверное, ворон и нет никаких. — Она лукаво прищурилась. — Или вы надо мной шутите?..

Настала очередь удивляться Роману.

— Шучу?.. Это просто выражение... — Капитан сам не понял, то ли это он действительно подтрунил над девчонкой, то ли это она сейчас над ним смеётся. — Типа в семье не без таланта... Неужели не слышала?..

Даша пожалала плечами, её взгляд убежал куда-то в сторону... в сторону ушедшей парочки. Посмотрев на них несколько мгновений, девушка чуть заметно вздохнула — пальто на её груди приподнялось и опустилось. Стакан горячего прильнул к розовым губам;

выпустив облачко пара, Даша сказала:

— Старые выражения уходят. Новые приходят... — Её глаза вернулись к мужчине. — Пойдёмте?..

— Пойдём.

Роман зашагал первым и уже девушке, чтобы поравняться, пришлось его догонять. Птачек вновь попытался уйти в отрешённость... но не вышло. Тогда, отпив кофе, он решил найти какую-нибудь тему поразговористей. Пять минут назад безмолвие казалось чем-то естественным, но сейчас оно стало неловким. Пока он думал, о чём спутницу спросить, Даша подала голос сама:

— Спасибо вам, Роман Павлович, что про маму спрашиваете. Вы правда о ней беспокоитесь?..

До капитана дошло, что к нему обращаются. Повернув голову он увидел, что Даша шагает глядя на него. С такой близости её глаза обрисовываются ещё роскошнее... Пышные девичьи ресницы порхают выразительно широко! Мелкими брильянтиками на них сверкают крошечные снежинки. О Боже... Какая же она всё-таки мучительно красивая...

Прогоняя назойливую... и такую *опасную* мысль Роман сделал вид, что думает над ответом.

— А разве можно за человека не беспокоиться? — Он поднял брови. — Тем более ты говорила, что с твоей мамой всё серьёзно...

— Да... — Даша опустила нос. — Серьёзно... — И снова её взор поднялся: в глазах девушки вспыхнула готовность сказать то, что, возможно, говорить боязно. — Врачи считают, что для неё всё может кончиться плохо. Говорят, она может не выжить.

Сказано это было сдержанно... но Дашины очи, хоть она и старается смотреть с выдержкой, выдали её. Обращённые к мужчине девичьи зрачки расширились, как капнувшие на белое чернила. Начитавшийся когда-то книг по психологии Роман тут же подумал, что спутница переживает глубокое беспокойство и, возможно, страх. Стараясь принять вид поавторитетней и тон поуверенней он рассудил:

— Ну... мало ли что они говорят? — Он демонстративно скептически выгнул губы и двинул плечами. — Разве так бывает, что доктора никогда не ошибаются?.. Время покажет. Не хорони маму раньше времени, Даш, и не переживай: очень может быть, что она выкарабкается.

Сказав это Роман отвернулся и смотрел теперь только на дорогу; на спутницу он и не косился, просто глядел перед собой и держал лицо спокойным. Отпив кофе, Птачек выдохнул белое облачко... немного подождал... и только потом снова повернулся. Он увидел, что Даша бредёт с опущенным лицом, глаза её смотрят под ноги... однако на губах её лёгкий, еле заметный изгиб. В девушке больше не чувствуется горечи; прятавшаяся за выдержкой мрачность улетучилась.

Шагая рядом с ним и всё ещё глядя вниз, с ноткой удивления Даша обронила:

— Как странно... Как-то вы так сказали, Роман Павлович, что я сразу успокоилась... Иду сейчас и думаю — чего это я распереживалась?.. — Она подняла лицо, улыбка её стала откровеннее. — Вы думаете, что всё будет хорошо? Правда?..

Внутренне Птачек дал себе громкую, жестокую затрепину: не мог, что ли, других слов подобрать?! А если Дашина мать и вправду умрёт — кто тогда будет виноват?! А тот, кто дал надежду! Внешне же он неопределённо склонил голову и ответил:

— Я думаю, Даш, что унывать преждевременно. Это всё, что можно сказать. Лучше

надеется на лучшее всё-таки.

Несколько минут они брели в молчании. Мягкий ветерок продолжал морозить лицо, снежок под подошвами похрустывал. До слуха докатилось рычание моторов — оказывается они добрались до паркового угла и упёрлись в перекрёсток. Натоптанка сворачивает налево. Впереди зебра, дальше жилые дома. А справа ещё одна — от неё путь бежит то ли к торговому центру, то ли к кинотеатру — какому-то широкому зданию с обширной парковкой.

Роман остановился, покрутил головой. Его глаза встретились с Дашиными.

— Ну что? — Он дёрнул подбородком. — Налево? Или обратно?

Странно улыбнувшись, Даша поглядела налево, потом повернулась назад. Не показывая лица она произнесла:

— Идёмте обратно. Только пожалуйста, не будем спешить. Пойдём так, как шли сюда.

Романа потянуло ответить, что он торопиться и не собирался... но он лишь молча к девушке присоединился и они побрели, как и до этого, делая один плавный шаг за другим. Когда где-то за спиной шум перекрёстка окончательно стих, Даша вдруг обратила к мужчине по-новому увлечённое, уже розовое от мороза лицо. Глаза девушки блеснули интересом, она даже часто заморгала.

— Роман Павлович!..

Капитан недовольно скривился.

— Ну что ты всё заладила с этим Павловичем...

— Роман... — Даша уставилась на него, как, наверное, когда-то Дороти на волшебника страны ОЗ. — А расскажите, пожалуйста — чем вы занимаетесь?.. Если можно, конечно...

Птачек хотел сдержаться, но полный усталости, тяготы и измора вздох всё-таки из него вырвался. Мгновенно лицо его превратилось в маску натянутой вежливости, за которой прячется на самом деле задёрнутый, раздражённый человек.

Даша спешно зататорила:

— Не хотите — не говорите! Если нельзя — я всё понимаю! Конечно, у вас ведь такая служба...

Слово «служба» заставило Романа почувствовать в сердце теплинку. Точно извиняясь за скрытность он скупно улынулся и, глядя в юные сапфировые очи, ответил:

— Дашенька, понимаешь... Такое дело... Я ведь следователем работаю, а не охранником в парке аттракционов. — Он снова вздохнул, сжал губы. — То, чем я занимаюсь — это сплошная грязь. Грязь с большой буквы. Низменность, непотребство и массовая непрекращающаяся подлость. — Всё ещё глядя в девичьи глаза Роман неосознанно пожевал нижнюю. — Давай не будем об этом, пожалуйста. Честное слово — разговаривать о таком неохота.

Неожиданно резко капитана кольнул испуг — Даша сейчас нахмурится, замкнётся! Подумает, что её сочли глупой, что просто не хотят с ней говорить чём-то, как ей кажется, интересном, но для неё закрытом...

Как ни в чём не бывало девушка пожала плечами, ласково улынулась, сказала: — «Хорошо!» и двинулась дальше. Роман слегка опешил, покосился на неё пристально... но не увидел и намёка на негатив. В этот момент что-то... что-то заставило растянуть губы и его тоже. Какое-то приятное, но призрачное, такое зыбкое чувство... Глядя на перебирающие по снегу подошвы капитан Птачек понял, что улыбается, потому что девушка без возражений послушалась его. Послушалась и не стала прекословить.

Не желая обрывать разговор Роман повернул к ней лицо, улыбнулся и, придав голосу бодрости, предложил:

— А давай, Даш, лучше о тебе поговорим!

То ли картинно, то ли в настоящем удивлении дочкина одноклассница прижала раскинутые веером пальцы к груди. Её глаза округлились.

— Обо мне?..

— О тебе! — Роман энергично кивнул. — Мне вот интересно — с кем это моя Настя дружит?.. Расскажи о себе: чем увлекаешься, что любишь?..

Даша поглядела с прищуром, как бы лукаво.

— За дочь переживаете, Роман...

Капитан шутливо помахал кулаком.

— Только заикнись мне про Павловича...

Девушка откровенно хохотнула, её улыбка обнажила жемчуг зубов.

— Хорошо, не буду! — Она с резвостью помотала головой. — Так что насчёт дочери? Болеете за то, с кем она водится?

Глаза Даши застыли на мужчине. Задорные. Светлые. Смеющиеся... Хотя на миг Роману показалось, что за этим вопросом стоит большее, чем просто шутка. Нелепую мнительность он тут же отогнал.

— И да и нет. — Капитан скептически выпятил губу. — Конечно мне не всё равно, с кем она дружит, но мне и в самом деле любопытно узнать тебя. Мы ведь и так гуляем. — Он сделал широкий, обводящий дорогу и парк жест. Его взгляд сфокусировался на спутнице. — Давай, поведай о себе. Не стесняйся.

Даша снова спрятала взор где-то у сапог, её ответ скрылся в вырезе пальто:

— Ну не знаю... Чего бы вам рассказать такого?..

Роман отпил кофе, двинул плечами.

— Расскажи об увлечениях. Чем любишь заниматься? Что тебя интересует?

Какое-то время они снова брели без слов. И вроде бы недолго, но в сердце Роману начало закрадываться подленькое чувство, что он сказал что-то не то. Неужели был груб? Или назойлив? Или спросил про что-то личное?..

Глядя под ноги, точно считая шаги, Даша раздумывала. Неожиданно взгляд её стал твёрд. Подняв лицо девушка произнесла, как произносят ответ, способный быть лишь единственно верным:

— Театр и плавание! — Она перевела взор на мужчину. — И ещё, может быть, немножко кулинария...

Такой напор малость ошарашил. С некоторой замедленностью Роман покивал.

— Театр и плавание, говоришь... Кулинария?.. Умница...

В Дашиных глазах вспыхнула искра! В голосе её зазвенели струны истинной страсти!

— Обожаю театр! Это такое волшебное место! Мне кажется, быть актёром — это лучшее, что человек может в жизни! — Даша загляделась в одну точку; моргнув и будто опомнившись она перевела взор на спутника. — А вы, Роман, как считаете?..

Внезапно ветер взъярился, подул с дикой, злой силой! Зашумели качающиеся деревья, в лицо полетели комки снега! Закрываясь от кусачего мороза Роман постарался нарастающий гул перекричать:

— Ну! Весь мир театр, а люди в нём актёры! Каждый из нас в какой-то степени актёр! Это точно!

Ветер ударил ещё! Гораздо сильнее! Точно рассерженный ледяной гигант могуче вдохнул и теперь дует, страшно пуча щёки, старается сдуть мелких людишек! Даша не выдержала, закачалась — стакан выпал из её пальцев. Не в силах устоять она полетела на землю... но бала подхвачена. Выкинув и свой кофе Роман девушку поймал; развернул лицом к себе, прижал к груди и закрыл от ненастья, как зонтиком от дождя.

Вьюга ярится! Взбешённая, она окружила пойманных белым вихрем! Куда ни глянь — седой туман: ничего не увидеть и на вытянутую руку! Воздух пытается сорвать шапки, молотит; мороз щипает, кусает, но Роман стоит, прячет Дашу в объятиях, как орёл скрывает птенца за крыльями.

Угасло так же внезапно, как и началось. Ветер стих, снег опал. Снова воцарилось спокойствие, как в аквариуме. Роман перестал щуриться, поморгал — с ресниц слетел целый сугроб. И за воротник накидало — там тает и раздражающими стылыми дорожками стекает до поясницы. Ноги по колено в белой крупе. Птачек понял, что они в ней, как вкопанный столб. И оглушающая тишина...

Желая поддержать настрой он продолжил, словно никакой невзгоды и не было:

— Театр, конечно, это очень интересно! Можно сказать, что с театра пошло всё искусство.

Медленно, будто сонная, Даша подняла лицо — на Романа нацелились её необычно спокойные, но при этом чрезвычайно внимательные глаза. Голос её прозвучал удивительно ровно:

— Вы так считаете?..

Роман понял, что всё ещё держит девушку в объятиях. Да не просто, а она смотрит на него снизу вверх, и их лица так близки... Сохраняя, как способен, хладнокровие, он руки разжал и отшагнул. Став с громкими хлопками оттряхиваться он ответил:

— Да, конечно. Это началось давным-давно — наверняка ещё задолго даже до древней Греции. А ведь и там уже были свои цирки и театры... — Смахивая с плеч, топая и тряся головой капитан заметил, что спутница всё ещё следит за ним подчёркнуто пристально. Решив, что становится болтливым, он подытожил: — Каждый из нас актёр, в конце концов. Все мы в жизни играем какие-то роли.

С хитринкой Даша растянула губы. Приподняв подбородок она спросила:

— Это ваше мнение — оно профессиональное?..

Страхнув с рукавов последнее Роман взглянул на девушку оценивающе: снегом почти не тронута, чистенькая. Уж и так он её закрывал, что и смахнуть нечего. Щёки Даши румяные. Губы почему-то опухшие и красные, словно она их кусала.

Птачек взял нейтральный тон.

— Если хочешь, то да. Мы в полиции постоянно сталкиваемся со всякими... эм... актёрами. — Он невольно ухмыльнулся. — Можно даже сказать, что мы всё время проводим глядя на людей на сцене, а иногда и сами выбираемся на неё, чтобы сыграть... как это называется?.. партию.

Даша быстр спросила:

— Так можно сказать, что вы и сам актёр?..

Роман задумался, как ответить лучше. Опустив взгляд он даже сцепил за спиной пальцы и начал потихонечку перебирать подошвами, как бы призывая путь продолжать.

— Можно согласиться, что в какой-то степени. — Он задумчиво кивнул. — Хотя и также можно сказать, что это вынужденно.

Пристроившись, как и прежде, у его левого плеча, Даша продолжила с не меньшим азартом:

— Так какой же вы актёр?.. И на каких играете сценах?..

Роман взглянул на спутницу с вопросом. Даша часто заморгала и быстро покрутила ладонью.

— Я имею ввиду — какой вы на работе и какой в жизни — это два разных человека?..

Роман сжал губы, нахмурился. Будто сомневаясь, отвечать или нет, он как бы неохотно обронил:

— Ну... наверное...

Недолго они снова шагали в тишине. На девушку Птачек не смотрел, его мышление текло в одном направлении — не заговорился ли он?.. Не пора ли ему помолчать?.. Однако какой-то мысленный вопрос дёрнул вновь обернуться к Даше. Роман уже набрал воздуха, открыл рот... но наткнулся на пытливые и в тоже время смеющиеся юные глаза: медля, как львица в засаде, девушка просто ждала, когда он посмотрит на неё. Поймав момент она торжественно спросила:

— Тогда ответьте: где вы настоящий, а где играете?.. Какой вы на службе, а какой в личной жизни?..

В несколько секунд одно за другим Романа поразили два ярких переживания! Сначала он рассердился: что за вопросы?! Это какие-то намёки?! Обвинения?! Но стоило ему взглянуть в открытое, по-детски честное девичье лицо, как Роман тут же подумал — она ведь увлекается театром... Актёрством. Всякие чувственные переживания в умственную копилочку складывает, наверное. Изучает архетипы... Ну разумеется ей такое интересно! И интересно, конечно же, с познавательной точки зрения — как будущей актрисе. А он, дурак, уже хотел возмутиться...

Всё это, верно, отразилось на его лице, так как Даша вдруг посерьёзнела, сделала шаг назад и подняла, защищаясь, ладони.

— Роман Павлович, извините... — Она спешно помотала головой. — Я только лишь для себя спрашиваю. Просто мне занятные личности любопытны! Необычные люди, понимаете?.. Я вовсе про вас ничего плохого не думаю...

Птачек состряпал суровое, злое лицо. Воззрившись на девушку, как кот на укусившую его мышь, он медленно поднял руку; его указательный направился на Дашу... легонько, как бархатной ленточкой чиркнул её по носу и опустил.

— Опять ты за Павловича взялась. — С деланным осуждением Роман цыкнул. — На уроках, поди, у тебя двойки одни: такое простое запомнить не можешь...

Даша ахнула. Видя, что глаза мужчины на самом деле смеются, что губы его еле сдерживаются от улыбки она прижала ладонь к груди и с облегчением выдохнула.

— Простите... — Она несмело улыбнулась. — Просто у вас вид такой стал, будто вы меня сейчас покусаете...

Роман перевёл взгляд на тропку. Снова сцепив пальцы за спиной он несколько мгновений шёл, погружённый в глубокую задумчивость. То глядя на мужчину, то на парк, Даша терпеливо шагала рядом.

— Вопрос твой конечно занятный... — Роман потёр колючий подбородок. — Думаю, всё-таки на службе я более жёсток, а вот в личной жизни чаще расслабляюсь, становлюсь мягче. Хотя за все эти годы у меня вошло в привычку, скажем так, быть настороже всегда...

— Как интересно... — Даша глядела на него, как примагниченная. — А как у вас...

— Давай возвращаться. — Словно не заметив, что перебил, Роман глянул на спутницу по-простецки. Не успела девушка среагировать, как его взор уже убежал от неё через дорогу, туда, где должен дожидаться их старенький «форд». — Я уже немного замёрз. А ты?..

Даша застыла с открытым ртом. Наконец сжав губы она прошлась языком по нижней. Медленно и будто бы многозначительно моргнула. Обозначив намёк на лёгкую улыбку, девушка пожалала плечами и моргнула ещё раз, уже бодрее.

— Вы правы, здесь становится прохладно. Пойдёмте.

Будто сговорившись они сделали шаг одновременно; второй, третий... Дальше шли уже ходче, хотя человек со стороны всё равно сказал бы, что эта пара никуда не спешит и просто не торопясь прогуливается.

Невдалеке показалась та самая кирпичная арка. Ну да, а в вон слева зебра... Путь назад как-то взбодрил. Роман вдыхал полной грудью и уже почти чувствовал себя в тепле автомобиля. Иногда, будто случайно, он поглядывал на девушку: Даша шагает рядом с гордо поднятым подбородком. Ладони спрятала в глубокие карманы. Двигается плавно, словно и не идёт вовсе, а как лебедь плывёт по озеру. Однажды она поймала его взор и улыбнулась. Роман улыбнулся в ответ, но дальше смотрел только на тропку

Когда до зебры осталось совсем немного, капитан неожиданно даже для себя спросил:

— Так ты Даш, говоришь, и плаванием занимаешься?..

Глядя, как и он, лишь перед собой, девушка приподняла уголку губ.

— Увлекаюсь... как вы выразились...

— Увлекаешься... — Роман мотнул головой и, не выдержав, всё-таки опять на неё взглянул. — На медали метишь?.. Или так — просто хобби?..

Точно как в зеркале копируя мужчину Даша повернулась к нему тоже.

— Просто. — Её устремлённый на него взор, показалось, блеснул плутовством. — Я хожу в «Труд». Это ФОК такой, недалеко от нашей школы. Там спортзал, бассейн... Два раза в неделю там бываю.

Словно услышав нечто особенное Роман важно покивал... хотя в этот момент в голове его почему-то стало пусто, как в барабане: мысль точно замёрзла. О чём он думает?..

Он сказал, лишь чтобы что-то сказать:

— Хорошее, должно быть, место... А какой там бассейн?..

Зебра приблизилась уже вплотную. Сделай два шага — и встанешь на белую полосу.

— Ну, не знаю... — Даша взглянула налево, направо. Как по волшебству все автомобили вдруг пропали; девушка с мужчиной оказались на дороге как будто уснувшего города. — Я привыкла уже. Мне кажется нормальным. Сходите, посмотрите...

Справа мелькнул свет; Роман встревожился — неужели опять машина на девчонку?! Его пальцы схватили Дашину ладонь раньше, чем капитан задумался... и только мгновение спустя он сообразил, что это светит фарами неторопливый, подбирающийся «с Колымы» грузовичок; до зебры ему ещё о-го-го, да и тащится он — специально притормаживает, чтобы людей пропустить, не останавливаясь.

Даша уставилась на мужчину озадаченно.

— Ох, прости... — Роман спрятал от неё глаза и посмотрел на свою левую так, будто она чужая. — Мне показалось, что опять... Я встревожился, что...

Птачек расслабил пальцы, но ладонь девушки почему-то всё равно осталась в его ладони. Кисть почувствовала сжатие, её потянуло...

— Пойдёмте! — Мужчину не отпустив, Даша двинулась вперёд. — Нас ведь пропускают

— видите? Нехорошо человека задерживать.

Послушно, как под гипнозом, Роман дал себя перевести. Когда оказались на другой стороне и за спиной пронеслось удаляющееся тарыхтение, только тогда он стряхнул какое-то странное, словно чаровное оцепенение. И шумно вздохнул.

— Что-то я, видимо, устал... — Он высвободил левую руку; только что бывшие в девичьей ладошке пальцы коснулись лица; ноздри уловили приятный телесный аромат, но Роман не обратил внимания, лишь провёл, растирая кожу, пятернёй со лба до подбородка. — Загулялся, наверное... Или просто утомился...

Крепко зажмурившись он мысленно вlepил себе пощёчину, собрался с духом и через мгновение стоял уже прямой, как копьё, и с твёрдым, решительно отрицающим любые промахи взглядом.

— Да, точно. — Он поправил одежду и громко побряхтел, прочищая горло. — Просто утомился. Так-то день сегодня не самый лёгкий...

Роман вдруг заметил, что Даша замерла в шаге от него. Взгляд девушки беспокойный, губы закушены; опущенные руки сцепились друг с другом, точно в борьбе. Она то смотрит на него, то глаза отводит... Птачек почувствовал вину. Не в силах скрыть нотки оправдания он спросил, тайно надеясь на «нет»:

— Прости, Даш... Я тебя напугал?..

— Напугали?.. — Она выпучила глаза. — Меня?! Ну что вы — вовсе нет! Пожалуйста, не беспокойтесь!

Роман сдвинул брови.

— Просто вид у тебя стал такой... тревожный.

Розовые Дашины губы сжались ещё пуще; тонкие пальцы стиснулись плотнее, а по нежному горлу прокатился комок. Пряча глаза она вымолвила:

— Я перед вами виновата...

Слова поразили, как гром! Капитана Птачека даже колыхнуло, будто его ударили! Чуть не прикусив язык он не спросил, а скорее выпалил:

— Что?! Почему?!

В нерешительности девушка взгляд подняла... но тут же снова уронила.

— Я совсем о вас не подумала... Вы, наверное, на службе жутко забегались... вымотались... а я вас гулять потащила. У вас всю дорогу было такое переживающее лицо...

Роман не смог ответить: слова унеслись от него, как испуганные птицы. Глупо разевая рот он пытался что-то выдать, но получилось только:

— Даша...

Она замотала головой.

— Не нужно говорить, что это не так! Я виновата. Я думала только о себе. Я...

Роман рявкнул:

— Дарья!

Она испуганно смолкла. Несколько долгих мгновений оба стояли в молчании: Роман глядел на девушку, а та прятала взгляд у ног. Неожиданный рык пронёсшейся невдалеке машины словно пробудил, позволил говорить. Сделав голос как можно мягче Роман поднял ладонь.

— Дашенька... Не пори чушь. Ты ни в чём не виновата. С чего ты вообще это взяла?..

Девушка взглянула на него прямо, в её взоре полыхнула убеждённость.

— Но ведь вы... Вон как вы утомлённо выглядите — на лбу всё написано! А я вас на

прогулку потянула. Совсем не подумала, что вы после службы, что вы устали...

— Даш... — Роман ладонь опустил. — Ещё раз — хватит этих глупостей. Да я вообще тебе благодарен, что...

Девушка подняла указательный.

— Но...

— Помолчи! — Роман строго сверкнул очами! — Не перебивай! Извини... Я хочу сказать, что благодарен тебе, что мы проветрились. Наверное мне и самому это было нужно... И не выдумывай никакой ерунды. Просто я задумался... — Он вздохнул; не сводя с девушки глаз Пгачек помотал головой. — Не парься ты. Всё нормально.

Даша закусил уголок губы; руки её поднялись к груди, пальцы будто мнут нечто невидимое; глаза говорят о чём-то, но уста молчат... Желая это недоразумение окончить Роман решительно направился к стоянке. Взгляд его уже поймал выглядывающий из-за погребённой под снегом колымаги кусочек собственной машины. Бодро кивнув за собой он бросил:

— Пойдём! Нам обоим уже давно пора по домам.

Шагал он уверенно, спину держал ровно... а всё-таки идут за ним или нет прислушивался. Когда рядом зацокали каблуки и у левого плеча пристала фигура в высокой чёрной шапке, Роман со скрытым облегчением выдохнул. Дальше он шёл уже чуточку неторопливей, позволяя спутнице не спешить.

Мимо проплыла жёлтая забегаловка, блеснули в свете фонарей стёкла дремлющих грузовиков. Обогнув заваленную снегом колымагу капитан достал пульт и нажал кнопку — «форд» приветливо подмигнул и, наконец-то дождавшийся, щёлкнул дверными замками. Повернувшись к девушке Роман кивнул ей на машину.

— Садись, куда хочешь.

То ли почудилось, то ли Даша распахнула переднюю дверь раньше, чем он открыл рот. Очень так уверенно распахнула, по-хозяйски. Усадив бёдра на сиденье она элегантно, одним движением закинула сапоги. Подобрав свесившуюся полу пальто школьница сложила ладони на колене. К мужчине поднялось её умное, раздуманное лицо; она спросила:

— Ну что — едем?..

Почему-то Романа потянуло кашлянуть, но он сдержался. Кивнув, он обогнул капот и, аккуратно отворив водительскую, сел к себе. Несколько минут, пока порывивал греющийся мотор, необычные спутники глядели сквозь теряющие туманность стёкла на вечеряющий город: как горят фонари, как носятся, сверкая фарами, машины. С особым интересом на то, как один парень, уткнувшись в смартфон, столкнулся с другим таким же и они поссорились.

Чувствуя желание перепалку прервать, однако и ленясь вмешиваться, Роман выжал сцепление и загазовал так громко, словно сидит за рулём хищного болида! Петушащаяся парочка позабыла про обиды вмиг и, встревоженная выкатившим на них хамом, побыстрее убралась с дороги!

На парней больше не глядя Роман сбавил обороты и выбрался на главную уже спокойно. Старенький «форд» поплёлся в общем потоке.

Дорога вспоминалась легко, руки рулили не задумываясь. Выбравшись на перекрёсток Победы и Мира «форд» повернул налево и дальше ехал уже будто сам. Сам рулил, сам ускорялся и сам притормаживал.

Являясь словно и не водителем, а пассажиром капитан поглядывал за окно и провожал глазами несущиеся мимо дома. Разговаривать не хотелось; он молчал, уверенный, что и

Даша чувствует то же самое. Наверняка ведь она, как и он, просто глядит на бегущие вспять фонари, просто хочет домой... Дурное любопытство всё-таки заставило отвлечься: на мгновение, достаточное лишь для вдоха, Роман голову повернул... запомнил девушку, словно сфотографировал, и через секунду уже снова глядел только вперёд.

Даша, как положила ладошки на колени, так и сидит, глядя на город сквозь стекло; лицо спокойное, мирное; на всё ещё припухших, немного красноватых губах... То ли показалось, то ли девушка в самом деле улыбается. Роман не стал проверять. Чувствуя скорый конец пути он прибавил газу и сосредоточился не пропустить нужный поворот.

Тринадцатый дом встретил горящими окнами и белой, облепляющей стену шубой. Метра на два от него возвышаются набросанные сверху сугробы — большущие кучи, будто и не с крыши скинутые, а привезённые сюда самосвалами. Роман сбавил скорость. Зарулив за угол он прокатил ещё немного и остановился возле второго подъезда.

Как только колёса замерил — в туже секунду Птачек почувствовал непонятно откуда и идущую, но очень чёткую неловкость: такое странное, необъяснимое чувство, когда кажется, что должен на прощание сказать что-то важное, высокое — а в голове лишь пустота.

В размышления ворвался мелодичный девичий голос:

— Спасибо вам!

Роман повернул голову, его усталые, но живые глаза встретились с весёлыми, смеющимися Дашиными. На юных алых губах улыбка благодарности. Видно, что девушка даже и спину держит прямее, от чего грудь её приподнялась.

— Вы меня сегодня очень выручили. — Даша медленно моргнула: её пышные чёрные ресницы величество опали и поднялись. — Спасибо вам большое.

Роман пожал плечами.

— Не стоит... — И даже помотал головой. — Не за что...

Несколько долгих секунд Даша сверлила его тёплым, но каким-то уж больно внимательным взором... и вдруг неспешно, словно удав, подбирающийся к кролику, наклонилась; оперевшись левой в сиденье девушка приблизилась к мужскому лицу... Роман глядел на это будто со стороны; с замершим дыханием, словно парализованный он ждал, что же будет...

Щека ощутила тёплое, немного влажное, ангельски нежное прикосновение. Длилось это три взволнованных удара сердца. Уколовшись о щетину, Даша отпрянула. Прикрыв пальчиками смеющиеся губы она сказала:

— Боже... ну вы и колючий...

Язык онемел, руки-ноги сковало. И моргая-то еле-еле Роман смотрел в молодые смеющиеся глаза и повторял про себя, как заклинание, единственную фразу: «Ничего не делать. Ничего не делать. Ничего не делать! Ничего не делать!!!»

Улыбнувшись ещё милее Даша помахала ладошкой.

— До свидания, Роман Павлович! Как-нибудь ещё увидимся!

Очень неспешно и даже коряво, как вдруг оживший сухой пень, капитан кивнул. Ещё раз красиво вспорхнув ресницами, Даша потянула ручку и выбралась. Бережно хлопнув дверью она снова продемонстрировала жемчуг зубов и, развернувшись, заспешила домой.

Когда стройная фигура скрылась в подъезде Роман поднял руку и коснулся поцелуя — пальцы ощутили только небритую колкость, хотя щека всё ещё помнит нежность девичьих губ, ещё чувствует их ласку...

Положив руки на руль Птачек наконец болезненно вдохнул. Сжав пальцы в кулаки он

закрыв глаза и несколько мгновений глядел в темноту, успокаивая взбесившуюся, требующую немедленного выхода кровь!

Всё, пора домой. Уже давным-давно пора.

Зарывав, будто от гнева, старенький «форд» выбежал на дорогу и понёсся, почти не обращая внимания на спидометр.

Когда капитан подъехал к семьдесят четвёртому дому и взглянул на часы, то чуть не выругался — половина десятого! Тихонько, словно мышка отворив дверь он зашёл в тёмную и тихую, как сон, квартиру. Свет луны пробивается сквозь окна, но видно мало — будто слепым себя чувствуешь. Раздевшись и немного подождав, пока глаза привыкнут, Роман на цыпочках прокрался по коридору. С кухни плывёт вкусный запах омлета, дверь в комнату дочери приоткрыта... Заглянув тайком Роман увидел, что Настя лежит, отвернувшись к окну. Одеялом накрылась с головой, только нога в белом носке выглядывает. Легонько, чтобы ни дай бог не скрипнуло капитан дверь толкнул и, шажок за шажком подгоняя, почти без звука её запечатал. Даже замок не щёлкнул, а элегантно так намекнул, что закрылся.

Довольный собой, уже не крадучись Роман прошёл ну кухню, включил свет... и когда перестал жмуриться с удовольствием увидел на плите сковородку с пышным золотистым кушаньем. Сочный запах врезал желудку пинка, тот сразу же заурчал, требуя наполнить его сытной вкуснятиной!

Включив воду и прыснув на руки жидкого мыла Роман стал готовиться к ужину.

Когда отец закрыл дверь Настя снова достала телефон — нехорошо уже прочитанное сообщение оставлять не отвеченным. Кисть со светящимся прямоугольником легла перед лицом, большой палец приготовился листать вниз... Уронив телефон экраном в ткань Настя положила подбородок на запястье и уставилась на выбивающийся из-под ткани световой контур.

Отец сказал, что управится в полчаса, а прошло больше часа. Где он пропадал? Заезжал на службу? Или...

В пятницу, когда самым ранним утром Роман собирался на службу и уже почти ушёл, его внимание привлекла бегущая в туалет дочь: ворвавшись в уборную Настя не закрылась, а сразу нависла над унитазом. Её скрючило, согнуло. С громкими противными звуками из неё вырвалась жёлто-зелёная слизь.

— Вуэ!

Роман встал на пороге, повременил. Минут пять он слушал, как дочка вместо лёгких, казалось, дышит желудком — настолько грубо она бурчала. Выплюнув последнее, с изнеможением убрал волосы и надавив на слив она выпрямилась. Сопровождаемая звуком убегающей воды Настя из туалета не вышла, а чуть ли не выползла.

С тревогой Роман приметил, что дочь еле держится на ногах, что рука, которой она ухватилась за ручку туалетной двери, дрожит. Подозрения о беременности вылетели из его головы, как пуля из ствола! Подбежав к дочери Роман подхватил её за локти и прижал, чтобы той было легче стоять.

— Что с тобой, доченька?! — Коснувшись её Роман почувствовал, будто прижался к котельному бойлеру. — Что с тобой, милая?!

Настя разомкнула губы, голос её оказался пугающе бессильным.

— Не знаю... Что-то мне плохо...

Подхватив на руки Роман отнёс дрожащее и одновременно обжигающее тело в её комнату. Его взгляд неодобрительно пробежался по беспорядку, по разбросанным тут и там шмоткам, но капитан Птачек лишь мысленно махнул рукой. Взглянув на своего ребёнка оценивая он взял её за горячую ладонь и спросил:

— Настенька... Ты сама одеться сможешь?..

Дочь посмотрела на него так, словно видит сквозь сон.

— Одеться?.. Наверное... — Голос её стал ещё слабее. — А зачем?..

Роман взвился, как вихрь.

— В больницу поедем! Срочно одевайся, а я побежал машину прогреть!

Обняв себя за плечи Настя согнулась на кровати в позе эмбриона. Закрыв глаза она слабо покивала.

— Одевайся! — Роман уже выбежал из комнаты. — Я скоро приду!

Ни за одним преступником Птачек ещё не бегал, как сейчас он ломанулся к машине — и это вовсе не из-за того, что служит он «всего лишь» следователем! С третьего этажа на первый он спустился в одно дыхание; оказался бы кто на пути — смёл бы, как разъярённый кабан! Не обращая внимания, что без шапки и куртки, сквозь холод и ветер капитан добежал до «форда» и завёл его не жалея стартера. Оставив машину ворчать Роман кинулся обратно с прытью ошпаренного. Снова лестница, громкие топы. Бьёт барабан в груди, стучит кровь в висках. Не разувшись Роман ворвался в дочкину комнату: с полузакрытыми глазами, с опущенной головой Настя сидит на кровати, пытается натянуть колготки. Руки её слабеют.словно марионетка, у которой подрезали ниточки, она падает на одеяло и замирает, еле дыша...

От страха за ребёнка чуть не рвя на голове волосы Роман кинулся к ней! Без стыда он стянул с Насти домашнее и наскоро, как смог, одел во всё самое, что нашёл, тёплое. Бережно, словно хрупкое яичко капитан вынес дочь в коридор. Кое-как нацепив на неё

куртку, шапку и сапоги Роман растопырил входную дверь и также на руках вытащил ребёнка из квартиры. Пнув дверь ногой, чтобы закрылась, Роман понёс Настю вниз. Спускаясь он не отрывал глаз от её пурпурного, скованного мукой лица: Настя будто спит, будто в некоем забытьё; глаза её закрыты, но губы что-то неразборчиво шепчут...

Распахнув подъездную дверь с бесцеремонностью бандита Птачек выбежал на улицу и понёсся, пряча дочь от холода и ветра, к машине. Рванув заднюю так, что ручка чуть не вылетела, он бочком уложил Настю на сиденье и аккуратно подогнул ей ноги.

Усевшись за руль, капитан в туже секунду вдавил газ. Как взнузданный жеребец, «форд» привстал на задних и понёсся, куда приказывают!

Ведя себя в больницу, как ворвавшийся в Москву Тохтамыш, Роман спешно выловил санитаров и бесцеремонно погнал их к оставленной прямо на тротуаре машине. На капитана глядели неодобрительно, хотя и показали, что понимают его. Плевав на все приличия Роман согласился отогнать машину с проходного места не раньше, чем убедился, что его дочь уже под наблюдение врача. Когда, всё-таки поставив «форд» на отдалённую стоянку он в больницу вернулся, его встретил тот самый доктор — тощий старик в белом, местами забрызганном халате и в больших, как телескопы, очках. В сухих, как и он сам, выражениях медик пояснил:

— Волноваться нечего. Простое пищевое отравление. Мы промоем девочке желудок и вечером она уже сможет ходить. — И, уже собравшись уйти, вдруг будто вспомнил: — Сегодня, завтра и послезавтра не давайте ей ничего есть. Пусть только пьёт воду. И, возможно, чай с кофе. И полис потрудитесь привезти, товарищ...

И скрылся в кабинете.

Такие простые, такие грубоватые слова прозвучали ангельской песней... Но только Роман их услышал — в то же мгновение ноги его чуть не подломились! Найдя, куда сесть, он рухнул на сиденье, точно два дня уже не ел и не спал: словно тело вот только было под сильнейшим стимулятором и вдруг поняло, что на самом-то деле оно измождено... Вместе со слабостью, однако, пришло и огромное облегчение. Уронив лицо на ладони, не обращая внимания, кто рядом и вообще смотрят ли на него Роман несколько раз глубоко вздохнул. Наверное он не почувствовал бы себя более счастливым даже если бы ему самому грозила смерть и вдруг повезло её избежать.

Доченьке ничего не угрожает. Фу-у-у-ух!

Не позволив себе, однако, посидеть и двух минут капитан Птачек встал, привёл себя в порядок и торопливо, но не как раньше — сломя голову — заспешил обратно к авто: нужно привезти Настин полис... Улыбка счастливого блаженства с его губ при этой мысли слетела; вспомнив беспорядок, царящий в комнате ребёнка, Роман представил, как будет рыться, разыскивать эту чёртову бумажку. О-о-о-о-ох...

Поездка до дома и снова до больницы заняла ещё час.

Когда уже успокоившийся, уже увидевший на болезненном лице дочери первые улучшения капитан впервые с утра проверил время, часы показали одиннадцатый. На службе за такой прогул могут спросить строго, но Романа эта мысль почти не взволновала: был бы срочно нужен — позвонили б, поинтересовались. Не звонят — значит всё в порядке. А ребёнок свой всяко важнее.

Именно с такой мыслью Роман и подъезжал к отделению, когда его удивила картина: на стоянке одна единственная служебка, при этом следов наоборот полно... Куда все уехали?.. Припарковавшись, Птачек с интересом осмотрелся. Снег сегодня не падал, судить сложно,

но такое чувство, что машины укатили одновременно, одна за другой. К отделению капитан зашагал уже с ощущением лёгкой тревоги. Не успел он взобраться по ступенькам, как массивная дверь отворилась и выбежал парень с широко распахнутыми взволнованными глазами! Чуть не столкнувшись с Романом грудь в грудь он затормозил и, поскользнувшись, еле удержался, чтобы не грохнуться на задницу!

— Денис! — Роман схватил коллегу за руку и помог устоять. — Ты чего, как угорелый?! Лейтенант уставился на капитана, будто ему сказали, что он выиграл миллион.

— Роман Павлович?! А вы где были?!

Поставив его, чтобы не падал, Роман важно оправился и произнёс, стараясь выглядеть спокойно и уверенно:

— Да вот дочери утром что-то дурно стало; в больницу возил... — И, оглянувшись на пустующую за спиной парковку, добавил уже удивлённо: — А где все машины?.. Куда девались?..

С горящим от возбуждения лицом, с глазами, ставшими, наверное, уже размером с кокосы Денис застрочил, как пулемёт:

— Срочный вызов, Роман Павлович! Кто ни есть все уехали! Я сам только по поручению Понятовского и задержался, а вообще тоже должен уже с остальными быть!

— Да что случилось? — Роман нахмурился. — Что за суета?..

Денис помотал головой.

— Точно не знаю. Ребята сказали, что какая-то крупная драка в «Бессоннице». Это клуб ночной, на Дзержинского. То ли бандиты разборку устроили, то ли нацики нерусских прижали... Я до конца не понял, знаю только, что там уже два автобуса задержанных и то ли пять, то ли шесть двухсотых.

Роман громко присвистнул.

— Вот именно! — Денис кивнул. — Надо спешить!

В этот момент Птачек почему-то подумал, что лейтенант сейчас скажет что-то типа: «Везёт вам, что текучкой не занимаетесь»... Денис и в самом деле задержался. Уже сделав шаг мимо он снова остановился и, взглянув на капитана то ли с любопытством, то ли с переживанием добавил:

— Придётся вам наверное, Роман Павлович, своими силами обходиться, ежели вдруг чего: ни одного не припаханного к делу опера вы сегодня не найдёте. — Он отвёл глаза, скептически выгнул губы. — Хотя... Миша, возможно, будет свободен. Ему зачем-то надо было в прокуратуру ехать, полковник его отпустил... Ну да ладно! — Денис махнул ладонью. — Побежал я!

— Давай-давай... — Роман поднял ладонь в ответ, его взор упёрся в уже удаляющуюся молодую спину. — Поосторожнее на поворотах...

Никого по дороге больше не встретив тише тени Роман пробрался мимо двери Понятовского и уже через минуту оказался у себя. Усадив задницу в ставшее уже родным кресло капитан тут же принялся за рутину — то есть за работу с документами. Новые папки. Старые тома. Исписанные бумажки. Пошарканные, десятки раз снятые и надетые мультифоры. Виснувший на рабочем компе «ворд»... Труд необходимый, но такой ненавистный! Читать всё это ещё куда ни шло, но вот составлять...

Как-то очень быстро от чтения с печатаньем дело перепрыгнуло к разглядыванию фоток с последнего убийства. Закинув ноги на стол, в полной, безлюдной тишине Роман стал перелистывать снимки один за другим. Вглядывался в положение тела, в кровь на кухне. В

то, как испачкана одежда убитого, как он сидит в машине... точнее как его усадили. Поняв, что ничего нового он не видит, Птачек взял копию стиха и принялся перечитывать. Читал просто. Читал между строк. Искал спрятанный шифр. Искал тайный смысл... Но какой тайный, если всё на поверхности, если в стихе чуть ли не на прямую говорится, что этого самого Эммануила КАРАЮТ?.. Что его НАКАЗЫВАЮТ за что-то?.. С убитого мысль сам собой перепрыгнула на директора театра: если Эммануил «запятнал себя, замарался» — то где же он это сделал? Уж не на работе ли?.. И этот пустой, ничего не давший разговор с Валерием. Что-то с ним точно не так, с этим напыщенным...

В дверь постучали. Не успел Роман открыть рот, как она распахнулась и порог переступил мужчина лет тридцати. Коротко стриженный, в тёмной форме и в погонах с четырьмя звёздочками. Сверкнув небритым и почему-то мокрым, будто только что пил из-под крана, подбородком он уставился на Романа маленькими, близко посаженными глазками.

— Привет, Ром... — Миша протянул ладонь. — Чем занимаешься?..

На Птачека дыхнуло чем-то несвежим — то ли нечищеными зубами, то ли перегаром. Или смесью... Не подав вида Роман протянул руку в ответ. Поздоровались.

— Да вот... — Он кивнул на бумаги. — Разгребаю потихоньку... А что?

Миша покрутил головой. Остановившись взглядом на стуле он взял его и с неприятным брэнчанием пододвинул. Усевшись, Кривкин закинул ногу на ногу, а в заброшенное наверх колено уткнулся ещё и локтем, подпёр ладонью щёку.

— Слушай, Ром, такое дело... — Он шумно вздохнул. — Выручай... Мне в прокуратуру надо съездить, кое что забрать, а машины у меня нет — Петрову отдал... Да ты его и не знаешь... Все сегодня в «Бессонницу» помчались, там какая-то херня приключилась; вот я колёса ребятам и одолжил... — На мгновение Миша умолк, его взгляд опустился на бумаги у рук сослуживца, снова поднялся. — Ты же всё равно только этим маньячилой занят, по сути ни над чем важным и не работаешь...

Роман сглотнул. Стараясь держать дыхание ровным, не выдать ни единой гримасы он пригляделся к собеседнику внимательнее.

Глаза Кривкина покрыты красной капиллярной сеточкой и немного отсвечивают, будто масляные. Пиджак на боку помят, пуговица на манжете правой не застёгнута. Волосы на голове, хоть и короткие, но с левой стороны торчат, точно корова лизнула. Наводит на мысли... Хотя сейчас, когда его рот закрыт, пахнет только одеколоном.

Разглядывая коллегу Роман на самом деле уже знал, как ответит. Просто тянул время и думал, в какой форме.

Понятовский высказался ясно — работать только над маньяком. Да и Миша этот уже успел себя показать, ага... Просто ничего не хочет делать он; завалиться бы ему спать, да чтоб не видеть никого. С дочерью ещё сегодня такое получилось... Нет, короче, настроения помогать тут всяким...

Стараясь не выглядеть брезгливым и говорить мягко, с деланным сожалением Роман скривил губы и двинул плечами.

— О... Прости, Миш. Извини, не получится. Работы много. Зарываюсь. Не мог отвлекаться.

Глаза старшего оперативника стали такими, словно ему отказали не в просьбе, а на приказ! Поморгав, он даже убрал ладонь от щеки, выпрямил спину и произнёс, дуясь от важности:

— Рома... Да дело-то ведь срочное! Кто-то же должен съездить! А я не могу... Ты единственный в отделении, Рома! Ну чего тебе стоит?..

На мгновение Роман и в самом деле подумал, что лучше съездить — нельзя ведь вредить общему из-за личного... но запах изо рта гостя его вновь отрезвил. Сделав голос жёстче, говоря уже не по-приятельски, а скорее официально Роман отрезал:

— Миша... Понятовский дал мне прямое распоряжение — заниматься лишь своим. Вот я и занимаюсь. А ты уж извини, у меня работа...

У Кривкина чуть челюсть не отвисла! С удивлением Роман обнаружил, что на него смотрят, как на наглеца.

— Роман Павлович... — Миша медленно поднялся. — Я с вами вообще-то не как друг разговариваю, а как близкий к начальнику... Если вы не желаете по моему поручению идти...

Спинномозговой ум сработал раньше, чем рациональный. Поймав момент, с уже не прикрытой холодность во взгляде Роман вставил:

— Ты можешь сам, Миша, идти. Туда, куда пожелаешь...

Температура в кабинете рухнула ниже нуля. Взгляды капитанов скрестились как шпаги! В полной тишине сталь их взоров выбила невидимые искры! Которые тут же погасли и ледяным чёрным пеплом упали на пол.

Миша моргнул первым. Покряхтев, будто не своим голосом он произнёс:

— Хорошо, Рома... Если ты так желаешь...

Не собираясь слушать, ответят ли ему, старший оперуполномоченный развернулся и, задирая подбородок и наигранно широкий в плечах, из кабинета вышел. Открыв дверь закрывать он её не стал, так и оставил распахнутой.

Слушая, как удаляются его шаги, Роман глядел на дверной проём. Когда они окончательно стихли он медленно и глубоко вздохнул. Пальцы его со вдохом сжались и так же медленно с выдохом разжались. С натянутыми, как канаты, желваками, стараясь не ломать попадающие ему в руки мелкие предметы и не обращать внимания на раскрытую дверь капитан Птачек попробовал абстрагироваться и своё занятие продолжил.

Интерлюдия

Утро субботы выдалось непривычно мягким, даже как будто тёплым. Ветер не колышет за окном деревья, иней не покрывает прилепленный к форточке уличный градусник. И, хотя горят ещё фонари и даже видны россыпи звёзд, кажется, что сегодня будет светло и безоблачно, как летом после грозы.

Плотно позавтракав человек сгрузил посуду в раковину и сразу пошёл в коридор. Переступив через приготовленный с вечера рюкзак он небрежно накинул серую старенькую куртку, потом такую же поношенную вязаную шапку и тёмный, истёртый шарф. Воткнув ноги в истоптанные, не знающие щётки зимние ботинки человек закинул рюкзак на плечо и, напоследок взглянув в зеркало, вышел из квартиры.

Спустившись и распахнув подъездную дверь, через порог человек переступил неспешно. Взгляд его пробежался по округе... Не без удовольствия не найдя никого он остановился на чёрной, неприметной в утренних сумерках «калине». Спрятавшаяся у торца дома она как бы с опаской выглядывает из-за угла и робко косится на временного владельца.

Чувствуя через не застёгнутую куртку холодок человек повернулся к машине и зашагал широким, уверенным шагом. Не вынимая руку из кармана он направил на неё брелок — «калина» звучно подмигнула, щёлкнули замки на её дверях. Подступив к авто, человек распахнул переднюю. Небрежно кинутый рюкзак приземлился на сиденье прямо за водителем креслом. Приняв хозяина, машина сразу заурчала на своём механическом железном языке; фары, однако, погасила. Так и ворчала жестяная кобылка, пока минут через пять снова, точно проснувшаяся, не открыла глаза фонарей и ни побежала к выезду со двора.

Раннее утро субботы, если глядеть на дороги, не отличается от такого же, скажем, среды. Народу лишь чуть меньше — и только. Нет ещё и семи, а машины уже снуют туда-сюда, люди спешат на работу. На одном из перекрёстков тесно прижались друг к другу две иномарки. Пятеро стоят вокруг них. Хмурые, не разговаривают. Рядом сверкает мигалками третья — патрульные. Полненький, в большой смешной пшаке и с полосатым, свисающим с локтя жезлом записывает что-то в планшет служивый.

До Баныкина четырнадцать человек доехал быстро. Эту где только можно заставленную автомобилями девятиэтажку он видел уже много раз. Всегда, когда приезжает, здесь не протолкнуться. Даже сейчас, когда, казалось бы, часть дома укатила на работу и освободила места — большинство заняты. Весь первый этаж дома — магазины и банки, и когда уезжают одни, их места тут же крадут другие. Не сунешься.

Даже не пытаясь найти свободный прогал человек привычно свернул в соседний двор. К счастью там есть хорошее местечко... Закрытый когда-то треснувшим и высохшим, кажущимся большим скелетом деревом, недалеко от помойки ждёт пяточок. По какой-то странной причине никогда он не бывает занят. До того уже дошло, что «калина» заехала на свои собственные, оставленные позавчера следы.

Припарковавшись, человек заглушил мотор и обернулся, полез в рюкзак. Пальцы нащупали твёрдое. Снова выпрямившись в кресле он поднял руки — к глазам пристали резинки бинокля.

Третий подъезд, как и тысячи таких же, ничем не примечателен. Дверь широкая, металлическая, рядом засыпанная снегом лавочка. Выкрашенная в синее доска объявлений привлекает внимание возле тротуара. Занесённый, с торчащими из-под белой крупы

деревцами газон... Усиленный оптикой взгляд взлетел на пятый этаж. Все окна той самой квартиры потушены, свет горит только на кухне.

Она завтракает?..

Человек опустил руки, осмотрелся — не видит ли кто, как он подглядывает? Хотя... Можно не переживать: окна «калины» затонированы так, что снаружи то, что внутри, увидишь только если прижмёшься к стеклу лбом. Он специально такую выбрал, даже не стал спорить, когда за аренду потребовали больше, чем написали в объявлении. Просто недовольно посмотрел на жадного мужичка и заплатил сразу за несколько недель.

Ещё раз глянув на горящее окно человек откинулся в кресле поудобней и стал ждать. Минуло не меньше часа, прежде чем во двор заехала ярко-жёлтая «лада». Человек отложил книгу, взял бинокль. Водитель «лады» покрутил головой, потом посмотрел что-то на экране установленного прямо у руля телефона. Остановившись возле третьего подъезда он ткнул в гаджет пальцем и расслабился, закинул одну руку на руль, а второй провёл по блестящим, зачёсанным на затылок волосам.

Не прошло и двух минут, как свет на кухне погас. Человек глянул на часы — начало девятого... Ещё через минуту подъездная дверь открылась. Мощная оптика позволила разглядеть хозяйку квартиры.

Женщина редкой красоты. Длинные, цвета коньяка волосы путаются в меху тёмной норковой шубы. Ладони в чёрных, с меховыми отворотами кожаных перчатках. Несмотря на то, что одета по-зимнему, женщина умудрилась оставить декольте, в котором угадывается приподнятая грудь. Смотришь и думаешь — носит ли она лифчик?.. Глаза как национальные драгоценности — большие, круглые и блестящие. Губы розовые, пышные. На выглядывающих из-под волос ушах золотые с бриллиантками серёжки. Как есть жена депутата или олигарха...

Выйдя из подъезда, женщина поправила миниатюрную сумочку на локте и прогарцевала к машине. Когда задняя дверь захлопнулась, водитель прежде, чем ехать, обернулся и о чём-то пассажирку спросил. То ли в самом деле было, о чём, то ли просто у него глаза зачесались. Насмотревшись на клиентку, таксист снял ручник, ухватился за руль и погнал, широко разевая по дороге рот — видимо о чём-то рассказывая...

Убрав бинокль, человек и сам завёл мотор. Выждав минуту, «калина» взрыкнула и как взявшая запах ищейка покатила по следу жёлтой товарки.

Отстав поначалу метров на триста, виляя и перестраиваясь она подобралась к такси и поплелась на отдалении в две машины. Но длилось это недолго: от Баныкина до Центральной Площади всего-то бульвар Ленина пересечь — далеко не самый длинный переезд.

У театра такси сбавило обороты. Подкатив к широкому крыльцу машина встала возле ступенек. Свернув на перекрёстке к расположенному напротив театра универмагу «калина» вильнула меж двух грузовичков и притаилась на стоянке. Человек достал бинокль, взгляделся... и улыбнулся.

Не понимая, насколько смешон, таксист сразу, как остановились, протянул руку за деньгами. Когда же ему заплатили он, глядя на женщину, принял купюру так, словно в средствах вовсе и не нуждается, а на самом деле он богач, развлекающийся тем, что прикидывается простаком.

Выйдя из машины и тут же о нём забыв женщина завиляла бёдрами вверх по ступенькам. Она глядела под ноги, но вдруг, словно её окликнули, подняла голову. Человек

взвёл бинокль, прищурился. На верхних ступеньках лицом к гостю встал пожилой мужчина. Лицо сморщенное, с кустистыми серыми бровями. Сам в толстенной старой шубе и таких же штанах, выпущенных на каком-нибудь военном заводе ещё лет сорок назад. На воротник опускается седая нерасчёсанная борода, а в спрятанных в рукавицы ладонях застыла метёлка. Женщина замедлила шаг, остановилась. Пожилой чуть кивнул ей, потом отступил и с подчёркнутой галантностью приоткрыл парадную. Так же еле уловимо кивнув в ответ гостю опустила взгляд и, взявшись за воротник, скрылась в помещении. Закрыв дверь так же бережно, как и открыл, мужчина ухмыльнулся. Румянец коснулся его бледных щёк. Проведя рукавицей по бороде он, словно теплоход, выдохнул целое облако белейшего пара и перехватил черенок поудобнее. Метёлка снова взялась за работу.

Отложив бинокль человек снова проверил время — почти половина девятого. Всё по графику, без изменений... Управляемая его рукой, «калина» вновь взрыкнула и, вернувшись на бульвар Ленина, понеслась обратно.

Возвратившись она встала уже на привычное, будто специально для неё охраняемое старым «скелетным» деревом место. Нацепив простенькие садовые перчатки и закинув рюкзак на плечо, человек нажал на пульт — железная спутницы подмигнула — и двинулся к третьему подъезду.

Достав по дороге ключ, человек, как спешащий домой жилец, запрыгнул на крыльцо с уже вытянутой рукой. Домофон запищал, признавая знакомую контрольку. Магнитный замок щёлкнул. Отворив тяжёлую дверь, внешне спокойный, но внутренне напряжённый, с каменным лицом человек зашёл в подъезд. Наступила одна из самых лёгких и с тем же самых опасных стадий — пройти по общему коридору, как свой. Даже, если понадобится, улыбнуться случайному прохожему, поздороваться, изобразить учтвого соседа. И молиться, чтобы этого на самом деле не произошло и никто бы его не увидел.

Зайдя в лифт, человек поехал на пятый. Когда по прибытию жужжащие-шипящие створки полезли в стороны, он от неожиданности замер, точно параличом разбитый — из коридора долетел скрип несмазанных петель! Соседняя с нужной квартира как раз с такой старой, наверное, ещё с перестройки не меняной дверью; кто-то заходит или выходит!

Немного помедлив, с приклеенной, мёртвой улыбкой будто бы беспечного чужак вышел из лифта. С его первым шагом, одновременно с шипящими, сходящимися за спиной створками соседская дверь захлопнулась с таким бахом, словно её хозяин спешит поскорее ото всех спрятаться! С громким хрустом прокашлял о закрытии замок. Из-за двери протопали еле угадывающиеся шаги.

Человек не удержался от облегчённого выдоха. Теперь уже с прежней отрепетированной непринуждённостью он подошёл к угловой, красиво выполненной металлической двери. С молотковым покрытием, с золочёной ажурной ручкой в виде лепестка, с хитрым бронированным зеркальным глазком. И хотя на этаже кроме её соседки остальные двери не из дешёвых, но эта выделяется среди них, как шампуненный пудель среди овчарок.

Пальцы прощупали связку ключей, переменили магнитик на металлический штырёк. С уверенностью хозяина человек воткнул ключ в скважину, провернул...

С мягким хлопком дверь за ним закрылась и этаж опустел.

Перешагнув порог чужак оказался в красивом, художественно выполненном коридоре. Ноги встали на дубовый паркет. Вместо обоев везде шершавая укладка, похожая на розовый коралл. Глаза незваного гостя пробежались по искусным светильникам на стенах.

Загорелось, включённое его рукой, встроенное в белый потолок созвездие лампочек.

Убрав пальцы от выключателя человек разулся. Поглядев по сторонам он пошёл налево, в зал. Переступив порог он оказался в обширной, с высоким потолком комнате. У правой стены длинный, заваленный подушками бежевый диван. По углам такие-же в стиль ему два кресла. Напротив на стене широченный плазменный телевизор. Ниже столик с какой-то приставкой, от него по бокам высокие, как Эйфелева башня, колонки. Поймав взглядом дверь на лоджию и отметив, что та закрыта, человек развернулся обратно.

Когда он снова оказался в коридоре, его носа коснулся аромат женских духов. Сильный, обволакивающий. И как он сразу не унюхал?.. Ступая по запаху, как по следу из крошек, чужак прошёл мимо спальни на кухню. Здесь аромат парфюма смешался с запахом жирного, только что сваренного борща. Целая пузатая кастрюля остывает на плите, дожидается, когда уберут в холодильник. В раковине следы морковных отчинок, кожура лука. Валяется немытая, запачканная свёклой доска.

Хмыкнув, человек пробежался взглядом по и тут не копеечному наполнению. Что ни возьми — красивое, искусное, ценное. Явно заказной столик на шесть персон с выставленными спинками наружу стульями. Множество забитых чем-то шкафчиков, в половине которых несомненная декорация. Красивые, но редко когда использующиеся предметы типа хрустального сервиза. Множество новенькой техники вплоть до посудомоечной машины. Даже плывущий по песочным волнам кораблик в винной, привезённой явно из заграницы бутылке.

Мазнув глазами по такой же, как и в зале, закрытой двери на лоджию, человек побрёл назад. Не доходя до прихожей он свернул в спальню.

Перешагнув порог, человек вошёл в комнату с приглушённым светом. Окна нет, но, будто изображая его, на стене напротив большое квадратное зеркало. Заключённое в элегантную деревянную раму оно стоит на таком же элегантном деревянном комод. Справа от него маленькое бежевое креслице — на такое садятся, чтобы надеть носки. Слева широкая, точно так же, как комод или зеркальная оправа, вырезанная из дерева кровать. Накрытые толстым шерстяным пледом у её изголовья выглядывают пуховое одеяло и белые пышные подушки. Положись на одну такую и утонешь вместе с ушами...

Человек сделал несколько шагов, остановился. Его взор коснулся стоящих по бокам тумбочек. На каждой по интересному, напоминающему домик с высокой острой крышей светильнику, но на ближайшем ещё и рамочка с фотографией. Человек протянул руку, его пальцы тронули стекло, поднесли к глазам.

На снимке два улыбающихся лица — мужчина и женщина. Нарядные, в белой и чёрной праздничных одеждах они обнимаются и щека к щеке смотрят в камеру. На ней свадебная фата, на нём строгий, хорошо смотрящийся фрак. В уголке дата — пять лет назад...

Поставив рамку на место человек выпрямился. По квартире прокатился его глубокий, шумный вздох. В общем-то не в первый раз он увидел всё это. А ходил туда-сюда так, для разведки... и для снятия некоего лёгкого, немного электризующего волнения — неизбежного следствия продолжительной слежки за жертвой. Можно убить того, кого видишь впервые и забыть о нём через минуту, но если изучаешь его, наблюдаешь за ним... если долго за ним подслушивать, подсматривать... хочешь не хочешь, а внутри что-то да и шелохнётся.

Мужчина на фото — муж этой женщины. И живут они будто бы ладно, разводится не собираются, однако союз их удивителен: мало кто, обладая всем знанием, скажет, что они

друг другу подходят. Подходили, быть может, как раз пять лет назад, но сейчас... Мужчина этот, явный лопух, хоть и не подлая, не гнусная душа, работает обыкновенным сварщиком и ездит на вахты. Вот и сейчас его нет. И вернётся не раньше, чем через месяц. Интересно: если бы он узнал, что знает человек, стоящий теперь в их спальне, около их кровати... если бы он это знал... или бы даже видел!.. что бы он сделал?..

Эта мысль незваного гостя несколько позабавила, но очень быстро он эту потеху прервал; центральное место в его голове вновь занял план. План, который, если хочешь успеха, нужно исполнять пошагово и от которого нельзя отступить.

Вернувшись в прихожую человек достал из рюкзака пакет. Упаковав ботинки он спрятал разбухший мешок обратно и, тщательно убрав следы, возвратился в спальню. Ещё дома прикинув все заранее проверенные размеры человек уверенно опустился на колени и запихнул рюкзак под кровать, под самое изголовье. Толкнув его подальше, следующими он снял куртку и шапку. Сунув к рюкзаку и их человек остался лишь с двумя вещами на руках — с чёрной лыжной маской и широким, однолезвийным охотничьим ножом. Таким можно резать кожу носорога и даже, если постараться, оттяпать рог у оленя. Острое лезвие. Качественная ковка. Очень удобная пробковая ручка.

Любовно покачав оружие на ладони человек нацепил маску и, лёгши на спину, бочком-бочком заполз под кровать сам. Устроившись, чтобы ничего не мешало не шуршало, сжимающую рукоять ладонь он положил на грудь. Закрыв глаза. С этого момента время потянулось по-особенному...

...Возможно в какой-то момент он заснул. Всё-таки трудно долго лежать в темноте, в полной тишине и быть каждую секунду собранным. Человек почувствовал, что очнулся. Он думал, что лежит и думает ни о чём, но оказалось дремлет. Хруст замка заставил взволноваться, как выстрел!

Пальцы свалившейся на бок руки нащупали откатившийся нож. Чужак тихо и очень глубоко вздохнул. Весь он превратился в слух.

С громким щёлканьем замок наконец-то сдался, пронёсся с характерным звуком воздух... Процокали каблуки, зашаркали о коврик подошвы. Звонкий, но уставший женский голос возвестил:

— Фу-у-ух! Ну наконец-то!

В прихожей началось шуршание, возня. Чуть погодя лишённые уже каблуков шаги протопали к спальне. Человек повернул голову — на пороге показались две тонкие, покрытые колготками женские стопы. Резвым шагом стопы пробежали к кровати и унеслись вдруг ввысь... Сверху бухнуло, матрас закачался. Женский голос продолжил:

— О боже... Ка-а-ак же я уста-а-ала...

Проморгавшись, чуть не чихнув от брызнувшей в лицо пыли человек посмотрел на наручные часы — без двадцати пять. Что-то она сегодня рано... Обычно не раньше семи возвращается. И суп приготовила... Кого-то хочет встречать?..

— Какой-же ты дурак... — Голос женщины прозвучал ещё утомлённее. — И думаешь только о себе... Дурак...

Недвижимый ещё наверное больше, чем таящийся в кустах волк, человек замер пуще прежнего. Крепко сжав зубы, боясь вздохнуть громче, чем падает пёрышко, несколько минут он вслушивался... но ничего более женщина не сказала. Точно заснув, она лежала беззвучно, будто на кровати вообще никого.

Прошло пять минут. Десять. Пятнадцать...

Когда мысленный хронометр сказал, что хозяйка квартиры не двигается уже очень долго, человек решил, что она всё-таки уснула. Однако стоило ему шевельнуться — и новые звуки вновь заставили его превратиться в камень.

— Ммммм!..

Матрас заколыхался. Издав шумный, полный утомлённости стон женщина наверху то ли выгнулась, то ли съёжилась. Сделав громкий, решительный вздох она будто подпрыгнула. С края свесились её лодыжки. Немножко посидев, хозяйка квартиры звонко зевнула. Встав, она зашагала прочь. Переступив порог её ноги свернули к кухне.

Во рту пересохло. Чувствуя колкость в горле человек неприятно сглотнул. Он увидел, как на кухне зажётся и почти сразу же погас свет. Через мгновение женские стопы тихонько проспешили в зал. Лампы загорелись уже там. Через пару секунд затараторил и телевизор.

Человек сделал движение выползти, но замер. Поняв, что двигается слишком неловко, он прислушался к ощущениям. Как всегда, когда дело подходит к финалу, напомнило о себе сердце. Предчувствуя скорую развязку, черпая в воображении образы будущего триумфа оно забилося в предвкушении лучшего из удовольствий! Забилося так, что звук его загрохотал в ушах барабанной дробью! Человек закрыл глаза и постарался выровнять дыхание. Минуту или две он лежал, слушал бормотание переключаемого с канала на канал телевизора и приказывал себе уняться; прогонял образы своего превосходства, прогонял мысль, как будет могущественен, когда станет убивать. Он старался представить только пустоту. Пустоту внутри, пустоту снаружи. Ничего больше.

С трудом, с явным нежеланием, но сердце всё-таки угомонилось. Оно хотело насладиться предстоящим без оглядки, но контроль, к сожалению чувственного, вновь забрало рациональное. Из животного, не могущего держаться, чуть ли не брызгающего слюной при мысли о крови человек вновь превратился в холодного, расчётливого убийцу. Убийцу, который в очередной раз педантично проверил время — пять минут шестого — и сказал себе: «Пора».

Движение за движением незваный гость выбрался из темноты. Шум телевизора заглушил лишние звуки, а заждавшаяся рука перехватила нож поудобней. Облачённые в перчатки, уже потеющие пальцы суетно сжались на рукояти. Выпрямившись в полный рост человек занёс кисть для быстрого, если понадобится, защитного удара и покрался по коридору.

Ступая тише кошки, дыша тише мыши, шажок за шажком чужак подступал к зальному порогу. Взгляд его держался на светящемся проёме. Его настороженный слух искал в бестолковом бормотании телевизора тревожное: вдруг женщина вновь захочет куда-то отправиться?..

Приблизившись к косяку на расстояние ладони, еле дыша от волнения и старания не раскрыться человек выглянул одними глазами.

Всё ещё в рабочем, хоть и не скрывающем соблазнительных форм пиджаке, в строгой, немного мятой юбке женщина поджала ноги и сидит на диване. У её белых, не тронутых солнцем стоп открытая коробка конфет. Элегантными пальцами женщина цепляет конфету, кладёт в рот и медленно разжёвывает. Взгляд её на экране, ничего другого она не замечает. Во второй её ладони пульт. Облокотившись на подушку женщина целится им в телевизор и, морща нос, каждые несколько мгновений переключает на новое.

Глубоко, уже не таясь вздохнув, человек переступил порог. В эту секунду телевизор моргнул, возникло мельтешащее изображение: юная, в рваной испачканной одежде,

на смерть перепуганная девчонка бежит от болотного монстра. Тёмная ночь и дождь. Монстр догоняет... Споткнувшись о корягу девчонка падает! Резко развернувшись она видит нависшее над ней чудовище...

Заметив, что в комнате посторонний, женщина испуганно повернулась; её мгновенно округлившиеся глаза остановились на незнакомце... коснувшись маски с прячущимся за ней жестоким лицом они испуганно застыли на грозном, прямо-таки мясницком ноже...

Облик женщины исказился, её прекрасное лицо превратилось в образину ужаса! Рот хозяйки квартиры открылся, она набрала воздуха...

Чувствуя себя уже не живым, а скорее чем-то природным, таким как молния, торнадо или неостановимая волна цунами человек метнулся! Крик, уже было вылетевший из искажённых страхом уст застрял у обречённой в горле! Губы её сдавила тёмная, пахнувшая потом перчатка. От неожиданности несчастная дёрнула рукой — пульт подпрыгнул. Ударив женщину по запястью он свалился под её локоть.

Навалившись на трясущуюся, скованную ужасом жертву убийца вдруг понял, что его слух что-то нестерпимо режет... Повернувшись к телевизору он с досадой заметил бегущую внизу экрана стрелку громкости. Шум нарастает с каждой секундой и вот уже достиг пика! От кошмарного гама заболели уши, а фильм ужасов теперь точно уже услышат ВСЕ.

Женщина дёрнулась, попыталась вырваться. Напавший сдавил злее. С уже некрасивых, измалёванных помадой губ его перчатка прыгнула на хрупкую женскую шею. Встретившись с несчастной взглядом убийца занёс нож для удара! В расширенных зрачках приговорённой отразился образ клинка...

В этот момент квартиру затряс дикий, *ж и в о т н ы й* крик! Девчонка на экране закрылась от чудовища руками, но это ей не помогло. Схваченная когтистыми лапами она истошно завопила и этот многократно усиленный колонками визг загредел с такой мощью, что и из ушей убийцы, и его жертвы, наверное, брызнула кровь! Человек даже не сразу заметил, что хозяйка квартиры кричит тоже; он лишь увидел, как она разевает рот, как её язык нервно дёргаются, точно бешеная змея. Весь слух, всё вокруг и в голове заполнил этот надрывающийся, полный ужаса киношный вопль!

Рука напряглась в резком усилии, блеснула в свете лампочек сталь! Чувствуя, как клинок вонзился жертве в самое сердце, в ту же секунду убийца отнял ладонь с её горла! Губы несчастной отвратительно скривились. На поистине магическую, волшебную секунду, когда она ещё жива, но уж мертва, женщина будто улыбнулась — или убийце показалось так. С раскрытым в беззвучном вое ртом, с ослепшими, ничего уже не видящими глазами хозяйка квартиры обмякла, стала тихой и лёгкой, как наполненная тёплой водой кукла. Глядя в потолок она погасла.

Заворожённый таинством отхода души человек понял, что он больше не слышит визга. Повернув голову он увидел на экране медленно уходящее в темноту чудовище. С длинных когтей капает кровь, за его спиной в грязи бездыханное тело...

Глубоко-глубоко человек вздохнул. Только сейчас до него дошло, насколько удивительно всё совпало. Ему даже подумалось, что, возможно, бог коснулся его... Взор с телевизора снова прыгнул на убитую. На мгновение задержавшись на её безжизненном, уже вовсе не пригожем лице он спустился на торчащую из бездыханной груди рукоять.

А крови-то почти и нет... Испачкан немного пиджак, да на диване несколько капель. Неплохо... Так тоже красиво...

Когда человек стал осматривать себя — не остывают ли на нём обличающие

крапинки? — напомнило о себе кино: став после смерти героини на краткое время тихим, оно вдруг взорвалось громкой сценой со спором полицейских, осматривающих труп. К шумным возгласам добавился ещё и вой автомобильной сирены. Гам этой кутерьмы оказался так невыносим, что человек болезненно сморщился; егохватило, только чтобы скорее закрыть уши.

По трубе застучали. Загрохотали так мощно и требовательно, что она аж затряслась! Со скорченной в пытке гримасой убийца подлетел к холодеющему телу и бесцеремонно его пихнул. В секунду пульт оказался в торопливых раздражённых руках, а с особой яростью вдавленная кнопка наконец-то заставила телевизор умолкнуть.

В квартире воцарилась тишина. После ужасного шума она показалась оглушительной. Какие-то мгновения человеку чудилось, что он всё ещё слышит звуки.

Взявшись за рукоять он медленно и аккуратно её вытянул. Капающая с клинка кровь запачкала пиджак убитой ещё грязнее. На диван и пол тоже сорвалось. Вытерши лезвие о юбку, человек пробежался взором по всё-таки ещё не до конца отчищенной стали. Осмотренный, клинок с шарканьем прыгнул в ножны.

Убрав ладонь с оружия, человек встал перед мёртвой и скрестил руки на груди. Задумался... Кивнув собственной мысли он развёл ладони и, стараясь двигаться беззвучно, завёл их под тело. Подхватив мёртвую человек понёс её ногами вперёд. Накапав немного и в зале и в коридоре он перетащил жертву в спальню. Хозяйка квартиры вновь легла на кровать, правда так, как никогда себе этого не представляла.

Уложив женщину головой на подушку убийца придавал её телу форму, словно она просто отдыхает; акцентированно левую её руку он отвёл вбок, будто хозяйка квартиры кого-то обнимала, но этот кто-то ушёл.

В поле зрения чужака вновь попала рамочка с фотографией. Улыбнувшись собственному остроумию человек взял её и положил у жертвы в ногах — ещё один намёк...

Оглядев получившееся убийца хмыкнул. Ему захотелось почесать подбородок, но он сдержался. Мысль даже случайно оставить на лице хоть какие-то следы почему-то позабавила его...

Повелев себе оставаться серьёзным человек нахмурился и огляделся. Сосредоточившись, он подошёл к комоду. Выдвинулся дёрнутый им верхний ящик. Пред взором предстала спрятанная шкатулка. Пальцы в перчатке приподняли хрупкую на вид крышечку. Сверкнул драгоценный металл. Причудливо залучились крохотные камушки. Ткнув указательным, чужак разворошил сокровища, копнул глубже. На его кисти повисло прекрасное, мастерски сработанное ожерелье: вместо цепочки свитое в тоненький канатец золото; на концах два золотых ушка, а на них, сцепленные воедино, застыли расплавленные золотые капли; сверкают рассыпанные по всей этой красоте бриллианты; светятся перламутром впаянные на кончиках капель жемчужины.

Околдованный блеском великолепия человек даже подумал взять трофеем именно это... Прогнав глупую, рушащую план мысль убийца оставил комод и шкатулку открытыми. Ступая аккуратно, обращаясь с ожерельем так, словно оно не из золота, а из стекла, он вернулся к кровати и деликатно, даже заботливо одел его на женскую шею. Убрав мешающие волосы набок и всё поправив, чтобы гармонировало, человек отошёл и снова взглянул на свой труд.

С закрытыми глазами, словно задремала, женщина лежит, склонив голову к плечу. Правая её рука покоится на животе, левая отодвинута, будто хозяйка кого-то обнимала. Меж

её лодыжек нарочито небрежно кинута фоторамка. На испачканной алыми кляксами груди восхитительное украшение. Одна из золотых капелек чуть-чуть не дотягивает до тёмно-красного, расплывшегося на левой стороне пятна.

Взгляд привлекло сочетание золотых, усыпанных бриллиантами серёжек с только что надетым на убитую ожерельем. Хоть и из разных мастерских, а нечто общее между ними явно есть... Осторожно, словно боясь женщину разбудить, человек нагнулся и ловко двумя пальцами снял серёжку с её левого уха. Сверкнув, блестяшка исчезла в кармане брюк. Из другого кармана, вынутый теми же пальцами, показался клочок бумаги. Лёгший на испачканный пиджак с одного уголка он сразу же замарался красным.

Взглянув на совершенное с удовлетворением, человек полез под кровать за рюкзаком. Удаление возможных следов, протирка спиртом там, где мог даже случайно чего-то коснуться — оставшееся он проделал уже на автомате, почти не думая. Когда закончил и встал на пороге, он вновь проверил время — без пятнадцати шесть.

Прикрыв, но не захлопнув за собой, как и чудовище из кино убийца растворился в вечерней темноте.

УЖИН И ЗВОНОК

Вечер субботы выдался унылым, как и все вечера недели, начиная со среды. Вторниковское убийство подхлестнуло чувства, обострило внимание; взглянув на работу «Поэта» как бы вживую Роман почувствовал желание ещё упорнее, ещё старательнее его ловить... но энтузиазм, даже поддержанный опытом, к сожалению бесплодно выгорел. С беспомощностью слепого следствие опять застряло в отсутствии улик и свидетелей. Среда, четверг, пятница... Ноль. Каждый день ноль. И суббота тоже ноль. Сто процентов затраченных усилий, ноль полученной отдачи. Зеро.

Задержавшись в субботу ещё позже, чем обычно, только в половине девятого Роман хлопнул ладонью по лицу, решил, что сегодня с него хватит и отправился домой. Вспомнив, что в холодильнике пусто а просить дочь что-нибудь сготовить нельзя никак, по дороге он купил пельменей.

Когда уже где-то в начале десятого капитан Птачек перешагнул порог квартиры он застал дочь, как и утром, валяющуюся на кровати и с невесёлым видом что-то в ноутбуке читающую. Вернувшаяся домой ещё вчера вечером, до сих пор Настя какая-то жёлто-бледная, будто придушенная ужом лягушка. Двигается вяло, не разговаривает и вообще больше походит на осенний лист, чем на живого человека.

Заглянув в её погружённую во мрак комнату Роман присел на краешек дочкиной постели. Согнувшаяся в позе эмбриона Настя лениво скосила на него глаза. С её уст сорвалось слабое:

— Привет...

Роман захотел тронуть дочь за плечо, однако болезненный вид ребёнка заставил его думать, что это причинит ей боль и он не стал. Бледно улыбнувшись капитан кивнул.

— Привет...

Оглядевшись, он заметил у ножки кровати начатую бутылку лимонада. Первой мыслью было рассердиться: врач чётко дал понять, что можно, а чего нельзя... Прогнав бессмысленный гнев Роман нагнулся, поцеловал дочь в макушку и, сделав вид, что ничего не заметил, пошёл на кухню.

Включив свет он с досадой увидел раковину, полную прошло-вечерней и сегодняшней-утренней немой посуды. С засохшими кусочками, отвратительно смотрящая она предстала немой упрёком его лени. Да ещё любимая тарелка в общей куче — просто так не поужинаешь...

Пока закипала вода, пока пельмени доходили Роман помыл всю посуду и сразу же, в ещё не высохшую но, слава богу, уже чистую наложил скромный холостяцкий деликатес. Из сушилки на стол встали две пиалы. В одной смешался кетчуп и майонез, во вторую налился соевый соус. Исходящее паром кушанье предстало перед голодным. Его правая держащая вилку пятерня принялась накалывать пельмешки и макать их по очереди то в розовый соус, то в чёрный. На краткое время, пока язык ещё не привык а желудок ещё не наполнился, Роман представил, что ужинает чем-то и в самом деле особенным.

Дуя на горячие мясные шарики, жуя и глотая Птачек невольно погрузился во всё чаще в последнее время преследующие его раздумья.

Во вторник, когда дело рук этого маньяка предстало перед ним воочию, Романа аж вдохновение пробрало! Мучительно уже уставший от пересмотра бесконечных бумажек он

решил, что уж теперь-то всё изменится! Теперь-то, когда делом занялся *он*, оно с мёртвой точки обязательно сдвинется! Он его сдвинет! А что там было до него — кто их знает, как прежние ребята работали?.. Могли ведь халтурить. Кто убеждённо скажет, что нет?..

С хмурым лицом, но с огоньком в сердце Роман устроил настоящую, кому-то бы даже показавшуюся лишней суету! Стараясь поймать неостывший ещё след Птачек наседали на криминалистов и оперативников, даже сам излазил дом убитого вдоль и поперёк; лично встретился со *в с е м и* соседями, даже с теми, кто мог оказаться поблизости только случайно и увидеть хоть что-то, пусть бы даже интересное в десятую очередь.

Теперь, спустя всего четыре дня, с неприязнью, с самоосуждением, от которых не может отделаться, Роман развёл руками и подытожил: у него пусто. Эта кровь, смерть этого несчастного стала не шагом к обличению душегуба, а лишь ещё одним эпизодом в деле о его злодеяниях.

Роман перестал жевать. Его самокритичное воображение нарисовало собственный образ, в котором Птачек явился себе не умным и толковым хитрованом-следаком, а бесполезным, серым, даже горбатым документалистом, способным только возиться с бумажками. Эта картина нарисовалась так ярко и отвратительно, что в тот же миг даже и пища показалась невкусной.

Какой-то шум выдернул из мрачной задумчивости... Роман сдвинул брови, повернулся к выходу. Идиотически смеющийся, кричащий... и внезапно плачущий из комнаты дочери покотился гам. Капитан Птачек пригляделся: дверь в комнату Насти закрыта, но не совсем. Видно, как дочка смотрит что-то теперь уже в телефоне, как на его экране быстро мельтешат картинки. Но вот звук поменялся, теперь уже говорит некий молодой голос. То ли фильм какой критикует, то ли к митингу призывает...

Роман напряг связки:

— Доча! Сделай, пожалуйста, потише!

Ответа не последовало, но шум немедленно поубыл, а потом и вовсе стих. Роман увидел, как Настя втыкает наушники.

Этот чуть досадивший, заставивший обратить на своего ребёнка внимание случай привёл капитана к следующей, тоже всё чаще посещающей его мысли...

Убийство Эммануила, режиссёра-постановщика театра, куда они совсем недавно ходили... Это ведь знак! Много лет назад, ещё когда службу только начинал, окунувшись в грязь и нечистоты, в которых прямо-таки плавают служители Юстиции, Роман оказался шокирован до дрожи! Покидая семью хоть на час он думал: «Как там жена? Как там дочь?» Расследуя убийства, изнасилования, ограбления, суициды и прочее он тревожился: «А вдруг это коснётся моих? Вдруг какая-то разборка, чей-то чужой конфликт, чья-то пьяня рука на руле — да что угодно! Стать жертвой обстоятельств может каждый! Как же уберечь родных?..» Это притупилось со временем, но не исчезло. Став в вопросах личной безопасности для семьи кем-то вроде скучного, но не слишком надоедливого учителя Роман утешал себя, что если что — он кого угодно растерзает! Он пойдёт на всё — на любой, требующий хоть отваги, хоть ума, хоть даже подлости шаг, но своих в обиду не даст! Или в крайнем случае отомстит... Ныне же эта уверенность истончилась. Ещё только недавно они ходили в этот театр, а теперь один из его работников мёртв; убит кем-то, кто считает себя способным нагадить и уйти безнаказанным, и не без основания... Да к чертям скромность! Кем-то, кто убивает и остаётся безнаказанным на самом деле! И кто убит — почти сосед. Человек, живущий всего в десяти минутах от их дома! А кто же убийца — быть может

другой сосед?! Тот, с кем здороваешься за руку?! У кого покупаешь хлеб?! К кому ходишь стричься?..

Роман заметил, что от волнения сжал вилку так, что она согнулась. Пельмени давно остыли, а он сидит, уставившись в тарелку, только разве что слюни не пускает...

Убийца рядом, и это не какой-то одноразовый грабитель, нет; это человек с извращённым, но весьма острым умом. Ладно сам — себя не жалко. Старость приходит и с каждым днём говорит всё убедительнее, что ты смертен, что однажды час стукнет, что тебя когда-то обязательно не станет; будь готов... Но дочь! Ведь она молода и ещё так неопытна! Кто даст гарантию, что этот сумасшедший, опьяневший от безнаказанности подонок не выберет следующей мишенью её?! И как же защитить её — под замок запереть?.. Мысль столь же глупая, сколь и вредная. Нет. Хороший способ есть только один — злодея поймать, и как можно скорее. Но как, если он неуловим?..

Прошуршав по скатерти, тарелка остановилась на противоположном крае стола. Роман скрестил руки на груди и немного посидел, подумал. Не заметив за собой он нервно закусил большой палец, взгляд его стал отрешённым... и вдруг сосредоточился. Резко кинув сжатые кулаки на стол капитан шумно вздохнул и собственному решению кивнул!

Надо дочери всё рассказать! Хоть и не хочется её пугать, но правильнее всё-таки это сделать: лучше пусть она узнает от него, чем как-то иначе, и пусть лучше она будет беспокойна, но насторожена, чем в сонном неведении. Да, так и надо сделать...

Снова кивнув собственным мыслям Роман обнаружил, что у него першит в горле. Прокряхтев совсем, как старый дед, он почавкал и приготовился вновь наярять связки; набрал побольше воздуха... и наткнулся взором на дочь, всё ещё смотрящую ролик. Глаза Птачека остановились на еле заметных проводках, свисающих из её ушей.

Устало вздохнув, со всей неохотой замаявшегося Роман встал и, шагая в медленную развалку, подошёл к Настинной комнате. Остановившись у двери он оперся локтем о косяк и простоял так с минуту, пока дочь его ни заметила.

— Па-ап! — Настя выдернула один наушник и, закатив глаза, демонстративно хлопнула по сердцу. — Ты чего так подкрадываешься?!

Горло вновь предательски запершило. Глядя на своего ребёнка Роман мотнул головой.

— Пойдём, доченька, на кухню. Посидим вместе, поболтаем... Разговор есть.

Настя прямо-таки напоказ с неудовольствием громко вздохнула и сжала губы. Пальцы её что-то понажимали в телефоне, но с места она не сдвинулась. Не став лишней раз настаивать Роман развернулся и поплёлся обратно.

Вернувшись на кухню капитан встрял на пороге: взгляд царапнули недоеденные пельмени... Спрятав всё в холодильник Роман присел как раз в момент, когда из тени коридора на свет вышагнула, болезненно морщась, Настя. Держа в одной руке лимонад, в другой телефон, с предельно кислым лицом она не села напротив, а скорее свалилась. И сразу же, как локти легли на скатерть, её пальцы стали что-то в телефоне листать. Не замечая ничего иного Настины глаза вновь уткнулись в экран.

Глянув на бутылку в её руках Роман подумал, что и ему чего-нибудь бы выпить. Поднявшись и подойдя к плите он спросил из вежливости:

— Доченька... Будешь чай?..

— Нет, спасибо...

Чайник наглotalся воды и прыгнул на огонь. Приготовив рядом с плитой кружку с пакетиком Роман вернулся за стол и взглянул на дочь уже требовательно и даже грозно.

Неохотно телефон отложив Настя подняла на него красноватые, будто невыспавшиеся глаза. Её лицо приняло выражение вынужденности.

— Да, пап, чего ты хотел?..

Не дожидаясь, когда ей что-то скажут, она свинтила крышку и припала к горлышку.

Роман думал, что начнёт быстро, со скоростью, с которой его мысли бежали всего несколько минут назад. Нездоровый вид дочери его охладил. Вместе с Настей на кухню будто вползла атмосфера киселя, болота или речки, прекратившей течение. Роман еле отыскивал подходящие слова, чтобы приступить.

— Доченька... Тебе сейчас надо сосредоточиться и выслушать меня крайне внимательно; речь пойдёт об очень важном...

По-черепашьи, словно в замедленной съёмке Настя моргнула. Её губы не двинулись, замерли прямой линией, но её взгляд сказал: «Не тяни»...

Роман кашлянул в кулак.

— Помнишь мы недавно ходили в театр? Недели где-то две назад. Так вот... Как бы тебе сказать...

Взгляд Насти намекнул, что можно сделать это как вздумается.

— Видишь ли... — Роман взглянул дочери прямо в глаза. — Работающего в этом театре человека на этой неделе нашли убитым. И скорее всего убил его тот самый маньяк, про которого я тебе рассказывал...

Настя заморгала живее, даже головой помотала, будто ослышалась.

— Чего?.. — Сама того не подозревая она прищурилась и нахмурила брови совсем, как это делает родитель. — Убили кого-то в театре, куда мы ходили?..

Выражение Романа стало холодно-разумным. С сухой, привычной на работе деловой миной он кивнул, а равнодушно-нейтральный тон дал почувствовать себя в своей тарелке:

— Да. Его нашли во вторник, но убили, криминалисты говорят, в воскресенье. Дело было так...

Пропустив всё самое грязное и насчёт стихов Роман посвятил дочь в детали. Только про разговор с директором театра умолчал: выкладывать это показалось лишним. Мало-помалу, как история шла к завершению, глаза Насти округлялись; когда же в конце Роман произнёс: «Да, вот так. Совсем рядом с нами, доченька моя. И не алкаши какие поножовщину устроили, не бандиты. Маньяк, дорогая моя. Самый настоящий маньяк»... они стали огромными, как планеты! Даже челюсть её отвисла — воробей заскочит!

Заметив, насколько дочь поражена, капитан Птачек собранность растерял. Опустив взгляд он буркнул:

— Вот такие вот дела...

Надрываясь и надувая металлические щёки засвистел чайник. Роман спешно поднялся, огонь выключил. В кружку побежал кипяток. Тощий черноватый пакетик разбух, пустил в воду цвет. Роман помешал, прильнул губами к краю — и тут же отпрянул, больно ожёгшись. Вернувшись за стол он поставил кружку перед собой и сложил руки, как делал когда-то в школе — по-ученически. Стараясь продолжить с прежним тоном он подытожил:

— Доченька... Я хочу, чтобы ты восприняла меня серьёзно. Будь всегда осторожна, особенно с незнакомыми. А для тебе сейчас все незнакомцы... Помни, чему я учил тебя, как надо защищаться. Следи за окружением, будь подозрительна. Раз уж у нас тут такое делается... Ворон считать нельзя.

Губы Романа превратились в сжатую, кривую черту; его обращённый к дочери взгляд

исполнился вниманием. Странно, но то, что сперва показалось в ней тревогой, теперь видится задорным возбуждением. Или просто дочкин болезненный, всё ещё страдальческий вид мешает лучше понять её мимику?.. Настя выглядит и так, словно ей раскрыли страшную тайну, и так, будто ей рассказали анекдот: и не улыбается, и не тяготится. Середина между смятением и весельем. Странная, но, если честно, понятная смесь: для детей всё волнительное, пусть даже страшное — это приключение; и этот вот душегуб, который, быть может, курит сейчас на углу соседнего дома — тоже.

Роман осторожно спросил:

— Доченька... Ты меня услышала?..

Настя, будто скинув оцепенение, вновь быстро заморгала — её ресницы заносились вверх-вниз, как крылышки перепуганного мотылька! Стремительно качнув головой, от чего её черные длинные волосы чуть не попали в отцовский чай, она заверила:

— Конечно, пап! Я что, по-твоему, рассеянная?.. Не волнуйся, пап, я тебя услышала. Просто... ну... я офигела, если честно...

Еле сдержавшись от замечания о грубости Роман довольно кивнул. Взяв уже чуть поостывшую кружку он глянул на дочь одновременно и серьёзно, и с уже тёплой, отеческой лукавкой. Глаза его остались требовательными, но голос помягчел:

— Пообещай мне, доченька, быть осторожной. Пообещай быть недоверчивой. Если вдруг с тобой что случится — ты же знаешь, я не переживу...

Настя закивала. Голос её прозвенел так живо, словно гадкая слабость её уже давно покинула:

— Пап — ну о чём ты говоришь?! Я же дочь следователя! Мне кажется ты сначала научил меня быть подозрительной, а потом уже только ходить!

Они рассмеялись. Весело, улыбаясь, глядя друг другу в глаза.

— Ну хорошо, иди... — Роман великодушно помахал пятернёй. — Устала уже, наверное, старика-то своего слушать...

— Я тебя люблю. — Настя поднялась и, всё-таки макнув самыми кончиками в отцовскую кружку, укололась губами о небритую родительскую щёку. — Ты извини, я пойду, полежу. Мне правда что-то не здоровится...

Роман почувствовал, что тронут. Тон его стал извиняющимся:

— Конечно-конечно! Ступай.

Настя уже повернулась, уже сделала шаг прочь, когда голос отца прозвучал вновь:

— Доченька, подожди... Ещё кое что...

Она обернулась... и с удивлением обнаружила, что родитель смотрит на неё как-то неуверенно, даже робко. Отец закусил губу, а увидев, что Настя это заметила, постарался поскорее принять вид спокойный.

— Да, папуль?.. — Настя приподняла подбородок. — Что такое?..

На краткое, совсем мизерное мгновение родительский взгляд рухнул куда-то под стол, а его пальцы на кружке сжались так, словно та может ускакать! Кадык его скакнул вверх-вниз, послышался приглушённый глоток... Вдруг брови прыгнули вверх! В секунду лицо его просветлело, точно он мучился тяжёлым вопросом, но вот решил его. Посмотрев на дочь с теплотой Роман цыкнул и небрежно отмахнулся.

— Да так, мелочь, ничего важного. Иди.

Задержавшись ещё немного, чтобы понять, что больше она ничего не услышит, Настя двинула плечами, развернулась и с бодростью здоровой ушла к себе. Роман видел, как,

ляпнувшись на кровать, она схватила телефон в обе и стала быстро что-то набатывать. Пропели мелодии нескольких полученных сообщений. Дочь с головой нырнула в переписку.

Роман недовольно скривился. Звучно отхлебнув горячего он постучал по столешнице пальцами, прислушиваясь к этому звуку. Без всякой цели взгляделся в кружку.

Настя-то, поди, только что услышанное друзьям выбалтывает. Интересно — самарским или уже местным?.. Роман устало вздохнул: запрещать такое бесполезно. Кровавых подробностей он ей и сам не выдал, а если приказать обо всём с другими молчать, то она лишь не будет делать этого при нём, но сделает позже, когда он не увидит. Ладно... Главное — саму её предупредил, чтоб не зевала. Отцовскому сердцу будет хоть немного спокойнее, хоть чуточку легче. Всё-таки дочка-то у него, слава богу, не дура...

В согласие с этим Роман покачал головой и снова взялся за кружку. Кипяток обжёт горло, язык с недовольством ощутил искусственную горечь не чая, а будто жмыха. Даже гадкую кислоту красителя почувствовал. От этого стало противно и, хотя не так, чтобы как от несвежего лимона, но лицо капитан всё равно приобрело неприязненное, с оттенком презрительности выражение, будто он посмотрел на обоссавшегося пьяницу или на кого-то из коллег, виляющих хвостом перед высшим чином. Глядя на это искажённое брезгливостью выражение мало кто догадался бы, что именно сейчас такой подчёркнутый негатив Птачек испытывает по отношению к себе... Подумать только! Стоило лишь решить вопрос с дочерью, как в голове Романа тут же, как бы ни гнал её, как бы не старался избавиться, заглушая общую кутерьму зажужжала постыдная, как он сам считает, мысль о Даше...

Эта девчонка не лезет из мозга ни в какую, держится насмерть! Это как какая-то болезнь! Проклятие! После вторника она вместе с Настей больше не появлялась. И куда она пропала?.. Сама до дома добирается?.. Спрашивать дочку стыдно до жути... но как же хочется! Эх, Роман-Роман...

Воля взрослого сорокалетнего мужчины, способного принудить себя к тяжёлому труду, способного заставить пойти себя на страшное, на жертву... эта воля оказалась неспособна подавить настырные воспоминания об этой необычной девушке. Как дерзкая захватчица Даша врывается в Романово воображение когда бы ей ни захотелось! Днём ли, ночью ли. В работу или в отдых. Дошло даже до того, что капитан начал подумывать каждый раз, когда при воспоминаниях о ней сердце вновь мучительно вздрогнет, больно щипать себя и такой злой привычкой наконец от страсти, что как токсин, как психический яд поразила его сознание, избавиться!

Ноздри Романа раздулись и приподнялись; губы выгнулись горькой дугой. На стоящую перед ним кружку он посмотрел так, что если б взглядом можно было разбить, она разлетелась бы в дребезги! Такое выражение возникало у него в минуту, когда за мысли об этой девчонке он упрекал себя особенно грубо. Только подумать — она ведь ровесница его дочери...

Загудела до тошноты знакомая, за годы службы сто раз успевшая опостылеть мелодия: ожил сотовый телефон. Капитан вынырнул из рассуждений, прислушался: ага, кажется, оставил трубку в куртке... Встав и выйдя из кухни, мимо дочкиной комнаты Роман прошёл с наигранной беззаботностью. Когда подошёл к заливающейся трелью накидке на лице его уже вновь цвели усталость и опасение — ночные звонки не несут ничего хорошего.

Телефон лёг на ладонь. На экране высветилось имя: Кирилл. Сделав глубокий, успокаивающий вздох Роман нажал на зелёную кнопку и прижал трубку к уху.

— Алло...

— Алло! Ром, привет! Извини, что так поздно, но тебя это в первую очередь касается. У нас новый труп. Женщина. Убита ножом, одна серёжка отсутствует. Другие ещё кое-какие признаки имеются... Короче — это ОН.

Роман прижал ладонь ко лбу и с силой провёл всей пятернёй вниз.

— Ты имеешь ввиду...

— Да. Наш особый клиент. Понятовский уже в курсе, он даже обещал приехать. Тебе бы лучше оказаться тут раньше, чем он... Мы с Денисом и ещё одним товарищем уже здесь. Криминалисты тоже скоро подтянутся... Улица Баныкина четырнадцать, третий подъезд. Как подъедешь, позвони. Я сам спущусь, доведу тебя до квартиры, тут что-то с домофоном. Всё! Ждём!

Трубка затихла, экран погас. Капитанская рука с телефоном не опустилась, а прямо-таки рухнула, ударив по поясу. А свободная поднялась. Чуть шершавые, ещё пахнущие пельменями пальцы растёрли напряжённые вески, помассировали скукоженный от натуженной думы лоб. Вздохнув уже резче и с шумом Роман бросил телефон в карман и уже скорым, не терпящим промедления шагом устремился в свою комнату.

Заметив неладное Настя, будто лисица, повела ухом. Поднявшись с подушки она оглянулась и увидела, как отец заходит к себе. Толкнутая его рукой дверь наполовину закрылась, в его комнате загорелся свет. По тени, отбрасываемой на стену, можно стало угадать, что родитель скидывает домашнее и одевается на улицу.

В волнении Настя отбросила телефон и вскочила с кровати — комната вокруг неё закружилась. Чувствуя муть и в животе и в голове и от этого ступая, как по минному полю, она дошла до косяка и упёрлась в него запястьями. Борясь с желанием сесть или даже лечь, мучимая тревожным любопытством Настя стала ждать, что будет.

Провозившись не более минуты Роман появился уже в зимних штанах и в свитере. Отворив дверь он встретил взгляд беспокойных, волнующихся дочкиных глаз. Не успел он и заикнуться, как Настя воскликнула:

— Пап, что это?! Новое убийство?!

Роман пригляделся к дочери внимательней: та стоит опираясь о косяк, будто её ветром сносит; зрачки большие, как у кошки, сцепившейся с собакой, и дышит часто, словно только что на десятый этаж галопом взносилась. От слабости Настя дрожит, будто на холоде без одежды. Да и особенная, наверное, для неё ситуация: вот только десять минут назад она выслушала целую проповедь о безопасности — и на тебе! Уже новый случай!

Стараясь подобрать слова осторожно и мимикой тревоги не выказать Роман неспешно, словно раздумывая покачал головой.

— Да, вероятно... Это приятель со службы звонил. Сказал, что произошло какое-то убийство. Нельзя исключать, что этот тот самый маньяк, о котором мы только что говорили... Рано ещё судить, доченька. Приеду — увижу. — И, не давая ей вставить слово, добавил: — Извини, надо спешить.

С показавшимся её ужасным, обжигающим молчанием Настя смотрела, как отец прошёл мимо и стал одеваться. Когда он наклонился, чтобы зашнуровать ботинки, у неё вырвалось:

— Папа! Пожалуйста, будь осторожен!

Пальцы Романа остановились. Подняв лицо он взглянул на дочь и с удивлением увидел то, чего и не помнил, видел ли когда-нибудь в ней вообще: кусающая губы, даже как будто чуть ли не плачущая Настя смотрит на него с таким смятением, будто он уходит не очередной вызов, а на войну.

Во второй уже раз за вечер почувствовав себя тронутым Роман забыл, что ему вообще что-то докучает. Ощущение, что дочь любит его, что она за него беспокоится заставило смотреть на проблемы уже не как на досаду, а как на нечто лёгкое. Даже полезное! Увидел бы он такое к себе отношение, если б лежал на диване перед телевизором и всё было бы спокойно?.. О-о-ох, вряд ли.

Тепло улыбнувшись и оставив шнурки так и не завязанными Роман поднялся и протянул ладони. По старой, с самого детства у всех людей воспитанной привычке, когда родители постоянно брали на руки, Настя оторвалась от косяка и, подойдя к отцу, позволила себя обнять. Роман же сжал её так, словно хотел спрятать в груди.

— Доченька... Милая... Ну конечно! Конечно я буду осторожен! Не переживай за своего папку, чай не глупый он...

Заглядевшись на дочь с самой искренней любовью Роман поцеловал её в лоб и ещё крепче сжал за хрупкие плечи. Обычно ни за что не позволившая бы так с собой миловаться Настя осталась покорной.

— Всё, я иду! — Он отстранился. — Дело горит!

Одевшись наскоро уже чуть-ли не как попало капитан открыл дверь и, оглянувшись, добавил:

— Постараюсь вернуться поскорей!

Скованная тягостной слабостью, уже с трудом держащаяся на ногах Настя смотрела, как отец сбегает по лестнице а за ним, двинутая его рукой, закрывается входная дверь. Тихо-тихо, совсем на грани слуха поскрипывая она замерла от косяка меньше, чем на ноготок мизинца. Несколько мгновений Настя смотрела на неё так, будто она сейчас опять откроется и папа вернётся. Помотав головой она ступор прогнала. Дёрнутая её ослабленной кистью дверь с щелчком окончательно закрылась. Чувствуя озноб, дочь капитана Птачека провела рукой по обнажённым плечам — пальцы ощутили высыпавшие на коже пупырышки.

Метнувшись в родительскую комнату Настя припала лбом к окну как раз в секунду, когда рычащий, недовольный нарушением спокойствия «форд» выбросил снег из-под колёс и покатил. Под её волнующимся, беспокойным взглядом машина скрылась за углом дома.

Знакомая незнакомка

Распахнув дверь машины и прыгнув в кресло Роман выкрутил стартер и, не дав двигателю прогреться и минуты, выжал газ. «Форд» зарычал! Протестующе заглох и даже претворился мёртвым... Всё равно подгоняемый властной рукой он снова ожил и помчался, куда велят.

Часы показали начало двенадцатого. На улице темень, дорога призрачно пуста. Ветер гоняет снежинки, замедляет, туманит взор. Фонари выстроились вдоль дороги, как солдаты со светильниками. Двигаясь по навигатору Птачек повертел головой, пригляделся к окружению... выпустил обороты на полную и полетел уже как стрела.

Минуло не больше десяти минут, когда «форд» скакнул на Банькина. Промчавшись по главной совсем немного Роман повернул голову — нужная девятиэтажка вынырнула из темноты, как рыба из пучины. Капитан свернул во двор... и чуть не врезался в припаркованную прямо на дороге «ладу»! Каблук вдавил тормоз до упора, колёса заклинило. «Форд» прокатился по снегу несколько метров, как на салазках. Хлестнув бешеным взглядом по возникшему будто из неоткуда препятствию Роман со всей силы вдарил по рулю так, что чуть баранку не сломал! Из-за стёкол его салона загремела грязная ругань. Не давая себе времени выйти и проверить, не поцеловался ли, капитан сдал назад и дальше покатыл уже чуть спокойнее. Когда проезжал мимо виновницы чудом не случившейся аварии он испытал острейшее желание запомнить номер дурака, чтобы потом ему предъявить. Сдержался с трудом.

Через минуту он ехал уже медленнее улитки: запарковано так, что подшипнику негде упасть. Тащась в попытке найти хотя бы худой уголок краем глаза Роман зацепил третий и второй подъезды: третий нужен самому, а около второго, вокруг вырытой из снега лавочки тусуется молодёжь. Курят, пьют из двухлитровых баклажек, о чём-то болтают. Над головами клубятся столбики белого пара.

Доехав до края, но так свободного места и не найдя Роман подумал уже просто остановиться, где попадёт, как фары вдруг высветили скрюченный, похожий на огромный скелет контур. Птачек присмотрелся: у соседнего дома, совсем недалеко от мусорных баков возвышается старое, явно уже давно мёртвое дерево. Смотрится оно как из сказок про бабу Ягу — только выглядывающего из-за коряги лешего не хватает. У самых ползущих из-под земли корней, под скрюченными, как когти старой ведьмы, ветвями виднеется свободное местечко...

Не думая, а скорее повинувшись интуиции капитан направил машину туда. «Форд» бесстрашно приблизился к деревянному пугалу. Чиркнув крышей по свисающим сухим веткам он скрылся под мёртвой кроной.

Машина уместилась идеально. Освещённые домовыми фонарями перед взором Романа встали все подъезды, и лучше всех виден как раз третий. Довольный, что нашёл такой удачный, никем не занятый пяточок капитан заглушил мотор и, накинув шапку, вышел на улицу.

Вечером холод такой, что даже от лёгкого выдоха дымка вырывается изо рта, как из жерла вулкана. Спешно сунув быстро замерзающие пальцы в карманы Роман огляделся: двор кишит колымагами, как дворняга блохами. Даже детям здесь, должно быть, играть негде — покачаешься на качелях и вот уже поцарапал чью-то тачку. Как капитан шей ни вертел, а

«дежурку» найти не смог. Если она и здесь, то наверняка припаркована где-то метров за двести: с такой-то толкучкой запросто...

Хрустя настом и прячась в высоком воротнике от студящего, слепящего глаза ветра Птачек двинулся вперёд. Обходить по дороге он не стал, потопал напрямик, через заставленные машины. Не сводя глаз с третьего подъезда Роман с удивлением заметил ползущие мимо контуры песочницы. Вся засыпанная снегом, заледенелая... даже в ней кто-то умудрился припарковаться! Виден сшибленный, раздавленный колёсами снеговик. От него остался шар головы, два уголька и высушенная серая морковка.

Рыхля мокнущими уже ботинками снег, ощущая в ногах подкрадывающуюся усталость капитан Птачек приблизился к дому на расстояние двадцати шагов. Перебравшись через бордюр он вылез на проезжую и с силой затопал, стряхивая налипший снег. От светящейся сигаретными огоньками компании донёсся вдруг громкий девичий смех! Две молодухи хохочут так, что одна согнулась, а вторая аж присела, страшно жмурясь от гогота. Потягивающие пиво парни просто улыбаются. На ночного путника внимание не обратил никто.

Когда шёл к подъезду Роман расслышал с их стороны несколько слов — тусовка, кажется, травит анекдоты. Когда же капитан взобрался на крыльцо и уже достал телефон, до него долетело приглушенное: «Менты приехали, в подъезд зашли»... Роман замер, прислушался. С полминуты он будто бы читал что-то на экране, но больше ничего не уловил. Если молодые и продолжили тему, то очень тихо.

Успевшие уже замёрзнуть пальцы наконец выбрали последний звонок. Потянулся вызов...

— Алло... Рома? Приехал?

— Да. — Птачек без интереса взгляделся в вырывающиеся изо рта белые завитушки. — Чего, говоришь, тут с домофоном — не работает?

Взгляд капитана пробежался по серой, тускло отблёскивающей цифровой панели.

— Да фигня с ним какая-то... Подожди, я сейчас спущусь.

Спрятав трубку Роман сунул ладони в карманы и, чтобы не зябнуть, стал бродить. Меря шагами крыльцо на ребят у соседнего подъезда он специально не поглядывал, но то так, то эдак поворачивался к ним ухом. Совсем-совсем слабые, словно рассказчик простыл и потерял голос, долетели новые слова: «Трое зашло... Машина уехала. Постояла и уехала... А я почём знаю?»

Заплакал гудок, загорелась на домофоне красная кнопка. Одной рукой толкая дверь, вторую держа ближе к кобуре на пороге возник Кирилл. В расстёгнутой зимней куртке и с вязаной, торчащей из кармана шапкой. Как всегда собранный, взгляд серьёзный. Ни намёка на веселье. Не человек — автомат.

Он шагнул и, всё ещё придерживая дверь, протянул руку.

— Привет, Ром. Бы-ы-ыстро доехал... Хорошо, что ты раньше полковника. Понятовский терпеть не может, когда кто-то опаздывает кроме него.

— И ты будь здоров... — Глядя коллеге в его обладающие выразительностью камня глаза Роман пожал протянутую ладонь. — Ну чё там? Это ОН?..

Мгновение Кирилл молчал. Во взгляде его что-то мелькнуло, будто какой-то намёк... Роману показалось, что на него посмотрели, как на глупого.

— Ну... скорее всего... — Старлей пожал плечами. — Давай не будем тут мёрзнуть. Пойдём. Сейчас сам всё увидишь.

Развернувшись он отпустил дверь и ушёл вглубь. Перехватив оказавшееся вовсе не лёгоньким стальное полотно Роман миновал порог и двинулся следом. Топая по бетонным плитам, шаркая по коврикам и накиданным, в ужас измазаным грязью и изорванным подошвами газетам капитан и старлей дотащились до шахты лифта.

Только Кирилл протянул руку к кнопке, как тот вдруг ожил! И, старательно жужжа, пополз наверх. На комичное, запоминающееся мгновение старлей замер с вытянутым пальцем. Опустив руку он скривил губы и со сдержанным раздражением вздохнул. Мазнув по Роману вынужденно терпеливым взглядом он упёр кулаки в бока и поднял голову, будто через все перекрытия увидел, куда это там и к кому подтягивается жестяной ящик.

Решив, что угадал настроение товарища правильно, Роман подступил к нему и нарочито грубо, но без силы толкнул локтём в бок. Когда Кирилл уставился на него с вопросом Птачек простецки предложил:

— Чё мы — старики какие?.. Пойдём, по лестнице пройдемся.

Заклинание подействовало. Грозовая тучка, кружащая над головой товарища, чуть развеялась. Снова кривя губы Кирилл двинул плечами, помолчал... и кивнул.

— А и пойдём.

Один за другим они побрели по ступенькам наверх. В далёком жужжании лифта, среди шарканья подошв и запаха мусоропровода Роман следовал за Кириллом уставившись в его затылок. К вниманию бросилось, что старлей нет-нет, да и вздохнёт, стараясь делать это неприметно. Прилепив взгляд к его маячащей спине Птачек спросил:

— Что-то ты, Кирюха, какой-то невесёлый. Чего-то случилось?..

Старлей чуть дёрнул головой, будто хотел оглянуться, но сдержался. Молча поднявшись на следующий этаж он робко, словно признаваясь в чём-то постыдном, обронил:

— Да понимаешь, Ром... Задрিপался я уже. Вторые, всё-таки, сутки на ногах. Плохо уже соображаю. Мне бы выспаться...

Эта фраза возвысилась над Романом, как айсберг над кораблём: крохотная верхушка на поверхности, а под водой тяжеленный, ледяной и тёмный, тянущий вниз массив. Места для недосказанного полно и первое, что приходит на ум, это что-то типа: «Ты вот, Ром, по вечерам дома сидишь, чай пьёшь. А днём в отдалении жопу греешь. Ну а я, как видишь, всё на ногах да на ногах»...

Желая избежать противную, колючую для совести тему Роман спросил:

— Ну а полковник-то чего приедет? Ему вроде бы не по рангу...

Кирилл всё же на секунду оглянулся... и ускорил шаг. Мимо обоих, выкрашенная белой, давно выцветшей краской проплыла большущая цифра «четыре». Голосом, который больше подошёл бы для общения с посторонним, чем с коллегой, старлей ответил:

— Не знаю, Ром, Понятовский передо мной не отчитывается. Но, если тебе интересно... — Он поднял к губам кулак. — Кхм... Экхм!.. Судя по тому, как он по телефону разговаривал, настроение у него не очень.

Дыша часто, с удивительно приятным ощущением разогнавшейся от нагрузки крови Роман вышел за оперативником на пятый. Кирилл прошёл ещё пару шагов... но неожиданно остановился; будто не замечая, что загородил проход, он на кого-то уставился... Подгоняемый любопытством, заставляя коллегу потесниться Роман с лёгкой бесцеремонностью протиснулся мимо.

В запятнанных, шитых-перешитых трениках и в жёлтой, с дыркой на плече майке впереди замер ханыжного вида мужичок под шестьдесят. Обрюзгший, небритый, с

волосатыми подмышками и огромными, как кольца Сатурна, подглазными мешками. Смерив полицейских мутноватым недобрым взглядом он скривился, будто унюхал тухлую рыбу, и, ни слова не сказав, скрылся в квартире. Такая же старая и страшная, как и его рубище, за ним закрылась входная дверь.

Улыбаясь почти искренне Роман цыкнул и как филин чуть крутнул шейю.

— Сосед, однако...

Учуяв нечто вонючее Кирилл брезгливо и шумно выдохнул через нос. Глянув на капитана он мотнул подбородком.

— Хрен с ним. Пойдём.

В несколько шагов он оказался возле блестящей красивой двери. Опушенная его рукой щёлкнула золочёная ручка. Дверь приветливо отворилась, забрезжил из возникшей щели тёплый домашний свет. Роман было последовал за старлеем, но вдруг остановился. Что-то сдержало его, словно он порвал тонкую, протянутую между стенками ниточку... Встав, как вкопанный, капитан Птачек пробежался взглядом по ряду дверей: все они простые, обыкновенные. Кроме одной. Та, которую открыл Кирилл, явно богаче. А уж рядом с только что закрывшейся напротив товаркой так и вообще — королевский уровень!

Есть ли в этом что-то?..

Сохранив вопрос в кармане памяти Птачек двинулся дальше и кончиком указательного придерживал полотно, специально для него оставленное открытым.

Зайдя, Кирилл сразу достал что-то из кармана и присел. Не разглядев через его плечо толком, чего он там мухлюет, Роман вынужденно застрял на самом порожке, прямо на металлической полоске. Когда же старлей встал и развернулся, капитан с удивлением узнал в его руках бахилы.

— На, Ром, надень. — Кирилл протянул на ладони скомканный синий шарик. — Придётся нам в пакетиках походить. Да и криминалисты ещё не приезжали, так что положено...

Только его пальцы опустели, как он, точно получив радиосигнал, кивнул и утопал куда-то направо за угол.

Синие, прозрачные пакетики расползлись с шуршанием. Зная свою склонность постоянно эти шгуки рвать Роман натягивал их аккуратно, как надевал бы, наверное, космический костюм. Наконец справившись он выпрямился и уже неторопливо, с любопытством осмотрелся.

За годы службы выдавший жилища, обставленные даже с кричащей роскошью, Роман всё же выгнул губы и покачал головой — неплохо забахано, с претензией... Паркет под дуб, на стенах розовый «короед». Явно на заказ выполненное освещение. А вот такой светильник в прихожую он и сам как-то хотел купить, да пожадничал... Заходишь и с самого порога понимаешь, что попал к людям с достатком.

Раздался мягкий слив, по коридору прокатилось журчание воды. Роман повернулся. Его взгляд упёрся в двери, за одной из них брезжит свет. Она открылась и из светлой, с перламутровым, как из жемчуга, унитаза комнатки вышел мужчина в форме. Лет за тридцать, усатый. Лицо щетинистое и проветренное, как у моряка полярного плавания. Посмотрев на новенького удивлённо он ударил ладонью об ладонь и за собой затворил.

Повернув шею направо он крикнул:

— Спиридонов! Я пойду, машину проверю!

Ответ Кирилла прозвучал так, будто ему не крикнули, а ласково разбудили с вопросом,

не хочет ли он кофе:

— Да иди, иди. Заодно, может, найдёшь, где поближе припарковаться...

Мужчина сорвался ещё до того, как услышал конец фразы. Проходя мимо Романа он задорно подмигнул и вскинул ладонь к виску. Через несколько мгновений входная дверь хлопнула и шаги незнакомца стихли.

Голос Кирилла прозвучал откуда-то из-за стены:

— Рома! Идём сюда!

Меря пол неторопливыми шажками, очень-очень внимательно глядя, куда ступает, Роман зашёл за угол и уткнулся в вилку из двух проходов. В левом видны притемнённые обои и огонь то ли от ночника, то ли от настольной лампы. В правом свет горит ярко, там белеет стенка холодильника и видна дверца раскрытой микроволновки. До слуха долетел визжащий, истеричный женский лепет; ему отвечает знакомый мужской голос... Ступая тихо, как охотящийся за мышью кот, Роман подобрался к правому проходу и аккуратно заглянул.

За тонкой работы выточенным столом, среди приятного глазу интерьера сидят двое совершенно не вписывающихся сюда людей. Всё тут светлое, красивое, утончённое. Не кухня а вип-кабинка столичного ресторана. Эти же двое — как вышедшие на субботник добровольцы, спутавшие дорогое заведение со столовой.

В тёмной зимней форме, уже с большими капельками на лбу и с заметно покрасневшим лицом сидит, взяв планшет на сгиб локтя, парень. В пальцах вертит ручку и иногда, не замечая этого, бьёт ей по бумаге, как барабанщик. С очень внимательным взглядом лейтенант смотрит на женщину и делает вид, что что-то черкает.

Женщина — копия ханьги-соседа. Опухшее похмельное лицо, свисающие жировые бока. И домашний халат, доставшийся, наверное, много лет назад от мамы или бабушки. С раздутыми от надути щеками, прямо-таки брызжа слюной она машет ладонями и трещит, как трещотка:

— Да он меня бьёт, понимаете?! Бьё-о-от! Нет от него никакого спасу! Понимаете?!

Парень водит закрытой ручкой по чистой бумаге и с сочувственным видом качает головой.

— Да, Марина Александровна, конечно... Разумеется... Примем меры... Извините, не могли бы вы ещё раз рассказать, что вы делали после того, как позвонили в полицию?

Роман вышел на свет, но порог не переступил. Заметив его Денис сделал движение подняться; увидев, однако, поднятую в отрицании ладонь он не стал. Глянув на взволнованную, часто моргающую женщину Роман подчёркнуто вежливо улыбнулся, отвесил ей лёгкий поклон и, мысленно досчитав до трёх, произнёс:

— Привет, Ден. Работаешь?..

Прежде, чем ответить, лейтенант взглянул на предметы в руках, будто они могут куда-то исчезнуть. Мазнув взглядом ещё и по притихшей женщине он размашисто кивнул.

— Да, Роман Павлович. Записываю показания. А вы...

Птачек помотал головой и снова поднял ладонь.

— Работай, Денис, работай. Я пойду пока, на тело гляну. А сюда уже потом...

Кивнув лейтенанту ещё раз он обернулся. Сделав пару шагов он оказался уже на пороге спальни. Перед взором предстала уютная, затемнённая комната почему-то без окон. Стены приглушённого карамельного цвета. На полу ковёр, а в уголке небольшое бежевое креслице. Мягкое такое на вид, зовущее сесть. Рядом с ним комод с выдвинутой крышкой. Деревянный,

покрытый чем-то, что смягчает цвет и не даёт дереву блестеть. Точно такого-же стиля, явно из одной с ним мастерской и широкая двуспальная кровать. По бокам её аккуратные тумбочки. Завершает картину висящее напротив входа большое квадратное зеркало. Установленное прямо над комодом, в такой же деревянной оправе, оно отражает того, кто стоит на входе.

Умиротворяющую красоту и здесь нарушают двое: ещё один, стоящий с фотоаппаратом возле кровати мужчина в форме и неподвижная бледная женщина, на которую направлен объектив.

Ярко вспыхнуло; вжик! Старлей проверил снимок, затем снова прицелился, надавил кнопку — вспышка! Ещё вжик! Глядя на новый снимок он спросил:

— Ты на кухню заглядывал, что ли?..

Роман ответил с некоторой неохотой:

— Ага...

Взор неудержимой силой прилепило к лежащей на кровати. Удерживая взглядом её восковое лицо капитан медленно, шаг за шагом подошёл ближе и остановился, когда смог бы уже дотронуться до убитой рукой. Кирилл поднял цифровик снова. Прищурившись, точно глядит в прицел винтовки он направил перекрестье на женские руки. Вспышка! Вжик. Разглядывая новый снимок он заговорил, точно отвечая на невысказанный вопрос.

— С Денисом на кухне соседка. Это она нашла тело и позвонила. Она из квартир напротив — из той, где скрылся алкаш, которого мы встретили. А он, если я правильно понял, её муж.

Продолжая глядеть на убитую Роман поинтересовался без единого намёка на энтузиазм:

— И чего она успела рассказать любопытного?..

Кирилл надавил на кнопку — фотоаппарат погас, телескоп свернулся. Сунув гаджет в карман старлей отошёл к стене и, скрестив руки на груди, упёрся спиной. С тихим вздохом усталости, с интонацией человека, которому уже давно пора отдохнуть он ответил:

— Ну... рассказала, что поссорилась со своим и убежала в подъезд. Там увидела, что у соседей не закрыта дверь, решила заглянуть... Ну заглянула... Ну и сразу тревогу забила, соответственно...

Не отрывая взгляда от покойницы Роман раздумчиво покачал головой и полностью погрузился в осмотр. Внимание привлёк её наряд: тёмный пиджак, не самая вольная, скорее даже строгая юбка и причёска, с которой женщина пошла бы скорее на работу, чем на свидание. Потом глаза остановись на роскошном ожерелье у неё на шее: блистательное, явно очень, очень дорогое. Такое могла бы носить и, скажем, жена дипломата... Ниже ожерелья на груди слева кровавое пятно, ткань разрезана полоской шириной в ладонь; под ней точно так же ополосована и тонкая белая кожа. Края сошлись, видна только самая верхушка раны, но человек с опытом уже сказал бы, что убили несчастную ножом, и явно большим... С раны взгляд Птачека прыгнул на почти спрятанные за коньячного цвета волосами уши. Точнее он заметил, что в одном ухе блестит, а в другом нет. Наклонившись капитан прищурился: на правой мочке красуется богатая, золотая с россыпью бриллиантиков серёжка. На левой такой нет, однако виден след от зажима и свежий прокол.

Трофей?..

В полной тишине, даже не слыша докатывающегося с кухни женского бубнёжа Роман отшагнул и пригляделся к телу целиком. Убитая покоится так, как никогда бы не легла сама: её явно ворочали. Правая рука вытянута вдоль бока, левая же будто обнимает кого-то, кто

ушёл. Рядом словно бы лежал другой человек, но на постели следов этого нет... В раздвинутых, облачённых в колготки ногах отсвечивает фоторамка. Точно нарочито небрежно брошенная она спит картинкой вниз. Капитан достал тряпку-выручалку и аккуратно приподнял за краешек: перед ним предстала улыбающаяся, счастливая пара; некий мужчина и эта самая женщина щека к щеке смотрят в камеру. Одеты красиво, в свадебное. Дата в уголке пятилетней давности...

Опустив фоторамку, как лежала, Роман выпрямился и вновь взглянул на жертву в целом. Снова скользнув взглядом мимо дорожущего, кричаще роскошного ожерелья он поднял глаза и всмотрелся в мёртвое лицо. При жизни убитая явно обладала поразительной, дивной красотой — сейчас же это не лик, а посмертная маска. Воистину гибель не красит никого...

Роман вдруг подавился воздухом, забыл, как дышать! Ноги его стали варёными и в тоже время будто пустили корни — с места не сойти! Проглотив холодный противный ком капитан закрыл глаза; сделав несколько глубоких, неторопливых вдохов вновь их открыл... Нет, он не ошибся. Уже вовсе не такая прекрасная, не лучезарная, а бледная и навсегда уснувшая пред ним лежит та самая незнакомка, встретившаяся тогда им с Валерием в театре. Тот миг был краток, но женщина с такой внешностью запомнится любому.

Птачек нервно закусил губу, уронил взгляд под ноги... снова поднял; увидев тоже самое, что и мгновение назад, подытожил: сомнений нет, это она.

Долгое время молча и просто с любопытством наблюдая, как ведёт осмотр новый следователь, Кирилл в конце концов подал голос:

— Красивая, правда?.. Возможно, если повезёт, мы найдём на ней его образцы... Я вот что думаю: странно, что он не взял её ожерелье, а обошёлся лишь серёжкой. Ожерелье ведь поценнее будет...

Чувствуя, что пока не может мыслить абсолютно трезво, Роман ответил первое, что пришло в голову:

— Это был бы разумный вопрос, если бы он воровал... Но ведь он не ворует, он собирает трофеи. Разве нет?..

Кирилл отвёл глаза, неопределённо покивал. С тихим, однако чуть ли не менторским тоном он возразил:

— Это да, он забирает трофеи... Но разве не лучше ли ему, не приятнее ли забрать в качестве трофея не какую-то там серёжку, а вот такое вот роскошество?.. Разве нет?..

Роман скривил губы.

— Ну... может быть серёжку легче спрятать?.. Хотя... Я тебя понимаю. Один хрен, что у него найдут, если поймают — серёжку или там ожерелье... Вес улики от их ценности не зависит. Если он их не продаёт, а только собирает, то мог бы забрать с неё что угодно, не боясь попасться на сбыте. Да-а-а... интересный вопрос...

С полминуты они молчали. Роман разгадывал убитую, Кирилл чесал подбородок и о чём-то думал. Брови его вдруг взлетели; словно давно уже должен был, да вот только что вспомнил он заявил:

— Кстати! Убийство скорее всего случилось не здесь. Видел кровь в коридоре на полу?.. Это, конечно, не как в прошлый раз, но она отсюда прямёхонько в зал бежит. Там на диване, если напрячься, можно следы борьбы увидеть.

Роман сжал зубы. Слушая старлея так, что нельзя было бы сказать однозначно, внимателен ли он или же глубоко задумчив, капитан сейчас решал, стоит ли открываться. Нужно ли рассказывать, что убитую он узнал?.. Язык ведь так и чешется. Да и по-хорошему

привлечь внимание к этому подозрительному совпадению он просто должен... Решив, что всё же пока рано, Роман произнёс:

— В зале?.. Это от входа налево?..

— Ага...

Акцентированно покивав, будто услышал нечто важное, Птачек сцепил руки за спиной. Приподняв подбородок он как бы вслух подумал:

— Что ж... Пойду, наверное, тогда посмотрю, как там чего...

Фотоаппарат вылез и вновь ожил в руках. Глядя на мёртвую сквозь объектив и уже заходя с ещё не отработанной стороны старлей вполголоса обронил:

— Давай, сходи... Только под ноги смотри, не наступи ни на что...

В словах этих послышалась колкость. Решив однако её сознательно не замечать — может, и не было её вовсе, а просто у Кирилла дурное настроение и он не замечает, что язвит... или это уже самому от лишней мнительности мерещится — Роман развернулся и пошёл на выход.

Переступив порог он вышел в коридор. Тут же, точно лопнула огораживающая его невидимая мембрана, на слух обрушился женский визг:

— Да ругались мы, понимаете?! Ругались! Да если бы я не выбежала, он бы меня тогда убил! Убил бы, понимаете?!

Искренне удивившись Роман с любопытством оглянулся на Кирилла, клепающего очередной снимок: старлей будто и не слышит ничего, находится в глухой, закрытой от мира пещере. Вернувшись на несколько шагов Птачек с ещё большим удивлением понял, что противный визг разом стих. Хотя нет, он слышен... но только если прислушиваться специально, зная что там за стеной кто-то голосит. От изумления такой хитрой архитектурой у него невольно вырвалось:

— Ничего себе тут шумоизоляция... Война начнётся — не услышишь!

С видом невозмутимого спокойствия Кирилл продолжил фотографировать. После новой вспышки он произнёс:

— Да, я тоже заметил... Возможно женщину убили всё-таки здесь. Не стоит эту версию исключать полностью.

С лёгким сожалением, что обнаружил такой любопытный фокус не первым, Роман вернулся в коридор. Уже не обращая внимания на летящую из кухни брехню он направился в зал. Спустя два или три осторожных шага капитан понял, что не видит, есть ли кровь на полу вообще. Но ведь Кирилл сказал, что есть... Пальцы нащупали в кармане телефон. Яркс загоревшаяся лампочка высветила еле заметные крохотные пятнышки, прямо-таки крапинки, тянущиеся по полу вдоль стены. Роман напряжно прищурился и наклонился, чуть ли не тыча фонарём в паркет. Согнувшись, как в фильме про сыщиков с закрученными усами и ручными лупами, он прошагал так до самого зала.

Миновав порог Роман оказался в просторной, светлой, с высоким потолком комнате. Капельки крови прибежали из коридора на диван. Пышный бежевый, с разбросанными, будто в драке, подушками он сохранил несколько почти незаметных алых пятен. Напротив на стене широкий телевизор — на такой самому пришлось бы копить полгода... Под телевизором красуются колонки какой-то навороченной футуристичной стереосистемы; тоже явно недешёвой... Внимание привлёк валяющийся возле дивана чёрный продолговатый пульт. Остановившись на нём взглядом Птачек почему-то представил, как кто-то держал его, но вдруг выронил. Может быть человека ударили — пульт вылетел из его ослабевшей руки и

вот теперь он на полу, немой свидетель случившегося.

Не решаясь отойти от входа Роман хорошенько покрутил шей и даже присел, а потом и вовсе лёг. Старясь выцепить на полу чего-нибудь этакое его взор забегал то тут, то там. Под диваном свет лампочки высветил мелкий мусор, какой-то фантик и спичку.

Без особого разочарования вернувшись на ноги Птачек фонарь выключил. Спрятав телефон он с хлопком ударил в уже успевшие вспотеть ладоши. С его губ сорвалось:

— Ну ладно, ладно... Всё равно ты где-нибудь ошибёшься, оставишь след. Если не уже... Это неизбежно. Все оставляют, и ты оставишь. Оставишь, я уверен...

Развернувшись, с прежней аккуратностью Роман возвратился по коридору назад до развилки, миновал спальню и свернул к кухне. Стоило приблизиться, как в уши снова ударил женский болтливый гам! На Дениса, похоже, надели серьёзно...

— Да что вы всё заладили?! — Голос прямо на грани истерики. — Сказала же я вам всё уже! Сказала! Сколько вообще можно меня обо одном и том же спрашивать?!

Перед капитаном Птачеком предстала картина, чем-то похожая на творение Репина про царя и убитого царевича: Денис пытается изображать спокойствие, даже сочувствие, но на челе его только страдание и еле сдерживаемое раздражение. Толстушка активно махает руками и брызжет слюной. Её одутловатое, словно бы похмельное лицо покраснелось, щёки трясутся, а по кухне, среди всего этого красивого и дорогого интерьера уже разбежался запах невымытого тела, старого пота и дешёвого спирта.

Переступивший порог гость заставил обоих оглянуться. Во взгляде соседки тут же прочлось любопытство, но не очень сильное, а вот в глазах Конева Роман увидел то же, что и у Кирилла несколько минут назад — сильную, сжирающую тело и ум усталость.

— Уважаемая гражданка... — Денис снова повернулся к свидетельнице. — Я спрашиваю вас о деталях, интересующих следствие. — Он шумно и напоказ вздохнул. — Потрудитесь, пожалуйста, сосредоточиться на этом происшествии, а вашим случаем мы займёмся позже...

Толстушка быстро вернула голову к молодому полицейскому и в чувствах всплеснула руками. Глаза у неё резко стали, как две помидорины.

— Это мой случай, значит, может ждать?!

Денис сделал движение прикрыть глаза, но сдержался.

— Послушайте... Нельзя же ровнять убийство и...

— Товарищ лейтенант! — Роман сделал голос громким, но не грубым, а кулаки упёр в бока. — Вас там коллега попросил. Идите, помогите ему. А тут побуду я.

Денис застыл с раскрытым ртом. На капитана вновь уставился его усталый, уже туго соображающий взгляд... Но вот в молодых глазах мелькнула искра просветления, разгорелась. Вслед за ней у Конева даже щеки порозовели! Чуть ли не с улыбкой он ответил:

— Конечно, товарищ капитан! Прошу, присаживайтесь. Пойду я, Кириллу подсоблю...

С вежливой улыбкой кивнув немного оторопевшей толстушке Денис уверенно поднялся и вышел из кухни, как жарким летом с охотой выходят из душного переполненного автобуса. Не успела женщина и двух раз моргнуть, как перед ней сел уже новый человек.

— Здравствуйте. — Глядя в её глаза Роман кивнул. Деревянное креслице чуть скрипнуло под его весом, а облачённые в казённый пуховик локти заняли место на столе. — Вы не против, если мы с вами немного пообщаемся?.. Я капитан Роман Птачек. А ваше имя...

С гордым, совершенно не соответствующим ни её внешности, ни идущему от неё запаху

выражением женщина ответила:

— Марина Александровна я!

Роман как бы уважительно покачал головой, после чего сделал к ней жест открытой ладонью и мягко, обволакивающе вежливо продолжил:

— Марина Александровна... У нас тут очень важное дело. Да вы и сами наверняка это понимаете... Убили женщину, вашу соседку. Это пугает, я знаю. Вы сейчас столько всего чувствуете... — Роман постарался сделать взгляд и голос максимально проникновенными. — Но прошу вас: сосредоточьтесь. Возможно, что только с вашей помощью мы поймем этого... мерзавца. Мне нужно услышать от вас всё, что только может быть важным.

Глаза толстушки снова округлились, и на этот раз ещё больше, прямо как у Голлума из детской сказки. Рот её приоткрылся, точно слова сами пытаются вырваться из него, а она лишь силой воли сдерживается, чтобы чего лишнего не ляпнуть — вон, как покраснела...

— Да сколько же раз я должна повторять?! — Она вновь всплеснула руками. — Я уже рассказывала вашему этому... ушёл сейчас который! Да он меня же не слушал совсем!

Реагируя на это также, как гора на дождь, Роман ответил:

— Так расскажите мне. Я о-о-очень внимательный слушатель. — Он снова сделал движение открытой ладонью, будто приглашая. — Давайте. Мне важно всё, мелочей быть не может.

— Так я и говорю! — Соседка мгновенно приняла такой вид, словно она уже давно обо всём рассказывает, но только вот сейчас её прервали. — Муж, говорю, напала на меня! Да-а-а... Всю вон избил, видите?.. Я же уже просто не могу с ним жить! Не могу! Это ж изверг! Сколько он крови моей выпил! Бьёт меня, бьёт! Бьёт! Бьёт!

Роман самому захотелось что есть дури по столу шарахнуть и заорать, мол — давай по делу!.. Но он только молчаливо и сочувствующе покивал.

— Мы это не оставим без внимания...

Будто удивлённая, что её слушают и не пытаются направить разговор в другое русло, соседка притихла. Её пухленькие, с еле заметными следами то ли пыли, то ли золы от окурка пальцы натянули на округлое плечо чуть сползший халат. Продолжила она уже спокойней:

— Ну и вот, говорю... Я это терпеть не стала. Выбежала из квартиры, чтобы, значит, свидетели если что были... А он за мной не погнался, остался дома. Ну а я чего? — Она сделала глаза удивлёнными и пожалала плечами. — Не буду же я сразу домой возвращаться, правильно?..

Очень сдержанно, почти незаметно Роман качнул головой.

— Ну и вот... Стою в подъезде, жду. Думаю, как вы понимаете, что делать. Ну и замечаю, — она кивнула куда-то в сторону входа в квартиру, — дверь то у Ленки не закрытая. Я, значит, постучала сперва... Ну подождала немножко... Потом прислушиваюсь, значит... — Женщина изобразила, как прикладывает ладонь к уху. — Слушаю, слушаю... Тишина. Ну вот я и решила заглянуть. Ну а как заглянула... Как прошла до спальни... Маманьки! — С закрытыми глазами, с шумным вздохом и с громким шлепком она приложила ладони к груди. — Чуть от страха сердце у меня не прихватило, честное слово! Побежала я домой, к вам чтобы позвонить... — Глаза соседки вновь стали грозными, а лицо мгновенно покраснело. — Да вот опять этот дебил, муж мой, стал на меня руки поднимать! Еле объяснила ему, идиоту! Понимаете?! Вы срочно должны принять меры!

На капитана обрушился новый поток истеричных жалоб. Первые несколько мгновений

он терпеливо, как мог более правдоподобно изображал интерес и кивал, но потом его выдержка иссякла и Роман просто застыл с каменным лицом, а его взгляд упёрся в свидетельницу, как стальной лом в картон — абсолютно без мягкости.

— Говоришь ему, говоришь! — Соседка замотала головой, как отряхивающаяся от воды собака. — Говоришь-говоришь! А ему хоть бы хнычь! Вот, видите?! — Она резко подняла руку и её некрашенный, с будто обгрызенным ногтем палец указал на синеву под глазом. — Это вот так мы живём! Каждый день!

С великом трудом сдерживаясь, чтобы не прервать её, как наверное желающий завязать алкоголик сдерживается от стоящей в холодильнике бутылки, Роман не меньше минуты выслушивал всё это и уж если его не хватило на мнимое сочувствие, то хотя бы надо удержаться от сжатых губ, тяжких вздохов и закатанных глаз. В момент же, когда «потерпевшая» взяла секундную передышку, капитан среагировал быстро, как реагирует на пришедшую на водопой антилопу затаившийся крокодил: сделав лицо умным, точно обдумывает услышанное, но вот как будто его отвлекла некая посторонняя мысль и он с особым низким тоном спросил:

— Понятно... Просто так не оставим, разумеется... А кстати! Вы случайно не знаете, где убитая работала?..

— Чего?.. — Женщина будто вынырнула из собственного воображения. — А-а-а... Ленка что ли... — Невольно она оглянулась в сторону спальни, будто сквозь стену может мёртвую увидеть. — Щаз скажу... Да вроде бы в театре. — Голос её стал неожиданно едкий, ехидный; или тайно укоряющий. — В бухгалтерии, типа того. Так она говорила... — Взгляд толстушки заострился, прищурился. — Но поручиться стопроцентно не могу, как вы понимаете — свечку-то я не держала...

Решив дать ей развивать разговор самой, нежели выпрашивать, Роман вновь с внимательным видом покивал, как бы приглашая к продолжению.

— Мы ведь как соседи-то почти и не общались. — С критически сжатыми губами свидетельница повертела головой. — Мы-то ведь простые, небогатые. Не то, что они... — Она отвлеклась от слушателя и её взгляд намекающе пробежался по и в самом деле нескромному кухонному интерьеру. — К нам-то вы как зайдёте, так сразу уйти захотите. А здесь — ну прям музей...

На мгновение взгляд женщины замер и стал задумчивым, отрешённым. Лет пятнадцать назад Роман воспользовался бы и этим перерывом для нового вопроса, однако опыт подсказал, что именно сейчас надо просто терпеливо слушать.

Отмёрзнув, словно дождавшаяся весны муха, женщина вдруг посмотрела на капитана совсем другими глазами — уже простыми и без всякого негатива, как смотрят на друга или симпатичного.

— Вообще-то вру я... Нет, с ней-то мы не общались, но вот муж у Лены хороший человек, порядочный. Не то, что она, — соседка вновь мотнула головой на спальню, — вся из себя такая высокомерная. Что ты... Слова с ней не скажи... Прости меня господи! — Она демонстративно широко перекрестилась и шумно, устало и как бы надломлено вздохнула. — Эх!.. Вот Максим расстроится, когда с вахты приедет...

На некоторое время оба погрузились в тишину. Роман скрестил пальцы на столе, а его раздумчивый взгляд упёрся в столешницу и застрял там, как приклеенный.

Убита женщина, работающая, если верить соседке, бухгалтером в театре... Уж наверняка В ТОМ САМОМ театре, а иначе что она там делала?.. Уже вторая жертва, да ещё и

так скоро. И не просто, а из одной с последним... а теперь уже предпоследним убитым тусовки. Слишком круто, чтобы быть совпадением. Кстати о поэтизме...

Отмерев Роман поднял взгляд на свидетельницу: та сидит так же как и он уставившись в одну точку. Думает о чём-то или нет — не понять: лоб разгладился, ни единой морщинки, в глазах ни намёка на прищур. Когда капитан хотел из-за стола встать и уже упёр ладони в столешницу, в этот же момент в дверном проёме мелькнула синевой полицейская форма. Лейтенант прошёл дальше и уже потянулся к туалетной двери, когда его остановил оклик:

— Денис! Будь добр на секунду!

Конев замер, словно раздумывая, что сделать первее: всё-таки сходить в туалет или откликнуться на зов. Через секунду здравый смысл в нём победил.

— Денис... — Роман понизил голос, а когда молодой подошёл, то вообще уверенным, но не грубым движением наклонил его ухом к себе и зашептал: — Денис... Где стих?.. Есть стих?..

Лейтенант повернулся к Роману лицом, их взгляды встретились. Одновременно облизывая губы и моргая он помотал головой и также тихонько буркнул:

— Пока не нашли...

Кивнув Роман хлопнул его по спине и отпустил. Молодой ушёл, но почему-то не в туалет, а обратно в коридор и дальше куда-то по своим делам. Роман проводил его не особо любопытствующим взглядом, после чего его глаза снова нашли свидетельницу... чтобы обнаружить, что она сама уже тоже смотрит на него и будто бы чего-то ждёт.

— Опять спрашивать о чём-то будете?.. — Женщина скривила губы, весь её вид стал вновь недовольным. — Так я вашим уже всё рассказала... Или я и об этом уже говорила?.. Устала я уже что-то языком молоть. Да и спать давно пора...

Роман чуть не поперхнулся, но адскими, совершенно нечеловеческими усилиями сдержался. Только наверное покраснел от натуги, как рак. Как бы взяв время на обдумывание вопроса, а на самом деле приходя в себя он слегка подождал и уже с хорошо отрепетированной спокойной миной спросил:

— Марина Александровна... А вы не видели на Елене какой-нибудь бумажки? Вырванного из блокнота клочка? Какого-нибудь листка?..

— Листка? — Свидетельница прищурилась, её сильно накрашенные брови сошлись над переносицей. — Нет, не видела. Хотя... — Она подняла ладонь и прикусила указательный. — Уж не знаю, зачем вы спрашиваете про какие-то бумажки, но в подъезде окно открыто, ветер дует. Я когда сюда входила, то дверь открыла широко. Можить оно, если и было, то куда-то сдулось? Не знаю я...

Тут она этой самой ладонью махнула и, закатив глаза, отвернулась. По кухне прокатился её непривычно тихий, усталый вздох. Несколько мгновений поразмыслив над услышанным Роман кивнул своему решению и из-за стола наконец-то поднялся.

— Спасибо, Марина Александровна. — Очень аккуратно, почти без звуков и передвижения мебели капитан подошёл к выходу из кухни. Задержавшись на пороге он добавил: — Посидите пока здесь, пожалуйста. Возможно, что у кого-то из моих коллег будут к вам другие вопросы. Ещё раз спасибо.

Женщина повернула голову и хотела что-то ответить, но Птачек уже развернулся и уверенно, чётко намереваясь совершенно ничего не расслышать ушёл. Шаг его было удлинился, но когда идущие с кухни звуку перестали долетать стал вновь коротким и осторожным, как у кота, ищущего в траве следы грызунов.

Перед взором вновь возникла спальня, однако не успел Роман войти, как дорогу ему преградил выходящий наружу старлей.

— Понятовский звонил. — Кирилл произнёс это с лицом почти полностью каменным. — Уже на подъезде.

Так же скупое, будто услышал что-то совершенно неинтересное, Роман буркнул: «Ага», и они разминулись. Спиридонов пошёл к выходу из квартиры, а Птачек замер у порога спальни, снова пойманный этой как бы магией места преступления, когда след, когда любая зацепка, любая улика кажется находящейся вот прямо у тебя под носом — просто не будь слепым и протяни руку. Ах, если бы *всегда* было так...

Несчастливая вновь оказалась под цепким, въедливым следовательским взглядом. Глубоко вздохнув, Роман опять прошёлся глазами по неестественной, явно подогнанной позе, по брошенной в ногах убитой фоторамке, по единственной серёжке и мочке второго уха, оставшейся без украшения. Вместе с этим маленьким псевдо дефектом в глаза вновь бросается шикарное, явно дорожущее ожерелье, которому, если подумать, точно не место на шее женщины, одетой конечно хорошо, но всё-таки не как на бал.

Покрутив шеей Роман мазнул взглядом вокруг кровати и по углам, но кроме крохотных красных капелек от порога до ложа ничего не увидел. Вздохнув ещё раз, уже чуть громче капитан Птачек стал опускаться на четвереньки. Вновь прыгнувший в ладони телефон стрельнул лучом света. Темнота под кроватью разбежалась в стороны и обнажила... ничего.

С неспешностью кардиохирурга Роман тщательно просветил весь пол справа налево и слева направо, но кроме нескольких ниток и пёрышка под взгляд ничего не попало. В момент, когда палец уже коснулся кнопки выключения, свет высветил что-то красненькое и погас... Вновь послушно включившись фонарь обнаружил крапинку на чём-то светлом. Сердце стукнул взволнованней, по горлу прокатился комок. Опустившись уже на локти Роман подполз ближе — луч обнаружил маленькую, запачканную с краешка бумажечку. Она стоит на ребре, да так прислонилась к спинке кровати, что если бы не капля красного, то запросто и не заметишь.

Рука поползла в карман. Появившись как всегда в особый момент незаменимая тряпочка будто сама налезла на пальцы и дотянулась до листочка. Чтобы взять аккуратно пришлось постараться. В конце концов, немного напрягшись и побряхтев, Роман оказался стоящим у постели убитой, а в руках его, лёгшая на ткань, застыла шпартгалка.

«Ты многого добила, многое смогла... Наверно так ты считаешь? Ты многое сделала, здание жизни своей возвела. Но в порядке ль фундамент? Столько на самом деле лжи, лукавства, притворства. Одна маска у тебя для мужа, вторая для общества. Может кто-то думает, что ты хорошая? Считаешь кто-то верит в эту игру? Для моего правосудия нет невозможного. Сегодня к себе тебя заберу».

Перечитав несколько раз Роман опустил ладонь с зажатой бумагой и вновь посмотрел на жертву — бледную, будто бы уснувшую женщину, ставшую после смерти лишь тенью той красавицы, что встретила им с Хоровым. Взгляд вновь прошёлся по деталям, но на этот раз особенно задержался на фоторамке и на ожерелье: теперь поза убитой стала выглядеть более осмысленно...

Фото в ногах женщины, её будто обнимающая кого-то рука... Ну это явно про неверность. Поэт, — вот, теперь и Роман употребляет это слово, — здесь он подчёркнуто, почти предельно ясен. Однако истинный ли это, первейший ли мотив?..

Взгляд следователя, на самом деле и к фоторамке и к позе женщины довольно

холодный, прицельно остановился на ожерелье. Хочешь не хочешь, а эта дорогушая безделица так и прыгает в глаза. Да, в квартире обстановочка не из дешёвых. Да, убитая работала, если нет ошибки, бухгалтером, и, возможно, что-то крутила... Но как она могла носить ТАКОЕ?!

Роман нахмурился, его пальцы расчесали небритый подбородок. С шумом он вздохнул и опустил взгляд под ноги.

Нет, нет и нет. Слишком круто для неё, да и не покупают женщины такое себя сами. Муж подарил? Это которому она, если верить догадке, изменяла? Который ездит по вахтам?.. Не верится. Тогда любовник... Вот в это верится. Но кто тогда любовник? А если...

На мгновение, на крохотную секунду в голове мелькнула мысль: «А что, если любовником убитой был тот самый бородач, прошлая жертва? Служебный роман, все дела... Муж узнал и вот мстит...»

Роман снова помотал головой, на этот раз будто отвечая сам себе: нет, глупость несусветная. Отбой. Ведь как же стихи, о которых знает только следствие?.. А муж, если в самом деле на вахте — да это же железобетонное алиби! Нет. Ахинея, белиберда.

Капитан вдруг замер, парализованный новой, ещё более яркой мыслью: «Стоп... Кстати о том режиссёре... Его убили и выволокли из дома в гараж, и эту женщину явно тоже перетаскивали... Его усадили за руль его же дорогой, явно очень недешёвой машины, и тут на жертве надето ожерелье, которое мог бы позволить себя далеко-о-о не каждый, ох не каждый...»

Такая заметная, прямо-таки бросающаяся в глаза закономерность...

Из коридора послышались многочисленные шаги, голоса. Роман отмер, оглянулся. Уже догадываясь, кого увидит, капитан вышел и встал за порогом спальни. Перед ним предстала немного комичная сцена: пришедший, всем видом такой важный и опрятный, годами ближе к полтиннику и с ухоженными усами, какие Роман видел и у Анисина... этот мужчина сгорбился над маленьким целлофановым пакетиком, висящим у него пред глазами. Пальцы Понятовского мухлюют, ёрзают, теребят целлофан, а упрямая бахилина нет, ну наотрез никак не желает раскрываться.

К приезду начальства собрались все: Кирилл, Денис, дежурные. Все смотрят на полковника, как на статую, а тот уже покраснел и не понять — то ли от натуги, то ли от того, что все на него уставились, как на представление.

— Добрый вечер, Григорий Евгеньевич. — Роман сделал шаг вперёд, его рука уверенно выхватила у полковника упрямую бахилину и с силой развела её большим и указательным: краешки целлофана наконец-то разлепились. — Как доехали? Нашли, надеюсь, где припарковаться?..

— Спасибо. — Самую кроху сконфуженно Понятовский целлофанку принял и кивнул. — Да, доехал. С постели поднялся, чтобы самому всё увидеть. Ну-ка, поддержи руку...

Тихонько поругав себя за инициативу Роман старшего поддержал, пока тот нацеплял мешочки. Закончив, Понятовский выпрямился, его пальцы расправили одежду и привычно пригладили усы. Пробежавшись по собравшимся внимательным взглядом полковник вновь сосредоточил внимание на следователе.

— Ну что, Ром? Ты уже всё осмотрел? Что там? Всё как обычно?..

— И да и нет, Григорий Евгеньевич. — По давнишней привычке разговоров с начальством лицо капитана потеряло эмоциональность. — Убийца наш, сомнений нет. Вот,

кстати, нашёл под кроватью... — Роман поднял другую ладонь и все уставились на испачканную красным бумажечку на тряпке в его пальцах. — Это стих, как вы уже догадались. Однако есть кое какие детали, объединяющие это... и прошлое убийство.

Понятовский скептически нахмурился.

— В самом деле?.. — Одна его бровь превысила другую. — Ну ладно, потом объяснишь. Кирилл, — полковник кивнул старлею на бумажку, — заberi улику и упакуй. Денис, — его взгляд метнулся уже к молодому, — отведи меня к месту, где всё произошло. Хочу сам всё увидеть.

В ту же секунду случилось то, что всю свою службу Роман презирал так же глубоко, как и личное влияние хвостом перед главным — поддельная рабочая суматоха. Люди задвигались, засуетились. Надо ведь создать видимость деятельности, начальник приехал...

Сопровождаемый Денисом Понятовский пошёл в спальню, а к капитану подошёл Кирилл. С удивлением Роман заметил на его щеках румянец.

— Смотри-ка... — Старлей уставился на бумажку в руках капитана, как на нечто волшебное. — А я ведь тоже искал, под кровать два раза заглядывал. Молодцо-о-ом...

Если бы Роман был годами с Дениса, то такая похвала заставила бы его почувствовать приятное, однако в его возрасте и его должности кто-нибудь другой у более молодого сослуживца обязательно бы в ответ поинтересовался: «А что же так невнимательно смотрели, товарищ старший лейтенант? Почему за вас старшие по званию должны все пересматривать?..» Разумеется Роман этого не сделал. Просто с лёгким намёком на улыбку кивнул, отдал улику и отошёл в сторонку, подальше от поднявшейся бесполезной, раздражающей кутерьмы.

Один из дежурных зашёл в зал вместе с Понятовским, а затем вышел и убежал из квартиры с лицом таким важным, словно получил приказ лично от министра внутренних дел. Через некоторое время сопровождаемый лейтенантом полковник вернулся обратно в коридор и глядя, куда тыкает Денис и важно кивая, прошагал вместе с ним к спальне. Когда они проходили мимо Конев кинул на Птачека взгляд, с которым разводят руки. Из-за этого он чуть не врезался в застывшего на пороге спальни Понятовского — прежде чем зайти тот помедлил; его взор ударился и застыл там, где должна находиться убитая... Поправив будто мешающий дышать воротник полковник шумно протянул воздух через ноздри и всё-таки шагнул вперёд. За ним зашёл и Денис.

Следя за всем этим Роман встал так, чтобы быть невидимым ни из коридора, ни из кухни. Больших трудов ему стоило смотреть на поднявшуюся возню без внешнего осуждения — коллеги заметят и обязательно обидятся. Единственным исключением как всегда стал Кирилл — он просто, спрятав бумажечку в пакетик, поглядел по сторонам и, подумав, направился на кухню. Через минуту оттуда послышался уже знакомый женский голос, призывающий хватать и карать.

Скрестив руки на груди капитан Птачек погрузился в размышления: нынешняя убитая и прошлая жертва явно выделяются среди всех, кого маньяк резал раньше. Между ними есть связь, вот только какая именно? А может быть...

В кармане завибрировало, запела мелодия. Роман достал телефон, нажал кнопку — сообщение от дочери: «Пап, у тебя всё в порядке?»

Сердце тепло ёкнуло. Дочь беспокоится о нём — ну разве это не трогательно?.. Не прекрасно?.. Не замечая, как глупо улыбается, Роман отписал: «Да, дорогая, всё в порядке. Ложись спать, не засиживайся допоздна. Люблю тебя». И телефон спрятал.

Всё-таки как же здорово, когда твой ребёнок тебя любит. Ругаешь вот её иной раз, знаешь, что так правильно — а сердце в тоже время обливается кровью, пеняет тебе: пожалей, не упрекай, не кричи...

— Мы уже поговорили с соседкой снизу. — Сопровождая Понятовского Конев вновь вышел из спальни. — Она показала, что что-то около половины шестого отсюда доносились громкие звуки, как от какого-нибудь фильма ужасов или боевика. Но это длилось недолго, звук быстро убавили. Скорее всего, Григорий Евгеньевич, именно в этот момент женщину и убили. Уверен, что это подтвердится.

— Значит он включил телевизор громче, чтобы заглушить крики... — Понятовский опустил глаза и задумчиво почесал подбородок. — Вообще-то на него не похоже...

— Зато остальное похоже всё. — Денис кивнул за спину. — Со звуком могла быть просто случайность... Но может это и специально, и тогда, конечно, надо попытаться представить, зачем...

Поймав на себе взгляд капитана полковник выпрямил спину и ответил своим — прямым, властным... и непривычно строгим.

— Ладно, Денис. — Понятовский кивнул лейтенанту и на мгновение положил ему руку на плечо. — Вы своё дело знаете. Работайте.

Не обращая больше на молодого никакого внимания он опустил ладони до пояса, поправил одежду и сделал несколько шагов к следователю. Роман же как упёрся в стену спиной и скрестил руки на груди, так и остался стоять. На секунду ему, правда, захотелось выпрямиться по струнке и встать в позу отдающего честь, но это желание он подавил.

Остановившись, Понятовский оглядел его сверху вниз и обратно, затем на мгновение его взгляд скакнул в сторону... В этот миг полковник будто немного сдулся, стал меньше ростом... но в тот же миг перед Романом снова оказался начальник хотя и не с совсем уж строгим, но отчётливо внимательным и очень серьёзным взглядом.

— Ну что, Рома? — Он приподнял подбородок. — Есть какие-то подвижки?..

Мысли о совпадениях, о неприятном разговоре с директором театра, о том, что видел убитую раньше и обо всём прочем пронеслись в мозгу, как пули. Не желая, однако, словоблудить Роман просто склонил голову чуть вбок, скривил губы и обронил:

— Так-то есть кое-какие, но сильных, к сожалению, пока нет. Пока лишь одни запахи, Григорий Евгеньевич... Нам нужно знать больше.

Понятовский смолчал, но щёки его заметно побагровели, а взгляд стал тяжёлым. Роман заметил, как полковник сжал кулак и спрятал его в карман, а затем быстр вынул и встряхнул кистью, как от боли.

— Я что-то тебя, Рома, не пойму... — Понятовский нахмурился. — Когда я разговаривал с Преображеновым, он сказал мне, что ты парень толковый, что на тебя можно положиться. И что же?.. — Голос его стал заметно нарастать. — Ты уже далеко не первую неделю занимаешься этим делом, а сейчас говоришь, что результатов у тебя нет. Как это понимать?!

Трусливое внутри запищало, что надо срочно оправдываться. Роман привычно его задушил и предельно спокойно, как и всегда в моменты, когда его отчитывают, ответил:

— Над делом я работаю, товарищ полковник. Настолько быстро и тщательно, насколько обстоятельства позволяют.

При этом взгляд Птачека упёрся в начальника с тем же показательным спокойствием, с каким прозвучал и его тон. Даже дыхание Романа не сбилось, и сердце ни на один удар чаще

не стукнуло.

— Какие к чёрту обстоятельства?! — Брови Понятовского столкнулись, как врезавшиеся друг в друга машины. — Рома! Тебе никто не мешает, никто тебя на другие дела не отвлекает! Ты просто обязан давать результат, понимаешь?! Обязан! А ты что — баклуши что ли бьёшь?!

Последнее было сказано уже не громко а прямо криком. Полковник покраснел, его дыхание сбилось и он стоит, как резко остановившийся посреди спринта атлет. Не отрывая от него демонстративно выдержанного взора Роман наярив боковое зрение — интересно, кто выглянет, чтобы поглазеть, как его ругают?.. Хотя в его ситуации, наверное, вовсе и не обязательно именно смотреть — и так всё на всю квартиру слышно.

Будто опомнившись, Понятовский вновь поправил воротник и шумно вздохнул. Его рука потянулась туда, где обычно весит галстук, но, наткнувшись на грубую ткань казённой куртки, опустилась.

— Значит так, Ром... — Он взглянул на подчинённого уже почти без гнева, поделовому. — В ближайшее же время жду от тебя новостей. Жду результата и не желаю слышать никаких оправданий. Землю носом рой — а чего-нибудь добейся! Всё.

Сказав это он резко развернулся и вышел из квартиры, как выходят, взяв последнее слово. Роман подумал, что старший и дверь хлопнет... но обошлось.

Спустя какое-то время шагая напоказ громко из кухни вышел Кирилл. Старлей хотел развеять обстановку, выдать что-нибудь неважное типа: «Сердится начальство, да?» и услышать в ответ что-то такое же несерьёзное, но вид капитана его остановил.

Роман стоит темнее тучи; желваки на щеках напряглись так, что подойди чуть ближе и услышишь, как зубы скрипят. Того и гляди от него током ударит! На вышедшего сослуживца он поначалу не обратил внимания, но спустя мгновение оттаял и взглянул на коллегу уже осмысленно, без негатива. Голос его прозвучал как ни в чём не бывало:

— Ну что — работаем?..

Кириллу и самому захотелось облегчённо вздохнуть, но он вновь привычно надел на себя маску сухого профессионала и кивнул.

— Работаем, товарищ капитан. И-и-и... мне всё-таки кажется, что что-то у нас потихоньку, да продвигается.

Роман смолчал.

Самое важное — это общение

Провозился Роман до глубокой ночи, а уехал только вместе со всеми, когда на часах стукнуло уже за четыре. Домой добирался чувствуя, что жутко хочет спать и замёрз. Слава богу когда вернулся обнаружил, что дочь всё-таки в постели. Обрадованный хотя бы этим капитан Птачек дотащился к себе и сел на кровать, чтобы чуть-чуть побыть в неподвижности. Сел... потом лёг... его затылок коснулся мягкого... Очнулся он уже утром, когда луч сквозь окно ударил прямо в глаза. Роман неприятно сощурился, прикрылся ладонью... заметил, что запястье вообще-то в рукаве... понял, что всю ночь провалялся в одежде и, в чувствах саданув затылком по матрасу, от всей души чертыхнулся!

Уже девять. Раздражённо вздохнув Роман перевернулся на другой бок и закрыл глаза запястьем. Через мгновение до него дошло, что он всё ещё в одежде... Снова с шумом и раздражением пропустив воздух сквозь ноздри капитан Птачек поднялся и сел на край ложа. Уронив лицо в ладони он просидел так ещё с минуту, когда в уши вдруг ворвался стук.

— Пап...

Тонкими белыми пальцами касаясь косяка возле двери застыла дочка. В своей любимой тёмной «домашней» майке, в тёмных же бриджах и с тёмными длинными волосами, оправленными в хвост. На светлом лице ни морщинки; Настя и не хмурится и не улыбается, но в умных глазах застыл вопрос.

— Доброе утро, доченька. — Роман с силой растёр лицо и встал, сразу же с хрустом расправив спину. — Умница, что вчера дожидаться не стала. Глупо это было бы. Я и сам не знал, когда приеду.

Худенькая не знающая загара ладонь поднялась к дочкиному лицу. Настя растёрла сначала один глаз, затем второй.

— Доброе. — Аккуратно прикрывшись пальчиками она зевнула. — Что-то меня сон свалил... Вообще-то я хотела тебя дождаться, но не дотерпела: с этим дурацким отравлением постоянно дрыхнуть хочется.

С треском суставов и удовольствием Роман размял шею. Уверенно шагнув он крепко дочь обнял, прижал её к себе и поцеловал в холодную, как будто только что с зимней улицы щёку.

— Так и спи. — Птачек взглянул на своего ребёнка с наигранной претензией, как учитель на нерадивого ученика. — Чего шастаешь?..

— Па-а-ап! — Настя протестующе отстранилась. — Колешься!

Отчего-то чувствуя игривость и даже задор Роман посмотрел на неё ещё серьёзней и с неожиданной солидностью заявил:

— Твой отец, доча, не колетса *никогда*... Кстати! — Теперь его глаза приобрели настоящую деловитость, которую Настя научилась распознавать с первого взгляда. — В самом деле! Насчёт твоего отравления... Знаешь что — мы сегодня поедем в больницу, где тебя принимали, и пусть тебя снова осмотрят. Пусть подтвердят, что с тобой всё в порядке!

Настя даже отступила, у неё рот открылся.

— Пап, ты чего?.. — Она нервно заморгала. — Да со мной нормально всё, ты же сам видишь. Доктор сказал отравление, значит отравление. Чего лишний раз париться-то?..

— Не спорь. — Роман быстро нагнулся и снова дочь поцеловал, на этот раз в лоб. — Чисти зубы и собирайся. Скоро поедем. А я пока на кухню, кофе поставлю.

Насте захотелось возразить жутко, прямо до першения в горле: ну зачем ещё куда-то ехать?! На улице за минус тридцать! Ветер! Да и мутит всё ещё, двигаться неохота совершенно... Эти мысли промелькнули в её голове в секунду и она уже вскинула руку с поднятым указательным, дабы эффектно возразить... Взгляд её упёрся в уже удаляющуюся, кажущейся нестигаемой отцовскую спину. И правда — он даже дома не горбится, всё время держит осанку, будто-то кто-то из генералов тайно за ним подсматривает.

Роман скрылся за косяком кухонной двери и его дочь безнадежно руку уронила; вместе с ней опали и её плечи: если отец уже что-то себе втемяшил, то его не переубедить. Нет, это бесполезно, лучше сделать, как он говорит — быстрее отделаешься.

Из кухни прилетело настойчивое:

— И не медли! Я знаю, как ты любишь возиться, так что поторопись. Мне сегодня ещё на службу надо успеть!

Вздыхнув опять, ещё глубже и безнадежнее, Настя потащилась в ванную.

...К больнице доехали быстро — воскресные дороги почти всегда пусты. Только с самого начала отец повозился с нежелающей оживать машиной, но больше не приключилось ничего. В лечебнице их сразу узнали и это даже несмотря на то, что половина работников оказалось из другой смены. Вдыхая истинно клинический, неприятный запах какой-то химии и... стариков?.. Настя прошла с отцом по коридорам и лестницам. К её удивлению отец сменил курс и они зашли в ответвление, в котором раньше не были.

— Пап, а мы правильно идём?.. — Настя покрутила головой, её взгляд встретился с глазами пожилых на стульчиках вдоль стен. — Мы ж вроде в другом... в том... где там?..

— Доченька... — Роман слегка приподнял уголки уст, а его взгляд стал наставительным. — Тебе просто было очень плохо и ты не помнишь. Вон тот кабинет, видишь?.. Тебя на каталке именно туда и завезли.

Настя с удивлением уставилась на ничем не примечательный, совершенно лишённый какой-либо красоты пяточок с тремя пустыми деревянными креслами и стеклянной, но непроницаемой для взгляда дверью. Неужели у неё так кружилась голова, что она потеряла память?.. Всё было так серьёзно?.. А ей-то тогда казалось, что...

— Пойдём. — Роман настойчиво, но аккуратно взял дочь за руку, прямо как в те времена, когда она ещё ходила в начальные классы. — Сейчас быстренько заглянем и тебя осмотрим. А потом домой. Обещаю.

Настя поддалась, но с лёгким испугом оглянулась на остальных: что скажут старики? А вдруг они нарушат очередь и кого-нибудь обидят? Так же нельзя...

Уверенно, не желая терять ни секунды Роман подошёл с дочкой к двери и, постучав лишь для вида, сразу раскрыл и шагнул внутрь. Настя боялась, что услышит за спиной нечто протестующее и возмущённое, уже готовилась вздрогнуть... но дверь за ними захлопнулась и это был единственный звук.

Ни кабинета, ни врача Настя не узнала. Разговор полностью взял на себя отец и вдруг выяснилось, что занимался ей какой-то другой доктор, а этот — кстати молодой и симпатичный — в курсе дела не так чтобы очень, но осмотреть может, да... Спустя минут десять вопросов, щупанья пульса и касания холодного стетоскопа всё было кончено. Капитан и его дочь вышли на улицу и сразу попали под холодный, промораживающий до костей ветер.

— Ну вот, я же говорила! — Настя прикрылась от вьюги ладошкой в белой перчатке. — Всё со мной в порядке! Только время зря потратили!

Несмотря на то, что одет в куртку, свитер, подштанники и даже утеплённое нижнее Роман неприятно продрог. Его вдруг дёрнуло, как от тока, но капитан не обратил на это внимания. Листочек с врачебной писаниной сжался в пальцах у него перед глазами.

— Ничего не зря. Да и вообще... — Он опустил руку и взглянул на дочь по-особому, будто на что-то намекая. — Ладно... Сейчас заскочим в аптеку и я отвезу тебя домой. Пошли.

Настя опасалась, что машина снова не заведётся, но отец с такой уверенностью и властностью выкрутил стартер, что старенький «форд» и не подумал брыкаться. Выехав с больничной стоянки они свернули на главную и поехали уже к Советской, где даже удачно проскочили на зелёный через два перекрёстка подряд.

Припарковавшись у знакомой аптеки Роман оставил дочь с музыкой в наушниках, а сам стал подниматься на заснеженное, лишь посередине выметенное крылечко. На верхней ступеньке его вдруг снова протрясло, в самом деле не на шутку проколотило с ног до головы! Капитан замер, насторожено причувствовался... В бьющий в уши уличный гвалт ворвался тяжело бухающего звук его сердца. Птачек прижал ладонь к груди и та ощутила, точно лежит на мембране отбивающего оркестрового барабана... Приняв новое решение он скрылся за дверью лекарни.

...Что-то отец долго не возвращается... Настя проверила время: ушёл минут двадцать назад. Где же его носит?.. Смартфон сменил плейлист на книжку контактов, на экране высветился нейтральный чёрный силуэт и под ним: «Па». Большой палец нажал кнопку вызова. Настя прижала динамик к уху...

Дверь неожиданно распахнулась. Запуская внутрь холод и шум улицы Роман торопливо забрался и плюхнулся на водительское сиденье, а небольшой красный пакет в его руке быстро отправился на заднее; Настя даже не успела разглядеть картинку.

— Пап! Ты где был?! — Дочь уставилась на отца глазами широкими, как озёра. — Я тут уже вообще-то волноваться начала!

— Извини, родная. — Роман скользнул по ней виноватым взглядом. — Обстоятельства немного поменялись... У тебя, кстати, телефон работает? Дай мне, у моего батарейка села.

Настя просто захлебнулась от возмущения! Но телефон конечно же дала. Роман взял в пальцы дочкин девайс и покрутил его, будто впервые в жизни увидел. Настя уже хотела подсказать, как и на что жать, но он помотал головой и ловко набрал цифры по памяти.

— Алло... — Он вытянул свободную руку и положил ладонь на руль. — Григорий Евгеньевич? Да, это Птачек. Это Роман, говорю!.. Да, с чужого звоню. Григорий Евгеньевич... должен вам сообщить...

Пока отец разговаривал Настя оглянулась и внимательно присмотрелась к красному, не очень-то большому пакету на заднем. Под целлофаном что-то продолговатое и округлое, как батон...

— Да, Григорий Евгеньевич. Да, я всё понимаю. — Разговаривая с энергией, то или иное слово произнося с эмоцией внешне Роман оставался неподвижен, как скала. — Нет. Да точно вам говорю, что одного дня мне хватит. Тридцать восемь и семь, ага... Нет, я знаю один способ. Вы его тоже наверняка... Я понял. Не волнуйтесь, завтра я как штык. Ну разумеется! На связи...

Отключившись, Роман взглянул на светящийся экранчик, секунду помедлил и вернул девайс дочке.

— Пап... — Настя положила смартфон на колени и кивнула за плечо. — Чего это у тебя

там?..

— Перцовка, дорогая моя. — Роман чуть улыбнулся, но не понять — с весельем или с грустью. — Дорогая моя — это ты, разумеется, а не перцовка...

Вот теперь его улыбка определённо стала шутиливой.

— А зачем... Я что-то не понимаю... — Настя помотала головой. — Это ты ходил выпивку покупать?..

— Не выпивку, а лекарство. — Роман важно поднял указательный. — Я тут озноб почувствовал, и купил вместе с твоими лекарствами градусник. Вот, — он достал из кармана белый пластмассовый чехольчик, — тридцать восемь с чем-то, почти тридцать девять. Тут, знаешь ли, меры нужны решительные.

Настин взгляд скакнул на футляр и снова на отца.

— О-о-ох... — Она картинно закатила глаза. — Ладно, проехали. Стоп... Так ты сегодня дома остаёшься?!

— Придётся. — Капитан Птачек снова уверенно взялся за руль, ручник под его ладонью сдвинулся с блока. — Я уже и на службе предупредил, ты же слышала. — Он снова повернулся к дочери, его улыбка стала несколько натянутой. — А что такое?..

— Да вот, думаю, — Настя пожала плечами, — если ты сегодня дома, то как раз починешь раковину на кухне. Наконец-то...

Многозначительно смолчав Роман выжал газ. Машина взрыкнула и покатила вперёд, побыстрее к семьдесят четвёртому дому.

Остаток дня прошёл в лёгком опьянении и относительном спокойствии.

Наверное он забыл закрыть форточку. Не могла же она сама открыться?.. И так болеешь, да ещё и просыпаешься от того, что дрожишь, со скинутым на пол одеялом и снежинками, залетающими в комнату через открытое окно.

Глянув на часы — половина девятого — Роман с раздражением встал и створку захлопнул. Вернувшись он подцепил носком валяющееся у кровати пуховый прямоугольник и упал на мягкое прямо с ним, словно диверсант, которого при приземлении накрыло парашютом.

Но спать пришлось недолго. Уже через пятнадцать минут кто-то позвонил в звонок, да ещё с такой настойчивостью, что проигнорировать его не хватило никаких душевных сил. Да и дочь может проснуться... Нет, надо выйти.

Нерасчёсанный, зевающий, растирающий заспанные глаза человек поднялся с кровати и точно зомби заковылял ко входу. Когда звонок раздался в очередной, уже наверное десятый раз, Роман нахмурился и отворил с видом таким, точно встречает соседа-алкаша, то и дело захаживающего одолжить! За порогом оказался мужчина в серой спецовке, какую носят газовики. Худой, с тёмными острыми глазами и усами, как у настоящего грузинского князя. Пронзив хозяина квартиры цепким взглядом он взглянул на листок в руке и деловито произнёс:

— Это девятая? Аварийную вызывали?

Силой воли смиряя вспыхнувший в груди гнев Роман пару мгновений молчал, чтобы чего-нибудь нехорошего не ляпнуть; кажется послышалось скрежетание эмали... Когда же успокоился, он почти вежливо ответил:

— Нет, вы ошиблись. Это седьмая, а вам наверх.

«Грузинский князь» поглядел на листочек, потом снова поднял глаза. Произнеся: «А!

Ну тогда извините!» он спрятал бумажку в карман и, с намёком щёлкнув по козырьку, потопал наверх.

Закрыв дверь и развернувшись Роман сделал пару шагов к своей комнате... и остановился. Его вдруг посетила мысль, что убийца может попадать в дома жертв вот так же — представляясь работником какой-нибудь службы! Тем же газовщиком например! Возможно он даже и является работником такой службы, и просто выбирает тех, чьи ключи или их копии попадают к нему в руки. Или же делает слепки, когда приходит в квартиру на вызов...

Птачек скрестил руки на груди, его фигура застыла прямо по середине коридора, а взгляд принялся искать нечто несуществующее на полу.

Да, это вполне рабочая версия. На выезде, если он газовщик или там электрик, он видит квартиру и прекрасно может составить план, как в неё проникнуть, чтобы легко и без следов. Хотя... Как же тогда две последние жертвы?.. Неужели они оба вызывали к себе какого-то мастера, а он вот так взял и очень удачно к обоим приехал?.. Нет, глупость. Чтобы такое подстроить, нужно, наверное, сначала в квартиру-то и попасть, а если для него такое возможно, то и прикрытие с работой в аварийной или ещё где — чепуха.

Роман с силой закусил большой палец, его глаза стали такими, с какими идут на драку.

Чёрт! Разобраться бы во всём этом! Хоть бы какая, хоть самая крохотная нитка! Зацепочка... Кстати насчёт театральных...

Поняв, что уже вряд ли заснёт, Роман с ленцой пошаркал в ванную. Проходя мимо дочкиной комнаты он краем глаза мазнул — сквозь приоткрытую дверь видно, как Настя развалилась на матрасе звездой: одна нога на подушке, вторая на спинке кровати. Её голова у изножья спряталась в чёрных спутанных волосах, а правая рука свисает за край, что-то очень напоминая...

Прикрыв дверь полностью, чтобы шумом ребёнка не разбудить, Роман наконец подошёл к раковине и принялся за помывку. Пока чистил зубы в его голове перебирались мысли, как лучше с театральными сработать. По идее их надо просто известить про второе убийство и поинтересоваться о связанных с этим странностях. Ну в самом деле — произошедшее слишком круто для совпадения; кто-то просто обязан что-то знать или хотя бы догадываться.

Пока делал кофе и бутерброды, по интернету нашёл телефон театральной приёмной. Так, часы работы... Ладно, звоним...

—

—

Никто трубку не берёт. Хлебнув свежей, только что заваренной черноты капитан Птачек позвонил для верности ещё раз. И ещё. Нет ответа...

— Интере-е-есно... — Прекратив дозвон Роман вновь сверился с графиком театральной работы. — А должны бы отвечать...

Хмыкнув, он телефон отложил и взялся за бутерброды. Под мышку левой сунул градусник, из-за чего обращаться к хлебоколбасным кушаньем полноценно не смог и приходилось комично тянуть шею, дабы от бутерброда откусить. Пару раз уронив на себя хлебные крошки и крохотный кусочек колбасы Роман с завтраком покончил и отнёс тарелку в раковину. Сделав последний глубокий глоток он отложил кружку и наконец-то от градусника избавился. Его внимательные глаза прищурились, пальцы повертели стеклянный столбик — вот блеснула алая полоска, оканчивающаяся на тридцати семи и двух.

Ну а что?.. Неплохо.

Спрятав термометр обратно в футляр Роман удовлетворённо вздохнул: теперь он сможет работать нормально, ему не придётся стучать зубами и глотать какие-нибудь противные таблетки... Внезапно его улыбка, уже почти вырисовавшаяся, поблекла. Вместе с первой мыслью пришла и вторая: на больничном вообще-то было бы недурно побыть с недельку, а то и две... Но нет, нельзя. Только не сейчас, не после крайнего разговора с Понятовским.

Сжав губы Роман принялся вытирать со стола, а потом и мыть ладони.

Он обязан, по-настоящему обязан чего-то добиться. Полковник прав — уже столько в самом деле времени копаются... Да, они сами не могут с этим кошмаром справиться уже несколько лет, топчутся на месте, как слепые... Но ведь он-то новенький; он пришёл недавно и уж у него-то глаз не должен быть замылен. Да и в самом деле Понятовский, как и сказал, оградил его от всех забот, отвлекать не даёт. Печётся. Ох... Наверняка и ждёт многого. И чего там ему, интересно, Преображенов напел? Что капитан Птачек — это волшебная кнопка в сложной ситуации?.. Чем выше ожидания — тем глубже разочарования.

Поняв, что уже загоняется, Роман мысленно плюнул и приказал себе не думать ни о чём, кроме СЕЙЧАС. А СЕЙЧАС надо ехать в этот чёртов театр и лично разговаривать там со всеми, кто сможет выболтать хоть что-то. Пока как со свидетелями.

В понедельник, если выезжаешь с самой рани, можешь спокойно застрять в пробке на полчаса, а то и дольше. И это даже если надо проехать всего пару кварталов. Однако, если подождать часов до девяти а лучше до десяти, то проедешь куда надо легко, ни разу не остановившись. Когда Роман садился за руль, он думал об этом, как о само собой разумеющемся... и какого же было его удивление, когда посреди Ленинградской он угодил как раз-таки в затяжную пробку! Какой-то неудачливый не справился с управлением, — а может по глупости был на летней? — и врезался в столб. Когда после двадцати минут нервного ожидания Роман проезжал мимо сидящего с перевязанной головой в машине патрульных виновника затора, он лишь хмуро поглядел на него, сварливо пожелал ему здоровья и покатил дальше, стараясь обо всём поскорее забыть.

Когда добрался до стоянки у театра негативные мысли уже почти покинули его и Птачек выбрался из машины с лицом, готовым для спокойного и внимательного общения. Старенький «форд» щёлкнул замками и подмигнул. Роман поймал взглядом возвышающийся посреди площади дом культуры и пошёл к нему, защищаясь воротником от ветра.

Стоило приблизиться к широкому крыльцу, как парадная дверь открылась и наружу вышел силуэт в военной форме и с бородой. Щурясь от ледяных порывов капитан Птачек пригляделся: шею мужчины закрывает широкая седая нерасчёсанная «мочалка», а на морщинистом, с большим носом лице особенно выделяются кустистые белые брови. Одет он да, в военку, но той военке лет, как самому Роману. На ладонях его толстые рукавицы, а в рукавицах — вот умора! — самая настоящая метёлка, которые делают самостоятельно, из подвернувшихся кустов. Да-а-а... То ли здесь на дворнике экономят, то ли новую метёлку просто жалко и он использует старую, как уже давно привык...

Быстро перебирая подошвами Роман взобрался на самый лестничный верх и уже намеревался было мимо «дворника» пройти, как вдруг в глаза ему бросилось выражение его лица — мрачное, подавленное, унылое. С таким хоронят любимую собаку или сидят в приёмной у врача, когда слышали страшный диагноз.

Слова вырвались из уст капитана раньше, чем он успел подумать:

— Здравствуйте! А что вы такой грустный?..

Поняв, что сделал, наверное, что-то не то или даже как-то не так Роман всё-таки не стал оправдываться а наоборот принял вид, будто так с самого начала и хотел.

Старик сперва не обратил на прохожего никакого внимания и уже спустился на ступеньку, как вдруг вздрогнул, точно его окликнули. Поморгав он с удивлением уставился на незнакомца, оказавшегося сейчас выше него на две головы. Роман заметил это и тут же как бы случайно сошёл, встал с человеком на одной высоте. Решив подогнать его с ответом он добавил:

— Я просто иду и вижу, что на вас лица нет... Ну, думаю — что же случилось?.. Может могу чем-то помочь?..

Несколько секунд из-под кустистых бровей на незнакомца смотрели с подозрением, но потом дворник взгляд опустил, со вздохом цыкнул и даже покачал головой. Ответ его прозвучал убито:

— Да ничем ты, сынок, помочь не сможешь... Уже ничем...

В тоже мгновение потеряв к собеседнику всякий интерес он опустил взор долой и побрёл по лестнице вниз. Встав на прикрывленную брусчатку старик постоял на ней несколько мгновений ничего не делая. Спина его поднялась и опустилась, как от глубокого вздоха, а метёлка взлетела вверх и тут же спикировала, со свистом отшвырнув первую порцию снега.

Наполовину о причинах такого поведения догадываясь, а на вторую запрещая себе это делать, так как все факты ещё неизвестны и выводы строить рано, Роман развернулся. Одолев несколько широких шагов он решительно раскрыл парадную. В лицо сразу же ударило теплом, мелкие снежинки на плечах растаяли и куртка сверху промокла. Глянув на висящий над самой головой у входа теплогон Птачек быстренько прошёл вперёд. Не став тратить время на отбивку снега с подошв он сразу же двинулся в приёмный зал.

Интерьер, хотя Роман его уже и видел, вновь поразил красотой и богатством. Весь этот камень на полу, лепнина, позолота... Эти вычурные светильники, красные ковры, лакированное дерево... Всё это ещё так замечательно подобрано и один к одному подогнано, что даже и мысли не возникает назвать такое дорогой безвкусицей. О нет! Стоишь тут — и только одна мысль в голове: «Вот это да-а-а...»

Роман поймал себя на том, что застрял у порога и вертит головой, как турист. Тут же приняв вид серьёзный и солидный он выпрямил спину и направился к гардеробу. Его шаги сначала звучали по мрамору звонко, но потом потонули в мягком красном ковре. Руки будто сами, без всякой команды стянули шапку и расстегнули курточную молнию. К окошку гардероба капитан Птачек подошёл уже с накидкой на локте.

Странно. Роман думал, что на звук шагов гардеробщица выйдет сразу, но у окошка встретила только металлическая решётка и темнота, скрывающая ряды вешалок. Капитан подождал, а потом громко, показательно звучно прочистил горло.

Ноль эффекта.

Оглядевшись и никого отыскав Роман нагнулся и просунул голову в окошко. Глаза нашли простенький столик, возле него табуреточку а также не особо хорошо от чужих глаз спрятанные электрочайник, кружку и пакетик с конфетами.

— Есть кто-нибудь?.. — Сперва Птачек в голос вкладываться не стал, но, не дождавшись ответа, уже напряг связки: — Есть что ли кто?!

Среди темноты мелькнула полоска света, послышался скрип старых петель.

Прошлёпали шаги, что-то щёлкнуло и коморку резко залило светом. Роман быстренько голову вынул и встал посolidней, для чего оперся локтём с курткой о широкий гардеробный подоконник. Будто так всегда и стоял.

Процокали короткие каблуки. Роман ещё не увидел женщину, но по её шагам отчётливо слышал, что идёт она как-то тяжело, будто может в любой момент споткнуться. Нахмурившись он стал ждать, что увидит какую-нибудь пьяную, или отходящую с пьянки дуру. Какого же было его удивление, когда в окошке возникло самое обыкновенное, не молодое и не старое женское лицо, а тонкий голос спросил:

— Да?.. Хотите что-то сдать?..

Какие-то слова уже готовились быть сказанными, но Роман запнулся, вид подошедшей его в самом деле смутил: женщина выглядит так, будто час рыдала навзрыд, и только вот перед посетителем слегка приумылась. Не похожая на ту, что была в прошлый раз, но в её значительно более молодых чертах и во влажных, будто до сих пор слезящихся глазах угадывается нечто знакомое... всё-таки похожее на ту прошлую женщину с красными волосами, уложенными бубликом. Может её дочь?..

— Мужчина... Что вам?..

Роман понял, что слишком задумался и поспешно протянул куртку.

— Здравствуйте! Вот, хочу сдать. Примите, пожалуйста.

Шмыгнув носом — точь-в-точь так, как это делают после плача — женщина куртку приняла и, на полминуты исчезнув, вернулась с белым номерком.

— Вот, возьмите...

— Спасибо... — Роман кивнул. Пока она ходила, он соображал, как и о чём её ловчее спросить, и сейчас выдал заготовленное: — А скажите пожалуйста... Я тут, пока по крыльцу шёл, мне ваш дворник попался. Весь из себя такой мрачный, неразговорчивый. — Капитан сделал акцентированную паузу и пристальнее посмотрел женщине в её покрасневшие глаза. — Да и вы тут, я смотрю, в... в печали что ли... У вас у всех что-то случилось?..

Наверное можно было б найти слова помягче и пообходительней. Как всё это услышала, гардеробщица кисло скривилась, её ладони тут же взлетели к лицу. В следующую секунду она содрогнулась и из её лёгких вырвался сдавленный, еле сдерживаемый стон! Мимо закрывающих глаза пальцев выпала и покатила по щеке капелька.

Роман сжал зубы и внутренне напрягся, хотя внешне постарался сохранить вид невозмутимо-любопытный. Только сцены ещё не хватало...

Глубоко и шумно вздохнув, женщина вытерла под глазами и взглянула на пришедшего уже спокойней. В этот момент даже будто свежий ветерок подул, точно возвещая отмену истерики и буйства.

— Ой... Не знаю даже, как вам и сказать... — Гардеробщица снова, совсем по-детски шмурыгнула красноватым носом. — А вы, собственно, почему спрашиваете?..

— Странно было б, если б я этого не делал. — Роман скептически вскинул брови. — В одном и том же месте два человека с такими горькими лицами... Вот и хочется узнать причину.

Женщина вдруг снова болезненно скривилась, её пальцы опять взлетели к глазам... но опали; будто взяв себя в руки она сделала глубокий шумный вздох и с трудом сглотнула.

— Да? Наверное... У нас тут вообще-то горе — двое работников нашего театра убиты. Представляете?.. — Гардеробщица сжала опухшие, словно искусанные губы и помотала головой. — Ой, не могу... — Она вдруг схватила себя за воротник и затрясла им, как

опахалом, точно спасаясь от жары! — Не могу просто! Это какой-то ужас! Это ведь надо... У нас — и такое... Как теперь спокойно спать-то?! Как дома себя спокойно чувствовать, когда тебя могу прийти, и вот так зарезать, как поросё?!

С каждым словом она повышала тон, а закончила вообще воплем. На её шее вздулись вены.

— Прошу вас, не кричите. — Роман поднял ладонь. — Я вас прекрасно слышу. — Подумав, он добавил: — Да, это страшно — вот такое вот узнать... А откуда, вообще, это стало-то известно?..

Женщина непонимающе прищурилась.

— Откуда стало известно что?..

— Ну вот всё вот это. Я имею ввиду... К вам полиция приходила, или позвонил кто?.. Как об этом вам сообщили?..

Женщина прищурилась уже с подозрением.

— Какие-то странные вопросы вы задаёте... Вы что — репортёр?..

Роман не смог удержаться от резкости.

— Что вы!? Что вы!? Нет! Ни в кем случае! Ох, простите, что вспылел... Нет, я не репортёр. Я обращаюсь в других... сферах.

Перед женщиной разложенное пополам легло удостоверение. Гардеробщица совсем не чувственно, а очень даже цепко вгляделась в бумажку и несколько раз стрельнула подозрительными глазами в посетителя, проверяя схожесть.

Удостоверившись, что она всё прочитала и поняла правильно, Роман документ спрятал.

— Так вы... — женщина понизила голос, — вы занимаетесь этим, да?..

Роман чуть кивнул.

— Ну разумеется...

При *этих* словах взгляд Птачека изменился. Сам он никогда бы в жизни этого не заметил, но общавшиеся с ним могли бы сказать, что вот на них смотрели глаза обыкновенного прохожего, а вот это уже взгляд самого настоящего военного, дознавателя или даже контрразведчика. Эта черта, неизвестная для своего обладателя, наделяла его специфической харизмой и порой одинокого настраивала одних к нему а других сильно против. К счастью гардеробщица оказалась из первых. Почувствовав что-то умом или сердцем она как бы прониклась и приняла невысказанные правила некой «игры». Голос Романа тоже стал ниже. Разговаривая вроде бы не таясь в тоже время он начал произносить слова так, что постороннему пришлось бы подойти, чтобы что-то расслышать.

— Как вас зовут? — Птачек взглянул на женщину прямо, словно шпагой уколол.

— Ася...

— Очень приятно, Ася... Скажите пожалуйста: откуда у вас здесь уже все, как я догадываюсь, знают про второе убийство?.. Про первое не спрашиваю, конечно вам о нём известно... Но второе произошло буквально позавчера, и про него по телевизору не трубили. — Тут, хотя это и кажется невозможным, взгляд капитан стал ЕЩЁ серьёзнее и ЕЩЁ цепче. — Так скажите же мне пожалуйста: как так вышло, что все уже в курсе?..

Руки женщины соединились в замок и поднялись к груди. Нервно растерев ладони она облизала пересохшие губы и, глотая ком, чуть нагнула голову. Роман услышал её шёпот:

— Это так важно?..

— В таких делах мелочей быть не может. Так как же, Ася, все тут об этом узнали?.. Ну — чего вы молчите?.. Или чего-то боитесь?..

— Нет, что вы! — Гардеробщица резко помотала головой, её причёска слегка растрепалась. — Я просто подумала, что не могу вам сказать ничего интересно. Вы, наверное, ищите какие-то особые... улики, да?.. Я вот про Лену услышала от девочек из бухгалтерии, понимаете?.. Они ведь работают... работали вместе. А у нас, вы знаете, каждый день рабочий, а выходные особенно. В воскресенье Лена не появилась. Наш профсоюзный стал всюду звонить, выяснять... Вот и...

Роман понял, что он теряет время. Ну конечно! Почему он сам об этом не догадался?!

— А-а-а... — Приняв вид, будто про что-то такое и думал, капитан отошёл от стойки и выпрямился. — Ну да, в самом деле... Ага...

В ту же секунду, точно уже о нём забыв, гардеробщица уронила взгляд и прижала кулачок к губам, словно силясь не реветь. До Романа донёсся её сдавленный всхлип.

— Ладно... — Не подумав, что будет смотреться, как деревенщина, капитан Птачек прямо-таки карикатурно почесал в затылке. — Спасибо вам большое. А, кстати, не подскажите — кабинет директора вашего, Валерия Ал... Олександровича в какой стороне?..

Некрасиво вытерев сопливый нос женщина ткнула указательным в сторону.

— Вон по тому коридору. Там недалеко, возле сцены. Вы увидите сразу: у него дверь такая двойная, с рисунком.

— Спасибо. — Роман кивнул и сразу зашагал, куда направили. — Всего вам доброго!

Стараясь поскорее свою оплошность забыть, пока мерил шагами красивый отделанный коридор и линейный ковёр капитан тем не менее думал, что вообще-то такой вопрос, какой он задал сейчас этой женщине, мог бы его авторитет в её глазах уронить... да и вообще повредить делу. Что это за «детектив», который задаёт вопросы, ответы на которые элементарны?.. И о чём он думал?.. Ну разумеется то, откуда все знают, можно было объяснить просто. Какая к чёрту тайна?! Хотя надо отметить забавное: эта оплошность возникла по причине... профессионализма. Да-да, именно. Ведь неопытный или не любящий думать следователь сначала делает вывод, а потом, как дурак, подстраивает под него всё новое, что узнаёт. Однажды по молодости больно на этой пагубной практике обжёгшийся Роман раз и навсегда запретил себе делать какие-либо догадки до того, как ему станет известно ВСЁ. Или столько, сколько вообще возможно.

Пока капитан над этим размышлял а шаги по красному ковру тонули в тишине, коридор провёл его мимо приоткрытой белой двери. Услышав голоса Роман замер и обернулся. Немного постояв и поглядев он понял, что уже видел эту дверь раньше — ещё тогда, после спектакля, когда шёл на улицу к дочери, а этот самый Валерий, будь он неладен, Олександрович как раз вышел из неё навстречу и — картинка прям застряла в памяти — совершенно по-свински бросил тогда конфетный фантик мимо урны.

Дверь приоткрыта чуть меньше, чем на ладонь, Роман прошёл вперёд и изнутри его точно не видно; он спрятан для тех, кто в кабинете. А ещё похоже, что он шёл так неприметно, что люди внутри его просто не заметили и сейчас шепчутся, будто их никто слышать и не может. Навострив уши и приняв вид такой, чтобы в любой момент продолжить шаг, капитан замер и стал слушать.

Разговаривают две женщины; одна явно постарше, хотя и второй не дашь меньше двадцати пяти.

— Ой что делается... Ой что делается! Нет, это решительно переходит все рамки. Просто за пределами...

— Маргарита Ильинична, не надрывайтесь вы так! У вас же сердце!

— Да какое к чёрту, Христос спаси, Катенька, сердце?.. Лену, конечно, мало кто любил, но даже она не заслужила, чтобы вот так... чтобы её... ну... вот так...

— Да, это жутковато... — На краткое мгновение повисла тишина и Роман сглотнул. — А ведь всего неделю назад — помните? — мы вместе вот так же сидели, обсуждали Эммануила... Кто бы тогда знал, что такое случится опять, да ещё так скоро и снова с одной из наших!

— Да кто же может про такое знать-то?! Ты что же, Катя?.. О чём ты говоришь?.. Я слышала, что это дело рук того сумасшедшего, которого уже несколько лет всё никак поймать не могут. Ну того... который... Ты новости смотришь?

— Редко, Маргарита Ильинична.

— Полтора года назад об этом крупный выпуск шёл, его даже по второму показывали. Как раз про наше вот это вот всё. Там какого-то бонзу увольняли, я точно не помню. Вроде из полиции... Ну вот и рассказывали, что есть у нас тут такой... как бы это выразиться... отморозенный, который уже несколько лет людей убивает, а поймать его всё никак не получается.

— Не может быть, Маргарита Ильинична!

— Может, не может... А уже второго из наших нет! Ой, не могу... Сердце прям кровью обливается!

— Маргарита Ильинична! Вам нельзя волноваться!

На минуты с небольшим воцарился абсолютно бесполезный трёп, но такой громкий, что Роман забеспокоился: если кто-то пойдёт в его сторону, то капитан его не совершенно не услышит.

Стоило ему, однако, подумать, что лучше двигать дальше, как молодой голос уже спокойнее спросил:

— Маргарита Ильинична... а как вы думаете... за главбуха теперь кого возьмут?..

Прежде, чем ответить, старшая помолчала и Роман почему-то представил, как она укоризненно мотает головой.

— Эх Катенька-Катенька... Ну о чём ты думаешь? Лену даже ещё не похоронили, а ты уже на её место... того этого. Нехорошо.

— Да я просто спросила! Маргарита Ильинична! Вы же не думаете, что я радуюсь?! Как вы так можете?!

— Глупая ты ещё. Зелёная потому что. Скажу тебе во-первых как дочке, потому что ты одного почти возраста с моей Викой, а ещё потому, что мне на пенсию скоро, так что не страшно: не торопись, ох не торопись на место Леночки! И не просись на него ни в коем случае. Помяни моё слово — лучше уж честно здесь, хоть и не в шелках, да живая и на свободе, чем кончить как она... потому что...

У кого-то громко затрещал телефон; этот раздражающий звук вырвался из кабинета и покатился вдоль по коридору. Разговор прервался, прозвучали звонкие шаги, а через мгновение дверь с натугой дёрнули и она захлопнулась, отрезав все доносящиеся звуки.

Ужасно, просто жутко захотелось вот прямо сейчас ворваться к этим женщинам и громко потребовать: «Потому что ЧТО?!» Но это будет на самом деле совершенно лишнее. Почему?.. Убийца очень ясно дал в стихе понять, что покойница, как и тот режиссёр, замешана в чём-то нехорошем. В чём-то тёмном, постыдном. Нет, это не новость. Стоит, конечно, на обратном пути поговорить с этой Маргаритой Ильиничной, походить с ней вокруг да около, пока она о чём-нибудь ни проболтается... На самом деле Роман удивится,

если она и правда что-то знает. Люди очень любят посплетничать, а уж старые перед молодыми значимость раздувают — ой-ой!.. На деле же потом оказывается обыкновенные побасёнки и распускание павлиньего хвоста. Нет, здесь есть человек, с которым надо разговаривать в первую очередь. Он как перекрёсток: если что в театре и проходит, то обязательно через него. С него с первого и спрос.

Эти мысли промелькнули в мозгу Птачека в несколько мгновений. Ещё когда первая, об «войти и спросить» пришла в его голову, его нога уже делала шаг дальше, так как подсознание видело, какое решение будет принято... или, точнее, уже принято: идти, как и планировал, и задавать этому бородатому неряхе все самые неудобные и острые вопросы, которые только есть. Спрашивать его и смотреть, как он реагирует.

Дверь «с разговорами» скрылась позади за поворотом. Вскоре мимо Романа проплыла и дверь в актёрский зал, сейчас забранная высокой тёмной занавесью. Остановившись капитан огляделся: и туда и обратно коридор выглядит одинаково. И нехило плутает, а ведь снаружи здание особо большим не кажется... Вон туда, если память не изменяет, это в курилку и туалет. Так... надо дальше...

Подолы зимних ботинок наконец перешли на какой-то особенный, отличающийся от остальных бордовый ковёр. Все двери остались позади, разве что вот одна: «Только для руководства». И картинка, на которой человек моет руки.

Пожалуй это правильное направление...

Шаг Романа как-то сам по себе стал мягче, как у подкрадывающегося к антилопе тигра. Все чувства обострились и сам он при этом стал видеть, как в тоннеле — только вперёд.

Коридор вильнул вправо и упёрся в широкую двойную, очень красиво вырезанную из дерева дверь. Ни кусочка пластика, только цельный брус явно ручной работы. Рисунки растений и зверей расползаются по полотну, как капля чернил по белому листку. Капитанский глаз с любопытством пробежался по этой красоте... и с восхищением не обнаружил ни одной повторяющейся детали!

Обладатель этого кабинета себя, похоже, любит.

До слуха вдруг долетел чей-то громкий, но очень приглушённый голос. На него ответили, тоже громко, но опять-таки глухо — не разобрать. Роман понял, что это из-за двери: та скрывает секреты своих хозяев. Продолжая слышать голоса, как через толщу воды, Птачек совершенно бездумно, подчиняясь голым инстинктам на носочках подкрался и припал к створе ухом. В ту же секунду, как это произошло, Роман понял, что он таится, и что вообще-то может быть обнаружен... Со звучно забившемся, забахавшим в груди сердцем капитан приказал себе быть начеку! Облизав губы он подлез к крохотной щёлочке между косяком и основным полотном.

Разговаривают двое, и говорят отнюдь не сдерживаясь, чуть ли не кричат друг на друга.

— Сергей Иванович! Я всё понимаю! Я не тупой, ясно?!

Это явно Валерий. Да, это его голос. Смотри-ка — называет кого-то по имени-отчеству, при этом не стесняется повышать тон. Интересно...

— Ты мне тут не переиначивай, вот что! Ты ясно скажи — будут ещё проблемы или не будут?! Ну?!

Кто-то неизвестный но, судя по голосу, старше Валерия лет на двадцать а то и тридцать.

— Сергей Иванович! Я же говорю вам, что нет! Поймите! Это просто какая-то ужасная случайность! Просто дикий, совершенно невероятный несчастный случай! Совпадение! Не более!

Бах! Звук, будто кто-то вдарил по столу.

— Ты вот что, Валера... Ты не юли! Какое, к чёрту, совпадение?! Какой дурак в это поверит?! Ты что, в самом деле считаешь, что убийство этих двоих — это просто так сошлось?! Ты поверил в побасёнки того мента, что Токмана убил этот шизанутый?! А теперь скажешь, что и Ульянову тоже он кончил?! Это кретинизм!

— Сергей Иванович... Леночка, она... — Наступила странная, будто не вписывающаяся в разговор заминка. — Я не знаю, Сергей Иванович, что происходит, но я знаю, что это не должно быть связано с нами. Ведь всё пока шло нормально! Мы никого не задели, ни на чём не прокололись. Некому нам что-то предъявлять, и вы это сами знаете. Только, может быть...

Снова заминка.

— Ну давай, Валера, режь. Чего замолчал?..

— Только, может быть, если это прилетело к нам откуда-то с вашей стороны?..

Роман напрягся: сейчас будет взрыв эмоций и ор выше гор...

Второй голос прозвучал неожиданно спокойно:

— Нет, Валер, об этом даже и не мысли. В кругах, где я обращаюсь, отношения выясняются совершенно иными способами. **СОВЕРШЕННО ИНЫМИ!** Запомни это... Нет, моей стороны это прийти не могло. У меня есть конечно... доброжелатели... но я могу дать руку на отсечение, что это не они.

Снова на несколько мгновений застыла тишина. До ушей долетел тихий, еле уловимый звук, точно стекло бокала или бутылки коснулось сукна. Голос неизвестного продолжил уже тише и Роману пришлось чуть ли не вжаться ухом в щель, чтобы суметь расслышать:

— Ладно, давай о главном. Театр должен работать, как работал. От этого зависит слишком многое. Ты это, Валер, знаешь не хуже меня.

— Знаю, Сергей Иванович...

— Найди новых людей на замену. Где хочешь ищи! И чтобы были проверенные... Неизвестно, почему убили этих. Может и в самом деле тот сумасшедший постарался... Фетиш у него какой, или... А может и знаешь что?.. Они сболтнули кому чего лишнего, вот и поплатились...

— Извините, Сергей Иванович, но это глупость. Такого быть не может.

И снова Роман ожидал взрыв, гнев, неприятие... но второй голос спросил ничуть не менее спокойно:

— Это почему так?

— Сергей Иванович... Ну вы же не глупее меня... Умнее в сто раз... Ну если бы при вас кто-то что-то про такие вот дела ляпнул... ну как вот тут у нас... Стали бы вы вытворять *такое?*..

— Да-а-а, ты прав... — Наступило секундное затишье и Роману представилось, как второй скрещивает руки на груди, опускает взгляд и кивает. — Да, поступать так я бы уж точно не спешил. Да и никто бы, из нормальных-то людей... — Снова секундное затишье. — Может всё-таки прав тот мент... насчёт маньяка?..

В горле пересохло, лоб наоборот вспотел. Роман облизал губы и тихонько, еле-еле слышно вздохнул. Сердце колотится, прямо в уши бьёт! В любой момент кто-нибудь может сзади подойти: шагов по этим мягким коврам-то не услышишь! Но так хочется, так жаждется подслушать что-то значимое! Это же просто мечта! Не нужна вся эта мука, этот тяжёлый неблагодарный труд! Просто узнай нечто ключевое, схитри! И отходи уже от этого, как от

истины, в которой не нужно сомневаться. Желание этого чуда — или халявы? — заставило Птачека таиться и слушать дальше, хотя его интуиция уже завопила, что так оставаться нельзя и нужно либо стучаться и входить, либо убираться восвояси, чтобы потом вернуться, будто впервые.

Через толщу дерева долетело еле слышное:

— Ладно, Валер, вроде бы всё обсудили... Ты тут это, я смотрю — опять за своё?.. Особо-то не налегай, ты мне в здравом уме нужен. Вечером я позвоню и чтобы ты со мной нормально разговаривал. Ясно?..

— Разумеется, Сергей Иванович...

— Хорошо. Ну всё. Сиди. Не провожай.

Глаза капитан стали широкими, как блюдца, а зубы наоборот сжались — гвоздь бы перекусил! Роман отпрянул от двери, точно увидел на ней змею! Кровь ударила в голову, дыхание сковало, и непонятно — то ли от перевозбуждения, то ли от боязни, что его услышат. Без воздуха напрягшись, как пловец во время глубокого нырка, он развернулся и что есть прыти помчался обратно, причём на одних носках!

Если сейчас кто-то увидит его вот так — это будет настоящий смех! Клоунское представление!

Свернув за угол Птачек с облегчением обнаружил, что в коридоре никого. Ноги понесли вперёд, дальше, к спасительным поворотам и ответвлениям! Через грохочущий в ушах барабан до Романа однако долетел тихий щелчок а затем звук, как если бы что-то быстро рассекло воздух... Двойная дверь уже распахнулась! Что-же делать?!

Дикие, как у догоняющего добычу гепарда, глаза капитана мазнули по той самой дверке: «Только для руководства». Руки потянулись к ней, а от резкого торможения ступни взвыли так, что если бы не случай, Роман позволил бы себе вскрикнуть. Одним махом он опустил ручку, дёрнул на себя, запрыгнул внутрь и закрылся, причём ещё умудрился в последнюю секунду дверь придержать, чтобы не хлопнула.

Наверное, если бы проводили соревнования по скоростному забеганию в комнаты, то Птачек стал бы чемпионом уж как минимум области.

Туалет оказался, как и всё в театре — подчёркнутый шик. Причём в отличие от общего, в котором уже доводилось бывать, здесь обстановка заметно более высокая. Да, ещё раз всплывает мысль — себя-то здесь любят.

Быстро оглядев напольную и настенную плитку, блестящие раковины и мягко светящиеся особые, отличные от уже виденных здесь светильники Роман повернулся ко входу и вдруг понял, что он задыхается. Горло будто сдавили чужие руки, а грудь болит, точно в неё ударили! Собрав волю в кулак капитан поднял подбородок, мысленно заставил себя успокоиться и только тогда осторожно, очень-очень медленно вдохнул через рот.

По вискам льются капли, словно под дождь попал, а сердце сейчас из груди выскочит! Начав наконец дышать Роман снова приказал себе быть тихим и внимательно прислушался.

За дверью безмолвие идеальное — ни звука. Идущий наверняка, как и любой на его месте, пойдёт по ковру, что значит его и так-то не особо услышишь, а из-за плотно закрытой двери и подавно. Всё же в какой-то момент Птачеку показалось, что он что-то уловил — какие-то глухие, на грани слышимости шорохи, но нельзя было бы, однако, поклясться, что это не игра возбуждённого воображения.

Спустя минуту или около, когда сердце чуть отпустило а дыхание поуспокоилось, Роман двумя ладонями, медленно-медленно потянул ручку вниз. Замок тихо щёлкнул; подчиняясь

настойчивому приказу дверь приоткрылась на толщину волоса. Ещё чуть-чуть. Ещё...

В крохотную щёлку, в какую не смогла бы протиснуться и муха, Роман различил смутное мелькание вдалеке. Приоткрыв ещё на чуть он успел увидеть, как в конце коридора скрылась за углом фигура в костюме. Вроде невысокий, с тёмными волосами... Со спины лица не увидеть, но одет в классику с пиджаком, причём хорошего, явно недешёвого покроя.

Мир погрузился в абсолютную, оглушающую тишину: в голове капитана Птачека, как голодной зимой схватившиеся над тушкой зайца волки, сшиблись две мысли: догонять или не догонять?!

С одной стороны хорошо бы лицо этого мужчины увидеть, узнать, кто такой, порасспрашивать... С другой это будет сделать невозможно без того, чтобы так или иначе себя не раскрыть и не выказать спешки. А к любому, даже самому, казалось бы, неважному разговору, если он касается дела, вообще-то надо подходить не менее подготовленным, чем атлет пред взятием рекорда. Спрос — он правильный момент любит...

Волк «не догонять» победил. Тем более, пока думал, уже и времени прошло... Ладно. Если этот человек в самом деле важен, то Роман столкнётся с ним с неизбежностью заката или восхода солнца. Уж в этом-то можно быть уверенным.

Прислушавшись и поняв, что ничего больше не слышит, капитан открыл дверь и вышел наружу уже по-хозяйски, как будто он и есть это самое «руководство». Было бы комично сначала высовывать голову и проверять, не смотрит ли кто, уж лучше как танк, напрямки... Повертев головой и никого не увидев Роман позволил себе оглядеться: одежда вроде не растрепалась, вид презентабельный... Только рубашка от пота подмокла, но под верхом это незаметно. Да и одеколоном он перед выходом прыснул, так что нестрашно.

Всё-таки разгладив невидимые складочки капитан вновь направился к кабинету директора театра, но на этот раз шага скрывать не стал. Двустворчатая расписная дверь вновь предстала перед его взглядом. Секунду Роман медлил, размышляя, как себя лучше повести, а потом просто громко прочистил горло и потянулся вперёд — сжатый кулак быстро забил костяшками о полотно, а меж стен заметался убегающий стук.

— Да что такое?! — Донёсшийся из-за двери крик прозвучал с надрывной хрипотцой. — Я занят! Всё потом!

Тихонько хмыкнув Роман почесал подбородок, а после с истинно первобытной непосредственностью взялся за ручку и потянул. Замки щёлкнули еле слышно, очень приглушённо — даже непонятно, как он услышал их, когда убегал. Ему что, с перепуга почудилось?.. Створки разошлись и перед Птачеком предстала картина, которую он в общем-то и ожидал видеть: одна сплошная роскошь! Широкая светлая комната не показывает, я прямо швыряет в глаза своё великолепие! На полу приятный глазу паркет, стены под светлым «короедом», а натяжной потолок отливает таким отменным жемчужным белым, что Роман даже на миг подумал, что это всё перламутр. Какходишь, перед тобою встают два на вид очень удобных, больших белых кожаных кресла. На шаг дальше широкий длинный стол, про который нельзя с уверенностью сказать — из дерева он, или, как видится, в самом деле из мрамора?.. За столом ещё одно кресло — точная копия первых двух, а за ним, блестя стеклом, вдоль перегородки-стенки располагается высокий пузатый стеллаж с книгами. Слева в стене обширное квадратное окно, в которое падает сейчас дневной свет, а справа кабинет уходит глубже, огибает стену со стеллажом и там частично видны белый диван и журнальный столик, а также светлая, почти не выделяющаяся на фоне светлого же «короеда» дверь... Чулан? Или куда-то ведёт?..

К своему стыду Роман впечатлился, в самом деле впечатлился этой пышностью. Ещё никогда в жизни он не видел ничего подобного, лишь отдалённо. Поняв, что если будет медлить и глазеть, то очень быстро утратит любой, даже самый шаткий авторитет, Птачек притворился, что не видит ничего примечательного. Через порог в кабинет директора театра вошёл натренировано спокойный, прямо-таки несущий с собой атмосферу выдержки человек.

— Меня что, плохо слышно?! — Сидящий за столом с аккуратной подстриженной бородкой мужчина было вскочил, но увидев, кто к нему явился, замешкался. — Да я!.. Я...

— Вас хорошо слышно, Валерий Олександрович, можете не кричать. — Роман сделал несколько шагов вперёд. Остановившись до передних кресел он с показательно равнодушным лицом покрутил головой и, заморозив взгляд на глазах собеседника, добавил: — Кстати здравствуйте.

Валерий заторможено моргнул. Его губы было шевельнулись, но из горла не вылетело ни ноты. Пока директор соображал, как ему поступить, Роман оглядел его: с закосом под интеллигента, как их изображали в старых советских кино, однако — и не понять, говорит это интуиция или личная неприязнь — весь этот аккуратный, ухоженный вид, эта вылепленная борода, эти блестящие на свету ногти, эта в конце концов одежда, когда рукава пиджака или штанов немного короче... ещё немного короче... всё это — как пальто, шляпа или солнечные очки, которые человек надевает, чтобы никто не видел его настоящего. Несмотря на эти негативные мысли на лице Птачека держалась улыбка исключительной вежливости.

— А, это вы... — Валерий ляпнулся обратно в кресло и повертелся, устраиваясь поудобней. — Не помню, *кстати*, чтобы вы предупреждали, что придёте...

Лицо его застыло, словно маска, а глаза похолодели. Роман прекрасно узнал это выражение, так как сам его часто применяет: люди делают так, чтобы скрыть свои истинные эмоции. Нельзя показать, что человек тебя раздражает? Значит делай вот такую отмороженную, лишённую мимики мину. Вот только... глаза всё равно выдадут тебя и опытный человек прочтёт тебя, как не старайся. Чтобы обмануть кого-то, постоянно общающегося со лжецами... О!.. Это надо быть МАСТЕРОМ лжи.

— Да ну зачем? — Роман добродушно пожал плечами. — Я при исполнении, так что всё в порядке... Надеюсь не помешал?..

Взгляд капитана с карих глаз директора скакнул на стол перед ним: посередине как будто мраморного полотна (а может и в самом деле мраморного) располагается обширный прямоугольник сукна, куда сидящий может класть локти или, например, клавиатуру. По левую руку от Валерия откупоренная, уже пальца на четыре опустошённая бутылка с этикеткой «Whiskey», а подле круглый широкий стакан, где на донце сохнут цветные капли.

— Вообще-то помешали. — Валерий на мгновение отвернулся, но потом снова посмотрел на пришедшего. — У меня довольно занятой график, так что прошу — говорите по существу. — Его глаза стали острее и требовательнее. — Я полагаю, вы пришли из-за нового убийства?

Взгляд что-то неприятно царапнуло и Птачек позволил ему опуститься ниже и правее: возле стола, слева для сидящего стоит белая декоративная урна, очевидно специально подобранная, чтобы соответствовать роскошной обстановке... однако возле неё, скомканные и как попало брошенные, валяются два золотистых фантика, явно от конфет. И, если память права, эти точно такие же, какой Роман видел в тот раз, сразу после спектакля.

— Вы что там, какие-то картинки увидели?.. — Одна из чёрных бровей Валерия изогнулась. — Товарищ... майор? Вы, пожалуйста, не витайте в облаках, а то нехорошо получается, когда говорю один я.

— О, простите! — Роман поспешно кивнул. — Просто задумался... Хотя уверен, что вы были бы не против, если бы всегда говорили один вы...

Желваки Валерия напряглись так, что это стало заметно даже сквозь бороду, но Роман тут же продолжил:

— Да, вы правы. Вопросы... Вообще-то я сюда пришёл, чтобы как раз-таки и сообщить о смерти вашей сотрудницы, но вы, я вижу, уже в курсе...

Неожиданно полным духом, с выпученными глазами и злым оскалом Валерий заорал:

— Да, чёрт возьми! Да, я уже в курсе! В курсе! Ну разумеется!

Его белый, без единой венки кулак со взмахом обрушился на столешницу! По кабинету прокатилось громкое «БУМ!» Бутылка вздрогнула и качнулась, а стакан и вовсе не выдержал — упал и покатился к краю, где рухнул и с неприятным звяком разлетелся по паркету мелкими осколочками.

Роман почти вздрогнул; его сперва дёрнуло подойти и что-нибудь сделать или сказать... но он лишь застыл и смотрел на директора театра, как на рыкающего в клетке тигра. Несколько мгновений Валерий глазел на свою от натуги покрасневшую, только что будто пробившую дерево ладонь. Закрыв глаза он шумно вздохнул и уронил лоб на столешницу. Капитан просто продолжал стоять и молча смотреть. Полежав немного, будто уснувший за партой студент, Валерий наконец поднял голову и на гостя взглянули уже вовсе не грозные, а скорее уставшие, вымотанные нервозом глаза.

— Простите. — Ударившуюся ладонь директор спрятал под стол, а свободной растёр лицо и лоб. — Это всё нервы. Не обращайтесь внимания.

Роман лишь молча опустил взгляд. Постояв так несколько секунд он думал, с какого бока заходить: мысли лезут одна глупее другой, да и не хочется, если честно, разговаривать обиняками...

— Я бы вот о чём с вами хотел поговорить, Валерий Александрович... — Птачек снова поднял глаза. — Видите ли...

— Олександрович, — прервал директор со своей прежней плохо скрываемой колкостью. — Олександрович, а не А.

— Простите. — Роман снова кивнул. — Просто немного не привычно для слуха. Извините... Так вот о чём я хотел поговорить... — Глаза капитана сощурились, его взор вцепился в директора, как гарпун в кита. — Вся эта без сомнения ужасная ситуация — эти последние два убийства... они ведь как-то похожи друг на друга, они связаны. Вы понимаете?.. Как-то подозрительно, что уже второго сотрудника из вашего театра убивают.

Пока слушал лицо Валерия вроде бы не менялось, однако Роман прекрасно заметил, как вновь напряглись его желваки, как челюсти сжалась тисками, а взгляд из колкого стал совершенно обжигающим. Поймав момент, когда гость сделал заминку, директор тихо, но очень разборчиво спросил:

— К чему это вы клоните?..

— К тому, что... — Роман уже хотел упомянуть о совпадениях между последними убийствами, об оставленных на нечистоплотность убитых стихотворных намёках... но в последний момент передумал. — К тому, что это просто подозрительно, понимаете?.. Последняя несчастная, которая Ульянова — она ведь тоже убита, как мы считаем, нашим

маньяком. Это ведь...

Не повышая голоса, но достаточно резко Валерий прервал:

— ВАШИМ маньяком?..

Подавляя накатывающееся раздражение одно лишь силой воли Роман уточнил:

— Маньяком, которого мы ищем. Маньяком, который зверствует в этом городе. ЭТИМ маньяком.

— В ЭТОМ городе?.. — Валерий снова приподнял чёрную бровь. — Вы выражаетесь как приезжий. Вы неместный?..

Большого, просто титанического труда стоило ничего не сделать. Из Романа буквально рвалось наружу! Рвались слова! Рвались действия! Но капитан переждал этот тяжёлый момент, как корабль в море пережидает накативший шторм — молча. Поняв, что язык уже снова способен подчиняться не гневу, а разуму, он продолжил:

— Так вы, Валерий Александрович, не могли бы мне, как следователю, что-нибудь важное рассказать?.. Может быть что-то знаете, что-то видели?.. Возможно вы что-то слышали об эти двух ваших сотрудниках, что могло бы следствию помочь?..

С каменным, точно безжизненным, но отнюдь не лишённым жёсткости лицом Валерий молча глядел на собеседника несколько секунд, а затем, словно забыв о нём, полез в ящик стола.

— Ни о чём таком я не слышал. — На стол перед директором встал новый стеклянный стакан. — Ничего такого не видел и ничего я не знаю. — Голос Валерия, как и его взгляд, уколол холодом. — Но уверяю, что ничего дурного с моими людьми быть не могло и не может. Некому и нечему обвинять нас в... в каких-то там преступлениях! Уж в этом-то я уверен!

Последнее было сказано с подъёмом, настоящим вызовом. На крайнем слове Валерий даже горло сорвал и хрипнул, после чего его руки умело, без лишних движений откупорили бутылку и наполнили стакан на полпальца. Роман глядел, как директор ловко опрокинул стекло, как скакнул вверх-вниз его кадык и как ударился о сукно стакан — точь-в-точь тот самый звук, который он слышал несколько минут назад, когда подслушивал.

— Если вы намерены искать виновников каких-то там мнимых преступлений в рядах этого почтенного заведения, — глядя гостю в глаза Валерий достал из другого ящика маленький золотистый свёрток и стал его распаковывать, — то должен сказать вам, что, конечно, вы представитель закона и всюду вхожи... но, однако, это будет движение в неверном направлении. — Из холодного и обжигающего взгляд Валерия стал наставительным, как у старшего перед младшим. — Лучше употребите свою настойчивость в более верном русле. Например на поимку убийцы.

Ухоженные, идеально наманикюренные пальцы развернули золотистую обёртку. Конфета отправилась в окружённый густой растительностью рот, а фантик — вот это зрелище! — пущенный безразличной рукой полетел на край стола, где скатился и упал мимо урны к своим новым соседям — двум таким-же скомканным.

Когда-то давно, много лет назад один из старших товарищей тогда ещё молодого лейтенанта Птачека, тоже следователь, беседовал в комнате для допросов с начальником управления энергетики и ЖКХ по Самаре Ковалёвым. Ох! Что это было за представление Ковалёв этот вёл себя настоящим паном: хамил, грубил и даже кидался оскорблениями, причём личными. А уж сколько с его стороны сыпалось непрямым угроз — не счесть! Беседа эта длилась без малого три часа и многие, включая Романа, присутствовали и подглядывали:

было интересно, чем кончится. Преображенова тогда ещё не было, а тот, кто был — так, простокваша, вмешиваться не стал, пустил на самотёк. Так вот в чём было дело: следовательно этот — мир праху его, бандиты застрелили через несколько лет — беседовал с Ковалёвым так спокойно и так умело, что создавалось полное впечатление, эти оскорбления ему — как гусю вода. Но мало того! Больше! Он так закрутил Ковалёва в своих вежливых речах, неизменно тактичных вопросах, в даже любезных, несмотря на всю кинутую ему в лицо грубость, уточнениях, что тот запутался, забыл на время, где он, и как самый настоящий дурак выболтал несколько критичных подробностей, которые его и похоронили. Ковалёву потом просто пожали руку и сказали: «Так держать!», а вот Роман этот случай для себя запомнил, как проявление истинно мудрого поведения. Манеры вести дело, которую нестыдно брать в пример.

Очень хотелось накричать, смахнуть дорогое пойло с стола, схватить наглеца за шиворот и проорать ему в его глупое лицо, чтобы заткнулся и помалкивал, когда не просят, а когда просят — чтобы выкладывал всё, как есть! Страшно хотелось... Но Роман не стал. Вспомнившийся эпизод с Ковалёвым очень быстро помог успокоиться и даже почувствовать себя в своей тарелке. А ведь в самом деле — чего переживать?.. Нужно просто продолжать выдержанно разговаривать, а там глядишь — и у этого, кстати уже выпившего, язык-то на чём-нибудь и развяжется...

— Не сомневаюсь, что вы умный человек и глупостей не скажете... — Роман сделал выражение простецким, как у деревенского пастушка, — но всё-таки, Валерий Александрович, потрудись подумать: может эти двое ваших — режиссёр и вот эта вот работница бухгалтерии — может быть они всё-таки были замешаны в чём-то... *таким*?.. Хотя бы даже случайно, не по своей вине, понимаете?.. Если вы об этом знаете, то пожалуйста, скажите. Это может сильно помочь следствию и предотвратить возможно новые убийства.

Лицо Валерия стало, как у быка, перед которым махнули красной тряпкой. В мгновение его глаза покраснели и вылупились на гостя чуть ли не вылезая из орбит, а рот ощерился сердитым оскалом!

— Да что вы всё заладили?! — Резким движением он поднялся и упёрся в стол обеими ладонями. — Я что тут для вас — как для глухого что ли распинаюсь?! Я же вам говорю — ни мои работники, ни тем более я не можем быть замешаны в чём-то преступном! Все мы — честнейшие люди! — Оторвав от стола одну руку Валерий стал тыкать указательным в потолок. — Честнейшие! Слышите вы?! Или нет?! Да и вообще! — Его палец резко опустился и нацелился на Романа, как пистолет. — Вы тут приходите, тратите моё время на эти глупые разговоры... а ведь вы должны искать убийцу! — Он сделал резкое движение вперёд уже почти тыча выставленной фалангой капитану в грудь. — Вы обязаны! Это ваша работа! А вы ходите тут, честных граждан донимаете!

Роман понял, что происходящее уже просто выше его сил. Нет. Нет и ещё раз нет. Либо он сейчас отсюда исчезнет, либо так измордует этого дурака, что сядет сам. Быстро приняв решение Роман скупо поклонился, сказал: «Извините. Я вспомнил, что у меня сегодня ещё были дела» и, резко развернувшись, бодрым шагом зашел прочь.

Может Валерий сказал что-то вдогонку а может и нет — Птачек не уловил: от гнева и сжимающихся челюстей в ушах у него гудело так, что слышалось лишь баханье собственного сердца. В чувствах забыв обо всём на свете Роман прошёл и мимо бухгалтерии, хотя планировал туда заскочить, и у гардеробщицы вещи забрал чуть ли не рывком, после чего

ушёл, одеваясь прямо на ходу, а ведь и её ещё хотел о чём-то поспрашивать.

Единственная мысль покидающего театр озлобленного, или сдерживающего ярость следователя была о директоре этого самого театра и о том, что именно здесь-то и надо копать! Здесь «пахнет» всего гуще! И первый, кого надо «щупать» — это Валерий, мать его, Александрович!

Дельное чаепитие

Из театра Роман не вышел, а чуть ли не выбежал, так в нём всё вскипело! Добравшись до машины и сев на водительское он с силой хлопнул дверью и совершенно не сдерживаясь обоими кулаками злобно вдарил по рулю!

— Дурак! Ненавижу! Ну что за кретин?! Убил бы!

Кулаки вновь обрушились на несчастный руль! Опять и опять! Старенький «форд» даже, показалось, досадно застонал, а клаксон будто специально прыгнул под руки — по стоянке разлетелся обиженный гудок.

Зная, что уже сам ведёт себя, как дурак, что со стороны выглядит невоспитанным ребёнком Роман всё же ещё с минуту матерился, грозно сжимая ладони, но уже не стуча ими куда попало. В конце этой вспыльчивой, постыдной для взрослого человека выходки он с трудом выдохнул и упёрся локтями в руль. Его голова опустилась, в салоне стало слышно лишь тяжёлое сипловатое дыхание. Ещё через минуту, когда эмоции стали потихоньку отступать, пришло ощущение реальности, в которой тело почувствовало, что вообще-то в машине холодно; и не просто, а адски! Будто только сейчас Птачек заметил, что на дворе зима, что изо рта у него валит пар, что бока уже дрожат а зубы стучат, как от электротока!

Двигатель, спасибо, завёлся с первой попытки. Старенький «форд» зарычал а его хозяин, настроившись подождать хотя бы пять минут, погрузился в размышления.

Мысль, как в «классиках», запрыгала по номерам главной дорожки: что говорить начальству? Нет, что говорить — понятно. Точнее — что ИМЕННО говорить, а что придержать?.. С одной стороны можно намекнуть, что дело сдвинулось с мёртвой точки и теперь есть ниточка, за которую можно уцепиться... С другой это ниточка настолько тоненькая, что оплошать — раз плюнуть. Если не выгорит, то уж лучше сделать вид, что её и не было — головной боли меньше.

Так как же поступить?..

Внезапно пришла простая, но показавшаяся по-настоящему гениальной мысль: надо посоветоваться с Анисиним! Ну конечно! У него голова наверняка неглупая, авось чего дельного и сварит; или подтвердит, о чём Роман и сам догадывается. Плюсом ко всему очень похоже, что старика в отделении уважают, а значит будет можно, если вдруг что, сказать, что вот мол — советовался с Филиппом Петровичем, он мою догадку одобрил...

Дурные мысли как ветром сдуло. Обрадованный озарением Роман быстренько достал телефон, перед его глазами загорелся список контактов. Т-а-ак... Анисина нет... А, он записан как Ф. П... Надо потом исправить, а то как-то странно выглядит...

Нажав вызов Птачек стал ждать. Трубку долго не брали и в первый раз так и не взяли. Немного обескураженный Роман подождал минуту и позвонил вновь — на этот раз не прошло и трёх гудков, как на том конце произнесли:

— Да?.. Слушаю.

— Алло! Филипп Петрович? Это Птачек Роман. Узнаёте?..

Послышалось какое-то шарканье, а после звучно побряхтели, с хрипом прочистили горло.

— А, Роман, это вы... Да, разумеется узнаю. Чем могу быть полезен?..

— Филипп Петрович... тут такое дело... — Незаметно для себя Роман прижал язык к верхней губе и пару секунд размышлял, как лучше сказать. — В общем: посоветоваться бы

мне с вами... В деле по нашему с вами главному, так скажем, человеку наметились кое-какие интересности. Будет у вас сегодня время встретиться? Обсудить?..

Голос Анисина прозвучал с акцентированным порицанием, словно у строгого учителя:

— Да бог с вами, Рома! Не надо спрашивать, просто приезжайте! Я из дома-то практически не выхожу, а для человека, занимающегося делом... нашим делом моя дверь всегда открыта.

Роман хотел назначить часа через два, после, как отметится в отделении и поест, но из его уст как будто само собой вырвалось:

— Хорошо. Тогда как насчёт прямо сейчас?

— Сейчас так сейчас. Через сколько вы будете?

Птачек взглянул на автомобильные часы.

— Через пять минут.

— Ну тогда жду...

— До встречи, Филипп Петрович!

Отложив телефон Роман понял, что его правая самую чуточку подрагивает. Это от холода или нервов?.. И, кстати, в разговоре с Анисиным он и в самом деле взволновался, хотя совершенно непонятно — почему?.. Решив, что это просто последствия недавней злобы, когда этого глупого модника с повадками настоящей свиньи так и хотелось удавить и лучше было уйти, Роман мысленно от всех тревог отмахнулся и взялся покрепче за руль. Старенький «форд» взрыкнул! Стирая шипы на зимней резине он сорвался с места, как атлет со старта при выстреле.

...Пятьдесят шестой дом нашёлся очень быстро, даже ни разу не пришлось глянуть в навигатор. Припарковавшись Роман хотел позвонить старику ещё раз, но передумал и сразу двинулся к четвёртому подъезду.

Пока шёл в глаза бросилась примечательная картина: во дворе кто-то, видно, очень способный выстроил из снега высокую горку с длинным, метров на двадцать скатом. Как раз сейчас похожие в своих тяжёлых пуховиках на откормленных пингвинов детишки взбираются по широким, заботливо выдолбленным ступенькам и скатываются кто на магазинных, а кто и на самодельных скользьянках. А гвалт от них, будто вчера начались каникулы!

Добравшись до подъездной двери Роман набрал «семьдесят восемь» и стал ждать.

— ...

— ...

— Да?..

— Филипп Петрович, это я!

Домофон засигналил. Тяжёлая металлическая дверь дрогнула, открылась. Роман потянул за покрытую деревом ручку и поскорее запрыгнул внутрь, подальше от уже начавшего кусать мороза.

Когда капитан поднялся на второй этаж дверь справа уже оказалась открыта. Не став стучать Роман отпёр её и переступил порог. Перед ним, как и в прошлый раз, предстала та же самая картина: посередине коридора встречающий гостя немолодой хозяин, а слева на стене деревянная лакированная вешалка с двумя куртками и одной шапкой. Снизу на газетке зимние ботинки, а чуть дальше из-за угла бельевого шкафа настороженно выглядывают валенки.

— Ну здравствуйте, Роман. — Старый с виду, но вовсе не старый в движениях Анисин

шагнул вперёд и протянул ладонь. — Хотя может быть нам лучше перейти на ты?..

— Лично я с удовольствием. — Птачек пожал протянутую руку и для себя в очередной раз отметил, что Анисин жмёт крепко, как это было принято раньше. — Но я всё равно буду звать вас Филипп Петрович, если вы не против.

— Вовсе нет. — Глаза старого следователя на мгновение будто сверкнули, а затем стали пытливыми. — Тебе, Ром, чай? Или кофей?

Не успели слова прозвучать, как из кухни загремел звонкий, пронзительный свист! Анисин обернулся, но с места не сдвинулся. Вновь посмотрев на гостя он вопросительно приподнял брови и мотнул головой.

— Мне, пожалуй, чай. И покрепче. — Захлопнув за собой Роман расстегнулся и нацепил петельку куртки на вешалку. — Как вы в прошлый раз делали.

— Это мы легко. — Анисин скрестил руки за спиной. Развернувшись он пошёл на кухню. — Ты пока в зал проходи. Чувствуй себя как дома.

Разувшись и аккуратно, один к другому поставив ботинки на газетку, капитан Птачек выпрямился и тихой, прямо-таки плывущей походкой направился к комнате, которую помнил, как зал. Справа, как и в прошлый раз, миновала открытая дверь в покои с двумя кроватями. Роман не стал задерживаться, просто отметил, что, как и тогда, одна заправлена идеально, ну просто как на показ... а вторая чуть ли не кое-как, просто прикрыта покрывалом, будто в общежитии койка какого-то ленивого студента.

Зал оказался таким же, как и всё остальное — без единого изменения. Хотя... Точь-в-точь на своём месте старенький лупообразный телевизор, напротив него два кресла и между ними столик. Взгляд зацепился за белую скатёрку на этом столике... точнее за вазу на этой скатёрке: в воде, как и в прошлый раз, живой жёлтый цветок.

Роман сперва даже глазам не поверил. Глянув искоса — не видно ли его? — он нагнулся и с большим интересом внюхался в бутон: пахнет настоящим природным ароматом живой пыльцы. Но ведь прошлый цветок уже давно бы увял... Кто-то дарит Анисину цветы или он сам их покупает?..

Из кухни долетел голос старика:

— Ну как ты там, Ром? Устроился?

Вынырнув из раздумий капитан быстренько выпрямил спину и влоборота встал к выходу.

— Спасибо, Филипп Петрович! У меня всё в порядке!

— Ты извини, я тебя малость побеспокою. Помоги поднос донести, а то мне рук не хватает.

Тогда Роман не был на кухне, но когда сейчас он сюда зашёл она ничем его не удивила; как и остальная квартира эта комната есть прямое отражение хозяина: старая, но не дряхлая. Холодильник, стол со стульями, чайник и прочее — всё из прошлого века, хотя на вид и вполне рабочее.

— Вот, возьми. — Анисин указал на поднос, нагруженный двумя большими кружками и глубокой, словно бы фарфоровой пиалой, в которой поровну шоколадное печенье и шоколадные же конфеты. — Отнеси, поставь рядом с вазой. Я сейчас приду.

Сказано — сделано. Уже через минуту Роман снова находился в зале, причём уже в кресле, а подошедший Анисин добавил на поднос принесённый заварник. Рядом на специальную, ещё советскую термоподставочку он водрузил исходящий жаром металлический чайник.

— Так ты говоришь, тебе как в прошлый раз? — Старик нагнулся над подносом, заварник в его утомлённых годами руках навис над кружкой.

— Ну, можно немного полегче... — Птачек неопределённо покрутил кистью. — Сделайте, наверное, как себе. Вы говорили, что крепкий не пьёте?

— Так ведь у меня сердце. — Анисин разлил заварку двумя одинаковыми порциями, после чего в кружки сразу же отправился исходящий паром кипятков. — Мне слишком крепкий вредно.

Пока усаживались, пока обменивались вежливостями Роман вновь прошёлся взглядом по обстановке: показалось, что чего-то всё-таки не хватает. Цветы в горшках на подоконнике, рамка с фотографией за стеклом в шкафу... А-а-а, нету столика в углу. Того, на котором был отпечаток, будто от аквариума.

Оценивая приглядевшись к собственному чаю Анисин приблизил нос к кружке, понюхал. Его губы аккуратно, очень неспешно прильнули к краю — по горлу прокатился маленький пробный глоток.

— Так и что ты, Ром? — Он взглянул на гостя из-под седоватых бровей. — С чем пожаловал?

Сразу после он подвигал верхней губой, от чего усы его, прям как у Понятовского, комично походили вправо-влево. Интересно: они, когда вместе работали, понимали, насколько друг на друга в этом похожи? Или кто-то другого скопировал?..

— Всё с тем же, Филипп Петрович. — Роман и сам отпил чуть — по языку прокатилась приятная горечь. — Про нашего с вами маньяка хочу поговорить. Про Поэта.

Глядя в кружку Анисин самую малость улыбнулся, как улыбаются неприличной, но всё-таки смешной шутке.

— Вот... теперь и ты его так называешь... А в прошлый раз, помню, тебя кривило.

— Да мне и сейчас не нравится. — Роман пожал плечами. — Просто ребята так его зовут, по другому не хотят. Как-то привык.

Анисин снова поднял кружку и отхлебнул уже бóльшим, на сколько позволил кипятков, глотком.

— Ну ладно... — Он поднял лицо — на капитана взглянули уже совсем не стариковские, а истинно охотничьи глаза бывалого следака. — Рассказывай.

Роман думал, что на пересказ всего произошедшего с его крайнего визита уйдёт совсем немного времени, но КРУТО ошибся: Анисин слушал его, будто генерал принимает доклад разведчика. На каждом заинтересовавшем его моменте выспрашивал все подробности, выпытывал все детали и постоянно переспрашивал и уточнял. Это стало настоящим испытанием для памяти. Не раз и не два приходилось морщить лоб, закрывать глаза и напряжённо вспоминать, пока старик терпеливо ждал пояснений о той или иной ранее казавшейся Птачеку несущественной тонкости. Лишь когда разговор пошёл о сегодняшнем визите в театр он не прервал ни разу. Всё время, пока слушал, Анисин смотрел будто в пустоту и потихоньку отхлёбывал.

— В общем как-то так. — Роман отставил опустевшую кружку. — Руки так и тянулись ему наcostылять, как вы понимаете. Я свалил; от греха подальше...

Кружка Анисина опустела тоже. Заметив, что и у него и у гостя порожно, старик без вопроса разлил по новой.

— Что ж... любопытная история... — Отпивая свежего чая он причмокнул. — Занятная... — Из задумчивого его взгляд быстро стал острым и осмысленным. Когда глаза

Анисина поднялись на Романа, тот прямо-таки почувствовал, будто его лица коснулись чужие пальцы. — Так и что сам ты обо всём этом думаешь?..

С ответом Птачек спешить не стал. Его рука вновь опустила свежий чай, а пальцы потёрли подбородок.

— Вообще-то у меня есть некоторые мысли... но я хотел бы сперва посоветоваться с вами. Сравнить, так скажем, наши выводы. Понимаете?..

— Понимаю... — Анисин важно кивнул. — Я, очень возможно, сам бы поступил на твоём месте так же. И то, что ты сдержался — это, конечно, в твою сторону плюс...

В голосе старика послышалась неверная нотка.

— Да, если бы я ему врезал... — На миг эта картина зависла в воображении и Роман невольно улыбнулся, представляя, как от всей души хама лупасит. — Хотя вы это так сказали, будто что-то всё-таки не то...

Взгляд старого следователя стал... хитрым? Анисин в самом деле прищурился, но по нему не понять — то ли просто отчего-то хмурится, то ли это так поглядывает на гостя несколько свысока, как более старший и опытный.

— Молодец. — Он приподнял кружку, как бы чокаясь. — Это ты верно подметил... Вообще-то, Ром, обязан тебе сказать, что ты с самого начала в этот театр ехать был не должен. И уж если съездил разок, то уж второй для тебя должен был бы быть баста.

Брови поползли вверх, а уже готовая снова взяться за кружку рука замерла на полдороге. Роман не ответил, а как бы выдавил:

— Это почему?..

— А потому, Рома, что место, куда ты пошёл, как ты, между прочим, сам уже заметил, явно является объектом очень интересующим нашего с тобой общего, так выразимся, знакомого. — Глядя на гостя Анисин с особым выражением покивал. — А если это так, то было бы глупо со стороны нас — тех, кто его ищет — появляется там. Это может вспугнуть его и заставить отказаться от планов, которые, очень возможно, Поэт ещё не полностью осуществил. Разве ты об этом не думал?..

Такая простая и очевидная мысль бахнула Романа по голове, как кувалдой! В секунду он ощутил себя безмозглым, наиглупейшим, самым тупым человеком на свете! Ну конечно! Почему он сам об этом не подумал?!

Анисин прищурился чуть уже, взгляд его от этого стал ещё хитрее. Голос старика, однако, остался мягким и вовсе не укоряющим:

— Если уж тебе так хотелось с кем-нибудь из этого заведения пообщаться, ну хотя б с тем же ихним директором, лучше было б просто позвонить ему и пригласить к себе, как свидетеля. Что, думаешь, это было бы проблемно?.. Уверяю тебя — просто обратись к Понятовскому: его с этим дьяволовым глухарём наверху шпыняют так, что он, если потребуется, и звезду с неба достанет, а уж какого-то там выскочку вообще возьмёт и за ухо в отделение притащит. Ты его просто ещё не знаешь.

Пока обдумывал, как ответить, Роман и в самом деле представил, как Понятовский ведёт Валерия за ухо. Тот сопротивляется, упирается, кричит, а полковник такой «А ну цыц!» и тащит его дальше. Это заставило капитана улыбнуться вновь.

Немного помолчав и отпив чаю Анисин отставил кружку и скрестил пальцы на животе. Его лоб взбороздили морщины, а взгляд из хитрого опять стал глубоким. Роман поёрзал на месте; в повисшей тишине все слова, которыми хотелось ответить на мнимый упрёк, показались ему теперь ужасно дурацкими. Старик прав, а он ошибся. Роман поджал губы.

— Ничего... — утешил Анисин, будто читая его мысли. — Ещё наберёшься опыта.

И снова захотелось что-то в ответ сказать, но снова Роман смолчал — ему показалось, что прерывать раздумья старого следователя не стоит. Вон какой он серьёзный, прямо можно увидеть, как работает его мозг; в таком состоянии человека лучше не отвлекать: а ну как он до чего дельного дойдёт?..

И опять, словно вновь прочитав мысли гостя, Анисин шумно вздохнул и уставился на Романа, будто тот задал ему какую-то особенно каверзную дилемму.

— Знаешь, Ром... Вот что я думаю: этот так называемый Поэт — он ведь личность необычная. Даже по меркам маньяков, не находишь?..

Капитан двинул плечами:

— Если честно, мне сложно судить. Я всю жизнь занимался обыкновенными преступниками; мне мало, с чем сравнивать.

— Ну, тогда у нас есть только моя чуйка. — Анисин немного комично выгнул губы. — И она говорит мне, что наш враг — это человек непростой явно очень. С большой буквы. И определённно неглупый.

— Ну, это не новость... — Роман всё-таки взял кружку и сделал новый глоток. — Если бы он был дураком, то уже давно бы попался. А он сколько — лет шесть уже бесится?..

— Говоря «бесится» ты, Рома, подразумеваешь, что он как бы сходит с ума. — Анисин поглядел на гостя с лёгким неодобрением. — Но я бы так не стал говорить о нём ни в коем случае. Нет, — он помотал головой, — наш парень явно планировщик, и планировщик очень хороший. Не побоюсь высказать этого — с крепким умом и стальными нервами.

Несколько секунду Роман смотрел на Анисина с вопросом... и наконец всё-таки решился:

— Филипп Петрович... вы говорите о нём чуть ли не с восхищением. Разве так можно?..

К удивлению Романа Анисин вовсе не ответил ему взглядом, полным недоумения, раздражения или брезгливости. Старик лишь стал, если это возможно, ещё серьёзнее.

— С восхищением? Нет, Рома, это не так. Но таким как мы, следакам, должно быть просто воспрещено думать о преступниках, как о каких-то животных. Да, он чудовище. Но ведь он умён. Если ты будешь воспринимать его за бешеную собаку, то никого его не поймает. Лучше думать о нём, как о противнике в, скажем, шахматной партии. И постараться своим умом переиграть его ум. Мне это так видится.

Наступила краткое затишье. Роман обдумывал, чем бы таким ответить, но Анисин снова его опередил. Отставив чай старик развернулся к гостю всем корпусом и положил ладони на колени. Со взглядом, полным значительности, он заговорил:

— Вот что, Ром: если театралов в самом деле убивает Поэт, а на подражателя тут явно не тянет, то с нашей стороны будет естественно искать в его действиях закономерность. Нельзя же просто думать, что вот он убивает их, просто потому что он маньяк?.. Слишком уж, как ты верно отметил, с последними двумя убийствами крутые совпадения. Верно я рассуждаю?..

Птачек хотел кивнуть, но Анисин продолжил ещё резче и уверенней:

— Это первое! Второе: если три года назад, коли верить моему предположению, он перековался и перешёл с тех, кого можно убить легко и безнаказанно на тех, кто, скажем так, с грешком, то почему он не может сделать этого снова — снова перенацелиться?.. Или же... — Старик понизил голос, меж его бровей пролегла чёрточка, — или же он действует по-старому, но просто нашему любителю крови и поэзии известно про театралов что-то,

чего пока ещё не известно нам.

Слова вырвались раньше, чем Роман успел их обдумать:

— Вот и я о том же, Филипп Петрович! Это же ведь так очевидно, разве нет?!

Анисин поморщился, будто услышал скрип металла по стеклу. Уголки его губ, однако, приподнялись.

— Тише, Ром, тише. Чего кричишь?.. Я ещё не совсем глухой.

Птачек понял, что как-то очень быстро перевозбудился.

— Извините, Филипп Петрович. Простите. Просто у меня накопело...

— Понимаю... — Анисин улыбнулся ещё шире, уже открыто. — Прекрасно тебя понимаю. Всё тот болван из головы не лезет?..

Роману показалось, что его упрекнули в личной неприязни, которая вредит общему. С напором, которого его ответ вовсе не заслуживал, он возразил:

— Филипп Петрович! Да мне плевать, что он там о себе воображает! Я ж про то, что он может быть во всём этом замешан!

Сказав это Роман понял, что вновь горячится, и горячится напрасно. Перед стариком ему стало неловко. На Анисина, впрочем, это не произвели эффекта никакого. Со спокойствием, с которым голубям в парке бросают крошки, он ответил:

— А я на это, Рома, и не возражаю. Более того — я с тобой согласен. Если Поэт убил уже двух людей из одного и того же места, — вот этого самого театра, — причём сделал крупный акцент на их, как ты выразился, некой нечистоплотности... Да что ходить обиняками! Он прямо намекнул, что и этот режиссёр, и эта — кем она там была? — из бухгалтерии замешаны в чём-то тёмном! Если, продолжаю, всё это правда, то будет непростительной наивностью думать, что и сам директор театра с этим всём как-то не связан или хотя бы о чём-то не догадывается. Где это видано, чтобы начальство не было в курсе, не покрывало а то и не возглавляло какие-нибудь преступные выходы своих подчинённых?.. Нонсенс! Конечно в теории это возможно... — Анисин пожал плечами, — но лично я посчитал бы человека, поверившего в это, слабоумным. Одно только озлобленное поведение этого твоего Валерия чего стоит... Невинный так бы себя не вёл, уж в этом забьюсь с кем угодно.

Анисин говорил спокойно, рассудительно и даже как-то отстранённо, но Роману казалось, что старик прямо жгёт — настолько каждое его слово находило отклик в сердце! Ещё бы! Всё о чём он и сам думал — всё будто снято у него с языка и высказано с той завораживающей трезвостью, с которой можно убедить кого угодно разумного в чём угодно логичном.

Может быть этим мысли отразились у Птачека на лице, так как Анисин прервался и глянул на гостя вопросительно.

— Что, Ром? Поди о том же думал?..

— Да я... — Капитан замялся и стал чесать в затылке. — Я да... Вы прямо в десятку лупите, Филипп Петрович. Мне и добавить нечего.

— Нечего добавить? — Анисин картинно удивился. — А я-то думал, что всё, что я сейчас высказал, ты и сам знаешь. Это же азбука... Ты ведь на самом деле не за этим пришёл. Не за тем, чтобы услышать эти очевидности.

Взгляд капитана опустился на поднос, пошарил там... спустился на пол... а потом быстро вернулся к старику. Голос Романа, словно в подражание старшему товарищу, и сам теперь прозвучал спокойно и будто бы напоказ холодно:

— Ну вообще-то, Филипп Петрович, да... Вы правильно сказали, что всё это очевидно. Но ведь... Мы можем видеть одно и то же и даже думать одинаково... однако поступим по-разному. Я бы... — Роман хрипнул, громко прочистил горло. С новой порцией уверенности он продолжил: — Я был бы вам очень признателен, если бы вы посоветовали, как со всеми этими знаниями поступить. Или если бы вы сказали, как сами бы с ними поступили...

Между старым и новым следователями повисло молчание. Роман выжидающе смотрел на Анисина а тот словно бы погрузился в какой-то транс и перестал замечать окружающее, его взгляд сосредоточился на одной точке. Очень медленно, не спеша старик будто оттаял. Его голос прозвучал, словно он разговаривает не с другом, а даёт отчёт высокому начальству:

— В такой ситуации, Роман, было бы всего разумнее установить наблюдение за работниками театра, а в особенности за его директором. По возможности скрытное. Почему? Во-первых потому, что каждый из них может стать новой жертвой, а во-вторых потому, что это может вытащить на свет некоторые неприглядные факты, которые сами они пытаются скрыть, и таким образом облегчит нам выявление мотивов убийцы. Если он, конечно, всё ещё играет в народного мстителя...

Анисин замолчал и тут же как-то неумовимо поменялся, словно вот только он был в режиме «железный сыщик», а вот уже это снова вышедший на пенсию старик. Особенно это отразилось на взгляде, который из стального и сфокусированного стал спокойным и мягким. Пожевав нижнюю губу он добавил:

— Ну что, Ром — подходит тебе такой совет?..

Над ответом капитан не думал ни секунды. Уже предвкушая будущую охоту он искренне улыбнулся и со всем жаром заверил:

— Я и сам не сказал бы лучше!

Перо, которое сокрушает скалу

После Анисина Роман сразу поехал на Садовую пятьдесят семь. Когда старенький «форд» припарковался возле отделения на часах стукнуло уже половина пятого. Выйдя из машины капитан встал на месте, его неторопливый взгляд прошёлся по двухэтажному зданию полиции; остановился на особенном, приметном для понимающих контуре — окне Понятовского. На улице от холода уши в трубочку сворачиваются да и темень уже наступает, однако стёкла начальника темны, а форточка при этом открыта...

Хмыкнув, Роман поправил одежду так, будто наряжен не в гражданку, а в самый настоящий мундир. Его ладони даже прошлись по плечам, словно там погоны. Если полковника нет, то и ладно, потом с ним поговорит... но если он просто не у себя, то с такими новостями надо появиться максимально уверенно, и даже речь как следует отрепетировать. Кто его знает — может и откажет со слезжой, завернёт...

Войдя в здание Роман поздоровался с дежурным и уже хотел было идти дальше, как этот самый дежурный его окликнул:

— Товарищ капитан! Роман Павлович!

Застыв от неожиданности, как пойманный на сметане кот, Птачек повернул голову — его подбородок завис над плечом.

— Да?..

— Велено вам сказать, что если у вас к Григорию Евгеньевичу что-то срочное, то звоните Спиридонову. Они впятером уехали в Самару. На какое-то там служебное мероприятие...

Роман развернулся уже всем корпусом, его брови удивлённо вскочили.

— Какое-то мероприятие?..

— Извините, мне не сообщили, какое. Потому и говорю, что какое-то.

Опустив взгляд и пару мгновений подумав, Роман спросил:

— А впятером — это кто?

— Ну Понятовский со Спиридоновым, понятное дело. — Дежурный поднял руку, стал загибать пальцы; его глаза картинно закатилась под потолок. — Дальше Кривкин и... и Сарычев. Ну и Конев за рулём, конечно же.

Значит все — Понятовский, Кирилл с Денисом и даже Миша с неким Сарычевым (во бы вспомнить, вроде бы должен быть с ним уже знаком) зачем-то укатили в Самару. Причины неважны — их может быть тысяча, а важно то, что сегодня они придут уже вряд ли. Хотя...

Роман поднял взгляд, его глаза поймали дежурного в фокус.

— А во сколько приедут — не сказали?..

— Сказали, что очень поздно. Раньше девяти точно нет.

Капитан Птачек кивнул, его взгляд снова упал под ноги, на этот раз уже откровенно угрюмо. В такую поздноту они наверняка поедут сразу по домам, в отделение никто заезжать не станет. С предложением о слезке пока придётся подождать...

Поблагодарив дежурного Роман пошёл к себе на второй. Пока мерил ботинками ступеньки его посетила мысль, что вообще-то и ему теперь на службе находиться незачем, лучше ехать домой и отдыхать... Эту мысль грубо, как пинком тут же вышвырнула другая — а ну как среди прошлых убийств уже были жертвы из театралов?! А вдруг?!

Роман как шёл, так на сто восемьдесят и развернулся! Быстренько прогулявшись в архив и не на шутку удивив смотрящего там телевизор архивиста он нагрузился всеми томами за прошедший два года. Еле удерживая эту стопень протиснулся в свой кабинет, чуть не ободрав локти. Папки рухнули на стол, как уже не удержавшаяся Пизанская Башня! Небрежно поскидав верхнее на спинку стула Роман нырнул в эти записи, словно в омут с головой.

Так, вот убийство, на котором, он слышал, у Анисина стало плохо с сердцем... Угу... Ага... Нет, этот явно не из театральных. Разве только мог бы что-то у них украсть... Та-а-ак, а вот здесь убит двадцатилетний парнишка. Хм... Нет, тоже вряд ли как-то с театром связан — в подшивке отмечено, что два года отбыл в колонии для несовершеннолетних за разбой, и больше ничего. О том, что где-то участвовал в театральных выступлениях — ни слова. Так, двигаемся дальше... Вот женщина, вся из себя наряженная... судя по внешнему виду проститутка, хотя ошибиться тут легко. Так-так... Убита острым предметом в шею... Работала в гимназии гардеробщицей... Имеется запись, что при убитой найдено десять грамм героина, пять грамм кокаина а также баночка из-под кофе, содержащая сто восемнадцать пилюль неизвестно (далее приписано, что опиатосодержащего) вещества. Хм... Уж не торговала ли она с учениками той самой гимназии?.. Ладно, идём дальше...

Часы накручивали минуты, за окном становилось всё темнее и темнее а Роман погружался в дела всё глубже и глубже и даже те из них, что уже видел, читал как в первый раз в азарте найти хоть что-то, хоть самую крохотную зацепку, которая бы указала на театр Яблочкиной. Или уж хотя бы на какой-нибудь театр — авось чего и выплывет. Совершенно в работе забывшись капитан не заметил, что вечер уже давно наступил и в окно, если хорошо приглядеться, видны первые звёзды.

— Та-а-ак... — Роман провёл пальцев вдоль строчки, его рука опустилась ниже, к фотографии. — Ага... Хорошо...

Пятерня зависла над страницей уже в готовности её перевернуть, когда рядом с томом на глаза попался телефон. Лишь по чистой привычке, совершенно случайному наитию Роман нажал на кнопку, чтобы проверить время... и остолбенел: половина восьмого! А занятия дочери заканчиваются в десять минут!

Так быстро Роман не собирался, наверное, и в молодости по тревоге, когда был курсантом! Пнув попавшийся по дороге стул и чуть не опрокинув стол с монитором он одной рукой ухватил куртку, второй сунул в зубы шапку, в три секунды запер кабинет прямо с горящим в нём светом и понёсся по коридору молясь, чтобы никого по дороге не встретилось — зашибёт!

Понедельник и так оказался тяжёлым: математика, английский и химия подряд — не продохнёшь! Но мало того! На последнем уроке, Истории, классный объявил тест по пройденному материалу. С этой Историей и так лень возиться, а уж тесты по ней делать — увольте! Как получила задание Настя просто наугад проставила галочки в понравившихся ответах и тайком залезла в телефон.

— Не верю своим глазам, Анастасия Романовна! — Учитель оказался рядом неожиданно, хотя вроде бы секунду назад сидел за столом. — Вы уже всё сделали?!

Обратил внимание весь класс. Настя растерялась и чуть не выронила зажатый меж коленями гаджет. Сделав волнительный, но тихий вздох она посмотрела на учителя честнейшими глазами и завершила:

— Да, Артур Каримович. Вот только что закончила.

— Ну-ка позволь-ка... — Историк нагнулся, его закатанное в рукав белой рубашки запястье протянулось к листку. Бумага прыгнула на его ладонь, его внимательный взгляд забегал вдоль чернильных столбцов. — Как интересно...

Уже словно не замечая ученицы Артур направился к своему столу. С наклонённой над работой головой, сфокусированный только на ней он, однако, прошёл мимо парт идеально, как по нитке.

Незаметно для себя Настя, как иногда и её отец, прикусила губу. В её голове стали носиться мысли, что она попала совершенно глупо и что теперь её работу проверят первой. Причём прямо сейчас!

То ли так совпало, то ли Артур каким-то мистическим образом угадал, но когда Настя додумала последнюю мысль — в ту же секунду он оторвал от листка взгляд, посмотрел на неё и произнёс:

— Я проверю прямо сейчас, если ты не против.

Сердце скукожилось и рухнуло в пятки: сейчас начнёт щипать перья...

— Я тоже закончила, Артур Каримович! — На передней Даша образцово подняла руку. — Можно сдать и мне?..

Артур расслышал будто не сразу, задержался взглядом на Настиной работе. Наконец оторвавшись он глянул на Дашу мельком, быстро кивнул и снова принялся за проверку. Встать, однако, Даша сразу не стала; сначала она прямо-таки показательно выпрямила спину, от чего её осанке позавидовал бы и парадный оркестрант. Её тонкая кисть прошлась, еле коснувшись, по волосам, а потом ещё и поправила белый воротничок на самом настоящем — Настя не поверила, когда сегодня увидела его на ней! — школьном платье. Теперь, взяв листок обеими ладонями, Даша выставила ногу из-за парты, элегантно поднялась и с точно таким же изяществом, как и всё до этого, донесла работу до учителя.

Когда она шла к классу боком всем было отлично видно, насколько тонка её талия. Тёмное и такое вроде бы строгое, каким-то магическим образом школьное платье подчеркнуло все достоинства Дашиной фигуры, всю красоту её стройного тела, её зрелых округлостей и длинных ног. Один только пояс чего стоит: вроде бы пустяк, мелочь... но вот она идёт, ты смотришь на эту обвивающуюся вокруг её стана белую на чёрном полосу и думаешь: «Вот это да-а-а»...

Настя поймал себя на том, что смотрит на подругу, как под гипнозом. Опомнившись она кинула взгляд по сторонам: не видел ли кто, как она глазеет... и обнаружила, как глазеют остальные! Саня Потапов, Женя Клименко — эти вообще пялятся открыто, чуть ли не слюни роняют. А вон Нюра, сама далеко не уродина, но и она следит за Дашей безотрывно, и в её страстном взоре жгучая зависть густо перемешана с искренним восхищением!

Даша положила работу на край учительского стола и вернулась. Артур на неё и не взглянул — весь в проверке.

Это крошечное событие минуло и время потихонечку поползло дальше.

В тихом перешёптывании, в поглядывании на часы и смотре в окно урок постепенно свёлся к концу. Когда до звонка осталось всего минуты две Артур перестал черкать и взгляд поднял. Поймав Настю он с ничуть не изменившимся, абсолютно спокойным лицом произнёс:

— Анастасия Романовна — вам кол. Работу вы сделали, должен вам сказать, просто

отвратительно. Невежество как оно есть. — И тут же, не прерываясь, повернул голову к Даше. — А тебе, Кравец, три с плюсом. В следующий раз не спеши и старайся лучше.

Когда учитель сказал: «кол» — не обратил внимания никто. Ну да, Настя по Истории не блещет... Но когда он огласил приговор Даше — половина класса вздохнула в изумлении! Искренне удивилась и сама Настя: для себя хорошего не ждала, но Даша... Она ведь по Истории круглая отличница! Даже четвёрок не хватает!

Роман обвёл класс строгим, но не совсем уж металлическим взором. С наставительной ноткой он произнёс:

— И нечего так удивляться. Так всегда бывает, когда слишком в себе уверен, когда чересчур спешишь. — Пробегая по классу, учительский взор остановился на Насте. — Или когда вовсе не готовишься.

Часы тикают, время течёт. Каждый в кабинете прямо-таки кожей чувствует, что звонок скоро будет; вот уже сейчас, через миг. И пусть только что у всех на глазах отличнице вlepили тройку, пусть другой ученице поставили кол, хотя обычно ниже двойки никто не ставит — всё это неважно! Скоро звонок и поскольку этот урок последний, значит — домой!

Ребята уже настраиваются, уже кто незаметно, а кто и в открытую собираются, прячут ручки, застёгивают ранцы. Готовые к отправке листки застыли в молодых руках, как дуэльные револьверы картинных ковбоев. Поглядывая на детей и снисходительно, и серьёзно Артур и сам точно превратился в того самого ковбоя, стоящего напротив толпы. Вот они — тридцать только и ждущих сигнала человек. А напротив он. И он не должен дрогнуть, как бы ни было их много, какими бы они ни были шумными и дикими.

Пробуждается... оживает поток...

— Кравец и Птачек после урока остаются. — Учитель на мгновение взглянул на телефон, проверил часы. — Остальные свободны.

Словно по точнейшему расчёту звонок зазвенел в туже секунду! Даша осталась неподвижной: она никуда и не собиралась. У Насти же от удивления челюсть отвисла! Как один одноклассники повыскакивали и нестройной, гомонящей толпой хлынули на выход! Слова классного прозвучали в полной тишине и все их слышали — но плевать! Не им оставаться, не им отвечать, не им тухнуть! Край учительского стола в несколько мгновений оказался завален как попало набросанными листками. Откинувшись в кресле Артур сидел и смотрел, как лавина тел проносится мимо и исчезает где-то снаружи. Когда последний выбежал, не закрыв за собой, он встал и неспешной, прогулочной походкой прошёл к выходу. Настя обалдело следила, как историк с совершенно спокойным, и даже — или это кажется? — чем-то довольным лицом дверь закрыл, скрестил руки на груди и опёрся спиной о створки.

— А с вами, молодёжь, нужно мно-о-ого терпения. — Минуя взглядом Дашу Артур посмотрел Насте прямо в глаза. — Какие же вы ужасно шумные...

Капитанская дочь не выдержала и слова, уже вертящиеся в её голове, сорвались с языка:

— Артур Каримович — зачем вы меня оставляете?! Нам ведь тоже надо домой!

Лицо историка стало очень вдумчивым и как бы немного сомневающимся. Он возразил:

— Не тебя, Настя, а ВАС. Но конечно, — он с готовностью кинул, — ты права и домой идти надо, причём всем. Мне, кстати, тоже.

— Так зачем вы это делаете?! — Настя хотела хлопнуть по парте, даже руку почти занесла, но сдержалась.

— Да всё за тем же, моя дорогая, что учиться надо хорошо и на оценки свои не

забивать. — Историк нахмурился. Чуть помолчав он от двери отошёл. — Ты выполнила работу ну просто *рекордно* плохо. Ни одного, — глаза Артура стали шире, — ни одного правильного ответа. Как это называется, а?.. А я говорю — невежество.

Под прямым, словно игла пронзающим взглядом учителя Настя не хотела, но всё-таки слабинку дала. Её также подкосило, что Даша спереди не подаёт ни звука, просто смотрит на историка и молчит. Неужели её такой произвол устраивает?..

— Вот что, девочки... — Артур снова поглядел на Настю, затем его взор метнулся к нагруженному макулатурой учительскому столу. — Я вам сейчас новые тесты дам, неисписанные. Их выдали на каждого по одному, но в девятом А, я знаю, двое заболели и завтра на уроки не пойдут. Вы используете их, а с Ашниками я потом как-нибудь решу. Договорились?..

Взгляд классного в очередной раз остановился на Насте, но сейчас в нём не оказалось той твёрдой, нетерпящей возражения воли, а только в самом деле... доброжелательный вопрос. Дочку капитана вдруг посетила странная, немного нелепая мысль, что Артур, хоть и употребляет «вы», «вас», «вам», но разговаривает на самом деле только с ней, словно в кабинете никого другого и нет...

В её размышления, как палка в колесо, ворвался мелодичный голос Даши:

— Артур Каримович, а эта оценка куда пойдёт — в журнал?..

— Само собой! — Историк усмехнулся, будто услышал какую-то глупость. — Разумеется! Так что лучше не спорьте. Пройдите тест заново, с умом, и я поставлю вам оценки, будто вы сдали его впервые.

Несколько секунд Даша глядела на учителя... и развернулась. К Насте обратились её глубокие серо-голубые глаза.

— Насть... Давай в самом деле быстренько тест переделаем, а? Ну пожа-а-алуйста... — Её лицо стало таким милым, что растрогался бы и бессердечный. — Тебя ведь всё равно отец из школы забирает. Ты ничего не теряешь...

Настя сперва удивилась: что за вопрос?.. От неё ведь тут не зависит, это учитель распоряжается. Разве нет?.. Но когда подруга упомянула о забирающим её из школы папаше она забыла про всё на свете и залилась краской до корней волос!

Ну зачем она об этом так открыто?! Да, это не такая уж и тайна, но ведь это не то, чем можно гордиться! Глупая Даша! Разве она не понимает?!

Чувствуя, как уже и щёки её горят, Настя сжала губы и взглянула на одноклассницу со скрытым осуждением.

— Артур Каримович, мы согласны! — Даша вновь повернулась к учителю, её мелодичный голос стал ещё живее. — А вы сами что — тоже здесь останетесь?..

Ощущая себя корабликом, который сам никуда не плывёт а его только мечет меж волнами, Настя решила, что станет просто наблюдать. Последний вопрос подруги, однако, показался ей глупым: ну конечно учитель останется, зачем ему уходить?.. Но через секунду и она подумала: «А зачем ему оставаться?..»

Артур оглядел девчонок простыми, совершенно бесхитростными, за целый день на самом деле уже уставшими глазами. Вздохнув, он окончательно от двери отошёл и его подошвы утомлённо зашаркали к учительскому столу. Даже голос его прозвучал менее энергично:

— Ну конечно останусь, девочки. Кто же будет за вами следить, чтобы не подглядывали?..

Сказано это было просто, вовсе недвусмысленно... но, хотя Артур и снова употребил «вы», Настя вновь поймала взгляд, устремлённый только на неё.

Никогда ещё с таким нетерпением Настя не ждала отцовского сигнала. Ну когда уже он приедет?! Когда в конце уроков в своё обычное время он не написал, как привычно делает перед прибытием, она даже обрадовалась: а вдруг забыл и сегодня обойдётся без этой дурацкой заботы?! Ура! Но сейчас, сидя в кабинете Истории с даже и наполовину не заполненным листком перед ней, усталая, и на себя и на других озлобленная дочь капитана начала переживать, кусать губы и нервно подёргивать ступнёй.

Артур Каримович велел делать работу медленно и вдумчиво, но спустя уже минут пятнадцать давящей тишины Насте захотелось просто всё крест на крест перечеркнуть и уйти уже наконец-то домой, пусть даже и в одиночку! Пусть даже и с «колом»! На очередной строке ручка в её пальцах чиркнула так резко, что чуть не порвала бумагу: ох уж эти дурацкие вопросы с развёрнутыми ответами...

С шумным вздохом надув щёки Настя отняла глаза от листка и огляделась.

В отличие от неё Даша сидит впереди, будто её ничего не беспокоит совершенно. Да она, видимо, и не пишет ничего! Сидит вон, читает что-то в тесте... Или она сперва продумает ответы и только потом начнёт писать? Чёрт её разберёт...

Историк у себя за столом молчит, на учениц не смотрит. Его глаза опущены, а внизу, возле его немного испачканных мелом пальцев раскрыта какая-то книга. Вся такая старая, потрёпанная, как из общественной библиотеки. На обложке Настя успела заметить фамилию автора: «Окуджава». Наверное какой-то японский автор...

Снова громко и заунывно вздохнув дочь капитана Птачека опять принялась за работу... как вдруг за дверью послышался топот, словно бежит откормленный носорог! Чьи-то шаги пробахали вплотную к двери и внезапно остановились! В повисшей тишине Настя отложила ручку и невольно задержала дыхание...

Если бы не вечер, когда машин на дорогах поменьше, Роман обязательно бы вляпался в какую-нибудь историю — *настолько* он спешил. Нарушив правила раза четыре уж точно капитан Птачек наконец добрался до Ставропольской девятнадцать. Машину припарковал как попало, лишь бы быстрее. С волнением и барабаниющим сердцем Роман выбрался наружу, где перед возбуждённым взглядом предстало двухэтажное здание школы: окна горят редко, потушенных заметно больше и вокруг ни души, зато полно расходящихся в разные стороны следов...

Глядя на всё это Роман сильно сжал зубы: он почувствовал себя полным идиотом. Ну как он мог забыть?! Дочь это запомнит, обязательно запомнит...

Выдохнув пар и мысленно подстегнув себя Птачек сосредоточился на центральном входе. Пошёл к нему он с устремлённостью человека, намеревающегося нахрапом взять неприступный замок!

Доводчик держит туго, но Роман дёрнул за ручку так, что механика чуть не задымилась! В лицо дхнуло теплом, за порогом открылся выход в главный коридор. Там посередине столик с человеком, одетым в тёмное.

В секунду оказавшись с ним рядом Птачек узнал того самого старичка, которого встретил в первый день. Чуть не задыхаясь от волнения он выплюнул, позабыв даже поздороваться:

— Все уже ушли?! В школе кто-нибудь есть?!

Старческие, подслеповато шурящиеся глаза взглянули на посетителя сквозь лупы очков. Сторож, если он в самом деле сторож, не успел удивиться. Прежде, чем самому что-то спросить или хотя бы об этом подумать он выдал:

— В кабинете Истории что-то засиделись. Уж и не знаю, чего они там...

В следующую секунду до «стража» дошло, что вести себя он должен вовсе не так. Когда, однако, его указательный поднялся, чтобы ткнуть в посетителя и, возможно, в чём-то его упрекнуть или спросить, того уже не было. Только доносящийся откуда-то сбоку топот и тяжёлое, задышающееся сопение.

Где кабинет Истории?! Где же он?! Какой у него номер?! Думай, Рома, думай... А-а-а! Пятнадцатый!

Никого больше по пути не встретив Роман добежал до нужной двери и с облегчением прочёл висящую на ней табличку: «Кабинет Истории».

Пока спешил он шумел, как колонна военной техники, а вспотеть за короткое время успел так, будто уже час мучается в спортзале! На лбу испарина, дыхание сбилось, сердце бахает, точно стремится из груди выпрыгнуть. Стянув шапку Роман заломил её и сглотнул — за дверью контур света, там точно кто-то есть. Если там Настя, то что он должен ей сказать?.. Как объясниться?..

Осознав, что позволяет трусливым мыслишкам сковывать себя, Роман сжал шапку сильнее и уверенно шагнул вперёд: перед дочерью ещё успеет обсказаться, найдёт слова; а не найдёт — так и плевать! Он виноват и нечего тут выдумывать! Надо сперва выяснить, здесь ли она вообще.

В отличие от парадной двери эта поддалась легко, позволила открыть себя без усилий. Спустя мгновение Роман уже стоял на пороге, а его взгляд столкнулся с чужими, нацеленными на него.

С того раза, когда капитан впервые его увидел, кабинет Истории ничуть не изменился... правда, сейчас здесь немного иная сцена: в заставленной партами комнате трое. Артур согнулся над учительским столом, перед его глазами какая-то замызганная книжка. На передней парте — сердце Птачека стукнуло сильнее — Даша с идеально прямой спиной и правильно, по-ученически сложенными одна на другую руками. Она читает что-то в лежащем перед её запястьями листке. Позади неё, на две парты глубже в класс... Настя!

Роман появился в кабинете с шумом, с каким, наверное, «СОБР» залетает в преступникам! Ну или ему так показалось... Все сразу подняли глаза и обратили внимание.

Артур, вот странность — прежде, чем взглянуть на так бесцеремонно вошедшего, секунду или две не мог оторваться от чтения; когда же его глаза Романа всё-таки в фокус поймали, в них особого удивления не отразилось.

У Насти совершенно комично открылся рот, а глаза стали такими, будто их увеличили в фотошопе.

Даша подняла лицо неспешно, без даже намёка на испуг. Её очи поймали вошедшего на уровне пояса и, неторопливо поднимаясь, достигли его лица, а там наконец и глаз. Долгое мгновение, на которое Роману показалось, что его бешено колотящееся сердце кто-то сжал во властном, но бесконечно нежном кулаке, они смотрели друг на друга. Хотя, наверное, это мгновение лишь показалось долгим, а на самом деле длилось лишь миг...

Так же неспешно, словно во сне, розовато-красные Дашины губы растянулись в улыбке. Это почему-то вызвало ассоциацию с бутоном розы, который засняли, как он расцветает и

распускается в замедленной съёмке. В повисшей после громкого появления тишине голос девушки пропел, как прекрасная песня после ужасного взрыва:

— Роман Павлович... здравствуйте...

Птачек понял, что он опять, как и тогда, когда увидел её впервые, деревенеет; что он дуреет и уже забыл, зачем вообще зашёл! Что он смотрит на Дашу и очаровывается ей, как попавший в розарий очаровывается видом и запахом прекраснейших цветов. Мысленно дав себе пощёчину капитан заставил себя выглядеть серьёзным, строгим, даже чёрствым. Принудил себя стать глухим к сердцу, оставить лишь холодный рассудок, который прямо-таки вопит: не показывай, что она тебя волнует! Не показывай!

— Привет, Даш! — Роман поднял в салюте ладонь, его взгляд перескочил с девушки на дочь, а потом и на Артура. — Всем здравствуйте...

— Па-ап! — Настя не удержалась и вскочила, чуть не опрокинув стул. — Ну наконец-то!

Хотя чего-то такого ждать и стоило, но то, как резво дочь подпрыгнула, как звонко и обрадованно прозвучал её вопль, какой надеждой загорелись её глаза — всё это заставило Романа растрогаться. И хотя он уже настроился в присутствии Даши чувств не показывать, но и сам не удержался от сдержанной улыбки.

— Доченька... — Роман взглянул на своего ребёнка виновато. — Прости, я опоздал. На службе задержался ...

Выражение Насти быстро поменялось: секунду она лучилась радостью... но вот уже на лице её маска сдерживаемого возмущения. Она открыла рот и хотела что-то сказать, когда по кабинету прокатился властный и уверенный голос Артура:

— Будьте, Анастасия Романовна, пожалуйста, спокойнее! И нечего так шатать мебель — новую школа ещё не скоро купит.

Настин взгляд метнулся от отца к учителю, а тот, степенно поднявшись, пошёл к нежданному гостю.

— Здравствуйте, Роман Павлович. — Артур остановился в шаге, к капитану протянулась его сильная, немного жилистая ладонь. — Добрый вечер.

— Добрый... — Роман тоже протянул руку и они обменялись рукопожатием. На мгновение отвлекшись Птачек снова мазнул взглядом по дочери и её однокласснице, а затем опять сосредоточился на историке. — Я вас не напугал, надеюсь?.. Нёсся сюда, как угорелый

— Это зам-е-етно... — Артур с задорной улыбкой оглядел его с ног до головы. — Вон как от вас пар идёт... Вы от самого отделения неслись?..

В голове заметались варианты, как половчее ответить, но посмотрев на вовсе не злобно ухмыляющегося историка Роман решил просто улыбнуться и кивнуть.

— Ну почти... Что-то в этом духе. — Его взгляд снова прыгнул на девочек, на этот раз на листки у их рук. — Тржусь вот над одним делом, голову ломаю; совсем о главном-то и забыл... А вы здесь, собственно, чем занимаетесь?..

Роман посмотрел на Артура внимательнее, меж его бровей пролегла борозда.

— Тест перепроходим. — С умным, но усталым лицом историк кивнул на учениц. — Сегодня была контрольная, но ваша дочь и вон, Кравец Даша — обе её провалили. Я решил, что лучше девочкам работу перевыполнить, чем сразу в журнал плохие оценки ставить.

Ещё несколько мгновений поглядев Артуру в глаза Роман снова метнул взор на дочь, сейчас с неким двояким чувством: вроде бы она не должна задерживаться, тем более под вечер, и тут этот расхваленный учитель творит произвол... с другой же стороны он заботится

об успеваемости и, если честно, сам Роман наверняка был бы гораздо строже.

Когда родительский взгляд коснулся Насти та почувствовала, как к её негодованию примешивается ещё и смущение: отец не мама, та могла накричать — и всё, но перед ним портачить как-то более стрёмно. А если классный расскажет про «кол»? Это ведь даже не тройка с плюсом...

Всё это отразилось на её лице и Роман вместе с Артуром стали свидетелями, как Настя покраснела и отвернулась.

Глаза, только что смотревшие на дочь, не удержались и снова скакнули к Даше: забавно, но Роман только что заметил, во что эта девушка одета — в самое настоящее школьное платье! Строгое, с белым воротником и белым поясом, и с юбкой, должно быть, до колен — из-за парты, к сожалению, видно плохо...

Глаза поднялись и наткнулись на милую улыбку... Воспарив ещё чуть выше они нашли серо-голубые околдовывающие глаза...

Притворившись, что просто рассматривает всё, что на вид попадётся — ну вроде как от лени — Роман девушке слегка улыбнулся и снова вернул лицо к Артуру.

— Значит вы решили устроить здесь что-то типа допмены? — Капитан почти искренне растянул губы. — А я-то думал, что это только я на службе допоздна задерживаюсь...

— Не принимайте за правило. — Артур помотал головой. — Это исключение. Просто оценки, на которые девочки наработали... — Его взгляд скакнул на учениц и обратно. — Мне не хотелось бы портить им историю. Историю оценок, я имею ввиду. Такой каламбур.

Оба, и Роман и Артур тихо, но совершенно честно ухмыльнулись.

— А вообще, конечно, уже поздно. — Неожиданно Артур стал серьёзным, даже руки за спиной сцепил. — И мне, как и всем, тоже хочется домой. А что, если... — Глаза учителя прищурились, взглянули на гостя как бы с вопросом. — Что если я, скажем, девочек отпущу, а вы, Роман Павлович, пообещаете проследить, как они задачу выполняют?.. Как вам?.. Я вам верю, вы человек вроде бы честный... Пусть они доделают тест дома а завтра с утра принесут его мне и никто ничего лишнего не узнает. Хороша идея?..

Такое заявление заставило Роман удивлённо поморгать. Понятно конечно, что это выбор без выбора, что он и так уедет отсюда с дочерью и что он не будет ждать, когда она доделает какой-то там тест... Да и самому Артуру, наверное, всё-таки в тягость следить за двумя марающими бумагу ученицами, когда в это же самое время он мог бы быть дома, где у него, возможно, есть любящая женщина и дети, а также свои, отдельные от школьных дела. Обдумывая всё это Птачек, стараясь не задеть взглядом Дашу, вновь посмотрел на дочь... и увидел обращённый к себе взор, изливающийся красноречивостью! Настя молчит, губы сжаты, но в её глазах столько выразительности, столько тяги, столько невысказанной просьбы поскорее её забрать и уехать, что капитан повернулся к Артуру раньше, чем успел додумать, и ответил с полной решительностью:

— Ну разумеется! Не вопрос!

Историк приподнял уголки губ, в его глазах проступила тёплая благодарность.

— Вот и договорились! — Обеими ладонями он взял гостя за руку и бодро потряс. — Только, чур, не сачковать! В самом деле — уделите, Роман Павлович, этому время. Мне нужно, чтобы девочки выполнили работу сегодня, и чтобы завтра с утра она уже у меня лежала, а то у меня будут проблемы.

Полусерьёзно, полудурачливо Роман ответил:

— Кто слово дал, тот его держит! — Его взгляд опять невольно скакнул на... уже,

оказывается, начавшую собираться дочь! Настя, похоже, с самого начала догадалась, чем кончится, и активно готовится на выход; её руки быстренько собирают вещи и треплют рюкзак. И, кажется, они начали это делать ещё до того, как родитель принял решение... — Ну ладно, наверное... Будем прощаться.

Кивнув историку Роман уже всем корпусом развернулся к своему ребёнку, хотел что-то ей сказать... но мысль вылетела из его головы, как только перед взором вновь оказалась Даша.

Немного странно и непонятно видеть это, но эта девушка, этот оплот обаяния сидит сейчас с опущенной головой, а её взгляд упёрся в тот самый листок с тестом. Тонкие пальцы чуть заметно мнут друг друга, точно в некоем волнении, а на щеках расцвёл румянец, словно девушка вот только с мороза, где растирала лицо снегом.

Необычная, но удивительным образом завораживающая картина...

— Даш! — Настя закинула уже готовый рюкзак за плечо и оказалась рядом с отцом, да так, что тот и не заметил. — Ты чего там — ногти свои рассматриваешь?! Пойдём скорее! Домой охота!

Щёки девушки покраснели ещё пуще. Подняв глаза на подругу и будто избегая её отца он быстро кивнула и стала собираться тоже.

— Да, Насть, прости. Что-то я задумалась...

Пока девочки собирались, одевались, пока проверяли друг друга и вертелись перед зеркалом в коридоре успело пройти ещё минут пять. Попрощавшись с Артуром Роман сперва решил подождать рядом с ними, но когда понял, что в верхней одежде жарко и он всё ещё потеет, то бросил за спину: «Догоните!» и неспешной походкой пошёл на выход.

Забавно, но только сейчас, спустя столько времени до него дошло, что сторож его так и не догнал. Вообще-то это плохо... А вдруг какой псих вот так же сюда ворвётся?.. Псих... На ум невольно пришло сравнение себя с сумасшедшим, который врывается в школу и невесть что там творит. Представляя себя со стороны, как бежал, как в самом деле сюда ломился, как ускользнул от старичка и как пыхтел, выискивая нужный кабинет, Роман искренне, от всей души ухмыльнулся.

Боже! Каким же, наверное, бесноватым он выглядел! Ну или уж как минимум хулиганом.

Старичок, кстати, нашёлся на своём боевом посту: когда Роман вышел из-за угла он увидел, как тот рассматривает на столе большой журнал со сканвордами. Шаги капитана заставили сторожа переключить внимание. Брови его поднялись, глаза при этом прищурились и это выглядело ещё комичнее из-за его больших очков.

— А-а-а, это вы... Ну что? Нашли, чего искали?..

Может пошатанные нервы искали выхода, а может и в самом лучшем своём настроении Роман сказал бы тоже самое, но он ответил:

— Человек пребывает в постоянном поиске... Мда... А вы, случайно, полицию не вызвали?..

Брови старичка, хоть это и кажется невозможным, взлетели ещё выше.

— Это ещё зачем?.. — От удивления он откинулся на спинку. — Чегой-то нехорошее случилось?..

Птачек взглянул на него с укором и кивнул через плечо, будто на самого себя, только что пробежавшего куда-то вглубь здания.

— У вас тут посторонние, между прочим, шастают. А вдруг чего набедокурят?..

Несколько секунд сторож сидел молча, а затем, точно отмёрзнув, пригляделся к посетителю внимательнее.

— А-а-а!.. Это вы себя, что ли, посторонним именуете?..

— А хоть бы и себя... — Роман склонил голову набок. — Я тоже вполне могу оказаться... ну, скажем, разбойником.

И снова сторож несколько мгновений не двигался и аж будто не дышал. Когда он ответил, голос его прозвучал уже без всякого панибратства, даже жёстко, поучительно:

— Не говорите глупостей. Или вы надо мной смеётесь?.. Я вас прекрасно помню. Помню вас и вашу дочь. У меня вообще, — он сделал акцент, — хорошая память. Так что не волнуйтесь, я здесь не зря сижу.

Теперь брови поползли вверх уже у Романа. Перед старичком ему стало неудобно, но внешне он этого не показал, только с добрым чувством кивнул, произнёс: «Рад это слышать» и пошёл дальше, к главному выходу.

Проводив спину посетителя пристальным взглядом сторож крикнул, провёл указательным по усам и снова засел за сканворды.

Парадная дверь, показалось, будто чем-то подпёрта... А-а-а, нет, это просто доводчик тугой. И как это несколько минут назад его удалось так быстро отворить?.. Наверно адреналин.

Выйдя на улицу Роман уже хотел пойти к машине, но встал: его остановила мысль, что девочки идут следом и им тоже придётся мучиться с этой пневматикой. И как они каждый день справляются?.. Решив подождать Птачек встал к двери боком и прислушался. Само полотно толстое, но уж близкие-то шаги он должен услышать.

На часах перевалило за восемь. На улице темно, будто глаза закрыл, и только свет фонарей мрак немного разгоняет. Холодный ветер завывает, хватает снежинки и мечет из стороны в сторону, швыряет тебе за шиворот. Выдохнув особенно большое облачко Роман поднял голову и взгляделся в небо, где уже сквозь серость мёрзлого тумана просвечивает Большая Медведица. Вся эта зимняя неудобность, эта тьма, ветер и снег, а более всего кусачий, отрезвляющий холод подействовали сейчас на него самым лучшим образом — все тревожные мысли выветрились из головы ракетой! В сущности — а стоило ли тревожиться?.. Дочь могла и позвонить, предупредить, что её задерживают... Но нет, она этого не сделала. Мчался он сюда тоже, как угорелый — зачем?.. Ведь в аварию мог попасть запросто, голого асфальта на дорогах мало, по бокам так вообще лёд один. На себя плевать, не жалко, но что стало бы с Настей, если бы он разбился?.. Спешил к ней и разбился — вот была бы ирония... А Даша — почему эта девчонка его так волнует?.. Да, надо признать, что она весьма, просто исключительна красива... Более, чем. Если Бог есть и он правда сотворил женщину, то первая должна была бы быть похожа на Дашу, честное слово! Но ведь ей только пятнадцать... Пятнадцать, как Насте! Какого чёрта он, взрослый мужик, вообще о чём-то рядом с ней переживает?! Да ему должно быть плевать! Плевать на неё! Сама мысль о том, чтобы... чтобы с ней... Это кажется невероятным. Невозможным! Неосуществимым...

Роман почувствовал, как кулаки в карманах сжимаются, а щёки горят так, что никакой мороз нестрашен. Разозлившись на себя он покрутил шеей — не видит ли кто? — и несколько раз ударил себя ладонью в лоб, приказывая вытряхнуть из головы всё лишнее! О деле надо думать! О деле! А не глупостями страдать!

Из-за двери донеслись неразборчивые шумы. Резко замерев Птачек прислушался, но

звук странный, не понять — идёт там кто-то, или кашляет... Пальцы уже в третий раз за день ухватились за ручку парадной школьной двери. Мышцы напряглись и створка, злобно упираясь, всё-таки поддалась. Дверь распахнулась, а перед вставшем на пороге мужчиной от неожиданности застыли две юные девятиклассницы.

— А-а-а, девочки! А я как раз вас жду. — Роман сделал шаг в сторону, пропуская. — И как вы с этой железякой сами справляетесь? Даже у меня нелегко получается.

Перед отцом вся в своих любимых светлых одежках сначала вышла Настя. Белые штаны, белая куртка, белые варежки... и лишь длинные чёрные локоны выбиваются из-под белой шапки, обрамляя белое же лицо. Причём всё это ещё такой кричащей чистоты, будто только вчера выкипчено с хлором. Дочь можно ставить вместо дорожного знака — заметят за километр!

— А мы сами никогда и не открываем! — Она переступила порог и стрельнула в отца острыми глазками. — У нас, пап, вообще-то для этого мальчики есть!

— Во-о-он оно как... — Роман взглянул на неё с шутливой претензией. — И много ли у вас мальчиков?..

Настя не успела ответить: слуха обоих коснулся певучий девичий голосок:

— Спасибо вам, Роман Павлович, что подумали о нас. — В своём элегантном тёмно-синем пальто с пушистым воротником, в угольных кожаных сапогах, придерживая высокую чёрную меховую шапку порог переступила Даша. Вместе с благодарной улыбкой к капитану обратились и её серо-голубые полные теплоты глаза. — С этой дверью и в самом деле постоянная проблема. Когда с классом проходим, то, бывает, по двое человек её тянут.

У Романа возникло чувство, что внутри него звонко хрустнуло нечто стеклянное, а может и хрустальное. Тот кокон льда, который он всего минуту назад вокруг сердца возвёл, те мысли, которые он специально думал, настраиваясь на безразличие — всё рухнуло! Стоило этой девушке вновь появиться, оказаться на расстоянии вытянутой руки, посмотреть на него, сказать доброе слово — и крепость его идеи пала, сокрушённая самым грозным на свете оружием!

На грудь будто кто-то надавил, помешал дышать. Секунду или две Роман смотрел Даше в глаза и пытался что-то ответить, но точно некая неведомая сила держала язык. Наконец он почти бесстрастно выдал:

— Да ладно... пустяки...

Внутренне он вознёс благодарность, что удалось это всё-таки более-менее сказать нормально, а не вышептать.

Даша улыбнулась ещё теплее и прошла мимо.

— Наконец-то мы уходим! Устала уже здесь... — На лице Насти отчётливо проявилось недовольство, что её прервали. Но через миг свои же слова натолкнули её на мысль, что они наконец-то покидают школу и это подняло ей настроение вновь. — Пойдём, подруженица! Пора уже нам с тобой отдохнуть!

Голос Даши всплеснул весёлым задором:

— А и пойдём!

Выстрелив этой фразой она совсем по-детски подпрыгнула на носках и, это было видно, еле удержалась, чтобы ещё и залихватски крутануть сумкой! Перехватив рюкзак поудобнее Настя дождалась, пока одноклассница поравняется с ней. Сцепившись локтями нога к ноге они пошли вместе.

— Пап, а где машина? — Настя вытянула шею и огляделась. — А! Всё! Нашла!

Незаметно, но глубоко вздохнув Роман закрыл глаза, досчитал до десяти, тихо выдохнул и отправился вслед за девочками. Первые шаги получились неуверенными, точно младенец учится ходить, но уже скоро капитан шёл так, будто ничего с ним не и случилось и его сердце каменное, железное.

Снег хрустит под парой зимних ботинок, парой зимних белых кроссовок и парой чёрных кожаных сапог. Догнав дочь с одноклассницей Роман отстал от них на два шага и шёл так почти до самого авто.

— Насть, а что мы будем делать с тестом? — Даша повернула лицо к подруге. — Нам ведь и в самом деле его надо выполнить...

— Ох, Да-аш! — Настя шумно вздохнула. — Умеешь же ты настроение испортить! Да ну сделаем конечно!.. Завтра вон, на физре, в раздевалке. Нечего вообще переживать по этому поводу!

Роман не смог не возразить:

— Доченька, ты неправа. Ваш учитель, я так понял, ради вас нарушил какую-то инструкцию. Вы, девочки, просто обязаны уж если и не сделать, как он просил, то хотя бы его не подставить.

Как услышала это Даша оглянулась. Её глаза стрельнули в Романа пристально, будто изучающе. В следующий миг она вернулась обратно.

— Насть, твой отец прав. — Голос дочкиной одноклассницы стал чуть настойчивее. — Артур Каримович прямо сказал, что тесты нужны ему с самого утра. И уже готовыми.

Холодный ветер вдруг дунул особенно сильно и все трое закрылись, кто как — рукавами и воротниками.

— Теперь вы двое против меня, да?! — Отняв варежку от лица Настя неосознанно слизала несколько прилипших к губам снежинок. — Собрались, значит, против меня в союз?!

Её недовольный взгляд остановился на подруге, но отца не задел.

— Доча, ты же сама понимаешь, что так будет правильно. — Роман рискнул догнать девочек ещё на шаг. Теперь он смог бы их коснуться. — Давайте. Сделайте уж, за что взяли, и отдыхайте с чистой совестью.

Ему захотелось добавить: «Правильно ведь, Даш?», чтобы мягко, но ещё ближе дочь к верному решению подтолкнуть. Он не стал.

— О-о-ох! — Настя запрокинула голову, от её воя взметнулся белый столбик. — Да знаю я! Знаю... Просто я уже за сегодня так устала...

— А ты не переживай. — Даша ткнула подругу локтем и ласково улыбнулась. — Мы вместе тест сделаем. Я тебе помогу!

Сказано это было ласково и с заботой, но эта фраза заставила Романа не в шутку напрячься.

— Вместе?.. — Настя поняла не сразу. — А! Точно! О, слушай! Супер! Ты ведь у нас по Истории отличница! Покажешь мне, где и как отвечать, да?.. И как это ты сегодня тройку схлопотала? Ума не приложу...

— Я сама удивлена. — Даша опустила взгляд и пожала плечами. — Вроде бы отвечала всё правильно...

— Папа! — Настя резко остановилась и, заставляя удивлённую одноклассницу пробежаться по кругу, решительно развернулась. — Можно Даша сегодня к нам заедет?! На часок! Мы с ней сделаем это задание а ты потом её домой отвезёшь! — Белая варежка

сжалась в кулачок и прильнула к дочкиному подбородку. — Ну пожалуйста!

Всё это произошло так быстро, что Роман чуть в них не врезался.

— Настя! — Он недовольно отступил. — Какая же ты у меня всё-таки взбалмошная!

Дочь глядит во все свои большие серо-зелёные глаза, замерла в надежде. Даша рядом с ней еле оправилась от неловкости, такого резкого пируэта явно не ожидала. Чисто машинально, по уже навверное въевшейся в её характер привычке она сперва оправила свои каштановые локоны, потом прошлась ладонью по воротнику и только потом подняла глаза на мужчину.

— Разрешите нам, Роман Павлович. — Её взгляд стал одновременно и тёплым, и рассудительным. — Мы поработаем вместе, это займёт совсем немного времени. Я обещаю.

Теперь уже они обе усталились на Романа, как кошки на норку, из которой показался мышиный хвостик. Пронзённый внимательными взорами Птачек почувствовал, как в груди что-то шевельнулось; как белое и чёрное в его голове сшиблись две мысли: Даша поедет вместе с Настей и она попадёт к ним домой, а это значит, что она, во-первых, увидит их невзрачную, без какого либо шика квартиру и это может ей не понравиться, это уронит его, Романа, в её глазах... А во-вторых какое-то время Роман и сам пробудет рядом с ней, что с одной стороны даёт возможность насладиться её красотой, но с другой это же и значит быть этой красотой угнетённым, как угнетается нищий и голодный, когда проходит мимо шикарного ресторана. Он видит там роскошные кушанья, хочет их, но не то, что дотронуться — и в сам ресторан-то зайти не может...

С изменившимся выражением Даша вдруг спросила:

— Роман Павлович... Всё в порядке?... Вы так нахмурились...

Осознав, что лоб взбороздили морщины, капитан Птачек постарался расслабиться и взглянул на девочек как смог свободнее. Голос он, хоть это и оказалось сложно, попытался поставить беззаботным:

— Да-а-а, всё в порядке, — он отмахнулся, — просто один рабочий момент внезапно вспомнился... Конечно же, девочки, я не против. И даже за. Тем более ваш учитель о чём-то таком вроде бы и просил...

— Ура! — Настя подпрыгнула на цыпочках, чем вновь заставила подругу пошатнуться. — Спаси-и-ибо-о-о!

Может и Даша хотела что-то добавить, но новая встряска сбила её с толку и она сосредоточила всё внимание на однокласснице.

— Пойдёмте. — Роман обогнул девочек и двинулся к уже почти приблизившейся машине. — Мы и так порядком здесь задержались. — Подумав, стоит ли говорить, он всё-таки не скрывая усталости добавил: — Я и сам уже хочу домой. Тоже ведь за целый день вымотался.

Зимние ботинки, зимние кроссовки и кожаные сапоги вновь зашаркали по снежному насту. За спиной послышалось горячее шушуканье а за ним и звучный смех. Девочки звонко хохочут, но это вовсе не раздражает. Сопровождаемый этим перешёптыванием и даже не пытаясь его понять Роман дошёл до машины. Не вынимая из кармана он нажал кнопку на брелоке — автомобиль подмигнул и замки щёлкнули, приглашая.

Пройдя мимо водительского Роман сделал ещё шаг... и внезапно застыл, поняв, что намеревался придержать для Даши дверь! Чуть было не сделал этого! Обернувшись он поймал взглядом лица улыбающихся девочек и кивнул на авто.

— Присаживайтесь. Сейчас поедем.

— Боже, пап! — Настя прошла мимо. — За кого ты нас держишь? Уж как-нибудь догадаемся, чай не из деревни. Ты, наверное, сегодня уже совсем выдохся...

Ухватившись за ручку дочь уверенным движением открыла дверь и с маху прыгнула на сиденье позади водительского.

— Даш! — Она высунула голову. — Зайди, пожалуйста, с той стороны! Не хочу перелазить!

— Хорошо...

Со светлым улыбчивым ликом Даша двинулась вокруг, а Роман, стараясь её не замечать, уселся за руль и воткнул ключ в стартер. Замочная скважина поддалась охотно — двигатель сперва тихонько буркнул... а потом сразу же взрычал в полную мощь, будто готовясь к решающей гонке!

Сзади справа щёлкнуло, донёсся еле слышный скрип и по шее повеяло холодком. Машина еле заметно качнулась, как если бы на неё прыгнула кошка, и сразу после хлопнуло. Ветерок спал.

— Ну что? — Роман привычно потянулся к зеркалу заднего вида, но, передумав, руку уронил. — Все на месте?

— Да на месте, пап! На месте! Давай уже скорее ехать!

Что-то Настя разбушевалась, надо бы её приструнить... или это просто от волнения так кажется?.. Может всё-таки ей что-нибудь сказать?.. Поняв, что медлит, Роман сжал губы и вдавил газ. Старенький «форд» выкатил за угол школы, а оттуда уже и на Ставропольскую.

Уже такая знакомая, такая заученная дорога до дома привычно прыгнула под колёса. Птачек рулил почти не думая, лишь разглядывая вид за окном, как посетитель галереи разглядывает картины. Тем временем Настя на заднем развернула настоящий монолог.

— Фу-у-ух! Я уж думала мы там до ночи останемся! — Дочь энергично всплеснула руками, да так, что задела отцовское кресло. — И какая только муха историка укусила?! Даш, вот скажи: это нормально — людей вот так после уроков оставлять?..

Подруга виновато улыбнулась и пожалала плечами.

— Я вот вообще не понимаю — чего он так напрягается? — Настя скептически подняла ладони. — Постоянно умничает, фразочки какие-то непонятные говорит, будто кто-то эту его дурь понимает... Наш классрук вообще нормальный?.. Нет, я тебя спрашиваю?..

Настя воззрилась на подругу, будто та сейчас пустится в яркий и сочный ответ, однако Даша лишь снова виновато улыбнулась и пожалала плечами.

— Теперь вот и ты странная... — Дочь капитана прищурилась. — Молчишь, будто в рот воды набрала... Давай, скажи чего-нибудь! Тебе же нравится эта дурацкая История! Вечно пятёрки по ней получаешь!

У Романа возникло острое, прямо-таки жгучее желание встрять, но он сдержался: ему стало любопытно, как ответит Даша.

Голос дочкиной подруги прозвучал неожиданно спокойно, даже прохладно:

— Насть... Ты излишне строга. Артур Каримович просто делает свою работу. Вот и всё. — Однако быстро он снова стал тёплым и ласковым и Роману, хоть тот и смотрел строго перед собой, ярко представилось, как Даша вновь улыбается. — Ты вообще, Настён, зря переживаешь. У тебя вон по физре тоже почти пятёрки одни. Ну и что, что История тебе тяжело даётся? Просто надо немного постараться и...

— О боже, только не ты! — Настя протестующе выставила ладони. — Меня вон отец целыми днями мучает, чтобы я училась хорошо! Не присоединяйся к нему, я тебя прошу!

Сознание Романа, как нахальный художник, зацепилось за последние слова дочери и причудливо их раскрасило; в его голове возникла пикантная картинка... Силой воли его отогнав Птачек сжал руль крепче и приказал себе выкинуть из головы всё, не касающееся дороги и дома. В глубине его души, однако, в этот момент на еле слышной струне сыграло чувство, похожее на сожаление...

После Настиного восклицания неожиданно повисла тишина. Дочка — не понять, то ли обиделась, то ли просто обо всё уже сказала — отвернулась и глядит в окно с отсутствующим выражением. Даша тоже ведёт себя тихо; наверное и она смотрит на ночной город... Минуты две Роман рулил и жал на газ, стараясь ни о чём лишнем не думать, но вот эта последняя мысль — что же делает Даша? — как катящийся с горы ком росла в его сознании, пока не заполнила собой ВСЁ. И в самом деле — ну чего плохого будет, если просто на неё глянуть?.. Это ведь даже не напрямую, а через зеркало — в него как раз хорошо видно заднее правое сиденье...

Мысль посмотреть стала настолько навязчивой, что в очередной уже раз проклиная себя за слабование Роман поддался и поднял к зеркалу глаза: Даша и в самом деле смотрит в окно. Повернув голову в пол-оборота она глядит куда-то вдаль, а её руки, их видно только отчасти, покоятся на коленях.

На миг проверив дорогу Роман вновь, уже без внутреннего сопротивления обратил взор к дочкиной подруге.

Проводив взглядом мелькнувшую машину Даша опустила глаза и будто о чём-то задумалась... Сжав губы она повернулась налево, к Насте. Посматривая на дорогу Роман ждал, что девушка сейчас что-то скажет, однако Даша, смерив одноклассницу продолжительным взглядом, вновь глаза опустила и стала в чём-то тихонько, еле слышно копать. Должно быть в сумке...

Старенький «форд» вырулил на Советскую и там, словно специально, не оказалось ни единой машины. Вот он момент — прибавь! Но сам того не замечая Роман наоборот инстинктивно сбросил; любопытство выиграло в нём и затмило любую другую мысль.

Покопавшись ещё немного Даша медленно подняла какой-то маленький, еле заметный пузырёк. Снова поглядев на Настю, на этот раз лишь скосившись на неё глазами, девушка тихонько, но без какой-либо скрытности пузырёк откупорила и перевернула, поставив его горлышком на указательный.

Стараясь быть тише тени Роман напряжённо вздохнул и на мгновение снова дорогу проверил.

Подержав так несколько мгновений школьница вернула пузырёк горлышком вверх, а её тонкий, блестящий капелькой пальчик поднялся и застыл возле стройной девичьей шеи. Неторопливо, с элегантностью, будто и не едет сейчас в старой машине, а сидит в известном парижском салоне Даша дотронулась до себя сначала слева, затем справа. После второй точки её рука замерла... и потянулась уже к середине груди, чуть ниже шеи, где смыкаются полы пальто.

Роман почувствовал, как в горле собрался колючий ком, что невозможно проглотить. Вновь кинув взор на дорогу он настрого приказал себе смотреть вперёд и только вперёд! Он не должен пялиться на неё... это неправильно... так вести машину опасно... Но уже не чувство, а какая-то магия завладела им. Понимая, что должен сопротивляться, должен противиться всеми силами, что ведёт себя недопустимо, слабавольно поддаётся своему всё-таки абсолютно разрушительному влечению... Роман безнадежно вздохнул и снова глаза

поднял...

Даша больше не дотрагивается до себя, нет: она тоже смотрит в зеркало...

Его и её глаза встретились. Лицо девушки умиротворённо: она выглядит, будто обратила взор к отражению случайно, и чисто случайно же встретила там чужие глаза. Роман же почувствовал, точно чья-то невидимая рука коснулась его — сердце встрепенулось и замерло, словно пойманная в кулак птица! Глядя девушке в глаза он ощутил, как от пронизывающего напряжения со скрежетом натужились его скулы, пальцы на руле сжались так, что сейчас проломают пластик, а стопа на педали того и гляди втопит до упора...

Секунда. Две. Три. Четыре...

Красно-розовые нежные губы не шевелятся, хотя так и представляется, будто они сейчас растянутся в улыбке или что-то скажут... Девичье выражение вообще спокойно и не показывает смущения. Однако глаза... Дашины очи, хоть она и выглядит, будто просто засмотрелась в одну точку, не кажутся лишёнными мысли или задумчивыми. О нет! За этим вроде бы ничего не значащим взглядом скрывается работа немалого ума...

Мысленный таймер отбил «пять». С чувством, словно заживо отрывает от себя, Роман снова перевёл взгляд с девушки на дорогу. В этот же момент сзади донёсся счастливый Настин возглас:

— Ура! Наконец-то приехали!

Ухватившись за водительское кресло дочь привстала и выдвинулась так, что её голова оказалась напротив отцовского уха.

— Пап — ну чего ты тащишься, как неживой?! На дороге ведь никого!.. Пап, а съездишь за конфетами? Я хочу те, которые мы в прошлый раз покупали! С кокосом!

Чувствуя, что уже злится на себя, что уже переживает, что Даша могла понять, как на самом деле она ему ужасно нравится, Роман от досады стиснул зубы.

Боже! Какой же он дурак!

Именно с таким выражением он оглянулся переспросить, про те ли самые конфеты понял, но, только его увидела, Настя поспешно юркнула обратно. Сзади донёсся её недовольно-обиженный голос:

— Ну и ладно... Ну и не надо ничего...

Любимую стоянку кто-то занял, так что пришлось отъехать подальше. Припарковались, вышли. Не пытаясь скрыть в голосе усталые нотки Роман буркнул: «Пойдёмте», и двинулся первым. Шаг он не сокращал, наоборот пёр через снег, как бульдозер, расшвыривая куски наста. Дочь за спиной что-то сказала, Даша ей ответила... Из-за шума сминаемого снега их почти не разобрать, но Птачек и не пытался. Он просто шёл домой и хотел попасть туда как можно скорее.

Как зашли в подъезд, голоса девочек заиграли отчётливей.

— А я тебе говорю, что ему Голунова нравится. Уж поверь мне, я в этих делах секу!

— Никогда бы не подумала... Насть, а на каком вы этаже?

— На третьем.

На пролёты взбирались с таким топаньем, будто на плечах мешки с картошкой, а на ногах пожарные ботинки. У входа в квартиру Роман вообще встал и, сбрасывая снег, хорошенько потопал, потом ещё и о коврик подошвами потёрся. Гам по подъезду прокатился такой, что услышали, наверное, и голуби на крыше.

Удерживаемый нетерпеливой хозяйской рукой ключ зашёл в замочную скважину и

провернулся. Механизм захрустел, щёлкнул. Дверь приглашающе отворилась.

Родная уже квартира, хоть и некрасивая, и даже не особо-то и прибранная показалась утомлённому царским теремом. Переступив порог Роман, чтобы дать девочкам место, прошёл чуть дальше и только тогда стал раздеваться.

— Вот, Даш, проходи. — Следом порог переступила Настя. — Тут-то мы и живём! Зайди, оцени.

В словах дочери послышалась ехидность, но Роман сказал себе, что он просто взволнован и раздражён и от того ему кажется.

Чёрные высокие сапоги переступили порог. В подъезде они стучали, будто пластмассовые молоточки, но здесь дали мягкий приятный звук. То ли по привычке, то ли наоборот от созерцания чего-то нового Даша подняла руку и взялась за свой тёмный меховой воротник. Её глаза прошлись по невзрачной старенькой обстановке и остановились на вешалке с длинным белым шарфом.

— Ну-у-у... — Она двинула плечами. — Квартира как квартира... А что ты, Настя хотела услышать?..

— А по-моему, — напрягая голос в тоже время дочь небрежно скинула кроссовки, — здесь не помешал бы хороший ремонт. Не считаешь?..

Даша вновь осмотрелась, даже сделала это будто показательно серьёзно... однако в её обращённом ко всему ветхому и потрёпанному взгляде не нашлось и намёка на брезгливость. Выражение её осталось по-прежнему добродушным.

Роман поймал себя на том, что он, кажется, опять предательски медлит и ловит искоса, что Даша делает. И что напрягает слух и ждёт, что она скажет...

— Знаешь, Настя, я о таких вещах не задумываюсь. — С видом человека, который пытался найти в работе модного художника нечто особенное, но так и не отыскал, Даша взглянула на подругу чуть наставительней. — И вообще я считаю, что важны в первую очередь люди, и только потом вещи.

Все перестали двигаться. В квартире повисла космическая, просто-таки первозданная тишина... У Роман как-то сама собой выпрямилась спина; резко появилось чувство, что стало легче дышать. Да не просто! Кто-то словно бы коснулся его исстрадавшегося, нервированного сердца и смахнул все заботы! Захотелось вдохнуть глубже, улыбнуться! Сдерживаясь, чтобы в самом деле не начать глупо лыбиться, капитан неспешно продолжил раздеваться.

Слова одноклассницы произвели впечатление и на Настю: несколько мгновений она стояла соображая, что ответить. Наконец, подбоченившись, дочь с умным лицом возразила:

— Мало ты, Даш, понимаешь. В человеке должно быть прекрасно всё! И внешний вид, и его дом в не меньшей степени.

Это позабавило всерьёз, да так, что Роман не сумел сдержаться и звучно хохотнул!

Ох Настенька, кровиночка родная... Ты, конечно, удачно у мамы с папой выдалась и одеваешься не хуже всех, парни наверняка на тебя поглядывают... Но ведь Даша... Это же девушка, от которой глаз не оторвать! Которая при этом ещё и наряжается, будто собралась на светское мероприятие. И говорить ей такое... Это всё равно, как если бы он, Роман, встал перед чемпионом по бегу и начал объяснять ему, что вот, мол, спорт, а особенно лёгкая атлетика — это важно...

— Папа! — Настя с неудовольствием обернулась. — Ты это чего?!

— Прости. — Еле сдерживая смех Роман протянул руку и, привлекая её голову, чмокнул

в ароматно пахнущую макушку. — Прости, доченька, я просто вспомнил нечто смешное. Извини, это не к месту...

Поспешно от родителя отстранившись Настя уставилась на него озадаченно, потом перевела полный недоумения взгляд на подругу. Приподняв плечи она картинно развела ладони, как бы удивляясь: «Нет, ну ты это видела?!»

— Не буду вам, девочки, мешать. — Отделавшись наконец от верха Роман провёл ладонью по волосам. Опустив руку он поглядел по очереди сначала на своего всё ещё кривляющегося ребёнка, потом на её сияющую, точно лилия среди сорняка, подругу. — Вам надо заниматься, а я пойду, приготовлю что-нибудь на ужин.

Как по взмаху волшебной палочки Настя перестала паясничать сразу. В её тут же поменявшемся взоре наивный углядел бы кротость.

— Как это, пап?.. Я ведь тоже кушать хочу...

Стало неудобно, будто пнул котёнка. И в самом деле — Роман будет набивать живот, а дочь оставит голодной? Нет, так не...

— Насть, ты чего?.. — Теперь уже Даша взглянула на одноклассницу с вопросом. — Мы же собирались тестом заняться, разве не?.. Давай уже поскорее доделаем его, да и освободимся. Так ведь будет лучше.

Стараясь игнорировать мысль, что его ребёнок будет страдать голодным, Роман положил дочке ладонь на плечо и кивнул.

— Настенька, твоя подруга права. Сделал дело — гуляй смело. Как говорится... А я пока приготовлю на всех, обещаю. Вы как раз к концу управитесь.

Губы дочери сомкнулись в тонкую линию, её взгляд стал серым и даже унылым... Длилось это мгновение, потому как уже в следующий миг Настя вскинула указательный и, глядя отцу в глаза, с энергией заявила:

— Ну хорошо! Но тогда и посуду сегодня тоже моешь ты! Согласен?.. Эй, ну па-а-ап!..

— Согласен, золото моё. — Несмотря на протесты Роман вновь притянул дочкину голову и стал целовать её в макушку. — На всё согласен, родимая.

Немного посопротивлявшись Настя всё-таки сдалась и дала себя расцеловать всю, вплоть до румяных после мороза щёк. Правда, как только Роман убрал руки, дочь тут же от него отбежала и повернулась ко всё ещё ждущей у порога однокласснице.

— Даш, ну чего ты?! Не стой там, проходи! Комната моя — вон! А я пока печенье принесу!

После этого топая, как самый настоящий жеребёнок, она унеслась на кухню. Роман даже не успел возразить, что нечего аппетит портить!.. В следующее мгновение ему подумалось, что если он нечто подобное скажет — это может гостью обидеть, так как она решит, что угощение жалеют из-за неё... Глупой была мысль, или нет, но Роман ей поддался; повернувшись ко всё ещё не начавшей раздеваться девушке он посмотрел на неё с таким простым и бесхитростным выражением, на которое только оказался способен, и произнёс:

— Даш, ты это... в самом деле проходи... чувствуй себя, как дома... — Глядя в её красивые глаза Птачек через силу сглотнул. — Если что понадобится — только скажи... Ну ладно... я пошёл...

Он хотел уже отвернуться, но дождавшись, когда он закончит, с теплотой в голосе и лаской во взоре девушка ответила:

— Спасибо вам, Роман... Павлович. — Неотрывно поглядев на него несколько секунд

она с тихим, но совершенно очаровательным шёпотом добавила: — Извините, что по отчеству, просто звать вас при дочери лишь по имени как-то неловко...

Уголки губ сами, без всякой команды приподнялись и капитан Птачек понял, что снова улыбается. Нет... Они вместе улыбаются, глядя друг на друга... Почувствовав некое волшебство момента Роман заговорщицки Даше подмигнул и у же не глядя, как та отреагирует, лёгкой походкой двинулся на кухню.

По дороге с тарелкой зефирных печений на него наткнулась дочь. Настя держит блюдо на поднятой левой, а в правой вот только вынутый из холодильника лимонад: видно, как на бутылке конденсат блестит.

— Папа! — Чуть не врезавшись в отца Настя отступила. — Осторожнее!

Несмотря на то, что виновата явно она, Роман дочке лишь улыбнулся, сказал: «Не застуди горло» и ушёл на кухню.

Проводив его недоумённым взором Настя снова взглянула на подругу, озадаченно надула губы и пожала плечами.

Что девочки делали дальше Роман не видел, только слышал их смешливо переговаривающиеся голоса, хохотки и то, как закрылась дверь в дочкину комнату.

Первым делом капитан Птачек поставил чайник, затем в тёплой воде хорошенько сполоснул лицо, помыл руки и постоял так, неспешно вытираясь, наконец-то наслаждаясь уютом. Когда полотенце снова прыгнуло на крючок, в голове уже немного приободrivшегося следователя созрела задумка о главном блюде вечера — армянской яичнице! Сочная, с зеленью и такими мясистыми помидорами, что и в самом деле начинаешь верить, что томат — это не овощ, а ягода.

Руки взялись за посуду, глаза забегали по приборам и уже через пять минут нехитрых приготовлений первые яйца разбились и смешались в специальной формочке. Спустя совсем немного времени по кухне раскатилось весёлое шкварчание, а по воздуху поплыл дурманящий, околдовывающий голодного аромат.

Прикрыв глазунью крышкой Роман выключил уже начавший посвистывать чайник и пошёл в свою комнату. Через минуту он вернулся с книгой, которую несколько дней назад нашёл среди оставшихся от тёти вещей. Старенькая, с довольно невзрачной обложкой и видом таким замызганным, точно она лежала не в частной библиотеке, а передавалась по всему городу, как в эстафете. Эту книгу явно нередко брали и автора, к сожалению, не разглядеть, надпись стёрта; осталось только часть названия «... и чёрное». Ещё и первых страниц не хватает.

Налив чаю покрепче Птачек уселся за стол и отыскал страницу, на которой остановился. История, если не вдаваться в подробности, про юношу, что хочет стать великим и усердно над этим трудится. Идя к своей цели он роковым образом влюбляется сначала в одну, а затем и во вторую женщину, при этом обе сильно выше того положения, которое сам бедняга занимает. Франция, времена сразу после Наполеона.

Нос учуял неладное. Быстро подняв взгляд и принявшись Роман понял, что пора газ выключать. Расторопно оказавшись возле плиты он поднял крышку и внимательно всмотрелся в поджаривающуюся смесь.

М-м-м... Готово!

Еле одолев соблазн попробовать хоть малую ложечку — нет, он будет есть со всеми, нельзя кусочничать! — Роман крышку опустил, потом ещё и накрыл её полотенцем, чтоб

остывало не слишком. Довольный собой он вернулся за стол и, время от времени прихлёбывая, полностью погрузился в чтение...

...Строчка за строчкой, страница за страницей — полчаса или даже дольше пролетели незаметно. Забыв обо всём на свете — о голоде, о сегодняшних волнениях, об этом ненавистном маньяке, которого всё никак не могут поймать, Роман целиком окунулся в произведение.

Главный герой как раз попал в смертельное, практически безвыходное положение, когда слуха коснулся щелчок. Оторвавшись от книги и вслушавшись Птачек поймал докатывающиеся из коридора звуки: дверь в Настину комнату открыли, тихие шаги направляются в кухню...

Приняв вид, будто всё ещё читает, Роман склонил голову и стал ждать. Через пару мгновений шаги оказались совсем близко и переступили порог. Скошенные глаза заметили облачённые в светлые, почти невидимые колготки стройные молодые стопы. Взор мужчины, как магнитом, потянуло вверх...

Гладкие ровные ноги переходят в чёрную юбку... Нет, это не юбка — это школьное платье... Чуть выше спрятанных за тёмной тканью изящных бёдер белый ремешок обвивается вокруг тонкой талии. Ещё чуть ввысь прячется за чёрным покровом приподнятая округлая грудь, а выше её, будто венчающий этот наряд, обращает на себя внимание белый кружевной воротник.

Взгляд Романа медленно приподнялся ещё и обнаружил прекрасное, возможно, *самое* красивое на Земле лицо. Даша, как произведение искусства, поражает своим великолепием. Это бессловесная поэзия... Словно песня, стих, или даже гимн эстетике, которые не произнесли, но вылепили. Линии её молодого лица живописны и напоминают геометрическое уравнение, решённое гением: в нем ни одной лишней или неправильной черты. Её красновато-розовые улыбающиеся тебе губы, её милый носик, её глубокие очаровывающие глаза, её будто хорошо нарисованные, но на деле естественные брови, её умный, однако при том всё равно красивый лоб, её каштановые, падающие ниже плеч, за спину и на грудь волосы — всё это одно сплошно колдовство, которое поражает до мозга костей! Которое выбивает из головы все мысли и заставляет думать только одно: «Боже... Какая же красавица»...

Поражённый сейчас, как и впервые, Роман тем не менее задумался: Даша так нравится ему потому, что она обезоруживающе прекрасна, или же она кажется такой красивой потому, что нравится ему?..

— Даша... — Роман посмотрел девушке в глаза и поймал себя на том, что при её появлении ему захотелось встать.

— Роман... Павлович. — Глядя на отца одноклассницы девушка приветливо улыбнулась. — Вы не возражаете, если я вас побеспокою?.. Я просто не очень люблю лимонад, да и вечером мне хотелось бы чего-нибудь покрепче. Я имею ввиду чай, или кофе.

На «чего-нибудь покрепче» Роману захотелось шутливо улыбнуться, но он в себе это подавил. Его брови вопросительно приподнялись.

— Так и чего бы тебе хотелось больше?..

Взгляд девушки скользнул ниже лица мужчины на бокал у его локтей.

— А вы сами что пьёте?..

— Я предпочитаю чай.

Дашины глаза снова поднялись. Весело улыбнувшись и двинув плечами она решила:

— Тогда и я тоже буду... Не надо, не вставайте! — Она протестующе выставила тонкие ладони. — Я сама со всем справлюсь! Где у вас тут что находится?..

— Ну-у-у... — Роман поглядел на кухню, которая сейчас, в присутствии такой гостьи показалась ему самым настоящим хавозом. — Если ты хочешь пакетированный, то вон в той тумбочке лежит. А если любишь настоящий, то вон, видишь — упаковка. Возьми чайную ложку, насыпь в бокал чуток заварки и так залей кипятком. Бокал бери любой, они все на мойке.

Улыбнувшись и бодро кивнув Даша прошла мимо и споро взялась за дело. Её стройные руки уверенно взяли и откупорили коробку с заваркой, при этом прежде, чем продолжить, девушка поднесла её к носу и принялась. Не без удовольствия Роман следил, как она уверенно, будто уже тысячу раз делала здесь это взяла бокал, насыпала в него чёрных листьев и поставила возле плиты.

На всё про всё ушла минута.

Глядя теперь на дочкину одноклассницу капитан Птачек вдруг понял, что ему нравится в ней ещё: в этой девушке нет той противной застенчивой скованности, которая иногда так раздражает в некоторых девицах. Она не ведёт себя, будто каждую секунду кто-то может напасть на неё, попытается лапата, попробует подсмотреть за каким-то её интимом.

Всего этого просто... нет. И это восхитительно!

Носа неожиданно коснулся новый еле уловимый аромат; почти на грани нюха, когда приходится с шумом прогонять воздух сквозь ноздри и думать — а не кажется ли?.. Нет, не кажется. Аромат нежен, приятен. Он как шёлковый платок на распутившихся лепестках. Он как... Роман его уже где-то чувствовал...

Молнией в голове пронеслись две картины! Одна из того самого дня в школе, когда он увидел Дашу впервые, и ещё одна из сегодняшнего, когда подглядывал за ней и заметил, как она растирает что-то на шее. Этот увлекающий запах... Её запах.

На один взволнованный вздох, на крохотную беспокойную секунду в мозгу взорвалась ослепительная, просто невероятная мысль: она что — сделала это для НЕГО?! Мгновенно она была отброшена, как совершенно невероятная.

С лёгкостью управившись с бокалом и заваркой Даша ненадолго коснулась чайника тыльной стороной ладони.

— Та-а-ак, ещё тёплый. Вскипеть должен быстро!

Взяв лежащий рядом коробок она достала спичку. Изящные пальчики ловко чиркнули и поднесли пламя к газу, потом затушили и отправили огарок в мусорку. Вновь встав на огонь чайник тихонько и довольно забурчал.

Повернувшись к мужчине девушка вновь улыбнулась, а её стройные руки неожиданно бойко хлопнули в ладоши!

— Всё! Скоро должен вскипеть! Ой... — Взгляд её очаровывающих серо-голубых глаз будто только сейчас наткнулся на книгу. — Так вы читаете?..

Вопрос показался комичным и разом вымел из головы всё, кроме юмора.

— Представь себе... — Глядя на Дашу с шутливой претензией Роман приподнял уголки губ. — Немного умею...

— Ой! — Девушка заулыбалась и сама, а её ладонь сделали движение улыбку прикрыть... но будто передумала и опустилась. — Я не это имела ввиду! Простите!

— Да ладно. — Теперь Роман скривил уста уже снисходительно. — Я уже давно смирился, что умным не выгляжу.

Благость с Даши слетела разом. С самым серьёзным тоном она возразила:

— Вообще-то ещё как выглядите... — И тут же, как по щелчку её выражение снова залучилось задорным интересом! — А что, кстати, за книга? Могу я посмотреть?..

С довольной, еле сдерживаемой от похвалы миной Роман пожал плечами. Уперев в книгу два указательных он толкнул её. Мягко ступая Даша подошла. Уперевшись обеими ладони в столешницу она нависла над новеллой.

— Вот это да-а-а... — Девушка поражённо покачала головой. — Такой растрёпанной я ещё ни разу не видела...

То, как Даша приблизилась, как встала, уперевшись ладонями в стол, как немного над книгой наклонилась — всё это заставило Романа чувствовать, будто его сжигают на костре! Даже щёки, кажется, запылали, как у юнца! Стараясь скорее успокоиться он начал представлять всякие мерзости и молиться, чтобы гостя его смущения не заметила: она и так уже сегодня многое видела и может о его чувствах догадаться. И что тогда он будет делать?!

— Вы не возражаете?.. — Школьница глянула на Романа, затем снова вернула глаза к книге. Её рука бережно перевернула истёртую обложку. — Что-то ни названия, ни автора не разобрать...

— Да, чисто наугад читать начал... — Птачек как-то деревянно кивнул. — Она пылилась среди вещей, завалилась в тёмном шкафу. Мне вдруг стало интересно, что там, вот и-и-и...

Глядя на теперь уже увлечённо перебирающую страницы девушку Роман подумал, что его рассуждения не особо-то ей и интересны. Кажется от волнения у него пошёл словесный понос...

Несколько мгновений Даша листала в полной тишине... неожиданно её пальцы остановились и на Романа поднялись её сосредоточенные, но даже так всё равно милые глаза.

— Почему вы замолчали?.. — Глядя на мужчину она вопросительно растянула губы... но вдруг это очаровательное выражение исказилось тревогой! Улыбка с губ Даши слетела и она даже сделала движение, будто хотела отступить! Хотя и осталась на месте. — Вы чем-то недовольны?.. Боже, я не подумала! Роман Павлович! Я вам, должно быть, мешаю?..

Капитан Птачек ощутил, точно гвоздь проглотил — в горле застряла острота. Даже давление, наверное, подскочило, так как по всем чувствам глаза полезли из орбит!

Ну как же ты можешь мешать мне, Дашенька?! Как же ты можешь мешать мне, когда я так жажду твоего присутствия?! Как же ты можешь мешать, когда при виде твоей улыбки в моём сердце поют райские птицы?! Как же ты можешь мне мешать, если я тебя...

От тревоги, что девушка сейчас обидится и уйдёт сердце сжалось в комок. Еле сдерживая над собой контроль, чтобы не показать, как на самом деле он задет, Роман расслабил лицо и постарался беззаботно покачать головой.

— Ну что ты, Даш... вовсе нет... Я просто подумал, что то, как она попала ко мне в руки — это история довольно скучная...

Тень, было упавшая на лицо девушки, убежала. Обеспокоенность покинула её взгляд и на Романа взглянуло уже прежнее, самое добродушное и милое во всей вселенной существо.

— Слава богу! — Даша с облегчением вздохнула и даже приложила ладонь к груди. От этого движения её новая улыбка стала более открытой и в свете кухонной лампы заблестели её белоснежные, прямо-таки жемчужные зубы. — Я-то уж подумала, что позволяю себе лишнего...

Как касание кожи Роман ярко почувствовал, будто у него с шеи висельную верёвку сняли. В следующее мгновение на слова гостьи ему придумался остроумный ответ и он произнёс его, не успев обдумать:

— Глупости! Лучше немедленно начни позволять себе больше!

Сказав это Птачек тут же понял, какой самострел совершил! Что он такое мелет?! А что ОНА подумает?.. Только от мук отошедшее сердце вновь напряжённо съёжилось; мгновение будто застыло в стекле. Романовская улыбка стала натянутой, а обращённый к девушке взгляд выжидающим. Время потянулось, как кисель...

На самом деле эта заминка существовала только в его взбудораженном сознании, в реале же после шутки не прошло и секунды, как Даша на глазах покраснела и совсем неэлегантно хохотнула из-за сжатых губ хрюкнув через нос. А ещё через мгновение по кухне пронёсся её негромкий, зато уже откровенно весёлый смешок.

— Роман... Павлович... — Она вновь сделала движение прикрыть губы, но вновь его не завершила. — Можно подумать вы со мной заигрываете... Кстати! — Даша вновь уставилась на книгу. — А я ведь её знаю! Я уже её читала! Не эту самую, конечно, но именно эту книгу этого автора. Я вспомнила!

Внутренне ощущая, будто в нём что-то упало и разбилось, внешне Роман изобразил живой интерес.

— Да-а-а?.. И что это?.. Чьё?..

— Это Стендаль. — Тонкий девичий пальчик опустился на раскрытую страницу. — «Красное и чёрное». Замечательнейшее произведение... Я брала этот любовный роман в нашей городской библиотеке может быть где-то около года назад. О-о-ой...

На этот раз она всё-таки губы прикрыла, но Птачек успел заметить, как на них расцвёл новый смешок, а глаза школьницы стали острыми и хохотливыми.

— Что такое?.. — Будто и сам заразившись смехом Роман тоже улыбнулся, однако поспешно себя осмотрел. — Я на себя что-то уронил?..

Щёки Даши покраснели, глаза словно бы виновато опустились. Постояв так несколько секунд она подняла взор, полный... смущения?..

— Нет, я просто... ну-у-у... — Она помахала на себя ладошкой, как веером. — Да так, не обращайтесь внимания. Всякие глупости в голову лезут...

— Ну, Даш, ты сама виновата... — Роман наигранно строго покачала головой. — Теперь, когда ты сказала, что тебе в голову лезут всякие глупости, мне ещё больше захотелось о них услышать!

И снова Птачек с опозданием понял, что ляпнул нечто двусмысленное... Идиот! К его облегчению девушка, будто этой вольности вовсе и не заметила, сконфуженно пояснила:

— Роман Павлович... просто... ну... понимаете... — Её улыбка стала сдержанней... однако лицо осталось задорно смеющимся. — Вы читаете... любовный роман. Вы сам Роман, и читаете любовный роман. Любовный Роман... как бы... — Даша pokrutila ладонью. — Просто игра слов, вот мне и стало забавно...

Птачек понял, что теперь уже точно краснеет — но, к своему облегчению, вовсе не от смущения.

— Значит... любовный роман?.. — Он поглядел на гостью из-под приподнятой брови. — Роман читает любовный роман... И сам Роман, наверное, тоже любовный. Любовный Роман читает любовный роман...

Девичьи губы задрожали, мужские тоже. Мгновение они смотрели друг на друга уже

зная, что сейчас случится, и наконец... расхохотались!

— Любовный Роман, — трясась от смеха, но специально оставаясь как бы серьёзным капитан Птачек указал на себя, — читает любовный роман. — Его руки переместились на книгу. — Ну а этот любовный роман, — пальцы томик взяли, подняли и приложили к груди, — читается вот этим любовным Романом. — Большим он ткнул в обложку, при этом одновременно как бы снова указывая на себя.

Юмор, принадлежащий лишь особому моменту...

Даша сначала смеялась сдержанно, но когда он стал кривляться ей пришлось закрыть рот, чтобы не заголосить на всю квартиру! Покрасневшая, со слезящимися глазами она выставила ладонь и замахала.

— Хватит! — На Романа уставились её полные веселья и мольбы глаза. — Остановитесь! Роман Павлович! Я вас прошу!

Шутка-то на самом деле получилась так себе: кто в детстве не слышал остроты о своём имени? Но всё-таки Птачеку стало смешно, и искренне. Смешно и хорошо лишь потому, что засмеялась *она*.

Глядя на еле дышащую, вытирающую уголки глаз девушку Роман подумал, что вообще-то несмотря на то, что так восхитительно прекрасна, Даша при этом ещё и ведёт себя естественно, без проблем с головой. Общаться с ней так легко... А собственно — чего это он распереживался? Да, она в самом деле, наверное, красива до неприличия... но ведь она только пятнадцатилетняя девчонка, а он, как никак, взрослый мужик! Это она должна смущаться при нём, а не наоборот!

Эта мысль немного успокоила и Птачек поглядел на восстанавливающую дыхание гостью смелее, не боясь, что та прочтёт в его лице нечто потаённое. Дождавшись, когда девушка переведёт дух, он, будто и не было только что этой сцены, как ни в чём не бывало спросил:

— А расскажи, Даш, пожалуйста, как вы с Настей сегодня день провели. И про тест по Истории, если тебя не затруднит, тоже поведай. Мне вот любопытно: как так вышло, что вас оставили после уроков?..

— О... — Всё ещё смешливо улыбаясь Даша снова посмотрела ему в глаза. — Вам это и правда интересно?

— Очень. — С самым серьёзным выражением Роман кивнул. — Мне о вас интересно всё. О Насте. О... ну... тебе...

Мимолётный мигновение... и-и-и...

Вся эмоциональная защита, вся та броня, которую он только что возвёл — всё к чертям рухнуло, стоило только Даше немного в красноречивом молчании понаблюдать, как он на неё смотрит! В какой-то момент Птачек даже подумал, что всё — кранты: от него, наверное, сейчас прикуривать можно...

За эти несколько секунд из смешливой девичья улыбка стала какой-то особенно светлой и даже, если позволить воображению полёт, счастливой. Она опустила глаза и только так, глядя в пол, позволила себе ответить:

— Роман Павлович... вы знаете... это так приятно... — Даша вновь лицо подняла, но теперь оно стало спокойнее и мягче. — Насте очень повезло, что у неё такой отец...

— Не надо, не смущай меня! — Уже не зная, как себя вести, с какой-то даже злостью Роман отмахнулся. — Тоже мне достоинство... Нечего меня хвалить! Расскажи лучше о вашем дне. Давай, я хочу тебя послушать. И вообще, — он с деланным возмущением

осмотрел её с ног до головы, — почему ты всё ещё стоишь? Пожалуйста, присаживайся.

Сказано это было столь чётко и уверенно, что прозвучало более настоятельно, чем просьба. Услышав это Даша будто опомнилась и взглянула вокруг с вопросом в глазах, мол, и правда — чего это она всё ещё на ногах?..

Пока она выдвигала стул и присаживалась в голове капитана крутились две мысли. Первая о том, что хочется Даше подсобрать — встать, самому выдвинуть для неё стул, помочь сеть, спросить — удобно ли?.. Но это будет уж слишком. И второе: надо постараться даже мимолётно, даже случайно не упомянуть о её матери. Для бедной девочки сейчас, может быть, редкий момент, когда она забылась от этого ужаса — ужаса потери близкого человека. Не надо лишний раз портить ей настроение.

Устраиваясь поудобней школьница так близко придвинулась к столу, что, кажется, для этого ей потребовалось поусердней выдохнуть, а её удерживаемая тёмным платьем грудь нависла над аккуратно сложенными на столешнице запястьями. Глядя на это Роман всё ждал, когда она поймёт, что прижалась к краю слишком плотно и это мешает ей дышать... пока не заметил, что её живот неподвижен и вместо этого вздымается её грудь.

— Так и чтобы вы хотели услышать, Роман Павлович? — Даша вновь блеснула в улыбке жемчугом зубов.

— Ох уж этот мне Павлович... — Птачек на мгновение опустил взгляд и со вздохом помотал головой. — Встречу его — убью...

Улыбка девушки немного померкла, вместо её приятного слуху звонкого голоса прозвучал заговорщицкий шёпот:

— Простите... Но вы же понимаете, что если Настя услышит — она может о нас что-то не то подумать?..

Она сказала это так легко, что Романа аж задело. Будто раненному ему захотелось ответить на удар ещё более сильным ударом и он с нажимом, не задумываясь над последствиями заявил:

— Может подумать, что мы с тобой близки, да?.. Согласен, нелепая мысль!

Слова эти были произнесены без злости, даже шутливо, но у Птачека, когда он фразу кончил, создалось ощущение, что он дал пощёчину самому себе.

Даша же отреагировала странно: на мгновение её улыбка стала будто вымученной, а нижняя губа через секунду вообще отвисла. В её глазах появилось непонятное, но вовсе не весёлое выражение и в целом её лицо выразило, будто ей сообщили какую-то тяжкую новость. Длилось это недолго. Вновь приняв беззаботный, даже весёлый вид Даша неожиданно смело и быстро выкинула руку и своим тонким нежным пальчиком ткнула отца одноклассницы в запястье! На мужской коже остался красноватый след от девичьего ноготка.

— Не говорите глупостей, Роман! — Она уставилась на него с шутливой, но в тоже время и неподдельной претензией. — Вы меня раните!

В груди как-то сильнее обычного стукнуло...

Как быстро может меняться настроение человека? Только сейчас Роман чувствовал горечь, но вот раз — и ему хорошо... Живо возразив против такого мрачного заявления, дотронувшись до мужчины, чтобы в шутку наказать, Даша как будто нажала волшебную кнопку и всё — его сердце снова запело! Чувствуя уже только приятно ласкающее тепло, словно слегка одурманен, Роман поглядел на собеседницу, будто только что неудачно пошутил, но вот осознал это и теперь кается.

— Хорошо, Даш, не буду... — Говоря это он держался, чтоб улыбаться глядящей на него девчонке не слишком по-ребячески, хотя о-о-очень хотелось. — Признаю, виновен... Ну так и что у вас там... в школе-то?..

Может быть за этот день, как уже за всю оставшуюся жизнь переволновавшемуся Роману показалось, но Даша словно бы вздохнула с облегчением, хоть и постаралась это скрыть. Чуть отстранившись она вновь сложила руки, точно находится в классе, и взглянула на мужчину чуть отвернувшись, вполоборота.

— Да в принципе-то всё как обычно, ничего примечательного. — Она пожала плечами. — А что бы вы хотели знать конкретно?..

Роман хитро прищурился.

— А о чём бы ты конкретно хотела умолчать?..

Даша снова хихикнула с хрюком в нос... не выдержала и засмеялась в голос! Вместе с её задорным взором на мужчину уставился ещё и её волшебный, воскрешающий душу пальчик.

— Роман... Это в вас говорит следователь?..

Не меня хитрого прищура Птачек со значением медленно моргнул:

— А это в тебе говорит подозреваемая?..

Едва было успокоившаяся Даша рассмеялась вновь! И снова, будто стесняясь своих эмоций, прикрыла губы. С истинным наслаждением Романа смотрел, как она хохочет, как улыбается и смотрит на него с покрасневшими щеками. Решив, что надо хоть немного её успокоить, а то на кухню придёт дочь, уже с более холодным и спокойным тоном он предложил:

— Ну ладно, не будем тебя мучить. Расскажи хотя б про историю с тестом. Как же так вышло, что вас оставили после уроков?..

Точно прочтя его мысли Даша и сама постаралась притихнуть. Не без удовольствия Роман заметил, что это стоило ей усилий.

Шумно вздохнув, от чего её грудь заметно поднялась, девушка взглянула на мужчину уже по-новому, будто надев маску сдержанной, но дружелюбной вежливости. Тон её зазвучал, как ласковое прикосновение.

— Я и сама не знаю, как так получилась, Роман... Павлович. Артур Каримович нас об этом тесте не предупредил, но, вообще-то, он почти никогда этого и не делает. Он... он сам по себе очень требовательный учитель... — На мгновение Даша замаялась; взгляд её упал, а по розовым губам пробежал язык. — Мы с Настей сдали работы первыми и он, видно, решил, чтобы времени не терять, сразу их и проверить.

Роман слушал внимательно и кивал, а когда Даша остановилась, с важным, но как будто не слишком заинтересованным видом поинтересовался:

— Ясно... И что получила Настя?..

Даша открыла рот... но, моргнув, тут же закрыла. Лукаво, однако в тоже время беззлобно на отца одноклассницы поглядев она улыбнулась и помотала головой.

— Нет, Роман Павлович, извините, я вам не скажу. Считайте это нашей с ней солидарностью.

— Вон как... — капитан Птачек приподнял брови. — Солидарность говоришь?..

Даша выдержала его взгляд и не отвернулась. Впрочем и ласково улыбаться она не перестала. Роман показательно сомкнул на столе пятерни пальцами в пальцы, как это делают в фильмах про детективов. Голос его прозвучал с неким намёком:

— Значит своих не выдаёте, да?..

— Неа! — Точно не замечая нагоняемую им атмосферу таинственности Даша бодро помотала головой. — И не просите!

Поглядев на девушку с пристальностью сокола ещё какое-то время... Роман оттаял и уже с мягким одобрением похвалил:

— Молодец. Так держать.

Её улыбка стала шире, а взгляд теплее. Так показалось...

— Ну а сама-то что получила? — Роман вскинул бровь. — Настя сказала, что ты учишься очень хорошо...

— Ну-у-у... — Даша взгляд отвела. — Могла бы и лучше... — Она повернулась обратно. — Но я надеюсь, что справляюсь. Я люблю, чтобы всё было сделано хорошо.

— Это хорошо... когда всё сделано хорошо... — С некой отстранённостью Птачек покивал. — Тавтология какая-то... Так и что ты получила? Хотя, если не хочешь, можешь не отвечать, я не обижусь.

— Я получила тройку, представляете?! — Неожиданно страшно Даша выкатила глаза, будто это не Настя его дочь, а она, и до этого она приносила домой одни пятёрки. — И как такое могло произойти?! Я же люблю Историю! Это один из моих любимых предметов! А тут такое...

— Ну... — Роман двинул плечами, — провалы бывают и у лучших. Иногда не везёт даже профи...

Свои собственные слова заставили задуматься обо ВСЕХ происходящих сейчас событиях... но не успел Птачек прийти к какой-то конкретной мысли, как мелодичный голосок вернул его в реальность:

— Вот и я так считаю. — Глядя на мужчину Даша с готовностью кивнула. — Наверное это просто была какая-то случайность. Я спешила и поставила ответы не там, где хотела. Ну или что-то в том духе...

Сказав это она посмотрела куда-то мимо и словно бы приуныла... однако уже через мгновение её глаза вновь сосредоточились на Романе и в них вскипели такие задор и энергия, точно она сейчас выстрелит из зениц лучами!

— А вообще-то, Роман... Я по Истории круглая отличница! — Даша снова выставила указательный, сейчас вверх. — Я даже выиграла три олимпиады, вот! Хотите меня проверить?!

Такого напора Роман не ждал. Он даже намеревался наконец снова выпить чаю, но лишь уставился на школьницу ошарашенно.

— Хочу тебя чего?..

— Проверить! — Даша вернула руки в строгое ученическое положение. — Задайте мне любой вопрос! По Истории. Или два. Или три! Я отвечу правильно на все и могу даже с вами на что-нибудь поспорить. Ну как — хотите?!

Хочет или нет, но Роман понял, что это неважно. Глаза Даши так горят, так искрятся желанием, что решить против неё — это девушку смертельно обидеть. Изобразив азартный и в тоже время сдержанный интерес он по-особому скривил губы и стал тереть ладони.

— Хочу ли я?.. Спрашиваешь...

— Задавайте! — Даша решительно подняла подбородок, от чего её глаза стали смотреть немного свысока. — Отвечу на что угодно!

— На что угодно?.. — Роман с удивлением округлил глаза. — Хорошо-о-о... Тогда что у меня в правом кармане?..

От возмущения девушка резко выпрямилась.

— Роман Павлович!

— Хорошо-хорошо! — Роман с улыбкой выставил ладони. — Хорошо... Тогда вот тебе первый вопрос... — Он поглядел на собеседницу серьёзней... и невольно облизал пересохшие губы. — В каком году отменили крепостное право?..

— Пфф, легкотня! — Даша небрежно отмахнулась. — Девятнадцатого февраля тысяча восемьсот шестьдесят первого. — Она взглянула на мужчину с требовательностью и категорично заявила: — Вы бьёте холостыми, капитан... Мочите артиллерией!

Вот теперь Роман удивился уже по-настоящему!

— Экие ты выражения знаешь... — Он позволил себе взглянуть на девушку игриво. — Ну ла-а-адно...

Несколько мгновений Даша как имеющий серьёзное преимущество спарринг-партнёр просто с самодовольной ухмылкой наблюдала за ним и ждала. В это время Птачек кусал губу, смотрел на неё в ответ и придумывал вопрос позаковыристее.

— А вот скажи, Дашенька... Когда Пётр Первый основал город на Неве?

Роману казалось что это вопрос достаточно сложный, всё-таки он не про страну в целом а лишь про её кусочек, но Даша — задумавшись лишь на секунду! — выпалила:

— Двадцать седьмое мая тысяча семьсот третьего!

Ожидание, что девушка будет мучиться и ломать голову рухнуло, как карточный домик! Глядя на сияющую, явно всем этим наслаждающуюся Дашу Роман понял, что с ним явно не шутят. Надо спросить что-то по-настоящему трудное... На какое-то время он погрузился в раздумья.

Прождав минуту или чуть дольше откровенно счастливая Даша не выдержала:

— Ну что, Роман — это всё?.. Ну давайте! Бог любит троицу!

— Щ-щ-щ... — Не отрывая взгляда от столешницы капитан Птачек прижал палец к губам. — Не мешай мне думать.

Даша сжала губы, но улыбаться не перестала. Боковым зрением Роман заметил, что в глазах девушки пляшут игривые огоньки.

— Хорошо... тогда... — Он поднял взор. — Тогда скажи... В каком году впервые был пройден Берингов пролив?..

Улыбка Даши застыла, вся она точно вдруг превратилась в фарфоровую статуэтку. Долгое мгновение она продолжала смотреть мужчине в глаза, а затем скрестила руки на груди, взялась за подбородок, опустила взор и стала напряжённо думать.

С облегчением, с тщательно скрытым вздохом триумфа Роман понял, что угодил в десятку! Этот-то вопрос уже явно не из лёгких... Когда-то давно, ещё когда Птачек сам сидел кадетом на уроках, он запомнил его, так как ответ оказался очень уж необычен. Это знание, как забавный анекдот, сохранилось в памяти и оттуда не уйдёт уже, наверное, до самой смерти.

Мысленно досчитав до тридцати Роман простучал пальцами по столешнице и произнёс, будто ни к кому конкретно не обращаясь:

— Если слишком сложно, то ничего страшного — всё-таки эти знания нерядовые... — Ещё немного поглядев на сосредоточенно размышляющую девушку он добавил: — Ты, Даш, уже и так доказала мне, что хотела. Вовсе необязательно...

Словно отзеркаливая мужчину Даша подняла на него серьёзный взгляд и прижала палец к губам. Роман виновато ступешался и помахал ладонью, мол извини, не обращай внимания.

Ещё пару минут они сидели в полном молчании слушая лишь, как тихонечко готовится закипеть чайник. Наконец Даша пальцы от подбородка убрала и неспешно, не слишком уверенно вновь на своего «экзаменатора» взглянула. Как человек, которому отступать некуда а можно только вперёд, она с наигранной твёрдостью заявила:

— Берингов пролив был пройден Семёном Дежнёвым в тысяча шестьсот сорок восьмом, за восемьдесят лет до Витуса Беринга.

Сказав это девушка напряжённо сглотнула и уставилась на мужчину с ожиданием...

У Романа чуть челюсть не отвисла... Да если бы стоял он бы сел! Точно резиновой дубинкой по голове ударенный, не скрывая во взгляде и в голосе потрясения он промямлил:

— Правильно... — И уже в голос: — Правильно, Дашенька! Правильно!

Так же как и он не пряча чувств Даша закрыла глаза и облегчённо выдохнула. Помотав головой она приложила ладонь ко лбу и взглянула на Романа уже с прежней задорной улыбкой.

— Ну вот... А вы сомневались!

Роман ощутил себя по-настоящему опарашенным; в этом состоянии все душевные тормоза отказали и последние слова девушки послышались ему укором. Не сводя с неё восхищённого взгляда он медленно, но страстно замотал головой.

— Я в тебе, Даш, ни на секунду не сомневался... Ни на секундочку! — Продолжая глядеть ей в глаза тихим чувственным голосом он добавил: — Боже... Какая же ты всё-таки умница...

И замолчал, полностью подавленный волшебством момента.

Даша сначала будто не расслышала, но потом до неё докатилось, как через толщу воды. Не сводя своих глаз с его она быстро несколько раз моргнула, её губы приоткрылись. Несколько секунд она будто хотела что-то сказать... но с её уст не сорвалось не звука.

Время потянулось совершенно незаметно. Роману показалось, что в мире перестало существовать всё, кроме этого стола между ними, его и её. Сохраняя всё-таки частичку разума он заметил, что грудь девушки поднимается чаще, её прекрасные персиковые щёки покрыл бордовый цвет, а её глаза... её прекрасные, не сходящие с него околдовывающие глаза... Дашины зрачки увеличились, будто она приняла какой-то жуткий наркотик.

Неожиданно Роман понял, что и сам дышит еле-еле, будто боится спугнуть чудесное. Отпустив глаза девушки взгляд мужчины скользнул на её красновато-розовые разомкнутые, невыносимо притягательные губы...

В разум, как захватчик в разбитые ворота, ворвался пронзительный свист! Капитан Птачек понял, что это чайник, и что свистеть он начал не сейчас, а уже какое-то время...

Даша снова заморгала. Отвернувшись она на краткий миг растерянно опустила взор на колени... а затем, будто поняв, что её что-то беспокоит, оглянулась на плиту.

— Ох... Я совсем забыла...

Девушка поднялась из-за стола и, словно только что проснувшаяся, сделала к плите два неуверенных шага. Стоя к мужчине спиной она молча выключила газ, а взятый её нежной, но настойчивой ладонью чайник залил кипятком подготовленную кружку.

Повернувшись вполоборота и не глядя на отца одноклассницы Даша спешно, путая буквы протараторила:

— Извините... Роман Павлович... что отвлекла. Я лучше пойду... Нам ещё с Настей работу доделывать...

Не кинув на него более и косого взгляда она взяла кружку — на пол упало несколько

торопливых капель. Ступая уже бодрее и держа спину прямо Даша из кухни не вышла, а будто вылетела. В коридоре протопали её мягкие, но скорые шаги, через мгновение щёлкнул замок и стало слышно, как дверь в дочкину комнату хлопнула.

Наступила мёртвая тишина.

Вместе с ней на Романа опустилось и чувство, что сейчас произошло нечто страшное... Ощущая на сердце тяжесть через силу он вдохнул. Ладонь поднялась и неспешно протянулась по всей голове, со лба и до самого затылка. Движимая хозяйской рукой старая истрёпанная книга оказалась отодвинута на край, а сам капитан выставил перед собой ладони, истощённо уронил в них лицо и медленно и мучительно выдохнул.

Прошло ещё не менее получаса прежде, чем из коридора снова послышались звуки. Там открылась дверь и сразу же негромко заговорили девичьи голоса. Отвлёкшись от книги Роман прислушался.

— Всё, я сама завтра отнесу. Можешь не волноваться.

— Да вот я ещё из-за какой-то фигни волноваться буду... Постой, у тебя нитка здесь.

— Где?

— Дай сниму...

Дальше разговор потёк на таких тихих тонах, что если не стоишь возле говорящего, то и не услышишь. Роман вздохнул и попытался чтение продолжить, но уже через пару абзацев сдался и томик отложил. Сцепив пальцы он нахмурился и стал ждать, что же будет следом.

Какое-то время слышались мягкие перешёптывания, затем шорох одежды и звук ударившейся о металлический крючок пуговицы или собачки на молнии. Капитан Птачек хотел встать и выйти, но внутренний голос стал внушать ему, что он не должен, что если Даша захочет — она сама попросит подвезти её, и что если он сделает к ней ещё хоть шаг — это уронит его достоинство...

Сказав себе, что всё это лишь глупости, Роман всё-таки из-за стола поднялся и неторопливо, засунув руки в карманы в коридор вышел.

У входной двери Настя вместе с Дашей. Дочь в своих любимых спортивных штанах и в белой майке с короткими рукавами; в пальцах два упакованных в мультифору листка. Даша только что выпрямила спину, в её руке ложечка, а гладкие и поблёскивающие из-за колготок стопы уже спрятались в сапогах. Случайно задев взглядом вышедшего отца одноклассницы она среагировала, будто увидела неприятного знакомого — сделала вид, что его не заметила. Отложив ложку она протянула руку к пальто.

— Что, девочки — уже закончили?.. — Капитан опёрся плечом о косяк на входе в кухню.

Поведение Даши его зацепило, но он напялил на себя маску спокойного безразличия.

— Да, пап! Слава богу! — Настя повернулась к отцу быстрее, чем пролетела бы пуля. — Ты есть приготовил?!

Такое непосредственное, такое простое... поведение дочери вернуло в сердце капельку тепла. Слабо улыбнувшись Роман одновременно кивнул и моргнул.

— Конечно, родная. Конечно, доченька моя любимая... — Тут до него дошло, что он готовил вообще-то на троих... и эта мысль как бы дала разрешение обратить внимание и на Дашу. — А что — твоя подруга с нами разве не сядет?..

По имени Роман не назвал её специально: ему хотелось увидеть, как девушка отреагирует.

Одевая пальто — впрочем не слишком спешно — Даша ещё раз подняла на него глаза, но сделала это с таким видом, будто ступает по иглам. Взор её оказался лишён всякой радости. Глядя на неё Роман даже подумал, что она либо чувствует себя плохо, либо узнала какую-то страшную новость и сдерживает себя, чтобы вновь не разреветься...

Ну что, что такого он сделал, чтобы так её обидеть?!

— Папа! Я ужасно голодная! — Настя в чувствах махнула ладонью с листками, от чего пластик зашелестел. — Когда уже мы сядем есть?!

— Доченька... — Роман взглянул на своего ребёнка с лёгким укором. — Скоро. Будь чуток терпеливее. Вот и подруга твоя, смотри — тоже, наверное, кушать хочет, но ведёт же себя прилично...

Даша отвела взгляд и от подруги и от её отца и так стояла, пока ни оделась. Поправив меховой воротник она обратила наконец лицо к однокласснице и протянула ладонь.

— Давай. — Её тонкие пальцы приняли листки. — Я отнесу их сама, как и договорились. Не волнуйся...

— А я и не волнуюсь! — Настя не грозно, но уже заметно повысила голос. — И перестань повторять! Ты уже третий раз мне об этом рассказываешь! Заело у тебя что ли?..

Даша взглянула на неё так, будто та заговорила на чужом языке. Лишь спустя несколько мгновений она, точно опомнившись, быстро поморгала и тихо, даже виновато ответила:

— Извини... Наверное я утомилась... Что-то я путаюсь...

Настя сжала губы, упёрла кулаки в бока и неодобрительно помотала головой. Тем временем за спиной дочери Роман глядел на Дашу в некоем оцепенении, с трудом пытаясь угадать: что же он на самом деле видит?..

На лице девушки отпечаток чего-то негативного, тень подавленности... но в сам ли деле она так быстро из-за чего-то угасла или это просто кажется от равнодушия к ней?.. Насколько сам Роман может быть объективен, если в присутствии этой девушки он то воспаряет к небесам, то пикирует в адские глубины?.. Может быть Даша в самом деле утомилась и устала и её поведение сейчас — это просто поведение утомлённого человека?.. В конце концов Роман сам, когда сильно устаёт, становится раздражительным...

Только что смотревшая на одноклассницу с дружеским порицанием дочь в миг поменялась; переменив опорную ногу она взглянула на Дашу живее и с бодростью спросила:

— Слушай! А какой у нас завтра третий?!

Не думая ни секунды та выдала:

— Биология...

— Вот чёрт... — Настя понизила голос. — Биологичка говорила, что будет проводить проверочную. Уже вторая за два дня...

— Да ладно, не переживай. — Слабо, бледно, но, глядя на Настю, Даша немного посветлела. — Если что, я тебе помогу. Просто сядешь ко мне поближе, а там уж что-нибудь придумаем.

Настя хотела сказать что-то ещё, но отец перебил:

— Даш... На улице поздно, темно и холодно. И бродят всякие... Тебя ведь надо подвезти... — Произнося это изо всех сил Роман старался выглядеть выдержанно и бесхитростно. — Или ты собралась уезжать своими силами?..

В груди клокочет противное, отвратительное чувство, что он напрашивается! Что сам клянчит! И ещё более мерзко оно от того, что, спрашивая, он приготовился услышать «нет»: видно же, что его присутствие её напрягает... Но предложить такое надо хотя бы из

вежливости.

Только что Даша глядела на Настю и бледно ей улыбалась... но теперь милая дуга на её губах вновь померкла. Глаза девушки мазнули по мужчине и тут же сбежали, а её уста сжались и разжались, то ли сляясь что-то произнести, то ли наоборот удержать, что не должно быть сказано.

Дочь взглянула на подругу с удивлением. Будто только сейчас вспомнив, что автобусы уже давно не ходят, что с самого отъезда со школы было решено, что Дашу домой вернёт её отец она устала на пальто и сапоги одноклассницы, точно до этого их не видела.

— Даш — а чего-это ты в самом деле?.. Ты чего — стесняешься?.. Да папа доведёт тебя, ему ведь запросто! Верно, пап?.. Я тебя чего-то не пойму... Чего-то ты сегодня вечером какая-то совсем чудная...

Взгляд Романа как-то сам собой сполз и застрял на полу, посредине меж ним и девочками; секунды потянулись, как кисель. Сделав три глубоких, но тихих вдоха он снова взор поднял и сосредоточился на всё ещё стоящей к нему боком молодой гостье.

Глядя мимо мужчины Даша держится теперь с лицом, кажется, полностью лишённым эмоций. Во взгляде её некое отчуждение, отсутствие мысли; губы сжаты в сухую линию. Только по горлу, если приглядится, еле заметно прокатился комок.

— Дда... Да, наверное вы правы, Роман Павлович. Что-то я не подумала... — Сказав это она отвернулась от него уже полностью. Её изящные руки потянулись к меховой шапке и сумке и, взяв их, плавно переместились к животу. — Я выйду на улицу. Мне, должно быть, нездоровится... Подожду у подъезда.

Уверенно, ни секунды дольше не медля Даша отворила дверь и вышла, тут же за собой закрыв. Из подъезда долетели звонкие, удаляющиеся вниз удары каблучков о бетон.

Настя проводила подругу теперь уже взглядом задумчивым и озабоченным. В голосе её прозвучало волнение:

— Что-то она совсем расклеилась... Наверное, пока мы занимались, она о матери вспомнила... Пап — как ты считаешь?..

Слова дочери прозвучали, как гром среди ясного неба! Ну конечно! У Даши и без него, дурака, есть, о чём переживать! Ну разумеется! Почему он об этом не подумал?!

И да — значит дочь тоже в курсе...

Отвечая Роман сделал голос серьёзным и авторитетным:

— Не знаю, доченька. Может быть... А ты ничего о её маме нового не слышала?.. Даша сегодня тебе ничего не говорила?..

— Нет. — Настя повернулась к отцу и помотала головой. — Об этом она обычно умалчивает. Но и ничего плохого тоже ведь не говорит... Может опять что-то случилось, а она просто скрывает?..

Общаясь сейчас с дочерью уже больше не как отец, а как бывалый следователь с новичком Роман важно кивнул и потёр подбородок.

— А вот это, дорогая, очень даже возможно. Видишь, какая у тебя подруга?.. Всё плохое в себе держит, других людей не хочет расстраивать. Так что да, вполне, если у неё горе, может об этом и не говорить...

На краткое мгновение они оба, погружённые в раздумья, замолчали... однако Роману быстра пришла в голову картина, где Даша стоит на улице и мёрзнет, его дожидаясь. Птачек спешно отмер и решительно зашагал мимо дочери к вешалке.

— Ладно, как-нибудь выясним! — Он расторопно накинул куртку. — Ты, Настён, если

хочешь, садись кушать без меня! Не жди!

Глядя, как отец торопливо одевается, Настя в недоумении развела руками.

— Пап, ты чего?! Мы же почти всегда с тобой вместе ужинаем!

Обувшись, Роман выпрямился и поглядел на своё чадо с тёплой улыбкой.

— Ну я же сказал, — он снова притянул её за голову и поцеловал во вкусно пахнущую макушку, — если хочешь. Конечно я не буду против, если ты меня дождёшься!

На этот раз не став отстраняться Настя лишь подняла лицо и взглянула на родителя с просьбой.

— Только пожалуйста, пап — не задерживайся.

— Обещаю! — Радуюсь, что дочь из его объятий не выпутывается, Роман с удовольствием поцеловал её макушку опять, с особым наслаждением смакуя вкусный, пусть и слегка поблёкший за день аромат её волос. — Буду как можно скорее!

Родительские руки Настю отпустили, перед её взором возникла его покрытая зимней курткой спина. Открыв дверь Роман ещё раз взглянул на дочку с улыбкой. И вышел. До Насти долетели удаляющиеся вниз теперь уже и его шаги.

Пока спускался Роман успел поменять два настроения: нет, всё-таки Даша именно из-за него приуныла, надо попытаться выяснить причину... Да нет же, чушь какая-то! Он ведь ничего дурного не сделал! Значит дочь права и она просто переживает за что-то своё. Например за мать... Когда наконец подошёл вплотную к подъездной двери Птачек уже чуть ли не со злостью приказал себе выбросить из головы весь мусор и просто плыть по течению, как получится. Чего лишнего раз трепать себе нервы?.. Будь что будет!

Кнопка на домофоне неприятно засигналила. Массивная дверь вздрогнула и поддалась. Отворив её и переступив порог капитан сразу упёрся взглядом в почти сплошную черноту; в лицо ему ударил прежний, наверное, всё это время дожидавшийся его холодный ветер.

Над козырьком подъезда горит фонарь, но свет его бледен, словно вместо уличной лампочки кто-то вкрутил обыкновенную домашнюю. Чуть освоившись взгляд поймал стоящую тут же на крыльце фигуру.

Даша выделяется идеально прямой спиной и приподнятым подбородком. Её глаза смотрят вверх, в ночное небо. Мороз такой, что при каждом выдохе над ней поднимается столбик пара. Длинные каштановые локоны падают на плечи и пушистый воротник пальто, а в её тонких руках тёмная меховая шапка, которую она так и не надела. Лишь сумка заняла своё законное место, устроившись у девушки подмышкой.

Железная дверь закрылась с тихим, сглаженным доводчиком стуком. С недовольством поглядев на юную непокрытую голову Роман захотел сделать замечание... но не стал. На какое-то время он просто встал от девушки на два шага позади и тоже поднял взгляд вверх, к прячущимся за тучами звёздам.

Тишина...

Голос Даши прозвучал настолько умиротворённо, что капитан не сразу понял, что это не часть природной музыки:

— Извините за сцену, там, наверху... — Высказываясь Даша продолжила стоять спиной мужчине и глядеть на звёзды. — Я не понимаю, что на меня нашло. Просто мне... Не знаю... Я... Я почему-то вдруг почувствовала себя с вами так некомфортно...

Странно, но эти слова вовсе не досадили. Также не глядя на девушку а видя лишь звёзды Роман ответил:

— Не нужно извиняться. Мало ли что кому из нас порой в голову приходит...

Даша резко повернулась и в её взгляде, в остром отличии от её только что тихого голоса, обозначилась явная требовательность.

— Так вы на меня не сердитесь?.. — Весь её вид стал недоверчивым, словно она разговаривает с известным лжецом. — Вы не в обиде?..

Наверное какая-то магия, какой-то дух придал Роману сил, так как ему ничего не стоило с неподдельной искренностью ответить:

— Ну разве могу я на тебя сердиться?..

Даша напряжённо моргнула, из её приоткрытых губ вырвалось новое облачко. Не совсем понятно, хочет ли она что-то сказать или же в голове этой девчонки вообще сейчас ничего нет, но Роман не стал дожидаться. Первым сделав шаг он кивнул ей за собой и произнёс:

— Пойдём. На улице холодно, а ты тут без шапки дрогнешь.

И свободно, ничем не тяготясь побрёл к машине.

Первые несколько секунд капитан Птачек слышал лишь собственные шаги, но вскоре к ним присоединились поспешные перестукивания каблучков. Даша нагнала мужчину и пошла от него по левую руку. Так как смотрел вперёд Роман видел её лишь искоса, но он всё-таки заметил, что девушка идёт с полуопущенной головой, точно боится споткнуться.

Старенький «форд» привычно подмигнул, замки щёлкнули. Протянув руку к водительской двери Роман спокойно обронил: «Садись, куда хочешь», и сам тут же устроился за рулём. Двигатель зарычал с недовольством разбуженного зверя. Занятый показаниями оживших приборов правым ухом Птачек слышал, как дверь совсем рядом открылась и, спустя момент легчайшего проседания пружин, закрылась. Правую щёку лизнуло холодком. Минуты две или три среди механического рычания капитан просто сидел и смотрел то на собственные руки на руле, то на погружённый в темноту двор. Посчитав наконец, что теперь вреда механике много не будет, он снял ручник. Выкрутив колёса автомобиль помчался со двора.

Вырулив на Советскую Роман подумал и повернул не налево, на привычную уже дорогу по Мира, а направо, где дальше пролегает Комсомольская. Несколько дней назад он в минуту скуки продумывал новый маршрут до Победы тринадцать и сейчас как раз решил его опробовать.

На улицах ночного города почти никого, лишь редкая попутка мелькнёт огнями и либо обгонит, либо скроется за поворотом. До самого конца Роман не хотел поворачиваться направо, но неожиданный звук падения и девичье «Ой!» заставили его передумать.

На коленях Даши трясётся раскрытая сумка, сама же девушка нагнулась и шарит в темноте по полу, что-то ищет.

Роман вернул взгляд на дорогу. Не нужно, не нужно отвлекаться на эту девчонку! Долой её из головы! Долой!

Точно протестуя против хозяина нос вновь уловил чудесный аромат, теперь уже навсегда, наверное, памятью связанный с этой... лисой. Чувствуешь его и тебе хочется вдыхать полной грудью. Не можешь надышаться! Посопротивлявшись совсем недолго Роман всё-таки сдался и снова склонился направо.

Послышался тонкий металлический звяк... Даша остановилась и взглянула в темноту на находку; через мгновение она выпрямилась, её зажатая ладонь явилась на свет — в пальцах поблёскивает набор ключей.

Посмотрев на них девушка перевела взгляд на мужчину. Роман прямо-таки почувствовал

это, как дуновение по коже! А ещё краем глаза он заметил, что Даша сжала ключи сильнее, словно они могут улететь, а её губы дрогнули, точно готовясь что-то произнести...

Помявшись и, видно, так на это и не осмелившись, Даша спрятала ключи в сумку и вернула взор на дорогу.

Советская свернула на Комсомольскую и эта маленькая двухполосная улочка потянулась мимо приземистых домов и гаражей, как тёмный тоннель, из которого только один выход. Горящие фонари убегают за окном, а в небе — вот же зима выдалась! — кажется снова начинают кружить снежинки.

Управляя Роман упрямо боролся с желанием посмотреть на Дашу снова — но этого нельзя сделать незаметно... Может что-то ей сказать?.. Облизав пересохшие губы он сделал попытку быстро придумать и вымолвить нечто важное, но вдруг упёрся в пустоту в голове, как в стену. Несколько мгновений он сжимал и разжимал губы всё-таки надеясь что-то сочинить, но потом просто сдался и дальше вёл в полном молчании глядя только вперёд.

Комсомольская вильнула на Победы и там старенький «форд» пронёсся по знакомому маршруту уже в считанные минуты. Тринадцатый дом быстро оказался в перекрестье автомобильных фар.

Зарулив во двор Роман прокатился до второго подъезда и выжал тормоз. Несколько молчаливых мгновений он глядел на свои пальцы на руле и кусал нижнюю губу. Под конец пути у него снова возникло неприятное, до боли отвратительное ощущение, что происходит нечто дурное; что он должен, просто обязан что-то сделать, достичь, предпринять — иначе случится непоправимое...

Чувствуя, что его сердце вновь начинает бешено колотиться, Роман буркнул:

— Ну вот мы и приехали...

Уже не таясь он тяжело и неприкрыто уныло вздохнул и повернул голову к спутнице: Даша смотрит на дверную ручку, как загипнотизированная. Её ладонь приподнялась, чтобы открыть... но опустилась и сжалась в кулачок.

Будто только сейчас услышав его, с милой, но немного печальной улыбкой девушка перевела взгляд на мужчину, а её мелодичный, но тоже грустный голос пропел:

— Да, в самом деле. Приехали...

Встретившись вновь, как и тогда на кухне, их взгляды вцепились друг в друга, как намагниченные. Роман почувствовал, что его сердце колотится всё быстрее и быстрее, словно он с задержанным дыханием спринтует в гору. Вдохи и выдохи его стали настолько частыми, что слышно на весь салон. Как во сне медленно Роман выпрямил спину и уселся так, что его грудь оказалась напротив Даши. Будто был под каким-то хмелем он только сейчас осознал, что она смотрит на него тоже и её прекрасное лицо застыло, как маска человека, ставшего свидетелем удивительного... Даша тоже выпрямилась, держит осанку, от чего её грудь слегка выпячивает. Её ладони лежат на коленях одна на другой, и весь её вид — это скульптура пристойности и в тоже время поэзии девичьего тела. Однако лицо... Однако глаза... Даша глядит прямо на него, да так настойчиво и так пристально, словно заколдованная, словно не может ни моргнуть ни отвернуться. Даже при слабом освещении лик её светел и будто лишён эмоций, вот только зрачки опять такие большие, будто она напугана, будто с шоком смотрит внезапно выпрыгнувшего перед ней волка, а грудь её вздымается уже так часто, точно она от этого волка в панике бежит.

Глядя сейчас на эту девушку Роман почувствовал необыкновенное, но одновременно с этим показавшееся ему самым естественным на свете чувство: в секунду он ощутил себя и

сильнейшим, самым могучим на свете мужчиной!.. И рабом. Бесправным, побеждённым и разгромленным. Рабом силы, что гораздо, гораздо сильнее даже самого могучего на свете разума.

Всё... Это крах. Последние силы тают, держаться нету больше мочи. Этот бой он не выдержал, он больше не может. Он подбит, он проиграл. Он сдаётся.

Протянув ладонь Роман с заметным трепетом, но ни на секунду дольше не задумываясь коснулся Дашиной щеки. Девушка вздрогнула, её будто ужалило током! Однако через пальцы, через свою мужскую грубую кожу, трепетно и в тоже время жадно ласкающую тёплую девичью щёку Роман почувствовал, что при всей кажущейся своей лёгкости Дашу, так магнетически смотрящую на него Дашу, этого ангела с манящими, приоткрытыми нежными губами сейчас не смог бы забрать отсюда ни ангел, ни демон...

Пальцы скользнули за девичий затылок. Ладонь ощутила нечто столь нежное, мягкое и тёплое, чего она уже давно не знала. Как по колдовству, по чужой, намного более могучей, однако исходящей откуда-то изнутри воле Роман переменял трепетность на преобладание. Пальцы сами сжались на меховом воротнике. Каким-то образом сочетая и нежность к хрупкому, застывшему в его руках существу, и неукротимую, не желающую знать протестов властность, с горячо и шумно бьющемся сердцем он потянулся сам и одновременно потянул девушку к себе. Даша поддалась легко. В этот сокровеннейший из моментов она стала в его руках самой послушной, самой отзывчивой... и самой страстной!

Их губы встретились. Оба ощутили на устах горячий, влажный, невыносимо сладостный вкус! Роман понял, что делает, полностью осознавал, что он падает, падает в пропасть! Сам бросает себя на гибель! Но эта сила, идущая изнутри, эта страсть... Плевать на всё! Певать! Всё — ничто! Есть только этот прекраснейший из моментов! Единственно! Это он настоящий а остальные ложные! Нет ничего приятнее и желаннее того, что происходит СЕЙЧАС! И нет уже сил изображать порядочность. Эта девушка сводит его с ума — и он готов сойти! Если это безумие, то пусть никогда больше он не станет нормальным!

Начавшийся ласково и мягко очень быстро поцелуй стал жадным, ненасытным, бурным! Неловкость, ещё попискивавшая откуда-то с окраины сознания, получила по голове и заткнулась. Чувствуя, что Даша отзывается на каждое его движение, что её губы страстно ищут и, находя, смакуют его губы Роман переменял позу и они вместе, не нарушая голодного соития наклонились. Теперь получилось, что он целует Дашу запрокинув ей голову. Целует жадно, никак не может и не желает насытиться. Проведший страшные дни и чудом выживший в пустыне путник мог бы так же пить и никак не напиться.

В какой-то момент губы их стали заторможеннее... и наконец разлучились. Оба глубоко и шумно, глядя друг на друга задышали. На щеках и на шее они почувствовали горячее и частое дыхание друг друга. Руки их стали понемногу ослабевать, расходиться. В неуловимый, но будто заранее оговорённый миг они отстранились и посмотрели друг на друга, точно спрашивая: «Что это сейчас произошло?..»

Глядя на мужчину взбудоражено Даша задышала ещё чаще и громче, а её движения до неловкости зашпешили. Нашупав ручку девушка дёрнула её и толкнула — в салон тут же ворвалась стужа и всё тепло, что ещё сохранялось, убежало. С полуоткрытыми влажными губами и широкими взволнованными глазами ещё секунду или две Даша смотрела Роману в глаза, а затем торопливо отвернулась и вышла.

Не оборачиваясь она заторопилась к подъезду. С замершим сердцем Птачек глядел, как девушка дёрнула входную дверь и скрылась где-то там в полутьме, теперь уже недоступная

для него... Сбежавшая от него.

Глаза закрылись сами собой. Спрятав лицо ладонями капитан тяжело вздохнул и с размаху бахнулся затылком об подшейную подушку. Стянув пятерни Роман веки размежил; его взгляд снова, как и пятнадцать минут назад упёрся в небо, сейчас уже затянутое поволокой падающих снежинок. Со всё ещё разожжённых, ещё помнящих нежные девичьи губы уст сорвалось:

— Какой же я дурак... Я покойник.

Больше книг на сайте - Knigoed.net